This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

TAYLOR INSTITUTION

Confined to Library

B. PG2904. P185

531984

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

32.314

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАВАЕМЫЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко

подъ редакціею Н. Костомарова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

СКАЗАНІЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И ПРИТЧИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

4839

Digitized by Google

TAYLOR INSTITUTION
DOMINUS ILLUMINATIO MEA

Confined to Library

B. PG2904. P185

531984

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

K. k. Universitätsbibliothek

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГРАФОМЪ ГРИГОРІЕМЪ КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. КОСТОМАРОВА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

СКАЗАНІЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И ПРИТЧИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

KSIĘGOZBIÓR WAZ. I. BKO

№ 4839.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ. Сентября 3-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать позволяется. Сентября 3-го 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій.*

TAYLOR INSTITUTION LIBRARY 30 JUL 1953 UNIVERSITY OF OXFORD

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

На углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта, въ домѣ Котомина, № 2.

553

Digitized by Google

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, кажется, уже созрѣло сознаніе, что, для уразумѣнія смысла исторіи, недостаточно однихъ повѣтствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни, и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ, невозможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція Русскаго Слова признала небезполезнымъ, при своемъ журналѣ, печатать, въ видѣ приложеній, памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большею частію до сихъ поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, нерѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлію, издатель Русскаго Слова поручилъ профессору санктпетербургскаго университета Костомарову, въ текущемъ 1860 году, въ видѣ приложенія къ Русскому Слову составить сборникъ памятниковъ, раздѣленный для удобства на два выпуска, и заключающій сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Горе-злочастіе.
2. Повѣсть о посадникѣ Новгородскомъ Щилѣ (въ двухъ варіантахъ).
3. Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи (въ трехъ варіантахъ).
4. Легенда о Мароѣ и Маріи (въ двухъ варіантахъ)
5. Повѣсть объ Ульяніи Муромской.
6. Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ.
7. Сказаніе о старцѣ, низведшемъ дождь съ неба (съ отмѣнами по другому варіанту).
8. Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ варіантахъ).
9. Легенда о двухъ сапожникахъ.
10. Легенда о покаяніи князя (въ двухъ варіантахъ).
11. Повѣсть о грѣшной матери (въ двухъ варіантахъ).
12. Видѣніе мукъ грѣшницы во адѣ.
13. Легенда о временномъ посѣщеніи ада.
14. Легенда о прельщенномъ инокѣ.
15. Легенда объ умерщвленномъ младенцѣ.
16. Легенда о братствѣ.

Digitized by Google

17. Легенда о св. Георгіи.
18. Легенда о купцѣ.
19. Легенда о происхожденіи винокуренія.
20. Легенда о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу.
21. Легенда объ игрокѣ.
22. Легенда о ляхѣ и пресвитерѣ.
23. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи (съ отмѣнами по другому варіанту).
24. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ (въ двухъ варіантахъ).
25. Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ.
26. Сказанія о бѣсовскихъ искушеніяхъ (числомъ семь).
27. Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ.
28. Легенда объ оживленной курицѣ.
29. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (съ отмѣнами по другому варіанту).
30. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ.
31. Повѣсть о побѣдѣ Новогородцевъ надъ Суздальцами.
32. Повѣсть о путешествіи Іоанна Новогородскаго.
33. Легенда о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ.
34. Повѣсть о построеніи Благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ.
35. Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ.
36. Новгородскій судъ и св. Варлаамъ.
37. Пророчество св. Варлаама.
38. Видѣніе пономаря Тарасія.
39. Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ (съ отмѣнами по другому варіанту).
40. Бесѣда Іерусалимская.
41. Повѣсть о семи багатыряхъ.
42. Сказка объ Иванѣ пономаревичѣ.
43. Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ.
44. Сказка о царѣ Даріанѣ.
45. Повѣсть о Дмитріѣ кіевскомъ купцѣ и его сынѣ (въ двухъ варіантахъ).
46. Повѣсть о премудромъ Акирѣ (въ двухъ варіантахъ).
47. Повѣсть объ иверской царевнѣ Динарѣ.
48. Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи.
49. Повѣсть о градѣ Вавилонѣ.
50. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ.
51. Повѣсть о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ.
52. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.
53. Прѣніе о вѣрѣ.
54. Отрывокъ повѣсти о молодцѣ, о его конѣ и саблѣ.
55. Отрывокъ повѣсти о Михаилѣ Скопинѣ Шуйскомъ.
56. Легенда о кровосмѣсителѣ (въ трехъ варіантахъ).
57. Легенда о происхожденіи табака.
58. Притча о витязѣ и о смерти (въ двухъ варіантахъ).
59. Притча о хмѣлѣ.
60. Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ.
61. Притча о бражникѣ и старая застольная пѣсня.
62. Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи.
63. Притча о женской злобѣ.
64. Притча о корыстолюбцѣ.

Эти памятники извлечены изъ рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ санктпетербургскихъ публичныхъ книгохранилищахъ, а нѣкоторые сообщены частными лицами. Редакція, принося благодарность всѣмъ, оказавшимъ ей участіе, поставляетъ долгомъ изъявить особенную признательность г. директору Императорской Публичной Библіотеки Барону М. А. Корфу, г. директору Румянцовскаго музея князю В. Ѳ. Одоевскому, г. библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкову, за радушное содѣйствіе, оказанное ими при извлеченіи памятниковъ изъ рукописей, и профессору Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. И. Буслаеву за дозволеніе помѣстить нѣсколько памятниковъ изъ принадлежащаго его библіотекѣ сборника, составляющаго истинную драгоцѣнность для цѣнителей старинной русской письменности. О памятникахъ, извле-

Digitized by Google

ченныхъ изъ рукописей публичной Библіотеки и Музея, если при заглавіи ихъ не означено къ какому вѣку принадлежатъ списки, изъ которыхъ они извлечены, слѣдуетъ разумѣть, что они печатаются со списковъ XVII вѣка. Редакція старалась, по возможности, сохранить способъ правописанія списковъ со всѣми уклоненіями, допуская, однако, для уразумѣнія смысла, разстановку слитыхъ вмѣстѣ частей рѣчи, употребленіе обычныхъ знаковъ препинанія и, для избѣжанія двусмысленности, замѣну однозвучныхъ буквъ другими, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалось недозволительнымъ всякое измѣненіе, которое касается выговора. Буквы ѧ и ѩ сохранены только въ памятникахъ по древнѣйшимъ спискамъ; въ другихъ, при совершенной произвольности ихъ постановки въ памятникахъ, онѣ замѣняются буквою я. Въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ удержана буква ѧ — буквою я замѣнено ѩ, и, напротивъ того, гдѣ удержено ѩ, — я замѣняетъ ѧ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются явныя описки, мѣшающія смыслу, рядомъ въ скобкахъ поставлены правильныя формы. Нѣкоторые памятники снабжены примѣчаніями, по мѣрѣ представленія къ тому поводу.

При выборѣ памятниковъ для печати принималось правиломъ помѣщать преимущественно русскія оригинальныя произведенія, допуская, однако, и такія, которыя первоначально могли быть и чужеземнаго происхожденія, но усвоены народнымъ вкусомъ и приняли на себя характеръ русской народности. Вообще же въ этомъ собраніи допускалось и будетъ впередъ допускаться то, что представляетъ матеріалъ къ разъясненію прошедшей народной общественной и домашней жизни, понятій и вѣрованій народа.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТІИ И КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

(Имп. Публ. Библ. рукоп. Погод. древлехран. № 1773.)

Изволеніемъ Господа Бога и Спаса Нашего,
Іисуса Христа Вседержителя,
отъ начала вѣка человѣческаго....
а въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворилъ небо и землю,
сотворилъ Богъ Адама и Евву;
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
далъ имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прельстился Адамъ со Еввою,
позабыли заповѣдь Божію,
вкусили плода винограднаго
отъ дивнаго древа великаго, —
и за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
и изгналъ Богъ Адама со Еввою
изъ святаго раю изъ едемскаго,
и вселилъ ихъ на землю на низкую,
благословилъ ихъ раститися-плодитися,
и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
отъ земныхъ плодовъ.... (1)

(1) Вѣроятно, слѣдуетъ *питатися*.

Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
велѣлъ онъ бракомъ и женитбамъ быть
для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
вначалѣ пошло непокорливо,
ко отцову ученію зазорчиво,
къ своей матери непокорливо, (2)
и къ совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы добрубожливи (?)
а на безуміе обратилися,
и учали жить въ суетѣ,
и въ правдѣ вечеркие (3) великое, (?)
а прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
положилъ ихъ въ напасти великія,
попустилъ на нихъ скорби великія
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопостатныя находы,
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету,
и недостатки послѣдніе,
все смиряючи насъ наказуя,
и приводя насъ на спасенный путь.

(2) Вѣроятно, *непослушливо*.
(3) Срезневскій читаетъ это слово: *въ вечерине* (Изв. Акад. 1856).

Digitized by Google

Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери,

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ безлобіи,
и возлюбили его отецъ и мать;
учить его учали, наказывать,
на добрыя дѣла наставлять: (4)

»Милое ты наше чадо!
»послушай ученія родительскаго,
»ты послушай пословицы
»добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
»не будетъ тебѣ нужды великія,
»ты не будешь въ бѣдности великой:
»не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
»не садися ты на мѣсто большее;
»не пей, чадо, двухъ чаръ за едину.
»Еще, чадо, не давай очамъ воли;
»не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ
отеческія дочери....
»Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное; (5)
»не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
»чтобы глупыя на тя не подумали,
»да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ, (6)
»не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
»и племени укору и поносу бездѣлнаго.
»Не ходи, чадо, къ костаремъ (7) и корчемникамъ;
»не знайся, чадо, зъ головами кабацкими;
»не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
»не думай украсти-ограбити,
»и обмануть-солгать и неправду учинить.
»Не прельщайся, чадо, на злато и сребро;
»не збирай богатства неправаго;
»*не* (8) буди послухъ лжесвидѣтельству,
»а зла не думай на отца и матерь
»и на всякаго человѣка, —
»да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
»Не безчествуй, чадо, богата и убога,
»а имѣй всѣхъ равно по единому;
»а знайся, чадо, съ мудрыми,
»и *съ* (9) разумными водися,
»и зъ друзи надежными дружися,
»которыи бы тебя злу не доставили.«

Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глупъ,
не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разуномъ;
своему отцу стыдно покоритися,
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятдесятъ рублевъ,
залѣзъ (10) онъ себѣ пятдесятъ друговъ;
честь его яко рѣка текла;
друговя къ молодцу прибивалися,
родъ-племя причиталися (11).

Еще у молодца былъ милъ-надеженъ-другъ —
назвался молодцу названой братъ;
прельстилъ его рѣчми прелестными,
зазвалъ его на кабацкой дворъ,
завелъ его въ избу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена-вина,
и кружку поднесъ пива пьянаго,
самъ говоритъ таково слово:

»Испей ты, братецъ мой названой,
»въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
»Испей чару зелена вина,
»запей ты чашею меду сладкова;
»хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
»вино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
»надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.

(4) Вѣроятно слѣдуетъ *наставливать*.
(5) Закатное, малоросс. точити, польск. tocić się — катиться, въ такое мѣсто, гдѣ падаютъ пьяницы.
(6) Одеждъ.
(7) Игрокамъ въ кости.
(8) *Не* недостаетъ въ подлинникѣ.
(9) *Съ* недостаетъ въ подлинникѣ.
(10) Нашелъ — слово, очень извѣстное въ старомъ русскомъ языкѣ. Польское znaleść.
(11) Вѣроятно, здѣсь пропущенъ предлогъ *въ*; слѣдовало бы: *въ родъ-племя причиталися*.

Digitized by Google

»Я сяду стеречь и досматривать:
»въ головахъ у тебя, мила-друга,
»я поставлю кружку ишему сладкова, (12)
»вскрай поставлю зелено-вино,
»близь тебя поставлю пиво пьяное,
»сберегу я, милъ-другъ, тебя на-крѣпко,
»сведу я тебя ко отцу твоему и матери.«

Втѣпоры молодецъ понадѣялся
на своего брата названого;
не хотѣлося ему друга ослушатца;
принимался онъ за питья за пьяныя,
и испивалъ чару зелена-вина,
запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
и пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
понадѣялся онъ на брата названого.

Какъ будетъ день до вечера а солнце на западѣ,
отъ сна молодецъ пробужаетца,
втѣпоры молодецъ озирается:
а что (13) сняты съ него драгіе порты,
чары (14) и чулочки все посниманo,
рубашка и портки все слуплено,
и вся собина (15) у его ограблена,
а кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
онъ накинутъ гункою (16) кабацкою,
въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.

И вставалъ молодецъ на бѣлыи ноги,
учалъ молодецъ наряжатися:
обувалъ онъ лапотки (17),
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
умывалъ онъ лице свое бѣлое;
стоя, молодецъ закручинился,
самъ говоритъ таково слово:

»Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
»ясти-кушати стало нѣчево!
»какъ не стало деньги, ни полуденьги,
»такъ не стало не друга, не полдруга;
»родъ и племя отчитаются,
»всѣ друзи прочь отпираются!«

Стало срамно молодцу появитися
къ своему отцу и матери,
и къ своему роду и племяни,
и къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.

Пошелъ онъ на чюжу страну, далну-незнаему,
нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ — что высокъ теремъ,
а въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
крестилъ онъ лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ,
билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведетъ онъ все по писанному ученію,
емлютъ его люди добрыя подъ руки,
посадили его за дубовой столъ,
не въ большее мѣсто не въ меньшее, —
садятъ его въ мѣсто среднее,

(12) Въ рукописи было *кружку пива*; слово *пива* обведено кавычками, потомъ написано *ишему*.

(13) Не *ажно* ли?

(14) Черевики.

(15) Имущество. Слово, употребительное зъ старыхъ актахъ — *собинная рухлядь*.

(16) Отрепья, собственно кусокъ грубаго холста. У малороссійскихъ козаковъ *гуня* называлась конская попона. Богатыри нашихъ былинъ надѣваютъ иногда *гуню*.

(17) Вѣроятно пропущено *отопочки*, какъ выше сказано.

Digitized by Google

гдѣ сѣдятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца, —
молодецъ на пиру не веселъ сѣдитъ,
кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
а не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшитца,
и ничѣмъ на пиру не хвалитца.

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»Что еси ты, доброй молодецъ,
»зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
»кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
»ни пьешь ты, ни тѣшишься,
»да ни чѣмъ ты на пиру не хвалишься?
»Чара ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
»или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
»или милые ([18]) дѣти тебя изобидѣли?
»или глупые люди немудрыя
»чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
»или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?«

Говоритъ имъ, сѣдя, доброй молодецъ:

»Государи вы, люди добрые!
»Скажу я вамъ про свою нужду великую,
»про свое ослушаніе родителское,
»и про питье кабацкое,
»про чашу медвяную,
»про лестное питіе пьяное.
»Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
»ослушался язъ отца своего и матери:
»благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
»Господь Богъ на меня разгнѣвался,
»и на мою бѣдность вели великая (?)
»многія скорби неисцѣльныя,
»и печали неутѣшныя,
»скудость и недостатки и нищета послѣдняя....
»Укротила скудость мой рѣчистой языкъ;
»изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
»ради того мое сердце не весело,
»а бѣлое лицо уныливо,
»и ясныя очи замутилися;
»все имѣніе (?) и взоры у мене измѣнилися;
»отечество ([19]) мое потерялося,
»храбрость молодецкая отъ мене миновалася!
»Государи вы, люди добрые!
»скажите и научите, какъ мнѣ жить
»на чюжей сторонѣ, въ чюжихъ людехъ,
»и какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ?«

Говорятъ молодцу люди добрые:

»Добро еси ты, и разумный молодецъ!
»Не буди ты спѣсивъ на чюжей сторонѣ:
»покорися ты другу и недругу,
»поклонися ты стару и молоду,
»а чюжихъ ты дѣлъ не объявливай,
»а что слышишъ или видишъ — не сказывай!
»не льсти ты межь други и недруги;
»не имѣй ты упадки вилавыя ([20]),
»не вейся зміею лукавою;
»смиреніе ко всѣмъ имѣй,
»и ты съ кротостію держися истины съ правдою.
»То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
»Первое тебе люди овѣдаютъ
»И учнутъ тя чтить и жаловать
»За твою правду великую,
»За твое смиреніе и за вѣжество;
»Будутъ у тебя милыя други,
»Названыя братья надежныя.«

([18]) Вмѣсто *милые* вѣроятно слѣдуетъ читать *малые*.

([19]) Въ смыслѣ достоинства, то есть: я потерялъ право быть величаемымъ по отчеству, какъ честный и добропорядочный человѣкъ.

([20]) Смыслъ этого неупотребительнаго теперь выраженія, вѣроятно, таковъ: не пресмыкайся предъ другими коварно. *Вилавый* — можетъ быть, вилявый. *Упадка* — отъ глагола упадать, въ смыслѣ кланяться. Малороссіяне о хитромъ, уклончивомъ человѣкѣ, говорятъ: *лестью упадае*.

Digitized by Google

И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону
и учалъ онъ жити умѣючи;
отъ великаго разума наживалъ онъ живота болшы
старова,
присмотрилъ невѣсту себѣ по обычаю, —
захотѣлося молодцу женитися.
Средилъ молодецъ честенъ пиръ
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.

И по грѣхамъ молодцу,
и по Божію попущенію,
а по дѣйству діяволю,
предъ любовными своими гостьми и други
и назваными браты похвалился
(а всегда гнило слово похвальное:
похвала (21) живетъ человѣку пагуба):
наживалъ-де я, молодецъ, живота больши старова! —

Подслушало Горе-Злочастіе хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:

»Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
»не хвастай своимъ богатествомъ;
»бывали люди у меня, Горя,
»и мудряе тебя и досужае,
»и я ихъ, Горе, перемудрило.
»Учинися имъ злочастіе великое:
»до смерти со мною боролися;
»во зломъ злочастіи позорилися;
»не могли у меня, Горя, уѣхати,
»наки (?) (22) они во гробъ вселились;
»отъ мене на крѣпко они землею накрылись,
»босоты и наготы они избыли,
»и я отъ нихъ, Горе, миновалось,
»а Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!

(21) Т. е. похвальба, самохвальство.

(22) Срезневскій читаетъ слово *нами* и объясняетъ — лишь только, едва.

»Еще возграяло (23) я, Горе, къ инымъ привязалось:
»а мнѣ, Горю и Злочастію, не впустѣ же жить:
»хочю я, Горе, въ людехъ жить;
»и батогомъ меня не выгонить;
»а гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!«

Говоритъ сѣро Горе-горинское:
»какъ бы мнѣ молодцу появитися!«
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидѣлось:
»Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
»быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
»еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
»изъ злата и сребра быть убитому!
»Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
»не жали (24) ты, пропивай свои животы,
»а скинь ты платье гостиное, (25)
»надежи (26) ты на себя гунку кабацкую;
»кабакомъ-то Горе избудетца,
»да то злое Злочастіе останетца, (27)
»за нагимъ-то Горе не погонитца,
»да никто къ нагому не привяжется.
»а нагому-босому шумить розбой.« (28)

Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилась;
горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу
по прежнему еще въ ново злочастіе привязалося.

»Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
»нагота и босота безмѣрная,

(23) Т. е. закаркало вороном. Слово древнее; ср. Слово о Полку Игоря: *враны граахуть*. Въ малороссійской думѣ: *вороны загруе*.

(24) Вмѣсто *не жалѣй;* стар. форма: *ѣй* перемѣняется въ *и*.

(25) Купленое у гостей, хорошаго сорта — *гостиные товары*.

(26) *Надѣнь*.

(27) Въ рукоп. въ скобкахъ между *злое* и *злочастіе* — *горе*.

(28) Въ томъ же значеніи, какъ пословица: »голому разбой не страшенъ.« *Шумить разбой*: если голый и слышитъ его, то не боится и не имѣетъ надобности бѣжать отъ него.

Digitized by Google

»легота, безпроторица ([29]) великая,
»на себя что купить, то проторится,
»а ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
»Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
»и изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
»а съ того свѣту сюды не вытепутъ ([30]);
»да никто къ нему не привяжется;
»а нагому-босому шумить розбой!«

Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
сошелъ ([31]) онъ пропивать свои животы,
а скинулъ онъ платье гостиное, —
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
стало молодцу срамно появитися своимъ милымъ другомъ.

Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну-незнаему,
на дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
за рѣкою перевозчики,
а просятъ у него перевознаго,
ино дать молодцу нечего;
не везутъ молодца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
миновался день до вечера ([32]), ні до обѣднемъ
не ѣдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
вставалъ молодецъ на скоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
а самъ говоритъ таково слово:

»Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
»до бѣды меня, молодца, домыкало,
»уморило меня, молодца, смертью голодною;
»уже три дни мнѣ были не радошны, —
»не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуса хлѣба!
»ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
»полощи мое тѣло, быстра рѣка!
»ино ѣжте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
»ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго!
»уйду ли я у Горя злочастнаго!«

И въ тотъ часъ у быстры рѣки
скоча ([33]) Горе изъ-за камени,
босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
богатырскимъ голосомъ восклицало:

»Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды!
»не мечися въ быстру рѣку,
»да не буди въ горѣ кручиноватъ;
»а въ горѣ жить — некручинну быть!
»а кручинну въ горѣ погинути!
»Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
»и самъ тебѣ отецъ говорилъ, ([34])
»и какъ тебѣ мати наказывала.
»О чемъ ([35]) тогда ты ихъ не послушалъ?
»не захотѣлъ ты имъ покоритися,
»постыдился имъ поклонитися,
»а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
»А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
»того выучю я, Горе-злочастное!
»не къ любому онъ учнетъ упадывать.
»и учнетъ онъ недругу покорятися!«
Говоритъ Злочастіе таково слово:
»Покорися мнѣ, Горю нечистому,
»поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
»а нѣтъ меня, Горя, мудрая на семъ свѣтѣ;

([29]) *Легкость*, въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ вмѣсто *обокрали, ограбили* говорятъ: *облегчили*. Безпроторица — отсутствіе всякихъ проторовъ, также въ насмѣшливомъ смыслѣ.

([30]) *Тепать*. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *тепать канопелю*, а въ переносномъ смыслѣ — *бить*. Тяпка — друдіе, которымъ полятъ.

([31]) Въ смыслѣ *опустился, дошелъ до того, что началъ пропивать*.

([32]) По выраженію *три дни*, слѣдующему ниже, видно, что въ этомъ мѣстѣ пропускъ.

([33]) Вѣроятно, описка: слѣдуетъ читать *скочи*.

([34]) Вѣроятно, *говаривалъ*.

([35]) Вмѣсто *для чего*.

Digitized by Google

»и ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
»напоятъ тя, накормятъ люди добрыя.«

А что видитъ молодецъ ([36]) неминучую —
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли!

Пошелъ, поскочилъ доброй молодецъ,
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику;
идетъ веселъ, некручиноватъ,
утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
а самъ, идучи, думу думаетъ:
»Когда у меня нѣтъ ничево,
»и тужить мнѣ не о чемъ!«
Да еще молодецъ некручиноватъ,
запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
отъ великаго крѣпкаго разума:

»Безпечална мать меня породила,
»гребешкомъ кудерцы расчесывала,
»драгими порты меня одѣяла,
»и, отшедъ, подъ ручку ([37]) посмотрила:
»хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
»а въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
»Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
»Ино я самъ знаю и вѣдаю,
»что не класти скарлату безъ мастера,
»не утѣшити дѣтяти безъ матери,
»не бывать бражнику богату,
»не бывать костарю въ славѣ доброй.
»Завѣченъ ([38]) я у своихъ родителей,
»что мнѣ быти бѣлешеньку,
»а что родился головенкою!« ([39])

Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
перевезли молодца быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного.
Напоили, накормили люди добрые:
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.

Говорятъ молодцу люди добрые:

»А что еси ты, доброй молодецъ?
»ты поди на свою сторону,
»къ любимымъ честнымъ своимъ родителемъ,
»ко отцу своему и къ матери любимой,
»простися ты съ своими родители,
»со отцемъ и матерію,
»возьми отъ нихъ благословеніе родителское!«

И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
учало надъ молодцемъ граяти,
что злая ворона надъ соколомъ;
говоритъ Горе таково слово:

»Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
»не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося,
»хошь до смерти съ тобою поучуся!
»Но одно я, Горе, — еще сродники,
»а вся родня наша добрая;
»всѣ мы гладкіе, умилные;
»а кто въ семю къ намъ примѣшается, —
»ино тотъ между нами замучится!
»такова у насъ участь и лутчая.
»Хотя кинся во птицы воздушныя;
»хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
»а я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.«

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,

([36]) *Бѣду*. Пропущено въ подлинникѣ.
([37]) Т. е. держа ладонь надъ глазами.
([38]) Опредѣленъ на весь вѣкъ. Иначе, *что́ мнѣ на роду написано*.
([39]) По толкованію профессора Срезневскаго *головенкою* значитъ — бѣдняковъ, горемыкою.

Digitized by Google

а Горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецы; (40)
молодецъ сталъ въ полѣ ковылъ-трава,
а Горе пришло съ косою вострою,
да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
»Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
»лежать тебѣ, травонька, посѣченой, (41)
»и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.«

Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ щастыми (42) неводами;
еще Горе злочастное насмѣялося:
»Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,
»быть тебѣ да и сѣѣденой,
»умереть будетъ напрасною смертію!«

Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе подъ руку подъ правую:
научаетъ молодца богато жить,
убити и ограбити,
чтобы молодца за то повѣсили,
или съ каменемъ въ воду посадили.

Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
и оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
а Горе у святыхъ воротъ оставается,
къ молодцу впредь не привяжетца!

А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
избави Господи вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ! аминь.

(40) Слѣдовало бы *выжлецы*. Польск. wyżeł лягавая собака.
(41) Вѣроятно здѣсь описка надобно читать покошеной.
(42) Вѣроятно, съ *частыми*.

Digitized by Google

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ РЕДАКТОРОМЪ НЫНѢ ИЗДАВАЕМАГО СБОРНИКА ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ ГОРЯ-ЗЛОЧАСТІЯ ВЪ СОВРЕМЕННИКѢ 1856 Г.

Драгоцѣнное это произведеніе старины отыскано А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ конца XVII вѣка, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ. Оно тамъ записано подъ названіемъ: »Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ«. По формѣ оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ памятниковъ нашей старой самобытной литературы, которымъ въ ученомъ мірѣ усвоено названіе *былинъ* и которые въ первый разъ появились въ свѣтъ подъ именемъ »Древнихъ Русскихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ«. Въ послѣднее время число ихъ умножено новыми, записанными изъ устъ народа и напечатанными въ »Извѣстіяхъ« Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Но, по содержанію нашей *повѣсти* и по нравственной идеѣ, которою она проникнута отъ начала до конца, она совершенно отлична отъ всѣхъ послѣднихъ и составляетъ новое, оригинальное явленіе. До сихъ поръ всѣ наши былины и пѣсни, за исключеніемъ немногихъ, записанныхъ однимъ англичаниномъ въ XVII вѣкѣ и отысканныхъ академикомъ Гамеленъ въ Оксфордѣ, показывались намъ въ позднѣйшей одеждѣ, не ранѣе XVIII вѣка. Издаваемая теперь *повѣсть* является въ томъ видѣ, въ какомъ разсказывалась или пѣлась назадъ тому около двухъ вѣковъ, а можетъ быть и ранѣе, потому что нѣкоторыя описки, изъ которыхъ иныя поправлены тою же рукою, заставляютъ допустить, что въ XVII вѣкѣ она была списана съ другаго списка. Притомъ же и философскій тонъ и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе; если же это сочиненіе, то его простота и отсутствіе напыщенной риторики, которой едва ли могъ избѣжать русскій грамотѣй XVII вѣка, описывая предметъ нравственно-религіознаго содержанія, побуждаютъ предполагать, что она составлена раньше. Какъ бы то ни было, это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу, языку: самый строгій критикъ не въ силахъ будетъ отыскать въ немъ чуждаго элемента. Здѣсь живыми и вѣрными красками рисуются и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія. Его величавый тонъ, грустно поэтическое чувство, разлитое во всемъ стихотвореніи, живость образовъ, послѣдовательность и стройность разсказа и, наконецъ, прекрасный народный языкъ съ неподдѣльными красотами оборотовъ юной, народной, неизсушенной школою рѣчи ставятъ эту *повѣсть* на первое мѣсто между старинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы, — по содержанію оно единственное до сихъ поръ и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи начинается благочестивымъ размышленіемъ, въ видѣ приступа. Послѣ этого приступа слѣдующій стихъ:

»тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери«

не имѣетъ связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими: вѣроятно, здѣсь пропускъ.

Нравоученія, проповѣдуемыя почтенными родителями ихъ неопытному сыну, вовсе не общія мѣста. Старики предостерегаютъ юношу отъ тѣхъ пороковъ, которые въ особенности заражали старое русское общество. Стóитъ только прочитать разсказы посѣщавшихъ насъ иностранцевъ, чтобъ повѣрить это. Непричастные нашей общественной жизни, они рѣзче замѣчали наши особенности и удачно схватывали наши порочныя черты, хотя не всегда умѣли подмѣтить добрыхъ, потому

Digitized by Google

что дурное скорѣе бросается въ глаза. Прежде всего благочестивые родители остерегаютъ сына отъ пировъ и братчинъ — увеселенія позволительныя, повидимому, онѣ были искушеніемъ для молодаго человѣка и первымъ путемъ къ разгулу. На пирахъ у русскихъ — говоритъ Олеарій (нѣм. изд. 1656 г. стр. 194) — поднесеніе чарки вина означало честь, и считалось предосудительнымъ отказываться отъ нея; а потому иной нехотя пьетъ другой, третій, четвертый разъ, пьетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ безъ чувствъ. Кого больше уважаютъ, того больше заставляютъ пить. Вотъ что́ значитъ совѣтъ родителей не садиться на бо́льшое мѣсто и не пить двухъ чаръ вмѣсто одной. Непозволительное обращеніе съ *добрыми красными женами* слѣдовало исключительно за попойками. Иностранцы описываютъ нашихъ предковъ вообще скромными и цѣломудренными въ трезвомъ состояніи; но зато въ пьяномъ предавались они самому безстыдному разврату (Олеарій, стр. 195), который изображаютъ въ отвратительныхъ картинахъ. Пріучившись пить на братчинахъ и пирахъ, молодецъ начиналъ посѣщать кабаки, гдѣ головы и вѣрные цаловальники, чтобъ выказать свое рачительство и представить къ первому сентября въ Приказъ *большую прибыль противъ прошлыхъ годовъ*, заводили умышленно знакомство и дружбу съ охотниками до питья и увлекали ихъ въ порокъ. Тутъ собирались гуляки, сидѣли, балагурили и часто выходили оттуда безъ одежды (Флетч., стр. 44), а если успѣвали не пропить ея, то, выходя на воздухъ, падали безъ чувствъ въ грязь, и счастье гуляки, если проѣдетъ мимо знакомый извощикъ: онъ подберетъ его и привезетъ къ роднымъ, съ которыхъ получитъ за это плату (Мейерб. Voyage, стр. 131); а нерѣдко воры обирали пьянаго до ниточки (тамъ же, стр. Домо-стр. 14) и даже убивали, и на другой день тѣло бѣдняка привозилось въ Земскій Приказъ, гдѣ, на масляницѣ или на святой недѣлѣ, за одну ночь собирали нѣсколько десятковъ такихъ труповъ. Но главнымъ притокомъ безпутства были у насъ въ старину корчмы, дома пьянства, разврата и игры, строго преслѣдуемые правительствомъ, которое въ каждомъ воеводскомъ наказѣ подтверждало воеводамъ строго смотрѣть, чтобы никто не держалъ корчемъ и не игралъ въ зернь (кости). Родители, между прочимъ, научаютъ сына не обманывать, никого не безчествовать и любить всѣхъ равно по единому. Въ этихъ словахъ тоже не одна общая мораль. Русскіе были вообще въ старину подвержены наклонности обманывать и, обманывая другихъ, сами были ко всѣмъ недовѣрчивы и часто старались въ самыхъ безхитростныхъ словахъ другаго отыскивать тайный смыслъ (Мейерб., стр. 66). Олеарій (стр. 169) замѣтилъ, что они бываютъ высокомѣрны, когда счастіе или богатство поставятъ ихъ на высшую предъ другими ступень. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, что родительскіе совѣты сыну въ нашей повѣсти касаются современныхъ пороковъ общества.

Приключеніе съ нашимъ молодцемъ въ кабакѣ — самое обыкновенное, случавшееся очень часто съ московскими гуляками. Названный братъ въ кабакѣ — чисто-русскій типъ, да и молодецъ, проснувшись, изливаетъ свое горе насмѣшкою надъ своимъ положеніемъ также чисто по-русски.

Трудно рѣшить, изображенъ ли здѣсь пиръ, даваемый хозяиномъ гостямъ, или братчина въ чужой сторонѣ, куда зашелъ молодецъ; но, вѣроятнѣе, послѣднее, потому что присутствіе хозяина не показывается.

На пиру или на братчинѣ не то, что въ кабакѣ: здѣсь требуютъ приличія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока винные пары не затмили разсудка. Основою тогдашняго приличія почиталось — войдя въ домъ, прежде съ благоговѣніемъ поклониться образамъ, а потомъ уже сдѣлать привѣтствіе всѣмъ, начиная отъ старшихъ до меньшихъ. Объ этомъ, строго наблюдаемомъ, обычаѣ говорятъ писавшіе о насъ иностранцы: Герберштейнъ, Олеарій, Мейербергъ и другіе. На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: »пиръ на весь міръ«. Тамъ были и воеводы, и дьяки, и люди торговые, и простые посадскіе, или уѣздные. Во многихъ наказахъ волостелямъ и воеводамъ подтверждается не ходить незванными на пиры и братчины и внушаются правила, какъ вести себя на такихъ собраніяхъ, если они будутъ приглашены. Мѣстничество и здѣсь прилагалось; каждый садился по своему достоинству. Вообще у насъ въ старину люди дѣлились на лучшихъ или большихъ, середнихъ и меньшихъ: такое раздѣленіе прилагалось и къ происхожденію, и къ состоянію, и къ отправленію служебныхъ обязанностей. И въ царской думѣ и въ отдаленномъ селѣ являлась та же троичность. Она является и на пиру.

Молодца не знали по происхожденію, а приняли по его обхожденію и дали ему середнее мѣсто между гостиными дѣтьми; слѣдовательно, на этомъ пиру были выше торговыхъ (гостиныхъ) — дворяне и дѣти бояр-

Digitized by Google

скіе, и ниже торговыхъ—люди черные. Гостиные вообще означаютъ торгующихъ на гостиномъ дворѣ.

Здѣсь замѣчательно выраженіе: »ведетъ онъ по писанному ученію.« Чѣмъ менѣе грамотны были наши предки, тѣмъ болѣе уваженія оказывали всему книжному, писанному: съ писаннымъ для нихъ соединялось все нравственное, полезное, потому что на письмѣ они знали только правила религіозныя, законодательство и предписанія правительства.

Обстоятельства нашего героя поправились какъ нельзя лучше. Но не забудемъ, какъ онъ разстался съ родителями: по нравственному понятію вѣка, это ему не должно пройти даромъ.

Приступая къ великому дѣлу въ жизни, онъ не подумалъ о родительскомъ благословеніи, не изъявлялъ благодарности Промыслу, изведшему его изъ печальнаго положенія, а приписывалъ свое возвышеніе собственнымъ силамъ, положился на земное пріобрѣтеніе, словами *больши стараю* признавалъ какъ будто правильность своего разрыва съ родителями, съ семьей, съ родиной: потеря этихъ священныхъ связей замѣняется для него богатствомъ, нажитымъ собственными силами. Благочестивая философія русская не прощаетъ такого матеріализма.

Горе-Злочастіе, послѣ перваго неудачнаго опыта искусить добраго молодца, принимаетъ на себя видъ свѣтлаго, добраго ангела и снова искушаетъ и уже сводитъ его съ ума своими лукавыми совѣтами.

Олицетворенія отвлеченныхъ понятій общи всѣмъ народамъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой миѳологіи, когда она возвысится отъ неопредѣленнаго шаманства, безсмысленнаго страха таинственной неизвѣстной силы на степень антропоморфизма и свободнаго творчества образовъ. Что русская фантазія олицетворяла Горе—это не новость. Въ »Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ«, есть пѣсня, гдѣ Горе является босымъ, нагимъ, подпоясаннымъ лыкомъ, привязывается къ несчастливцу и расточаетъ ему насмѣшливыя утѣшенія. Я слышалъ въ народѣ полнѣйшій варіантъ этой пѣсни. Но нигдѣ Горе не является такъ очерченнымъ, такъ опредѣлительнымъ, какъ въ нашей *повѣсти:* это какое-то мрачное божество, духъ злой, но справедливый, карающій человѣка за преступленіе и безразсудство, что-то въ родѣ Эвменидъ; и, дѣйствительно, борьба нашего молодца съ нимъ напоминаетъ эсхилову трагедію, въ которой эриніи преслѣдуютъ матереубійцу Ореста. Такъ и наше Горе-Злочастіе преслѣдуетъ презрѣвшаго родителей сына. Какъ Эвмениды—оно не одиноко; по крайней мѣрѣ, говоритъ, что у него есть семья, что всѣ они сами по себѣ добрыя, но кто попадется къ нимъ, того они научатъ. Какъ Эвмениды смягчаются на время жертвами, такъ Горе-Злочастіе смягчилось навремя, когда молодецъ повинился ему. Онъ покорился Горю и сталъ бодръ—для новой борьбы съ нимъ. Наконецъ, какъ Эвмениды прекращаютъ свои преслѣдованія и падаютъ въ сонъ, когда Орестъ убѣжалъ въ храмъ Аполлона, такъ наше Горе-Злочастіе оставляетъ добра молодца, когда онъ нашелъ убѣжище подъ сѣнію храма истиннаго Бога, въ святыхъ стѣнахъ обители мирныхъ отшельниковъ. Молодецъ отрекается отъ міра, и Горе-Злочастіе, духъ мятежнаго міра, отрекается отъ него. Таковъ смыслъ нашей *повѣсти*,—смыслъ истинно высокій, заключающій въ себѣ нравственную философію вѣка.

Трудно рѣшить, когда написано это замѣчательное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, сюжетъ его очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе Горя и его нохожденія принадлежитъ далекой древности: доказательствомъ этому служитъ поразительное сходство нашей *повѣсти* по идеѣ съ одною малороссійскою пѣснею, гдѣ играетъ ту же роль *Лиха-Доля*. Только въ этой пѣснѣ лицо, терзаемое лихой долею, не молодецъ, а дѣвица. Она совершенно невинна, но терпитъ потому, что мать дала ей при рожденіи этого демона. Страдалица хочетъ убѣжать отъ ней въ поле, въ лѣсъ, въ воду—лихая доля повсюду за нею; наконецъ она бросается въ церковь, но лихая доля врывается и туда и тамъ уцѣпляется за нее. Наша *повѣсть* оставляетъ по себѣ болѣе отрадное впечатлѣніе: у нашихъ предковъ въ монастыряхъ находили пріютъ страдальцы, испившіе въ мірѣ горькую чашу, подобно нашему доброму молодцу: удобства жизни и тарханныя грамоты служили стражами дверей святыхъ обителей.

Въ рукописи эта *повѣсть* написана сплошь какъ проза; я разбилъ ее на стихи, потому что стихотворный составъ ея слишкомъ очевиденъ.

Digitized by Google

О МИѲИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ГОРЯ-ЗЛОЧАСТІЯ.

Въ прекрасной своей статьѣ о *Горѣ-Злочастіи* (»Рус. Вѣстн.«, т. IV іюль, кн. 2) г. Буслаевъ высказалъ свое несогласіе съ моимъ мнѣніемъ относительно миѳическаго значенія »Горя-Злочастія«. Ученый изслѣдователь называетъ древность нашего стихотворенія мнимою и находитъ неумѣстнымъ основывать ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и миѳическое значеніе »Горя-Злочастія«, на сходствѣ съ малороссійскою пѣснею, которую называетъ новѣйшею. Ученыя заслуги г. Буслаева даютъ ему такой авторитетъ, что всякое указаніе, сообщенное имъ относительно взгляда на произведенія нашей древней и народной литературы, должно приниматься съ благодарностію; тѣмъ не менѣе, однако, основанія, на которыхъ я утверждалъ свое мнѣніе о »Горе-Злочастіи«, побуждаютъ меня высказать нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Г. Буслаевъ говоритъ: какъ правда, которая улетаетъ на небо, и кривда, которая пошла по всей землѣ воспѣваемыя въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, олицетворенія нравственныхъ понятій, или какъ »Злодѣй-тоска« въ извѣстной русской пѣснѣ, такъ и »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо. Старинное вѣрованіе Славянъ въ судьбу или встрѣчу нисколько не уполномочиваетъ насъ видѣть и въ »Горѣ-Злочастіи« языческое или полуязыческое божество, точно такъ же, какъ смерть или дьяволъ въ гравюрѣ Альбрехта Дюрера или какъ классическій купидонъ и госпожа смерть во французской поэмѣ — только поэтическіе образы, въ которыхъ выражены нравственныя понятія эпохи, а не миѳическія силы, которымъ поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы и миѳологическія картины Рафаэля или Рубенса принять въ источники классической миѳологіи XVI и XVII вѣковъ, или изъ нѣкоторыхъ аллегорическихъ изображеній венеціянскаго живописца вывесть то заключеніе, что они поклонялись миѳическому олицетворенію Венеціи въ образѣ роскошной женщины. Аллегорія, олицетворенія и художественный символъ очень рано получили широкое развитіе въ христіанскомъ искусствѣ народовъ западныхъ. Дантъ уже ввелъ ихъ въ свою *комедію*, а современный ему живописецъ Джіотти изображалъ на стѣнахъ храмовъ олицетворенные въ человѣческихъ образахъ добродѣтели и пороки.

Между правдою и кривдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, а въ особенности между »Злодѣемъ-тоскою«, въ извѣстной пѣснѣ: »Ужь какъ палъ туманъ«, и »Горемъ-Злочастіемъ« мы видимъ важное различіе въ тѣхъ чертахъ, какія могутъ вести къ признанію или непризнанію миѳологическаго значенія въ олицетвореніи отвлеченной идеи. Такимъ образомъ, въ стихѣ: »а злодѣй тоска въ ретиво сердце«, тоска по сравненію носитъ человѣческій эпитетъ *злодѣй*, но не говорится о ней, какъ о существѣ. Напротивъ, »Горе-Злочастіе« въ нашемъ стихотвореніи представляется въ образѣ дѣйствующаго человѣкоподобнаго существа, описывается его наружный видъ, влагаются въ уста его рѣчи, изображаются его поступки, обрисовывающіе его характеръ. Приведенные вслѣдъ затѣмъ г. Буслаевымъ примѣры, взятые изъ западнаго міра, такого свойства, что подтверждаютъ поводъ видѣть въ »Горѣ-Злочастіи« скорѣе миѳологическое существо, чѣмъ одинъ только поэтическій образъ. Дѣйствительно, смерть и купидонъ — такіе образы, которымъ не поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ (существованіе дьявола они, конечно, признавали); дѣйствительно, миѳологическія картины Рафаэля и Рубенса нельзя признать источникомъ классической миѳологіи XVI и XVII вѣковъ, а изъ

Digitized by Google

аллегорическаго изображенія Венеціи въ видѣ женщины не слѣдуетъ, чтобъ ей поклонялись; но смерть, купидонъ и сюжеты миѳологическихъ картинъ Рафаэля и Рубенса были въ древности предметами вѣрованія, миѳологическими существами. Художники изображали ихъ потому, что получили воспитаніе, въ кругъ котораго входила древняя классическая образованность, неразлучная съ миѳологіею. Изображеніе странъ и государствъ въ видѣ антропоморфическихъ существъ, истекло также изъ классической миѳологіи, признававшей существованіе мѣстныхъ боговъ и богинь. Если художники не признавали дѣйствительнаго существованія въ природѣ изображаемыхъ ими образовъ, то это не лишаетъ самыхъ образовъ ихъ миѳологическаго происхожденія. Моровая дѣвица въ »Конрадѣ«, взятая изъ народной миѳологіи, остается для насъ съ своимъ миѳологическимъ значеніемъ, хотя мы увѣрены, что поэтъ не признавалъ ея бытія въ природѣ. Что касается до »Божественной Комедіи«, то главные образы въ ней или занесены изъ классической миѳологіи, какъ, напр., фуріи, Плутонъ, Харонъ, Стиксъ и пр., или составляли вѣрованіе тогдашняго вѣка и для современниковъ были тѣмъ, чѣмъ для Грековъ и Римлянъ ихъ миѳы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что олицетворенія и художественные символы художниковъ и поэтовъ, приводимые г. Буслаевымъ, миѳологическаго происхожденія, что мы видимъ и въ »Горѣ-Злочастіи«.

Миѳологичность образа для изслѣдователя не теряется оттого, что тотъ, кто воспроизвелъ этотъ образъ, самъ не вѣрилъ въ его существованіе въ природѣ. Но вѣрилъ ли, или не вѣрилъ въ существованіе »Горя-Злочастія« слагатель стихотворенія о немъ, этого не рѣшитъ никто. Это зависѣло отъ степени образованности, отъ понятій, наконецъ отъ характера неизвѣстнаго сочинителя. Въ XVI — XVII вѣкахъ только такія фантастическія формы не допускали къ себѣ вѣры, которыя были несовмѣстны съ христіанствомъ, и, притомъ, такія, противъ которыхъ церковь возвысила голосъ. Такимъ образомъ, тогдашній грамотѣй не признавалъ бы Перуна или другаго языческаго бога, потому что церковь представила достаточный запасъ доказательствъ того, что богамъ языческимъ не слѣдуетъ вѣрить, подъ опасеніемъ гибели души въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, если разбирать строго, то и существованіе языческихъ боговъ не было совершенно исключительно изъ области вѣрованія: ихъ признавали только за злыхъ духовъ, бѣсовъ, ослѣплявшихъ нѣкогда родъ человѣческій. Тогда вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ, упырей и т. под. остатки древней миѳологіи: почему же не могли вѣрить въ »Горе-Злочастіе«?

Мнѣніе г. Буслаева, что »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо, не подтверждается. Но насъ спросятъ: на чемъ же мы основываемъ противоположное?

Способность человѣка облекать въ формы (преимущественно антропоморфическія) нравственныя понятія и созданія миѳологическихъ образовъ находятся между собою въ ближайшемъ отношеніи. Послѣднее вытекаетъ изъ первой. Въ юношескомъ возрастѣ человѣчество легко признавало въ произведеніяхъ собственной фантазіи отдѣльное отъ него бытіе. На темные въ началѣ образы набрасывались черты за чертами: образы дѣлались яснѣе, выпуклѣе; возникалъ рядъ отношеній къ нимъ, какъ къ существующимъ лицамъ, слагались разсказы о ихъ дѣяніяхъ; привычка исключала возможность отъискать ихъ настоящее происхожденіе, и страхъ, которымъ воображеніе окружало свои дѣтища, отгонялъ отъ нихъ и пытливые умы, по своей природѣ, болѣе другихъ склонные къ анализу. Мужая, человѣчество мало по малу путемъ опыта и размышленія освобождалось изъ-подъ ига собственныхъ созданій. Эта борьба происходила медленно и постепенно: не всѣ вдругъ фантастическіе образы теряли право на дѣйствительность въ глазахъ человѣка; они исчезали по мѣрѣ того, какъ вѣрованіе въ ихъ существованіе становилось несовмѣстнымъ со степенью уразумѣнія силъ нравственной и матеріальной природы. Но, переставая вѣрить въ дѣйствительность созданій своей фантазіи, человѣкъ не теряетъ способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности олицетворять свои идеи. Прежнія вѣрованія остаются ему матеріаломъ для поэзіи, дѣлаются буквами для художественнаго выраженія. Такимъ образомъ, вымыслы Греціи, потерявъ для поэта свое независимое бытіе, какое имѣли въ глазахъ прежнихъ вѣковъ, долго удовлетворяли его потребности выражаться посредствомъ олицетвореній. То же самое происходитъ и съ народными вѣрованіями нашего времени. Бо́льшая часть олицетвореній фантастическихъ существъ, фантастическихъ событій не созданы воображеніемъ самихъ поэтовъ и художниковъ, а заимствовованы изъ угасшихъ или живыхъ, но чуждыхъ самимъ творцамъ народныхъ миѳовъ. По бо́льшей части поэтическіе образы были нѣкогда миѳами, признавались живыми существами и хо-

Digitized by Google

ти измѣнялись подъ талантомъ художниковъ, но всегда высказывали свое миѳологическое происхожденіе. Какъ мало такихъ олицетвореній, которыя бы нѣкогда не были миѳами, которымъ бы, другими словами, нѣкогда не вѣрили, это показываетъ самъ г. Буслаевъ, доказывая, что »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо. Онъ привелъ примѣры, которые всѣ безъ исключенія имѣютъ миѳологическое происхожденіе. Думаю, что г. Буслаевъ согласится, со мною, что чѣмъ народъ менѣе развитъ и образованъ, тѣмъ болѣе мы вправѣ признавать миѳическое значеніе въ его олицетвореніяхъ; въ то же время простой народъ не только вѣритъ въ существованіе фантастическихъ личностей, которыя перешли къ нему отъ предковъ, но олицетворяетъ современныя явленія и даетъ миѳическое значеніе своимъ олицетвореніямъ. Такимъ образомъ, въ Малороссіи скотскій падежъ олицетворяется въ видѣ женщины, которую называютъ *товаряча смерть*; въ Великой Россіи въ настоящее время олицетворяется холера, и народъ вѣритъ въ существованіе личности, которая называется холерою и отъ котораго происходятъ болѣзненные припадки эпидеміи.

Когда мы видимъ въ древнемъ русскомъ стихотвореніи олицетвореніе горя или нужды подъ именемъ »Горя-Злочастія«, естественно должны задать себѣ вопросъ: создано ли это фантастическое существо самимъ слагателемъ, или же заимствовано имъ? Сходство нашей повѣсти съ народными пѣснями указываетъ на послѣднее и это болѣе всего заставляетъ отъискивать въ немъ не простую аллегорію, а миѳическое существо, которому вѣрилъ народъ. Независимо отъ пѣсни, которая помѣщена въ сборникѣ Кирши Данилова (стр. 381), приведу здѣсь еще двѣ народныя пѣсни о горѣ:

I.

Ой, ты горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужь я отъ горя во чисто поле,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
»Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя, горькую!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужь я отъ горя во темны лѣса!
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
»Порублю я, посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужь я отъ горя къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой.

II.

Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле —
И тутъ горе сизымъ голубемъ!
Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя въ темны лѣса —
И тутъ горе соловьемъ летитъ.
Я отъ горя на сине море —
И тутъ горе сѣрой утицей.
Я отъ горя во сыру землю —
Вотъ тутъ горе миновалося!

Вторая изъ этихъ пѣсенъ напоминаетъ слѣдующіе стихи *Горя-Злочастія:*

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

Первая же пѣсня сходна съ малороссійской о лихой долѣ. Я приведу здѣсь ее по варіанту, записанному мною въ Волынской губерніи:

Digitized by Google

Породила мене мати у святу неділю:
Дала мині лиху долю — де жъ її подіну!
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ полі загубися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ полі загублюся,
А якъ підешъ пшеници жати — я за тебе вчеплюся!«
— »Та піди, доле, піди, нещастная, въ лісі заблудися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ лісі заблудюся,
А якъ підешъ калини ломати — я за тебе вчеплюся!«
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ воді утопися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ воді утоплюся,
А якъ вийдешъ рано води брати — я за тебе вчеплюся!«
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ церкви присвятися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ церкві присвячуся,
А якъ прійдешъ Богу молиться — я за тебе вчеплюся!«

Основываясь на сходствѣ этихъ пѣсень, я позволяю себѣ искать древности — не самаго стихотворенія, о чемъ я и не говорилъ — а вѣрованія въ его олицетвореніе и похожденія. Г. Буслаевъ думаетъ, что сходство стихотворенія о »Горѣ-Злочастіи« съ *новѣйшею* малороссійскою пѣснею мало говоритъ въ пользу моего мнѣнія. Но слово *новѣйшая пѣсня* можно понимать въ двухъ смыслахъ: или потому она новѣйшая, что недавно записана, или потому, что недавно сложена. Г. Буслаевъ, конечно, не понималъ слова *новѣйшая пѣсня* въ первомъ смыслѣ. Но что она сложена не въ недавнее время, это доказываетъ распространеніе ея повсюду, гдѣ только живетъ малороссійскій народъ, и еще болѣе сходство ея съ великорусской. Эта пѣсня поется какъ въ Галиціи и Волыни, такъ равно и у малороссійскихъ переселенцевъ, обитающихъ въ Воронежской губерніи. Предки послѣднихъ оставили свое прежнее отечество, заднѣпровскую южную Русь, еще въ половинѣ XVII вѣка и, безъ сомнѣнія, тогда еще принесли съ собою эту пѣсню. Если намъ возразятъ: можетъ быть, эта пѣсня занесена къ нимъ изъ Малороссіи впослѣдствіи, мы отвѣчаемъ: во первыхъ, общихъ малороссійскихъ пѣсенъ у нихъ чрезвычайное множество, и, безъ сомнѣнія, гораздо правдоподобнѣе думать, что предки ихъ пришли на новыя мѣста жительства съ этими пѣснями, чѣмъ подозрѣвать, что вся ихъ пѣсенность занесена впослѣдствіи, ибо, такимъ образомъ, можно сдѣлать вопросъ: не занесенъ ли къ нимъ впослѣдствіи самый языкъ южно-русскій? во вторыхъ, пѣсня, гдѣ олицетворяется доля, не одна въ своемъ родѣ — такое олицетвореніе попадается очень часто въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Напр. дѣвица посылаетъ долю:

Пливи, доле, за водою,
Щобъ не було жалю за тобою.

Или, напримѣръ, козакъ разговариваетъ съ долею, жалуется и называетъ ее причиною своихъ несчастій; тогда

Обізвалась доля по тімъ боці моря:
Козаче бурлаче! дурний розумъ маешъ!

О долѣ существуютъ сказки и легенды, гдѣ доля представляется въ антропоморфическихъ формахъ, чаще всего въ видѣ женскомъ (ср. ст. Аѳанасьева въ Арх. Калачова. Кн. IV., полов. I. стр. 138). Вѣрованіе въ существованіе *доли*, доброй и лихой, какъ отдѣльныхъ миѳическихъ существъ, до сихъ поръ не исчезло у Малороссіянъ; и, конечно, каждый знакомый съ этнографіею этого народа подтвердитъ мнѣ извѣстное.

Что же касается до пѣсни великороссійской, то мнѣ кажется, что вообще сходство нашихъ великорусскихъ пѣсенъ съ малорусскими служитъ, вмѣстѣ съ другими доказательствами, къ указанію относительной ихъ древности. Разумѣется, надобно отличать пѣсни, заимствованныя однимъ народомъ у другаго, отъ пѣсенъ, которыя различны у обоихъ, а между тѣмъ показываютъ одинакое происхожденіе. Великороссіяне и Малороссіяне съ XIV вѣка до временъ Екатерины II жили отдѣльно другъ отъ друга народною жизнію. Содержаніе ихъ пѣсень, языкъ, складъ, мѣра, напѣвъ, — все различно. Но между этими пѣснями есть такія, которыя сходны между собою по своей основѣ и кажутся варіяціями на одну и ту же тему. Такія-то пѣсни я почитаю древними, ихъ темы должны восходить ранѣе XIV вѣка. Для отличія такихъ пѣсень отъ заимствованныхъ впослѣдствіи, нужна строгая и осторожная критика. Но, къ счастію, угадать пѣсни послѣдняго рода нетрудно. О заимствованныхъ Малороссіянами отъ Великороссіянъ и говорить нечего: онѣ съ перваго взгляда бросаются въ глаза, по уродливости языка и несвойственности склада.

Пѣсни, заимствованныя Великороссіянами отъ Малороссіянъ, являются въ лучшемъ видѣ, но все-таки не теряютъ чертъ, обличающихъ ихъ происхожденіе. Великороссіянинъ переводитъ иногда довольно удачно ма-

Digitized by Google

лороссійскія слова, передѣлываетъ грамматическія формы, иногда произвольно замѣняетъ обороты другими, иногда прибавляетъ малороссійскія слова и обороты тамъ, гдѣ они не слишкомъ рѣзко щекочатъ его слухъ или гдѣ онъ не сладитъ съ переводомъ по ихъ мѣстности и особенности значенія, удерживаетъ мѣру, отличную отъ мѣры великорусскихъ пѣсень, равно складъ и теченіе пѣсни. Вотъ, напримѣръ, общеизвѣстная малороссійская пѣсня:

Ой за гáемъ, гáемъ, гáемъ зеленéнькимъ,
Тамъ орáла дівчúнонька вóлякомъ чорнéнькимъ;
Орáла, орáла — не вміла гукáти,
Та наняла́ козáченька волівъ поганя́ти (поютъ еще: у скрúпочку грáтú).
Козáкъ поганя́е (или: козачóкъ играе), брóвами моргáе;
Врагú жъ ёгó бáтька знáе, чогó вінъ моргáе.

Эта пѣсня вошла въ большое употребленіе у великороссіянъ. Между тѣмъ, вотъ какъ она поется такими лицами, которыя никогда не видали въ глаза Малороссіянъ:

Какъ за лѣсомъ, лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Тамъ пахала дѣвчоночка воликомъ черненькимъ,
Пахала, пахала, не умѣла кричати
И наняла казаченьку на скрипку играти.
Казачокъ играетъ, бровями моргаетъ,
А чортъ его батьку знаетъ, зачѣмъ онъ моргаетъ!

Вотъ другой примѣръ. Въ юго-западной Руси поется слѣдующая пѣсня:

Поіхавъ козáченько на полювáння,
Зостáвивъ Марýсеньку на горювáння,
Пустúвъ конúченька на попасáння,
А самъ прилігъ къ сирій землі на спочивáння,
Присни́вся козакóві дивнесéнький сонъ:
Зъ-підъ прáвоі зъ-підъ рýченьки вúлинувъ сокóлъ,
Зъ-підъ лівоі зъ-підъ білоі сіра ýтінька.
Поіхавъ козáченько до воріженьки:
»Воріженько! голýбонько! отгадáй мій сонъ!
Що вúлинувъ зъ-підъ рýченьки яснéнький сокóлъ,
Зъ-підъ другоі зъ-підъ білоі сіра ýтінка.«
—»Біжú, біжú, козáченьку, и не стоючú,
А вже твоéі милéнькоі не застаючú.
Учóра изъ вéчора сúна привелá,
Самá молодéнька до грóбу лягла́....« и проч.

Великоросіяне усвоили эту пѣсню и поютъ ее такъ:

Поѣхалъ нашъ казаченька на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ казаченька до воеваньица,
Становился казаченька середи пути,
Среди пути дороженьки, близь крутой горы,
Пустилъ своего добра коня въ зелены луга,
Раскинулъ онъ, казчаенька, свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать казаченька подъ бѣлымъ шатромъ,
Увидѣлъ же казаченька дивный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой пóлушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой пóлушки сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаченька, несчастье случилось!«
Какъ тутъ же нашъ казаченька призадумался.
»Пойду, пойду къ старушечкѣ, своей ворожеѣ.«
Пошелъ же нашъ казаченька путемъ-дорогой;
Навстрѣчу казаченькѣ старушка идетъ.
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
»Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ.«
—»Казаченька, мой батюшка! Какой же твой сонъ?«
—»Изъ-подъ правой пóлушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой пóлушки — сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаченька, несчастье случилось!«
—»Казаченька, мой батюшка! нехорошъ твой сонъ:
Твоя жена, Марьяшечка, сына родила,
Къ бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.«

Не много нужно навыка къ народной поэзіи, чтобъ видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перетянутую отъ Малороссіянъ. Совсѣмъ иное въ такихъ пѣсняхъ, къ которымъ принадлежатъ великорусскія пѣсни о горѣ и многія другія. Здѣсь общее съ малороссійскими — одна мысль, основа содержанія и нѣкоторые обороты и поэтическіе образы, неразлучные съ мыслію; складъ же, мѣра — все различное, все носитъ печать своенародности. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежатъ великорусскія (извѣстная: »Калинку съ малинкою«) и малороссійскія (Метлинск., стр. 256—258) пѣсни о превращеніи женщины въ кукушку или пѣсни о матери и дочери въ татарской неволѣ. Въ Великороссіи послѣдняя пѣсня поется такъ:

Digitized by Google

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья.
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ — по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
»Ты встрѣчай меня, молода жена,
Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку — полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльце — ковры вышивать,
Другое дѣльце — гусей стеречи,
А третіе — дѣтей качати.«
— »Я руками ковры вышила,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитя качала:
»Ты качу баю, мое дитятко!
»Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
»Ты некрещеный, немолитвенный,
»А по матушкѣ — мой боярченокъ,
Мой боярченокъ, русска косточка!«
Услыхала молода княжна:
»Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшкѣ злой татарченокъ,
А по матушкѣ — боярченокъ?«
— »Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята!«

Въ червонорусской пѣснѣ (см. «Piesni Ludu Rusk. zebr. Zeg. Pauli» t. 1 166) поется:

Татарове полонъ женуть;
Одинъ полонъ зъ жіночками,
Другий полонъ зъ дівочками,
Третій полонъ зъ дїточками.
Стали кошомъ підъ ярішомъ,
Та взяли сі паювати.
Дівка впала паробкові,
А тещенька зятенькові.
Взявъ вінъ ії по при коні.
Ой, кінь біжить дорогою,
А тещенька терниною,
Назадъ себе поглядае,
Кровця сліди заливае,
Чорний воронъ залітае,
Тоту кровцю изпиває.

Приїзджае вінъ до двору:
»Вийди, вийди, татарочко!
Привівъ тобі невільницю,
А до смерти робітницю!«
А вона ій та й завела,
Три роботи загадала:
Оченьками стадо пасти,
Рученьками кужіль прясти,
Ніженьками колисати.

Теща дитя колисала,
И дитині приспівала:
»Люлю, люлю, татарчатко!
По доненьці унучатко!
Бодай стадо виздихало,
Бодай кужіль попеліла,
Бодай дитя скаменіло!«

Далѣе расказывается, какъ услышалъ эти слова вѣрный слуга и передалъ госпожѣ. Госпожа разгнѣвалась, ударила невольницу по лицу. Она воскликнула:

»Ой ти, доню, моя доню!
Не тількомъ тя годувала, —
По личеньку тя не била!«
— »Мамко жъ моя старенькая,
Почомъ же сь мя испознала,
Щось мя доненькомъ назвала?«

— »Въ неділю барвінокъ різала,
Тайсь си пальчикъ відрізала
И потому-мъ тя пізнала.«

Несмотря на сходныя черты въ этихъ пѣсняхъ, каждая изъ нихъ сложена на особый своенародный ладъ, и нельзя подозрѣвать, чтобъ та или другая въ своемъ образовавшемся народномъ складѣ послужила началомъ для другой. Такія-то пѣсни я признаю древними по ихъ темамъ. Къ нимъ принадлежатъ пѣсни о Горѣ. Если же

Digitized by Google

тема олицетворенія горя или лихой доли существовала раньше XIV вѣка, то старинное вѣрованіе Славянъ въ добрую и злую судьбу, доказанное въ послѣдніе годы нашими учеными: Шевыревымъ, Срезневскимъ, Буслаевымъ, Афанасьевымъ, уполномочиваетъ насъ искать связи этого олицетворенія съ областью славянской миѳологіи, и «Горе-Злочастія» въ открытомъ г. Пыпинымъ стихотвореніи, единое съ горемъ и лихой долей народныхъ пѣсенъ, должно для насъ носить значеніе древняго миѳологическаго существа.

(Редакт. *изъ Современн. 1856. № 10*).

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ О ЩИЛѢ

ПОСАДНИКѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ О ЩИЛѢ

ПОСАДНИКѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. русск. рукоп. in 4° отд. XVII № 69.)

СКАЗАНІЕ О ЩИЛОВѢ МОНАСТЫРѢ, ИЖЕ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВѢГРАДѢ.

Бѣ въ великомъ Новѣградѣ нѣкто посадникъ именемъ Щилъ, при архіепископѣ того же града Иваннѣ; имѣя же у себѣ сына единочада; живущу же ему въ богатствѣ мнозѣ, мнозіе же людіе, купцы, не имуще кунъ, взимаху у него сребро на торговлю въ куны, имаше же лихвы на 14 гривенъ и 4 деньги точію по единой денгѣ на годъ, болѣ же того отнюдъ не имаше. Собра же таковаго имѣнія многое множество и восхотѣ на то кунное собраніе воздвигнути церковъ и соградти монастырь, и вземъ у архіепископа Иванна благословеніе на зданіе церкви во имя Пречистые Богородицы честнаго ея Покрова; наятъ же дѣлатели многи и созда церковъ близъ рѣки Волхова на лугу, отъ града яко двай поприща.

Бывшу же и архіепископу на основаніи же тоя церкви со священнымъ соборомъ, вопросившу же архіепископу Щила, отъ какова имѣнія воздвигну Божію церковъ, егда совершена бысть церкви, Щилъ же моля архіепископа освятити церковъ, понеже о томъ вначалѣ не вопросилъ его, егда испроси благословеніе. Онъ же исповѣда ему истину, яко отъ лихвеннаго собранія создана бысть церкви; архіепископъ же рече ему: уподобился еси Исаву, лестію вземъ благословеніе отъ мене на таковое божественное дѣло; нынѣ же повелѣваю ти ити в домъ свой, и повелѣ (и) у зданія своего въ стѣнѣ устроити гробъ, и повѣжь вся своя тайны отцу своему духовному, и вздѣвъ срачицу и саванъ и вся яже суть подобна на погребаніе мертвымъ, и лязи въ созданіи своемъ во гробѣ ономъ, и повелѣ (и) и надгробное отпѣти, и Богъ всѣхъ насъ свѣдый тайная сердецъ, елико хощетъ, то и сотворитъ, мы же ко освященію готови будемъ. Щилъ же въ недоумѣніи велицѣ бывъ, рыдаа и плачася иде въ домъ свой, повелѣнія же святителева не смѣ преслушати, вскорѣ вся повелѣваетъ устроити заповѣданная святителемъ. Егда же надгробное пѣніе соборне отпѣша надъ нимъ, внезапу не обрѣтеся гробъ съ положеннымъ въ немъ и бысть въ томъ мѣстѣ пропасть. Святителю же пришедшу на освященіе церкви по моленію щилову и видитъ страшное оно и ужасное видѣніе страха и трепета исполнь и повелѣ иконописцемъ написати вапы на стѣнѣ, видѣніе повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ надъ всѣмъ гробомъ его, и несвященну церковь повелѣ запечатлѣти, дондеже изволитъ Богъ о немъ своего человѣколюбія смотрѣніемъ, и отъиде въ домъ святѣй Софѣи. Сынъ же щиловъ, видя отчю погибель и свое лишеніе, въ велицѣ недоумѣніи бысть и пріиде ко святителю, ища спасенія и помощи лишеной души

Digitized by Google

отца своего. Святитель же повелѣ ему молити Бога о отчей погибели и въ постѣ и во бдѣніи пребывати, и повелѣ на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетники доволно, да поютъ въ ты дни по 40 панахидъ и литургіи неизмѣнно, и в ту 40 дній милостыню безпрестанно творити; егда же совершатся 40 дній пришедъ возвѣсти нашему смиренію. Сынъ же щиловъ по заповѣди святителя вся совершивъ въ 40 дней и возвѣсти святителю. Святитель же отъ клироса своего посылаетъ архидіакона къ запечатлѣнной церкви и повелѣваетъ сокровенно распечатавъ церковь дозрѣти разумно идѣже пропасть гроба и надъ нею стѣнное писаніе, и соглядавъ извѣстно, паки запечатлѣти церковь и возвѣстити себѣ о семъ. Архидіаконъ же по повелѣнію святителя соглядавъ вся разумнѣ и видитъ въ надстѣнномъ писаніи, иже надъ гробомъ, Щила во адѣ во гробѣ, главу же его внѣ ада, и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же заповѣда сыну щилову паки вторую 40 дній такожде сотворити, яко же напреди изъявися, и егда совершатся, паки возвѣстити себѣ о семъ. Той же заповѣданная паки совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же паки посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ, въ надстѣнномъ писаніи. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила во гробѣ и съ гробомъ внѣ ада до пояса и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же паки повелѣваетъ сыну щилову по прежнему обычаю 40 дней третицею сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же третицею посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣннаго писанія. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила внѣ ада съ гробомъ всего изшедша; такоже и гробъ его верху земли обрѣтеся надъ пропастью, пропасти же не бѣ видѣти, во гробѣ же весь цѣлъ обрѣтеся, якоже и положенъ; и сіа вся архидіаконъ возвѣсти святителю. Слышавъ же сіа архіепископъ и пріимъ извѣщеніе отъ Бога, и подвижеся соборнѣ къ запечатлѣнной церквѣ ко освященію, и сицевое чудо предивное и ужаса и страха исполнь хотя видѣти своима очима. Видѣвъ же сіа вся архіепископъ всякаго удивленія исполнь, благодаривъ Бога о недовѣдомыхъ и непостизаемыхъ его судбахъ праведныхъ, и пѣвъ соборне надгробнаа пѣніа надъ гробомъ щиловымъ и церковь освятивъ во славу Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматери. И оттолѣ устроися монастырь, нарицаемый Щиловъ, идѣже и до нынѣ стоитъ. Нѣцыи же глаголютъ: архіепископъ заповѣда сыну щилову по трижды на годъ по сту литургіи пѣти в три лѣта. И сіе до здѣ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(По списку изъ рукописнаго сгнодика съ рисунками, хранящагося въ Импер. Публ. Библіотекѣ.)

Бысть въ великомъ Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ нѣкій посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя оу себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по денгѣ, на новогородской рубль новогородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставити и монастырь создати. И обрѣте мѣсто отъ града два поприща и пріиде ко Іоанну архіепископу, прося благословенія отъ него на основаніе церкви Пресвятыя Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло Божіе и отъиде. Щилъ же пріимъ благословеніе отъ Архіепископа, и посла сына своего наяти дѣлатели и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же

Digitized by Google

сотвори вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Щилъ же моля архіепископа, дабы ѣхалъ на основаніе церкви оноя, начало положилъ; архіепископъ же моленія его не презрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Щилъ же, по совершеніи церковномъ и основаніи, постави трапезу велію и добрѣ оучредивъ архіепископа, дарми одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою честію, а самъ въ домъ свой и отъиде, славя Бога. Архіепископъ же, пріѣхавъ въ домъ святыя Софіи, и пріятъ книги и чтяше правила святыхъ отецъ, и нача разсуждати въ себѣ, вдавъ благословеніе Щилу, а вѣдая его богата суща и мздоимца, понеже не вопроси его отъ коего собранія такое великое дѣло замысли, и о томъ архіепископъ въ великомъ недоумѣніи бысть и въ скорби. Щилъ же нача созидати церкви; по совершеніи же церковнемъ, пріиде ко Архіепископу Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архіепископъ же повелѣ ему съ собою внити въ тайную храмину. Щилъ же вшедъ въ тайную храмину, и рече ему святый Іоаннъ архіепископъ: повѣждь ми, чадо, не скрый Господа ради: отъ коего собранія своего сицевое дѣло начинаеши? Щилъ же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глаголя: согрѣшихъ, отче, прости мя; мнози же людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху сребро и даяхъ имъ въ лихву, на 14 гривенъ, и на 4 денги, на годъ по денгѣ. И на то сребро создахъ церковь, и монастырь оградихъ, и нынѣ, владыко, что ми повелѣваеши? Архіепископъ же глагола ему: и нынѣ ти повелѣваю, оустрои себѣ вся погребалная, срачицу, и саванъ, и вся суть на погребеніе мертвымъ; и исповѣждься отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, и въ погребалныхъ ляги въ созданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повели надъ собою пѣти, всемогій же Богъ открыетъ елико хощетъ, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Щилъ же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребалная, и исповѣдався согрѣшенія отцу своему духовному: и скрывся во гробѣ, и соборнѣ надъ нимъ пѣвше надгробная пѣнія, и внезапну Щилъ во гробѣ оумре, и разсѣдеся мостъ церковный, и не обрѣтеся гробъ предъ ними. И бысть ту пропасть велія; святитель же пріиде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы на стѣнахъ писати церковныхъ надъ пропастію въ подобіе образъ Щиловъ. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ святыя Софіи, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, доидеже изволитъ Богъ: той и сотворитъ.

Сынъ же щиловъ, плача и рыдая, и пріиде, и припаде къ ногама святителя, и рече: святитель великій, помози ми лишенія ради отца моего! что ми повелиши да сотворю? Архіепископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да лутургисаютъ оу 40 церквей. Даждь священникомъ доволно, и причетникомъ, и нищымъ и темничникомъ; и въ тѣхъ 40 днехъ на всякъ день понахіды поютъ и литургіи служатъ неизмѣнно, и на распутіяхъ никого не минуй, ни алчна, ни жадна, ни нага, да и монастырь препитай елико возможно, и тако сотвори: и пріиди къ нашему смиренію, и возвѣсти ми о семъ. Сынъ же щиловъ повелѣ лутургіи служити 40 дней, лишенія ради отца своего, и милостыню нищимъ доволно давати, и сотворивъ всю четыредесятницу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же щиловъ пріиде ко архіепископу и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего; вторицею повелѣ ему творити, яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архіепископъ же посла архдіакона досмотрити въ церкви щиловѣ пропасти, архідіаконъ же видѣ щилова гроба наруже не много и отъиде запечатавъ церковь, и возвѣсти архіепископу чюдо сіе о немъ. Архідіаконъ же пріиде, и возвѣсти великому святителю, что щилова гроба наруже не много видѣть. Архіепископъ же повелѣ щилову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую четыредесятницу: такожде сотворивъ, и пріиди къ нашему смиренію, и возвѣсти о семъ. Архіепископъ же посла того же архідіакона досмотрити щи-

Digitized by Google

ловы пропасти, архідіаконъ же пріиде и видѣвъ того гробъ половина наруже, и пріиде и возвѣсти архіепископу чюдо сіе. Сынъ же рекомаго Щила пріиде ко архіепископу и возвѣсти ему: еже сотворихъ лишенія ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призва щилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывати въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четыредесятницу, вдвое того больши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же щиловъ четыредесять дней подаяхъ (лъ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же посла того же архідіакона, въ третіе досмотрити того великаго чюдеси. Архідіаконъ пріиде въ церковь, и видивъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чюдо сіе. — Щиловъ же сынъ повелѣ служити лутургіи 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыню доволну даяше во всю четыредетятницу, елико заповѣда ему святитель то и сотвори. Сынъ же щиловъ пріиде ко святителю и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего всю 40 дней. Архіепископъ же повелѣ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребе его самъ со освященнымъ соборомъ съ великою честію, а храмъ той освяти самъ со освященнымъ соборомъ, во славу Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Къ какому именно времени относитъ эта повѣсть описываемое событіе — съ точностію опредѣлить трудно. Имя Олонія Щила встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1309 годомъ: »поставиша церковь камену на Дубенкѣ (или на Дубнѣ) во имя святыя Богородицы Покровъ, стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха, нарицаемаго Щила (Новгор. четв. лѣт. стр. 47); но въ то время архіепископомъ Новгородскимъ былъ не Іоаннъ, называемый такимъ образомъ въ повѣсти, а Давидъ, поставленный въ 1306 году и правившій епархіею до 1326 года. Сочинитель книги: Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ (стр. 303), ссылаясь на Исторію Россійской Іерархіи, приписываетъ основаніе монастыря, о которомъ говорится въ нашей повѣсти, Олонію Щилу, но относитъ это событіе къ 1410 году, когда дѣйствительно архіепископъ новгорода назывался Іоанномъ. »Посадникъ Олоній (Леонтій) Щилъ, по принятіи монашескаго чина, извѣстенъ основаніемъ въ 1410 г. покровскаго новгородскаго монастыря, его именемъ названнаго, находившагося на правомъ берегу Волхова, разстояніемъ отъ города къ югу въ 3-хъ верстахъ, противъ Юрьева монастыря». Но откуда знаетъ авторъ, что въ то время существовалъ такой посадникъ — объ этомъ у него нѣтъ ничего, и что всего страннѣе, — свѣдѣніе о Щилѣ напечатано въ примѣчаніи къ 225 страницѣ сочиненія, а на 225 страницѣ нѣтъ ни слова о Щилѣ. — О Щиловомъ монастырѣ есть извѣстіе въ отрывкѣ русской лѣтописи, напечатанномъ приложеніемъ къ софійскому списку подъ 1528 годомъ; именно: въ это время устроено было общежительство во многихъ новгородскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ и въ Щиловѣ; изъ этого извѣстія видно, что монастырь этотъ былъ въ числѣ загородныхъ. »А около града того которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена: Антоніевъ монастырь на Деревяницѣ, Благовѣщенской, Оркажъ, на Колмовѣ, на Ковалевѣ, на Волотовѣ, на Ситицки, Чудо Архангела на Сковородкѣ, въ Нередицахъ, въ Щиловѣ, на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перынѣ, Николинъ конецъ Легощи улицы и проч. (П. Собр. Л. VI. 285). Въ росписи Новгородскихъ церквей, сдѣланной въ 1615 году, въ числѣ монастырей значится монастырь Щиловъ, а въ немъ храмъ каменъ Покровъ Богородицы (Оп. о Посадн. Новгород. стр. 303). Впослѣдствіи, сколько извѣстно, не встрѣчается уже упоминовенія объ этомъмонастырѣ. Такъ какъ въ лѣтописи подъ 1309 г. говорится о построеніи Щиломъ церкви Покрова, а монастырь подъ именемъ Щилова былъ посвященъ празднику Покрова Пресвятыя Богородицы, то изъ этого вѣроятнѣе будетъ предположить, что событіе, описанное въ повѣсти, относится къ 1309 г.; что же касается до имени архіепископа Іоанна, то, вѣроятно, въ позднѣйшее время оно у переписчиковъ измѣнилось изъ имени Давида въ имя Іоанна.

Здѣсь изображается наказаніе за взиманіе роста (процентовъ). Церковь безусловно охуждаетъ росты, и Щилъ представленъ вовсе не грабителемъ, не безжалостнымъ

Digitized by Google

ростоимцемъ, напротивъ онъ беретъ чрезвычайно малые проценты, но тѣмъ не менѣе виноватъ и за то что беретъ. Самый способъ наказанія, какое постигаетъ Щила, указываетъ на подмѣсь къ церковнымъ понятіямъ какихъ-то своебытныхъ народныхъ; наказаніе душъ послѣ смерти отражается на трупѣ, такъ-что существованіе человѣка послѣ смерти соединено съ понятіями о состояніи его тѣла послѣ смерти. Трупъ проваливается: слѣдовательно воображеніе представляетъ какую-то подземную область.

Редакт.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ

И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОНІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОНІИ.

ВАРІАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Императ. Публ. Библ. in f° отд. I. № 294) (¹).

Сей оубо въ роустѣй земли градъ нарицаемый Муромъ, в немьже державъствуя благовѣрьный кнѧѕь, яко повѣдаху имя его Павелъ. Искони же ненавидѧй добра роду человѣчю діѧволъ всели непріязьненнаго змія лѣтящего к женѣ князя того блоуд . . . сѧ и своими мѣчьты якоже . . . . . тѣствомъ и приходящимъ людѣмъ . . . . . ѧшесѧ якоже кнѧѕь самъ сид . . . . . же его не тояше но повѣдаше . . . жеви своему вся ключаашесѧ иже непріязьнивый осилѣ с. . . . . кнѧѕь мысляше что зміеви . . . . недоумѣѧшесѧ и рече ж . . . . глю, жено; но недооумеюсѧ . . . рити непріѧзьнивому то . . . . оубо не вемъ како нанесу . . . . бо глаголать к тебѣ каково слово . . . . сиши лестію и о семъ весел . . . . ѧзнивымъ духомъ ѡт чего е . . . . . глати но и въ будоущіи вѣкъ нелицемѣрнаго судію Христа милостива ми себѣ сотвориши, жена же мужа своего глаголъ въ сердцы се твердо пріимьши, оумысли во оумѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дни неприязнивому тому змію пришедшу к неи, она же, добру памѧть при сердцы имѣѧ, глаголъ с лестію прилагаетъ к неприязьни тои глаголы многіѧ і иныѧ речи, и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвалѧ; рече: яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Он же непріѧзьнивыи прелестникъ и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ ѡт вѣрьныѧ жены, яко непьщева таину си, изрече к неи, глаголѧ: смерть моѧ есть ѡт петрова плеча, ѡт агрикова же меча. Жена же, слышавъ таковоу речь, во сердцы твердо сохрани, и, по отшествіи непріѧзьниваго того, поведа кнѧзю моужеви своему, якоже реклъ ей зміи. Кнѧѕь же, послышавъ, недоумѣяшесѧ что есть смерть ѡт петрова плеча и ѡт агрикова меча. Имѣяше же оу себѣ приснаго брата именемъ кнѧзѧ Петра; въ единъ же ѡт дни призьва его к себѣ и нача повѣдати зміеви речи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ слышавъ ѡт брата своего, якоже зміи нарече тезоименитому исходатаѧ смерти своеи, нача мыслити, недооумѣясѧ в моужестве како оубити ѕміѧ, и

(¹) Рукопись эта — чети-минея за мѣсяцъ іюнь, одной редакціи съ макарьевскою. Конца XVI вѣка, писана полууставомъ. Въ ней включены нѣсколько картинокъ, изображающихъ нѣкоторыя событія изъ настоящей повѣсти. Мѣста, означенныя точками, вырваны въ оригиналѣ и заклеены бѣлой бумагой. Мы оставляемъ неизмѣнно образъ правописанія, позволивъ себѣ только раздѣлить слова и разставить знаки препинанія. Большая часть мягкихъ знаковъ (ь) въ срединѣ словѣ въ подлинникѣ означена надстрочными значками (ь). Такъ-какъ этотъ варіантъ, хотя старѣе послѣдующихъ, неполонъ, то просимъ читателей, которымъ эта повѣсть неизвѣстна, для скорѣйшаго знакомства съ ея содержаніемъ, прочитать прежде одинъ изъ слѣдующихъ за симъ варіантовъ.

Digitized by Google

веще бяше въ немъ мысль. яко не вѣдаше агрикова меча. Имѣяше обычаи ходити по церквамъ оуединѧсѧ, бе же вне града церковъ въ женьстенъ монастыри Воздвиженіе честнаго и животворѧщаго креста, и пріиде к неи единъ помолитисѧ, явижеся емоу отроча, глаголѧ: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь. Онъ же, хотѧ желаніе свое исполнити, рече: да вижду где есть. Рече же отроча: иди в слѣдъ мене; и показа емоу во олтарьнои стѣнѣ . . . средами скважню въ ней же ле . . . Благовѣрный же кнѧзь Петръ, вземъ мечь тои пріиде повѣда братоу своемоу, и ѡт того дни искаша подобна времени да оубіетъ зміѧ, по вся же дни ходя ко братоу своемоу и къ снохѣ своей на поклоненіѧ. Приключися же ему пріити въ храмину к братоу своему, и ѡ том же часу шедъ къ сносе своеи во ину храмину, и видѣ оу неи брата своего сидѧща, и, паки ѡтшедъ ѡтъ неѧ, въстрете ѡтъ предстоѧщихъ нѣкаего братоу его и рече емоу: изыдохъ оубо ѡт брата своего къ сносѣ, братъ же мои оста въ своемъ храмѣ, мнѣ же не коснѣвъшу никаможе, но воскорѣ пришедшоу въ храмину къ сносѣ моеи, не свѣмъ и чюжоусѧ яко братъ мои напреди менѣ обретесѧ въ храминѣ оу снохи моеѧ. Той же человѣкъ рече емоу: никакоже, господи, по твоемъ ѡтшествіи не изыдѣ братъ твои ис своея храмины. Он же разоумѣвъ быти пронырьствоу лукаваго зміѧ, пріиде къ братоу и рече емоу: когда оубо сіимо пріиде; азъ бо ѡт тебѣ исъ сеѧ храмины изыдохъ, и негде ли ничесоже помедьливъ, пріидохъ к женѣ твоеи во храмину, и видѣхъ тя с нею сидѧща и чюдѧхсѧ како пред мене ѡбрѣтесѧ; пріидохъ же паки сѣмо нигдѣ же помедьливъ, ты же не вѣмъ како предтече и на преди мене здѣ ѡбрѣтесѧ. Онъ же рече: никако же бѣхъ. Кнѧзь же Петръ рече: се есть, брате, пронырьство лукаваго зміѧ, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотелъ оубити его, яко непщоуѧ своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братисѧ со зміемъ, да не ли же божіею помощію оубіенъ да боудетъ лукавый зміи. И вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и пріидѣ въ храмину къ сносѣ своей, и видѣ зміѧ зракомъ акы брата, симъ и твердо оуверивъсѧ, яко нѣсть братъ его, но прелесныи зміи, і оудари его мечемъ, змій же явисѧ яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и ѡкропи блаженьнаго кнѧзѧ Петра кровію своею. Ѡнъ же от нѣѧпріѧзнивыѧ тоѧ крови і ѡструпи і язьвы быша, и пріиде нань болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своеи дерьжавѣ ото многихъ врачь исцеленіе, ні ѡт единаго получи, и слышавъ же яко мнози соуть врачевѣ въ пределехъ резанскіѧ земьли, повеле себе тамо повести; не бѣ бо.... мощенъ на конѣ сидѣти ѡт великіѧ болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскіѧ земли, и посла суньклитъ свой възыскати врачевъ. Единъ же ѡт предстоящихъ емоу юноша оуклонисѧ въ вѣсь нарицающу Ласково, пріиде к некоемоу вратомъ, и не видѣ никогоже, и вниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтилъ, и вънидѣ въ храмину и зрѧ виденіе чюдно: сидѧше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача заецъ, и глаголѧ дѣвица: не лѣпо есть быти дому без оушію и храму без очію; юноша же то не внятъ въ оумѣ глаголъ . . . рече к девицы: гдѣ есть человѣкъ мужеска полу иже здѣ живѣтъ? онаже рече: отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мои идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти; юноша же тои не разоумѣ глаголъ еѧ, дивлѧшесѧ ѕрѧ, и слыша вѣщь подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: вънидохъ къ тебѣ зрѧ тѧ дѣлающ, (у) и виде же заецъ пред тобою скача и слышоу ѡт оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣмъ что глаголеши; перво бо рече: нелѣпо есть быти дому без ушію и храму безо очію; про отца же твоего и матерь рече яко идоша в заемъ плакати, брата же своего глаголеши чрезъ ноги въ нави зрѣти и ні единого слово ѡт тебѣ разоумѣхъ. Ѡна же глагола емоу: сего же ли не разоумѣеши? пріиде въ домъ мой сіи, въ храмину мою вниде, и видѣвъ мѧ сидѧщу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю песъ и чювъ тѧ къ дому приходѧща, лаелъ бы на тѧ: се бо есть домоу оуши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тѧ ис храмины приходѧща, сказал а (о) бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ ти про ѡтца и матерь и

Digitized by Google

про брата, яко ѡтець мой и мати моѧ идѣ въ заемъ плакати: пощли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоуть; егда же по нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нихъ оучнутъ плакати: се же есть замованьный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко ѡтець мои и братъ дрѣволѣзцы соуть, въ лѣсе бо медъ ѡт древъ всакъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і якоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зрѣти, мыслѧ абы не оурьватисѧ с высоты; аще ли кто оурьветсѧ, сеи живота гоизнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зрѣти. Глагола же еи юноша: вижю тѧ дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имѧ свое. Она же рече: имѧ ми есть Февьроніѧ. Той же юноша рече к ней: азъ есми муромьскаго кнѧзѧ Петра служаи ему; кнѧзь же мой имѣѧ болѣзнь тѧжкоу и язьву оструплену, бо бывышоу ѡт крови летѧщаго зміѧ, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одерьжаніи искаше исцеленіѧ ото много врачевъ, и ні ѡт единаго получи; сего ради семо повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевѣ, но мы не вѣмы камо (ко) имѣноуютсѧ, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради въпрошаемъ ѡт нею. Ѡна же рече: аще бы кто требовалъ кнѧзѧ твоего себѣ и моглъ бы оуврачевати. Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомоу требовати кнѧзѧ моего себѣ? аще кто оуврачюетъ и кнѧзь мои дастъ емоу имѣніѧ много; но скажі ми врача того, кто есть и камо есть живетъ? Она же рече: да пріведеши кнѧзѧ моего сѣмо; аще будетъ мах госерьдь и сміренъ во ѡтвѣтехъ, да боудетъ здравъ. Юноша жь скоро возвратисѧ ко кнѧзю своемоу и повѣда ему все порядоу еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везете мѧ, гдѣ есть дѣвица, и приведоша (его) въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней ѡт отрокъ своихъ глаголѧ: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотѧ мя оуврачевати, да оуврачюютъ мѧ и возьметъ имѣніѧ много? Она не ѡбинуясѧ рече же: азъ есмь хотя изврачевати, но имѣніѧ не требоую ѡт него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть врачевати его. Пришедъ человѣкъ тои и повѣда кнѧзю своемоу, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не бреги словеси еѧ, и помысли: како кнѧзю соущу древоласца дщи поѧти себѣ женоу и .....

ри шедша рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, почерпе киследи своей и доуну на нѧ и рече: да оучредѧтъ кнѧзю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и единъ строупъ да ѡставитъ не помазанъ: и боудетъ здравъ. І принесоша к немоу таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хѡтѧ искоусити во ѡтвѣтехъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы еѧ ѡт юноши своего; посла к неи съ единымъ ѡт слоугъ едіно повѣсмо льноу, рече: яко сіѧ дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцѡ в ту годину, в нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе к неи льноу повѣсма и кнѧзь же (княже) слово сказа. Она же рече слоузе: взыди на пѣщь нашу и снемъ з градъ полѣньца, снѣсй ми сѣмо. Онъ же, послушавъ еѧ, снѣсе поленца; ѡна же отмѣривъ падію и рече: ѡтсѣки се отъ поленьца сего. ѡнъ же ѡтсѣкъ. Она же глагола: возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же кнѧзю своемоу и ѡт мене рьцы емоу: въ кіи часъ се повѣсма азъ очешу, а кнѧзь твои да приготовитъ ми в сѣмъ оутиньцы станокъ и всѣ строеніе кымъ сочтетсѧ полотно. Слоуга же принесе ко кнѧзю оутинокъ полѣньца и речи дѣвичи сказа. Кнѧзь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможно есть въ таковѣ древьцы въ малѣ и в такову малу годиноу сицева строеніѧ сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа еѧ кнѧзю же речь; дѣвица же ѡтрече кнѧзю: а се ли возможно есть человѣкоу мужеска полу возраста во единомъ повѣсмѣ лноу въ малу годину, въ нюже пребудетъ въ бани, сотворити срачицу и порты и оубрусецъ? Слоуга же ѡтъидѣ и сказа кнѧзю. Кнѧзь же дивласѧ отвѣту еѧ. И по времени кнѧзь Петръ идѣ въ баню мытисѧ и повелѣніемъ дѣвица помазаѧ язьвы и строупы своѧ и единъ строупъ остави непомазанъ по повѣленію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзьни

Digitized by Google

чюяше; на оутріѧ же оузрѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ единаго струпа, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвичю, и дивьлѧшесѧ скорому исцелѣнію; но не восьхоте пояти ю себѣ женою ѡтчества ради. И посла к неи дары. Она же не пріѧтъ.

Кнѧзь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравствуѧ. На немъ же бе единъ струпъ еже бе не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и ѡт того строупа начаша многи струпы расходитисѧ на тѣле его ѡт перваго дни, в онь же поеха во ѡтчиноу свою, и бысть весь остроупленъ.

И паки възвратисѧ на готовое исцелѣніе къ дѣвицѣ; якоже приспѣ въ домъ еѧ і со студомъ посла къ неи просѧ врачеваніѧ. Она же, ни мала гнѣва подеръжавъ, рече: аще боудетъ ми супроужьникъ, да боудетъ оуврачеванъ; онъ же с твердьостію слово дасть еи, яко имать пояти женоу себѣ. Сія же пакы, якоже и преже, тожъ врачеваніе дасть емоу; се же преже писахъ. Онъ же въскорѣ исцелѣніѧ получивъ, і поѧ женоу себѣ. Токою жъ виною бысть Февроніѧ княинѣ. Пріидоша во ѡтчиноу свою градъ Муромъ и живѧста во всѧкомъ благочестіи, ничтоже ѡт Божіѧ заповѣди оставльѧюще.

По малеже дни предреченьныи кнѧзь Павелъ ѡтходитъ житіѧ своего; благовѣрный же кнѧзь Петръ по брате своемъ единъ самодерьжавецъ бываетъ граду своему. Кънѧини же Февроніи бояре же его не любѧхоу женъ своихъ ради, і яко бысть княгини, ѡтечества ради еѧ, Богоу прославльѧющоу ю добраго ради житіѧ еѧ. Никогда (нѣкогда) же бѣ нехто ѡт предстоящихъ еи пріидѣ къ благоверному кнѧзю Петроу наводити на ню: яко ѡт коегож.... своего безчину исходитъ внегьда бо во .... ем и взимаетъ въ рукоу свою крох.... Благовѣрьный же кнѧзь Петръ, хотѧ ю искусити, повелѣ да ѡбѣдаетъ с нимъ за единымъ столомъ. Яко оубо сконьчавьшоусѧ столоу, ѡна же яко обычаи имѧше .... со стола в роуку свою крохи и кнѧзь .... пріимъ за рукоу и развѣде и видѣ ..... добровоньной и фимьянъ, и ѡт того дни ѡста ю ктому не иськоушати.

По многемь же врѣмени пріидоша к нему сь яростію бояре его рькуще: хощемъ, кнѧже, вси праведно слоужити тебѣ и самодерьжавцомъ имѣти тебѣ, но кнѧини Февроніи не хощемъ, да господьствуетъ женами нашими, а хощеши самодержавцемъ быти, да боудетъ ти инаѧ княгинѧ, Февронія же возмѣтъ богатества довольно себѣ, и ѡтидетъ аможе хощетъ. Блаженный же кнѧзь Петръ, яко ему ѡбычаи, ни ѡ чесомъ ярости имѣѧ, смиреніемъ отвѣщаѧ: яко же речете, и тогьда слышимъ. Они же, невежства напольнивьшисѧ бесьтоудія, оумыслиша да оучредѧтъ пиръ. И сотворимъ (сотвори имъ). Якоже быша весели, начаша простирати бестоудьныѧ своѧ глаголы аки пси лающа ѡтемлюще оу святыѧ Божіи даръ, еи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголахоу: Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его егоже мы просимъ оу тебѣ? И ѡна рече: да возмета его же просита. Она же едиными оусты рекѡша: мы оубо, госпоже, вси кнѧзѧ Петра хощемъ, да самодерьжьствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствоуеши надъ ними; вземъ богатесьтво доволно себѣ, ѡтидеши аможе хощеши. Ѡна же рече: обещахсѧ вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадіте мнѣ егоже аще азъ попрошу ваю. Ѡни же зли ради бывше и (не) свѣдоуще будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единаго, бесъ прекословіѧ вземши. Она же рече: ино прошу токмо соупруга моего кнѧзѧ Петра. Ѡни же рѣша: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо напольни имъ мысли, яко аще не боудетъ кнѧзь Петръ, да поставимъ собѣ иного самодерьжьцемъ. Нѣкии же ѡт бояръ во оумѣ своемъ держаше яко самъ хощетъ самодерьжьцемъ быти.

Блаженный же кнѧзь Петръ не возлюби временнаго самодержьства кромѣ Божіихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествоуѧ, дѣрьжасѧ сихъ заповедѣй, яко богоглаголаньныи Матьфей во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ, рече бо: яко аще постриженъ (¹) женоу свою разьвѣ словѣси прелюбодѣйнаго и ѡжениться иною, прелюбы тво-

(¹) Въ Евангеліи читается: иже аще *пустить* жену свою... Мѳ. 19, 9.

Digitized by Google

ритъ; сей же блаженьный кнѧзь по евангелію сотвори, да заповѣди Божіи не разрушитъ. Ѡни же злочестивіи бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголемаѧ Ока; ѡни же пловоуще по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженныи княгини Февронін в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възрѣвъ на святую с помысломъ; ѡна же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ ѡбличи и рече ему: почерьпи воды из реки сеѧ сію страноу судна сего. Ѡнъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Ѡнъ же пивъ. И рече же паки ѡна: почерьпи оубо воды з другои страны соудна сего. Ѡнъ же почерьпе. И повелѣ ему паки испити. Ѡнъ же пивъ. Ѡна же рече: равьна ли оубо си вода есть или едіна сладши? Ѡнъ же рече: едіна есть, госпожа, вода. Паки же ѡна рече: сице едіно естество женское есть; почьто оубо свою женоу ѡставлѧѧ и чюжіѧ мысліши? Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ ней есть прозрѣніе даръ, боясѧ к тому таво помышленіѧ.

Вѣчероу же бывшоу, начаша ставитисѧ на брезѣ, блаженный же кнѧзь Петръ яко помышьляти начатъ како боудетъ, понеже волею самодержьство гознусѧ. и прѣдивьна яже кнѧгинѧ Февроніѧ глагола емоу: не скоръби, кнѧже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти. На брѣзе же томъ блаженьномоу кнѧзю Петру на вечерю его ясть готовлѧхоу, и потомъ поворъ его дрѣвьца малы, на нихъ же котьлы висѧхоу; по вѣчериже святаѧ княгини Февроніѧ ходѧщи по брѣгоу и видѣвьши дрѣвьца тыи, благослови рекше: да боудутъ сіи на оу . . . . дрѣва велицы имущи листвіѧ. И бысть такоже. Въставьши въ оутрѣ, ѡбрѣтоша тыѧ дрѣвьца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотѧхоу людіе ихъ роухледь вмѣтати въсоуды со брѣга, пріидоша же иже вельможа ѡтъ града Мурома, рекоуще: Господи кнѧже! ѡт всѣхъ вельможъ и ѡт всего града пріидохъ к тебѣ: да не ѡставиши насъ сирыхъ, но возвратишисѧ на свое отечество; мноѕи бо вельможи въ граде погибоша ѡтъ меча, кнѧжьдо ихъ хотѧ дерьжавствовати, сами изгубиша, а ѡставьшіи вси с народомъ молѧтъ, глаголюще: господи кнѧже! аще прогънѣвахъ тѧ и раздражихъ тѧ, не хотѧщимъ княгини Февроніѧ господьствуетъ женами нашими, и нынѣ жо со всѣми домы своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженьный же кнѧѕь Петръ и блаженьнаѧ княгинѧ Февроніѧ възвратишасѧ во градъ свои, и бѧхоу дерьжавьствоующи въ граде томъ, ходѧща въ всѣхъ заповѣдехъ и ѡправьданіихъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестаньныхъ, и молитвахъ, и въ милостынѧхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивіи отець и мати имѣста ко всѣмъ любовь равьну имоущи, не любѧста горьдости ни грабьленіѧ, ни богатества тлѣньнаго щадѧше, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истиньнаѧ пастырѧ, а не яко наемьника: градъ бо свои истиньною кротостію, а не яростію правѧще, и странныѧ пріемьлюще, альчныѧ насыщающе, нагіѧ ѡдѣвающи, бѣдныѧ ѡт напасти избавьлѧющи.

Егьда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога, да во единъ часъ боудутъ преставьленіе ею, и съвѣтъ сотвориша да боудутъ положены ѡба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во единомъ камени два гроба, едіну токьмо предградоу имущи межоу собою. Сами же во едіно времѧ ѡблекошасѧ во мьнишескіи ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ, во иноческомъ чиноу Давидъ, преподобнаѧ же Февроніѧ наречена бысть во иноческомъ чиноу Еоуфросиніѧ.

В тоже времѧ преподобнаѧ Февроніѧ, наречена Еоуфросиніѧ, въ храмъ пречистыѧ соборьныѧ церкви своима роукама шияше воздоухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженьныи кнѧѕь Петръ, нареченныи Давидъ, приславъ к неи, глаголя: о сестро Еѵфросиніѧ! хощу оуже ѡтити ѡт тѣла, но ждоу тобѧ, да купно ѡтоидемъ. Ѡна же рече: пожди, господине, да яко дошю воздухъ во святоую церковь. Ѡнъ же въторицею послалъ к нѣи, глаголѧ: оуже бо мало пожьдоу тебѣ. І яко же третицею глаголя, приславъ к нѣи: оуже бо хощу преставитисѧ,

Digitized by Google

не жьдоу тебѣ; ѡна же ѡстанощьное дѣло възьдоуха святаго шияше, оуже бо единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и вотькьне иглоу, и приверьте нитію, еюже шияше, и посла к блаженьномоу нареченному и Давидоу ѡ преставьленіи коупьнѣмъ, и помолимсѧ предста въкоупѣ святаѧ своѧ душа в руцѣ Божіи мѣсяца іюнѧ въ 25 день.

По преставленіи еже ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженьныи князь Петръ боудетъ внутри града оу соборныѧ церкви пречистыѧ Богородицы, Февроніѧ же вне града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рькоуще: яко в мьнишескомъ ѡбразѣ не оугодьно есть положити святыхъ въ единомъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особны и обложиша телеса ихъ вне: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во ѡсобьныи гробъ, и поставиша вноутрь града въ церкви пречистыѧ Богородицы даоутріѧ, святая же Февроніѧ тѣло вложиша вне града оу церкви Воздвиженія честнаго креста; ѡбщій же гробъ, егоже сами повѣлеша истесати собѣ во единомъ камени, ѡста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборьные церкви, иже вноутрь града. На оутрія же воставша людіе, ѡбрѣтоша гроби ихъ ѡсобниѧ тощи и въ нѧ же в нихъ вложистасѧ, святая же тѣлеса ихъ ѡбрѣтоста вноутрь града въ соборныѧ церкви пречестыѧ Богородица во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумьніи, якоже въ животѣ ѡ нихъ матущасѧ, тако и по честнемъ ею преставленіи: паки положиша во особъныи гробы и паки разьнесоша; и паки же ѡбрѣтоша на оутріи святіи во единомъ гробѣ; и къто му не смѣяху прикоснутисѧ святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во единомъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборьныѧ церкви Рожества пречистыѧ Богородица вноутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томоу; иже бо с вѣрою прирыщущихъ к мощемъ ихъ неѡскудьно исцѣленіе пріемьлютъ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(По списку Импер. Публ. Библ. отд. XVII № 18.)

Бѣ убо в роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в внемже бѣ самодержавствуяй благовѣрный князь, повѣдаху именемъ Павелъ. Искони же ненавидяи добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змия к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше с женою своею; тѣми жъ мечты мнози времяна преидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змий же неприязнивый осилѣ над нею. Князь же мысляше что змиеви сотворити, но не доумѣяшеся; и рече женѣ своей: мыслю, жено, и недоумѣюся что сотворити неприязни тому: смерть убо не вѣмъ каку нанесу нань; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ. Вѣсть сей неприязненый духомъ своимъ отъ чего ему смерть хощетъ быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаеши, сама свободишися не токмо в нынѣшнемъ вѣце злаго дыхания, и сепения, і всего скаредия, его же срадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголъ въ серцы си твердо приимши, умысли во умѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дній неприязнивому тому змию прилетѣвшу к ней, она же добру память при сердцы имѣя, глаголъ лестию предлагаетъ к неприязни той, глагола многия иныя рѣчи,

Digitized by Google

и по сихъ, с почтеніемъ вопросивъ его хваля, рече: яко много вѣси, і вѣси ли кончину свою: какова и отъ чего будетъ ти? Онъ же, неприязнивый прелестникъ, прельщенъ добрымъ прелщеніемъ отъ вѣрныя жены, яко непщева тайну къ ней рещы, глаголя: смерть моя есть от петрова плеча, а от агрикова меча. Жена же, слышавъ такую рѣчь, в сердцы си твердо сохрани, и по отшествіи неприязниваго того, повѣда князю мужу своему яко же реклъ есть змий. Князь же то слышалъ, недоумѣяшеся что есть смерть отъ петрова плеча, а отъ агрикова меча. Имѣяше же у себя присиаго брата, именемъ князя Петра. Во единъ же отъ дний призва его къ себѣ, и начатъ ему повѣдати змиевы рѣчи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нареченъ тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняяся мужественне, какобы убити змия, но и еще беяше в немъ мысль, яко не вѣдый агрикова меча. Имѣяше же обычай ходити по церквамъ, уединяяся. Бѣяше же внѣ града церковь в женстемъ монастырѣ Воздвижение честнаго и животворящаго креста; и приде к неи единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь? Онъ же, хотя желание исполнити, рече: да вижу гдѣ есть. Рече же отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарней стѣне межу камения скважнею в немже мѣсте лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ взятъ мечъ той, и приде повѣда брату своему, и отъ того дни искаше подобна времени да убиетъ змия. По вся же дни ходяй к брату своему и к спосѣ своей на поклонение, і видѣ у нея сѣдяща брата своего, и пошедъ отъ нея, въстрѣте нѣкоего отъ предстоящихъ брату его, и рече ему: изыдохъ убо от брата моего к сносе моеи; братъ же мой оста в своемъ храму; мнѣ же не коснѣвшу никаможе, но вскорѣ пришедшу в храмину к сносѣ моей, и не свѣмъ чюжуся, како братъ мой напреди меня обрѣтеся в храминѣ у снохи моея. Той же человѣкъ рече ему: никакоже, господи, по твоемъ отшествіи но изыде братъ твой из своея храмины. Онъ же разумѣ быти пропырству лукаваго змия, и приде ко брату, и рече ему: когда убо приде сѣмо? Азъ бо отъ тебе изыдохъ и нигдѣ же ничесоже помедливъ, пріидохъ к женѣ твоей в храмину, і видѣхъ тя с нею сѣдяща, і почюдихся како напредъ мене обрѣтеся; приидохъ же паки сѣмо, нигдѣ же ничесоже паки помѣдливъ, ты же не вѣмъ како мя предтече, напредъ мене здѣ обрѣтеся? Онъ же рече: никако же, брате, из храма сего по твоемъ отшествіи не изыдохъ, и у жены своея никакоже бѣхъ. Князь же Петръ рече: есть, брате, се пронырство лукаваго змия, да тобою ми ся кажетъ, аще не бы хотѣлъ убити его, яко непщуя тебе своего брата; нынѣ убо, брате, отсюду никаможе иди, азъ же тамо иду братися со змиемъ, да негли Божиею помощию убиенъ будетъ. І вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и приіде в храмину къ сносѣ своей, и видѣ змия зракомъ яко брата си, и твердо увѣрися яко нѣсть братъ его, но прелестный змий, и удари его мечемъ; змий же явися ему яковъ же бѣ естествомъ, и нача трепетатися і бысть яко мертвъ, и окропи блаженнаго князя Петра кровю своею. Онъ же отъ непріязнивыя тоя крови оструне; и язвы быша; и приіде нань болѣзнь тяжка зѣло; и іскаше во своемъ одержаніи отъ много врачевъ исцѣления, и ни отъ единаго получи.

Слышавъ же яко мнози суть врачеве в предѣлахъ резанския земля, и повелѣ себе тамо вести; не бѣ самъ мощенъ на конѣ седѣти отъ великия болѣзни. Привезенъ же бысть въ предѣлы резанския земли, и пославъ синъклитъ свой искати врачевъ. Единъ же отъ предстоящихъ ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково, и приіде к некоего дому вратомъ, и не видѣ никого же, и вниде въ домъ, и не бѣ кто бы его челъ, и вниде в храмину, и зря видѣние чюдно: сѣдяще бо едина дѣвица и ткаше красна, пред нею же скача заецъ. И глагола дѣвица: не лѣпо есть быти дому без ушии и храму безо очию. Юноша же той не внятъ глаголъ... ....(1) во умъ. Рече юноша ко дѣвицы: гдѣ есть чело-

(1) Слово осталось неразобрано въ рукописи.

Digitized by Google

вѣкъ мужска полу, иже живетъ здѣ? Она же рече: отецъ мой и мати моя поидоша в заимъ плакати, братъ же мой поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же той не разумѣ глаголъ ея, дивляше же ся зря и слыша вещъ подобную чюдеси, и глагола дѣвицы: внидохъ к тебѣ, і вижу тя дѣлающу, и видѣ заецъ предъ тобою скача, и слышу ото устъ твоихъ глаголы странны нѣкаки, и сего не вѣмъ что глаголеши; первое бо рече: нелѣпо есть быти дому без оушию и храму безо очию; про отца же своего и матерь рече: яко идоша в заимъ плакати, а брата же своего глаголя чрез ноги в нави зрѣти; и ни единаго слова отъ тебѣ не разумѣхъ. Она же глагола ему: сего ли не разумѣеши? приниде бо в домъ сий, и въ храмину мою вниде, і видѣвъ мя сѣдящу в простотѣ, аще бы былъ в дому наю песъ и чювъ тя к дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть дому уши; и аще бы было во хранѣ моемъ отроча, і видѣвъ тя къ храминѣ приходяща, сказало бы: се бо есть храму очи. А еже сказахъ ти про отца и матерь и брата яко отецъ мой и мати моя идоша в заимъ плакати: шли убо суть на погребеніе мертвымъ и тамо плачютъ, а егда же по насъ смерть приидетъ, и инии по насъ учнутъ плакати: се есть заимованный плачь; про брата же ти глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсехъ медъ емлютъ отъ древия; братъ же мой и нынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо в высоту чроз ноги зрѣти к земли, мыслитъ аже бы не урватися і высоты; аще ли кто урветца — сей живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ ти: яко чрез ноги в нави зрѣти. И глагола ей юноша: вижу тя, дѣвице, мудру сущу; повѣжь ми имя свое. Она же рече: имя ми есть Ѳевронія. Той же рече к ней: азъ есмь муромскаго князя Петра служан ему; князь же мой имѣя болѣзнь тяжку и язвы; оструплену бо бывшу ему от крови летящаго сверѣпаго змия, его же убилъ своею рукою; і во своемъ одержании искаше исцѣления отъ много врачевъ и ни отъ единаго получи; сего ради сѣмо повелѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевѣ, но мы не вѣмы како и гдѣ именуютца, ни жилищъ ихъ вѣмы, да тог о ради вопрошаемъ о нею. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, моглъ бы уврачевати. Юноша же рече: что убо глаголеши еже кому требовати князя моего себѣ? аще кто уврачюетъ, то князь мой дастъ ему имѣнія много; но скажи ми врача того: кто есть и камо есть жилище его? Она же рече: да приведеши князя твоего сѣмо; аще будетъ мягкосердъ и смиренъ во отвѣтехъ, да будетъ здравъ. Юноша же скоро возвратися ко князю своему, и повѣда ему подробну: еже видя и еже слыша отъ дѣвицы. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везите мя гдѣ есть дѣвица. И посла к ней князь от отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвица, кто есть хотя мя уврачевати, да аще уврачюетъ мя, возметъ имѣния много. Она не обинуяся рече: азъ есмь хотя уврачевати, но имѣния не требую отъ него приняти. Имамы же к нему слово таково: аще бо не имамъ быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его. И пришедъ человѣкъ той, повѣда князю своему еже рече дѣвица. Князь же Петръ, не брегий словеси ея, и помысли: како князю сущу древолазца дщи поять себѣ жену. И пославъ к ней, рече: рцыте ей что есть врачество ея, да врачюетъ. Аще ли уврачюетъ, имамъ поятиюжену себѣ. Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудецъ малъ, почерпе кисляжды своея, и доуну на ня, и рече: да учредятъ князю вашему баню, и да помазуетъ симъ по тѣлу своему, идѣже суть струпы и язвы, и единъ струпъ да оставитъ не помазанъ: и будетъ здравъ. И принесоша к нему таковое помазаніе; и повелѣ князь учредити баню, дѣвицу же хотя во отвѣтехъ искусити аще мудра есть, якоже слыша о глаголехъ ея отъ юноши своего, посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсмо лну, реклъ: яко си дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да всемъ льну, учинитъ мнѣ срачицу, и порты, и убрусецъ, в годину, в нюже азъ в бани пребуду. Слуга же принесе к ней повѣсмо лну и давъ ей, и княже слово сказа. Она же рече слузе: взыди на пещь нашу, и снемъ з грядъ полѣнце, снеси сѣмо. Слуга же, послушавъ ея, снесе полѣнце. Она же, отмѣря

Digitized by Google

пядю, рече ему: отсѣки сие отъ полѣньца сего. Онъ же отсѣче. Она же рече: возми утинокъ полѣнца сего и шедъ, даждь князю своему, и рцы ему отъ мене: въ кий часъ сие повѣсмо очешу, а князь твой да приготовитъ ми в семъ утиньце станъ і все строение, кимъ сотчетца полотно его. Слуга же принесе ко князю утинокъ полѣнца и речь дѣвичю сказа. Князь же рече: шедъ рцы дѣвицы: яко не возможно есть в такове малѣ древце і в такову малу годину сицева строения сотворити. Слуга же пришедъ, сказа ей княжну рѣчь. Дѣвица же рече: или возможно есть человѣку мужеска возраста во единомъ повѣсме лну в малую годину, в нюже требуетъ в бани пребыти, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ? Слуга же отъиде и сказа князю. Князь же дивися отвѣту ея. И по времени князь Петръ иде в баню мытися, и повелѣніемъ дѣвица помазаниемъ помаза язвы и струпы своя, и единъ струпъ остави непомазанъ по повѣленію дѣвицы. Изыде же из бани князь, ничтоже болѣзнено пострада, на утрее же узрѣ все тѣло здраво и гладко, развѣ единаго струпа, иже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвицы, и дивляшеся скорому исцеленію, но не восхотѣ поняти ея себѣ жену отечества ея ради. И посла к ней дары. Она же не прия.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуяй, на немъ же бѣ единъ струпъ, еже бѣ не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ. И оттого струпа начаша многи струпы разходитися на телѣ его отъ перваго же дни, в онь же поеха во отчину свою, и бысть паки оструплен многими струпы и язвами, якожс бѣ и первие.

И паки возвратися на готовое исцелѣніе к дѣвицы, и якоже приспѣ в домъ ея, со студомъ посла к ней, прося врачевания. Она же, ни мало гнѣву подержавъ, рече: аще будетъ ми супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Онъ же со твердостию слово давъ ей, яко иматъ поняти ю си жену; сия же паки, якоже преже, тоже врачеваніе дастъ, еже предписахъ. Онъ же вскорѣ исцеленіе получи. И поятъ ю жену себѣ. Таковою же виною бысть Ѳевронія княгини. И приидоста же во отчину свою во градъ Муромъ, и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже отъ Божиихъ заповѣдей оставляюще.

По мале же дни предреченный князь Павелъ отходитъ житія сего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ единъ самодержецъ бываетъ граду своему. Боляре же его княгини Ѳевронии не любляху, женъ ради своихъ, яко бысть княгини не от отечества: того ради. Богу же прославляющу добраго ради житія ея, нѣкогда убо от предстоящихъ ея пріидѣ ко благовѣрному князю Петру, снавади на ню: яко отъ коегождо, рече, стола своего бес чину исходитъ; внегда бо ей востати отъ стола своего, взимаетъ въ руку свою крохи, яко гладнии. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ, да обѣдуетъ с нимъ за единымъ столомъ; и яко убо скончавшуся обѣду, она же, яко же обычаи имяше, вземъ от стола в руку свою крохи, князь же Петръ принимъ ю за руку, и разведъ, видѣ ладанъ добровонный и еимиянъ в руку ея, и от того дни остави ю ктому не искушати.

По мнозѣ же времени, приидоша к нему съ яростію боляре его, рькуще: хощемъ вси праведно служити тебѣ и самодержцемъ имѣти тя, но княгини Ѳевронии не хощемъ да государствуетъ женами нашими. Аще ли хощеши самодержецъ быти, да будетъ иная княгини; Ѳеврония же, вземъ богатьство себѣ доволно, отидетъ аможе хощетъ. Блаженый же князь Петръ, якоже бѣ ему обычай ни о чесомъ собѣ ярости имѣти, но со смиреніемъ, отвѣща: да глаголита Ѳевроніи; яко же речетъ, то да слышимъ. Они же, неистови и исполнившеся бестудия, и умыслиша да учредятъ пиръ; и сотвориша. И егда быша весели и начаша простирати бестоудныя своя глаголы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя Божий даръ, егоже Богъ и по смерти неразлучна обѣщалъ есть. И глаголаху к ней: госпоже княгини Ѳевронии! весь градъ и боляре тебѣ глаголютъ: даждь намъ, егоже мы у тебѣ просимъ. Она же рече: возмете, еже просите. Они же яко единеми усты рѣша: мы убо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодержавствуетъ надъ нами, тебе же жены наши не хотятъ

Digitized by Google

яко государьствуеши надъ ними; вземъ богатство доволно себѣ, і идеши аможе хощеши. Она же рече: обѣщахся вамъ, яко елико аще просита и приимѣта; азъ же вамъ глаголю: дадите мнѣ, егоже аще азъ воспрошу у ваю. Они же, злии, ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою: яко аще речеши единою, без прекословия возмеши. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. И рѣша же они: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо наполни имъ мысли: яко аще не будетъ князь Петръ, да поставятъ себѣ иного самодержцемъ; кіждо бо отъ бояръ во умѣ своемъ держаше, яко самъ хощетъ самодержцемъ быти; блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержаства кромѣ Божиихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествуя и ждершеся(?) (¹) ихъ, яко же богогласный Матѳей во своемъ благовѣстии вѣщаетъ, рече бо: яко иже аще пуститъ жену свою развѣ словеси прелюбодейнаго и оженитца иною, прелюбы творитъ; сей же блаженныя князь Петръ по евангелию сотвори: о самодержании своемъ яко уметы вмѣни, да заповѣди Божия не разрушитъ. Они же, злочестивии бояре, даша имъ суды на рѣце; бяше бо подъ градомъ тѣмъ рѣка, глаголемая Ока. Они же поплавуще в судехъ, нѣктоже бѣ у блаженныя княгини Ѳеврониии в судне, его же и жена в томъ же судне бысть, і онъ же человѣкъ, приимъ помыслъ от лукаваго бѣса, возрѣвнова на святую помысломъ; она же, разумѣвъ злый помыслъ его въскоре, обличи его, и рече убо ему: почерпи оубо воды отъ рѣки сея сію страну судна сего. Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Онъ же пивъ. Рече же она: почерпи убо воды з другую страну судна сего. И повелѣ ему испити. Онъ же пилъ. Она же, блаженная, рече: равнали убо вода си есть, или едина сладчайши? Онъ же рече: едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: сице едино естество женско; почто убо свою жену оставя, на чюжую мыслиши? Той же человѣкъ увѣдевъ, яко есть в ней прозрѣния даръ, бояся ктому таковая мыслити.

(¹) Ошибка; вѣроятно: *и держашеся*.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко промышляти начатъ како будетъ, понеже волею самодержаства гонзнувъ, предивная же княгини Ѳеврония глагола ему: не скорби, княже; милостивый Богъ творецъ и промысленикъ всему да не оставитъ насъ в нищетѣ быти! На брезѣ же томъ блаженному князю Петри на вечерю ядь готовляху, и вотче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяху; по вечери же святая княгини Ѳеврония, ходяще по брегу і видѣвши древца тыя, благослови ихъ, рекши: да будутъ сия на утрия древие великое, имущи вѣтвие и листвие. И якоже уже хотяху рухло людие ихъ вметати со брега, приідоша же велможа от града Мурома, ркуще: господине княже! от всѣхъ велможъ и от всего града приидохомъ к тебѣ, да не оставиши насъ сирыхъ, но да возъвратишися на свое отечествие; мнози бо велможа во граде погибоша от меча; кіждо бо ихъ хотяху державствовати, сами ся избиша, и оставшии вси со всѣмъ народомъ молятъ тя, глаголюще: господине княже! аще прогнѣвахомъ тя, и раздражихомъ тя, не хотяще же княгини Ѳеврониии государьствовати женами нашими; нынѣ же со всѣми домы своими есмы хощемъ, и молимъ, и любимъ: да не остави насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Ѳеврония во градъ свой идяху, и державствующе во граде своемъ, и ходяше во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ беспорочно, в молитвахъ непрестанныхъ и милостыняхъ, и ко всѣмъ людемъ, под ихъ властию сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати: бѣста бо ко всѣмъ любовъ равну имуща; не любляше гордости ни грабления, ни богатества тлѣннаго щадяще, но Богу богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника, градъ свой истинною кротостию, а не яростию правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе.

Егда же приспѣ благочестное преставление, умолиша Бога во единъ день будетъ преставление ею, и совѣтъ сотвориша да будетъ положена оба во еди-

Digitized by Google

номъ гробѣ. И повелѣша учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще меж собою. Сами же во едино время облекошася во мниШеские ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во иноческомъ чину Давыдъ, преподобная же княгиня Ѳеврония наречена бысть во иноческомъ чину Еѳросения.

В тоже время преподобная блаженная княгини Ѳеврония, нареченная Еѳросения, во храмъ пресвятыя соборныя церкви своими руками шьяше воздухъ, на немже бѣ ликъ святыхъ преподобныхъ. Блаженный же князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ к ней, глаголя: сестро Еѳросиния! хощу уже отити от тѣла, но жду тебе, яко да купно отидемъ ко Господу. Она же рече: пожди, господине, яко да вошию воздухъ во святую церковь. Онѣ же вторицею посла к ней, глаголя: уже мало пожду тебе. Яко третицею посла к ней, глаголя: уже бо хощу преставитися, мне жду (щу) тебе; она же останочное дѣло воздуха того святого шияше, уже бо единаго святаго ризъ не дошивъ, лице же нашивъ и преста, і вотче главу (¹) свою в воздухъ и приверте нитю, ею же шияше, и пославъ к блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнемъ. И помолившеся, предаста вкупе святая своя душа в руцѣ Божіи мѣсяца Июня в 25 день.

По преставленіи же ею, хотѣста людие, яко да положенъ будетъ блаженный князь Петръ внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородицы; Ѳеврония же княгини внѣ града в женстемъ монастыри да положитца у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, рекуще: яко да во мниШестемъ образе не угодно положити святыхъ во единомъ гробѣ. И учредиша има гробы особныя, і вложиша телеса ихъ в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло положиша во особный гробъ, и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородица доутрия, святыя же Ѳеврониии княгини, нареченныя Еѳросиніи, тѣло положиша во особный же гробъ, и поставиша внѣ града в церкви Воздвижения честнаго креста. Общей же ихъ гробъ, егоже сами повелѣша истесати во единомъ камени, оста тощъ в томже храмѣ пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрие же воставше людие и обрѣтоша гробы ихъ особныя тщи, в ня же ихъ положиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтошася внутрь града в соборнѣй церкви пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша истесати. Людие же неразумнии, якоже в животѣ о нихъ мятущеся, тако и по честнѣмъ ихъ преставлении, паки преложиша я во особныя гробы, и паки разнесоша. И паки на утрия обрѣтошася святие во единомъ гробѣ, в немже сами повелѣста, у соборныя церкви Рождества Пречистыя Богородица внутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому: иже с вѣрою пририще къ мощемъ ихъ и неоскудно исцѣления приемлютъ.

(¹) Ошибка; слѣдуетъ: иглу.

ВАРІАНТЪ ТРЕТІЙ.

(По списку Императ. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

Сей убо в рустей земли градъ нарицаемый Муромъ, в немъ же бѣ самодержавствуя благовѣрный князь Павелъ. Искони ненавидяй добра роду человѣчю дияволъ всели непріязненаго летящаго змия к женѣ князя того на блудъ, и являяся ей яковъ бяше естествомъ; приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты яко самъ князь; тѣми же мечты не мало время преиде. Жена же того не тояше, но повѣда князю своему вся ключившаяся, и

Digitized by Google

змій, иже непріязненый, осиле над нею. Князь же мысляше что сотворити змиеви, и недоумѣяшеся, и рече к жене своей: мыслю, жено, но недоумѣюся: что сотворити непріязненому змию; не вемъ бо того, како бы на него навести смерть; нынѣ же заповѣдаю ти: блюди опасно, аще начнетъ той лукавый змий глаголати каковы словеса, і вопроси его о семъ льстивыми словѣсы: вѣсть ли то лукавый и от чего ему смерть хочеть быти; и аще увѣси, то повѣдай ми вскоре, яко да ты свободишися всяко в нынѣшнемъ вѣце злаго его дыхания, и сипѣния, и всего скаредия, иже смрадно есть глаголати, въ будущемъ вѣце судию нелицемернаго Христа милостива себѣ сотвори. Жена же таковый глаголъ мужа своего в сердцы своемъ приемши твердо, во единъ же отъ дней непріязнивому тому змию прилѣтевшу к ней, она же, помня заповѣданое слово мужа своего, нача тому треклятому змию многія речи с лестию простирати, и по многихъ словесехъ вопроси его, яко хваля, речи (е): вижу, яко много вѣси, и веси ли свою кончину, и от чего ти будетъ смерть? Онъ же, льстивый прелестникъ, прелщенъ бысть отъ добрыя жены, мня ея яко истинствующу к себѣ, и изрече ей тайную свою: смерть моя от петрова плеча, от агрикова мѣча. Жена же, слышавъ отъ него, и по отшествіи его поведа князю мужеви своему. Князь же, то слышавъ, недоумѣяся: что есть ему смерть от петрова плеча, от агрикова мѣча. Имѣяше же у себя приснаго брата юнейшаго себѣ, именемъ Петра зовома. Во единъ же отъ дній повѣда ему, брату своему Петру, подробну вся зміевы речи, яже сказа женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нарече тезоименито ему смерти своей, и нача мыслити мужественно, не сумняся, какобы змия убити, но не вѣдый агрикова меча. Имяше же обычай ходити по церквамъ уединяяся. Бысть же церковъ в женстемъ монастырѣ Воздвиженіе честнаго креста Господня; и приіде к ней единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь. Онъ же рече: покажи ми. И рече отроча: иди во слѣдъ мене. И показа ему во алтарной стенѣ между керемидами скважню, в ней же мечь лежаше; князь же Петръ, видѣвъ мечь, нарицаемый агриковъ, і взя его, приіде же в домъ свой, исповѣда брату своему князю Павлу. И от того дьни начаша искати подобна времени купно како погубити змия. В некое же время приключися блаженьному князю Петру приіти в полату на поклонение брату своему; понеже имяше обычай блаженный Петръ вьсегда приходити к брату своему на поклонение, яко бѣ мний его лѣты; і бывьша у брата своего, потомъ иде в полату ко сносѣ своей, і видѣ у нея сѣдище мужа во образѣ брата своего, и изыде скоро ис полаты, и срѣте нѣкоего человѣка от предстоящихъ брату своему, и рече: где есть братъ мой? Онъ же повѣда ему, яко в полате своей. Онъ же, разумѣвъ лукаваго пронырство змия и хотя испытно увѣдати, паки иде к брату своему в полату, и рече ему: когда убо семо приіде? братъ же рече ему: азъ по твоемъ изшествии отъ мене никако изходилъ ис полаты своея. Князь же Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змия и како виде у жены во образе его, рече же ему: отселе, брате, не изходи никамо из полаты своея, дондеже язъ иду братися со змиемъ; ты же во время пребуди въ молитвѣ къ Богу: егда услышитъ Богъ молитву твою и подастъ ми помощь убити лукаваго зьмия. И тако увѣщавъ брата, і вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и пришедъ в полату ко сносѣ своей, видевъ змия зракомъ брата своево седяща, и твердо увѣрився, яко нѣсть братъ его, но прелестный змей, и удари его мечемъ толико зѣло, яко змий возтрепета и бысть мертвъ, и явися яковъ бяше естествомъ. Блаженный же князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца низложи; отъ неприязненыя же его крови окровися лице блаженнаго князя Петра, отъ крѣпкаго его ударения. И быша на блаженнемъ отъ тоя зьмиевы крови болезненыя струпы и язвы, и приіде нань болезнь тяжка зело, яко весь острупися. И искаше во своемъ одержаніи от многъ врачевъ, и изцѣления не получи ни от единаго. Понеже и брань его не бяше с человѣки, но з дияволомъ; тако подобаше исцелению

Digitized by Google

быти не от человѣкъ, но от божественныя силы, по реченному словѣси Господни во святемъ Еуангелиі: иже невозможно от человѣкъ, возможна суть от Бога, ему же слава нынѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сущу же блаженному князю Петру в велицей болезни и слышавъ, яко в пределехъ резенския области мнози врачеве жителствуютъ, и повѣле тамо вѣсти себѣ; бѣ бо немощенъ зѣло: от великия болезни на конѣ ѣздити не возможно. И егда приспѣша въ предѣлы рязанския, розосла весь синъклитъ свой искати врачевъ, яко да обрящутъ такова врача, иже бы хто его от тоя болѣзни уврачивалъ. И повѣле обѣщати врачемъ дары многи. Единъ же от того синклита, нѣкто юноша, уклонися в весь, наричему Ласково, и приіде к нѣкоему дому, и не виде у вратъ никого; вниде же в домъ, и не бѣ кто его ошутилъ; вниде же и в храмину, і виде: седяше бо едина дѣвица, точаше поставъ; предъ нею же скачетъ заецъ. Дѣвица же бысть яко в сомнѣніи, и нача глаголати нѣкаки странны глаголы, яже не удобразумны юноше тому. Рече бо: нелѣпо есть быти дому без ушей; а храму безо очей. Юноша же не разумѣ глаголъ ея, и рече к девице: повѣждь ми, дѣво: гдѣ есть господинъ дому сего? Она же отвѣща со многимъ разумомъ: господинъ дому отецъ ми есть, но идоша с материю моею вкупѣ в заимы плакати. Есть бо у меня и братъ, но поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же, слышавъ вѣщь подобну чюдеси, яко не разумѣ ни единаго от глаголъ ея и дивляшеся, рече: о дѣво! вижу тя мудру сущу: внидохъ к тебѣ, і видехъ тя дѣлающа поставъ, и предъ тобою зайца скачюща; и слышахъ от устъ твоихъ глаголы нѣкия странны, еже азъ не могу разумѣти! Она же глагола ему: человѣче, сего ли не разумѣеши? Речи бо сия не суть странны и незнаемы, яже глаголеши, но всякия простоты исполнены, и аще не разумѣеши, азъ ти повѣдаю простою беседою: пришелъ бо еси въ домъ наю, і въ храмину вниде, виделъ мя въ толице простоте седящу безобразну и всея лѣпоты лишену, и аще бы в дому у наю былъ песъ, и ощутивъ тя к дому приходяща, аще бо онъ естествомъ и безсловесенъ; но моглъ бы ми брехaниемъ своимъ приходъ твой возвестити: то бо есть дому уши; и аще бы у меня в храмине сей было отроча, и видѣвъ тя сеі храмиинѣ приходяща, то бы мнѣ повѣдало: се бо есть очи храму. Отецъ же мой и мати поидоша на погрѣбения мертваго, да тамъ над нимъ плачютъ; егда же они преставятся от житія сего, і над ними такожде учнутъ плакати: се бо есть заемный плачъ. Отецъ же мой и братъ древоделцы суть; в лѣсе бо от дрѣвия медъ емлютъ; и нынѣ іде братъ мой на таковое дѣло, яко лѣсти ему древо в высоту: чрез ноги долу зрѣти, еже бы не отторгнутися и не лишитися живота своего. Юноша же рече: о дѣво! вижу бо тя мудру сущу: повѣждь ми имя свое! Она же отвѣщавши рече: имя ми есть Ѳевронія; повѣдай же и ты ми о себѣ: кто ты еси, и откуду, и камо гредеши, и чего ради семо прнідохъ? Онъ же рече: азъ есмь от предстоящихъ муромскаго князя Петра. Князь же мой, имѣя болѣзнь зѣло тяжку и многи язвы на тѣлѣ своемъ и струпы, понеже окровленъ бѣ отъ неприязненаго лѣтящаго змия, егоже убилъ своею рукою, і во всемъ одержаннi искаша исцеления от многъ врачевъ, и не получи, и сего ради вѣле себѣ семо привезти; слышахъ, яко суть здѣ врачевѣ мнози, и ныне во страну сию приідохомъ, и не вѣмы како имѣнуются, или гдѣ пребываютъ врачеве, и о семъ молю тя повѣдати ми: аще гдѣ еси извѣстно вѣси врачевъ? Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, моглъ бы его уврачавати. Юноша же рече: что, убо, дѣво, глаголеши? кому бо требовати князя моего себѣ: аще кто уврачюетъ его, князь мой дастъ ему имѣния многа; но скажи ми врача того: кто есть, и камо жилище его? Она же рече: да привезите князя своего семо. И аще будетъ мягкосердый и смиренъ во отвѣте, да будетъ уврачеванъ. Юноша же возвратися ко князю своему, и поведа ему вся поряду и подробну, еже виде и слыша. Благовѣрный же князь Петръ, слышавъ таковая глаголы, удивися разуму дѣвичю, и рече

Digitized by Google

к предстоящимъ: довѣзите мя гдѣ есть она дѣвица. Предстоящи же, слышавше повѣление князя своего, повѣзоша его, и доидоша дому того, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней князь юношу вопросити: гдѣ есть той врачь хотяй мя уврачевати? Слуга же, пришедъ к ней, вопроси ю; она же рече: шедъ, повѣдай князю своему, яко азъ есмь: хощу врачевати его, но имѣния его не требую; имамъ к нему слово таково: аще имамъ супруга быти ему, то могу уврачевати его. Слышавъ же человѣкъ той, шедъ повѣда князю, яже слыша от нея. Князь же Петръ помысливъ себѣ: како ми, князю сущу, древоделцеву тщерь пояти жену себѣ, по изнемогаше болезнию зело и зжалився, посла к ней, рече: что есть врачевство ея, да врачюетъ: имамъ пояти ю в жену себѣ. Человѣкъ же той пришедъ, слово княже повѣда ей. Блаженная же и преблаженная, не требуя многаго врачевания, но токмо вземъ сосудецъ малъ, и почерпе кислажти своея, и дуну на ня, и благослови я; и даде слузе, рече: приіми сие, и шедъ отнеси князю своему, и повѣле (и) прежде учредити баню измытися ему водою, и потомъ да помажется симъ по всему тѣлу, токмо единъ струпъ оставитъ не помазанъ, и будетъ здравъ. И принесе слуга помазание то ко князю, и вся глаголы ея повѣда ему; князь же повѣле баню учредити і восхоте блаженную искусити премудрости ея ради, якоже слышахъ глаголы ея от юноши своего. И посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсмо льну, глаголя: яко сия дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради, и аще мудра есть, да учинитъ ми в семъ повѣсме срачицу, и порты, и убрусецъ, в ту годину, в нюже азъ пребуду в бани. Слуга же принесе ей повѣсмо лну. и княже слово сказа ей; она же, ни мало смутися, но рече слузе: взыди на печь нашу и вземъ полѣнце, снеси семо. Онъ же послуша ея и снесе. Она же повѣле ему отмерети пяди единыя утинокъ и отсещи. Слуга же повѣления ея сотвори, отсече утинокъ. Она же рече: возми сей утинокъ, отнеси князю своему, и рцы ему отъ менѣ: в кий часъ азъ очищу повѣсмо сие, а князь твой да приготовитъ ми в семъ утинце в ту годину станъ и все строение, чимъ сотчетца. полотно его. Слуга же принесе князю утинокъ полѣнца и речи блаженныя вси повѣда ему. Князь же, слышавъ, удивися отвѣту ея, и посла того же слугу: шедъ і рцы дѣвицы, яко невозможно есть в таковѣ мале древце і в малу годину сицева строения сотворити. Слуга же пришедъ и слово княже сказа ей. Она же рече: а се ли возможно есть человѣку мужеска возраста во единомъ повѣсме і въ такову годину, в неже в бани пребудетъ, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ. Слуга же отиде и повѣда вси ея отвѣты. Князь же, слышавъ, похвали ю. И по времени иде князь мытися въ баню; и повѣлениемъ блаженныя помаза онымъ кисляждемъ, яже уготова ему блаженная, вся своя струпы и язвы, и единого же струпа не помаза повѣлениемъ ея, изыде же изъ бани, и бысть здравъ, яко ничимъ болѣзнуя: и узрѣ до конца тѣло свое чисто и здраво, развѣ единаго струпа и (же) бѣ не помазанъ, и дивяшеся князь скорому своему исцелению, и бысть в размысле мнозе за оно слово, еже обѣщавшуся ему блаженную Ѳевронию пояти в жену себѣ, бозотчества ея ради. И посла к ней дары многи, и повѣле глаголати ей: яко не возможно князю пояти тя в жену себѣ безотчества твоего ради. Она же даровъ не прия, и глагола к слуге: шедъ, рцы князю своему, яко онъ во истиннѣ не пребысть; есть же истинствуяй, иже надо всеми сый: той сотворитъ, яко восхощетъ.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуя. И нача на немъ паки струпы являтися отъ того единаго струпа, иже бѣ не помазанъ, единъ по единому, и бысть весь оструплен, и виде себя в болезни велицеі, паки возвратися на готовое исцеление ко блаженей. Яко приспе к дому ея, посла к ней с моленіемъ и з дары, прося врачавания и скораго исцеления. Она же ни мала гнѣва подержавъ, и рече слугамъ его: аще будетъ ми князь супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Слуги же, шедше, возвѣстиша князю своему. Онъ же обѣщася с клятвою пояти ю в жену себѣ, аще исце-

Digitized by Google

литъ его. Она же увѣрися, и паки таково же врачевания посла к нему, яко и прежде. Онъ же по предреченному сотворя: помаза все струпы своя и не остави ни единаго не помазана, и бысть весь здравъ, яко николиже болевъ. И поеха во отчину свою во градъ Муромъ, поятъ и блаженную с собою с великою честию; и дошедше града Мурома, благословениемъ епископа града того, сотворша бракъ честенъ, поя блаженную в жену себѣ, і вѣнчанъ бысть с нею в соборной и апостольской церкви, і радость велия бысть во граде. И живяста блаженниі во всякомъ благочестиі, и ничтоже отъ заповѣдей Божиихъ оставляюще, но все житие свое в смирении, і в кротости, і во страсѣ Божии провождающе.

По мале же времени старѣйший братъ блаженнаго князя Петра, князь Павелъ, отъ житія сего отиде; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ бысть единъ самодержецъ граду Мурому. Ненавидя иже добра врагъ диаволъ вложи ненависть бояромъ его: начаша блаженныя кнегини Ѳевроніі не любити, женъ ради своихъ, яко бысть не боярского роду, Богу же прославляющу ея добраго ради житія ея.

Чюдо блаженныя како прелагаше хлѣбныя крохи въ еиминянъ.

Нѣкогда от предстоящихъ слугъ ея приіде ко благоверному князю Петру, и навади на ню, яко, рече, отъ стола своего безчинно исходитъ, внегда убо востати ей, взимаетъ въ руку свою крохи яко гладна. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повѣле ей обѣдати с собою за единымъ столомъ. Егда же скончася обѣдъ, она же, яко же имаше обычай, вземъ отъ стола в рукавъ своі крохи, князь же Петръ, приімъ ю за руку и разверзе, виде ливанъ добровоненъ и еиминянъ; и от того дьни остави ю кому не искушати. По мнозе же времени приидоша к ней съ яростию бояре его, рекуще; о княже! хощемъ ти вси праведно служити и самодержцемъ тя имѣти, но кнегини Ѳевронии не хощемъ, яже господьствуетъ женами нашими; аще же хощеши самодержецъ быти, да будетъ ти ина кнегиня; Ѳевронія же, вземъ богатество си доволно, и отидетъ аможе хощетъ. Блаженный же князь Петръ, якоже бѣ ему обычаи, ни о чемъ же ярости не имѣя, со смиреннемъ отвѣща: да глаголита Ѳевронии, и якоже речетъ, тогда слышимъ. Они же наполнишася неистовия и безстудия, умыслиша учредити пиръ, и сотвориша; и егда быша веселы, начаша простирати безстудныя своя глаголы, аки пси брешуще, отнимающе у святыя Божіи даръ, егоже и по смерти ей Богъ неразлучно обѣща, глаголаху; о госпоже, княгиня Ѳевронія! весь градъ и бояре в си глаголютъ: даждь намъ его же просимъ у тебѣ. Она же рече: возмита его же просита. Они же едиными усты реша: мы убо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодержьствуетъ над нами; тебѣ жь жены наши не хотятъ, яко господьствуеши надъ ними, но вземъ си богатство доволно, и отиди аможе хощеши. Она же рече: обѣщахся вамъ, яко елико аще просита, приімѣте; азъ же вамъ глаголю: дадите ми его же азъ попрошу у васъ! Они же, злии, тому ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою: яко аще речеши единою, бѣз прекословия возмеши. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. Бояре же рѣша ей: аще самъ восхощетъ, ничтоже ти глаголемъ. Врагъ бо наполни ихъ злыхъ мыслей: яко аще не будетъ князь Петръ, то поставимъ иного самодержца; кийждо от бояръ его держаще во умѣ своемъ, яко самъ будетъ самодержецъ. Блаженный князь Петръ не возлюби временнаго самодержьства кромѣ Божиихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ Его шествуя и держася ихъ, яко богогласный Матѳей и по (во) своемъ благовѣстиі вѣщаетъ, глаголя: аще кто пуститъ жену свою развѣ словѣси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творитъ. Сей же блаженный князь Петръ по еуангелию сотвори: одержание свое яко уметы вмѣни, да заповѣди Божия не разрушитъ. Они же, злиі боляре, даше имъ суды на реце, глаголемей Оке, яже и до нынѣ под стеною града того; и тако отидоша от своего отчества, упование положше на всесилнаго Бога, промышляющаго своими угодники.

Digitized by Google

О прозрѣніі блаженныя в нѣкоемъ человѣце лукаваго помысла.

Пловущимъ же имъ по реце в судехъ, и некий человѣкъ бѣ у блаженныя кнеини Ѳевроніі в судне, его же и жена в томъ же судне бысть, тоі же человѣкъ, приемъ помыслъ от лукаваго бѣса, і возре на святую с помысломъ. Святая же разумѣ духомъ злый его помыслъ, і вскорѣ обличи его, глагола ему: почерпи воды из реки сию сторону судна сего. Онъ же почерпе. И повѣле ему пити. Онъ же испи. И паки повѣле ему святая почерпнути з другую сторону судна и испити. Онъ же сотвори тако. Она же рече: коя вода слаждьше? Онъ же отвѣща: едина есть вода и вкусъ единъ. Святая же рече ему сице: и женское естество едино есть. Ты же, свою жену оставя, на чюжую мыслиши. Человѣкъ же той увиде, яко в ней есть прозорливый даръ, бояся ктому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брѣзе; блаженный же князь Петръ нача помышляти: что се будетъ, еже волею гонзну самодержьства; предивная же кнеиня Ѳеврония глагола ему: не скорби, княже: милостивый Богъ, творецъ и промысленикъ всему, не оставитъ ны в нищете быти!

Чюдо блаженныя о древиях.

На брезе же томъ блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовлеху, и потче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяху; по вѣчери же святая княиня Ѳеврония ходяще по брегу, і видевши древца тыя, и благослови я, глаголя: да будутъ сия древца на утрия велика древия, имуще вѣтвия и листия. Еже и бысть. Воставше бо заутра, обрѣтоша тыя древца велика древия, имуще вѣтвие и листие.

О пришествіі людей от града Мурома.

І яко же хотяху людие ихъ рыхло метатися в суды со брѣга, и абие приідоша велможи от града Мурома, моляше и глаголюще: о господине княже! от всехъ велможъ и от всего града приідохомъ молити тя, да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратися на свое отечество! Мнози бо велможи во граде погибоша от меча, кийждо бо ихъ хотя державствовати, сами ся изгубиша, а оставшиі со всемъ народомъ молятъ тя, глаголюще: о господине княже! аше и прогневахомъ тя, и раздражихомъ, не хотяще да княиня Ѳеврония господьствуетъ женами нашими, нынѣ же со всеми домы своими раби есмы ваю, хощемъ, и любимъ, и молимъ, да не оставиши насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная кнеиня Ѳеврония возвратистася во градъ свой, славя Бога, прославляющаго своя угодники. И бѣху державствующе во граде томъ, ходяще во всехъ заповѣдехъ и оправданиихъ Господнихъ без порока, і в непрестанныхъ молбахъ и милостиях ко всемъ людемъ, сущимъ под областию ихъ, аки чадолюбивыі отецъ и маті бѣста ко всемъ, и любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, но и Бога богатѣюща; бѣста бо всему граду истинная пастыри, а не яко наемника, градъ бо свой истинно и кротостию, а не яростию правяще, страныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе, бѣдныя от напасти избавляюще, і во всякомъ благочестиі пребывающе и угождающе Богу, ему же слава и нынѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ.

Егда же приспѣ благочестное ихъ преставление, умолиша Бога, да во единъ часъ будетъ преставление ихъ. И совѣтъ сотворивше, да будутъ положены во единомъ гробѣ и повѣлеста си учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще между собою; сами же во едино время облекшеся во иноческия ризы; и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во иноческомъ чину Давидъ, преподобная же Ѳеврония наречена бысть во иноческомъ чину Еѳросиния.

В тоже время преподобная и блаженная Ѳеврония во храмъ пречистыя Богородицы соборныя церкви своима рукама шьяше воздухъ, на немъ же ликъ святыхъ. Преблаженный же князь Петръ присла к ней, глаголя: о сестро Еѳросиния! хощу уже отити от тела; нужду тя, яко купно отидемъ. Она же отрече: пожди, господине, да дошю воздухъ во святую церковъ. Онъ же второе посла к ней, глаголя: уже мало пожду тя. Якоже тре-

Digitized by Google

тицею посла к ней, глаголя: уже хощу преставися, и не жду тя. Она же остави точное дѣло воздуха того святаго шьяше, уже бо единаго святаго ризъ еще не шивъ, лица же нашивъ. И преста, и вотче иглу свою в воздухъ, и приверте нитию, ею же шьяше, и посла ко блаженному Давиду о купнемъ преставлении; и помолившеся, предаста святыя своя души в руце Божіи мѣсяца Июня въ 25 день.

По преставленіи ихъ же, восхотѣста людие положити блаженнаго Давида внутри града в соборной церкви пречисты Богородицы, святыя же Еуѳросиніи положиша тѣло внѣ града в женстемъ монастыре в церкви Воздвиженія честнаго креста, глаголюще: яко во мнишестемъ образе не угодно есть положити ихъ во единомъ гробѣ; и учредиша имъ гробы особныя, і вложивше в ня тѣлеса святыхъ; святаго князя Петра тѣло постависта внутрь града в соборной церкви доутрея, а святыя Еуѳросиніи тѣло постависта внѣ града в церкви Воздвиженія честнаго креста; общий ихъ гробъ, егоже святіі сами повѣлеша истесати во единомъ камѣни, остави (ша) тощъ в той же соборной церкви. На утрие же вставше людие, обрѣтоша особныя гробы ихъ тощи, в ня же ихъ вложиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста внутрь града в соборной церкви Рожества Пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, его же сами себѣ повѣлеша сотворити; людие же неразумніі, якоже в животе о нихъ мятущеся, тако и по честнемъ ихъ преставленіі, паки преложиша я в особныя гробы, и паки разнесошася; и паки же на утрия обрѣтостася святіі во единомъ гробѣ. И ктому не смеяху прикоснутися святымъ тѣлесемъ ихъ. И положиша я во единомъ гробѣ, в немъ же сами повѣлеста, въ соборной церкви Рожества Пречистыя Богородицы, внутрь града, яже даде Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому. Аще бо кто с вѣрою приходитъ к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлетъ.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРВАГО ВАРІАНТА.

Мы же по силѣ нашеи, да приложимъ хваленіе имя. Радуйсѧ, Петре, яко дана бысть ѿ Бога власть оубити иже лѣтѧщаго свирѣпаго змиѧ! Радуйсѧ, Февроніѧ, яко в женстей главѣ святыхъ моужъ мудрость имѣла еси! Радуйсѧ, Петре, яко струпы и язьвы на телѣ своемъ носѧ доблественне скорьби претерьпѣлъ еси! Радуйсѧ, Февроніѧ, яко ѿ Бога имѣла еси даръ въ девъственнеи юности недоуги исцелити! Радуйсѧ, славьны Петре, яко заповѣди ради Божіѧ самодержьства волею ѿступи, еже не ѡсъставити супруга своеѧ! Радуйсѧ, дивнаѧ Февроніѧ, яко твоимъ благословеніемъ во единои нощи малое древіе велико возьрасте и ізьнесоша вѣтвіе и листвіе! Радуйсѧ, честнаѧ глава, яко во ѡдержаніи ваю, въ смиреніи, молитвахъ, и милости, и без горьдости пожиста, тѣмьже и Христосъ дасть вамъ благодать: яко и по смерти телѣса ваю неразлучно во гробѣ лежаща, духомъ же предстоита владыцѣ Христу! Радуйтасѧ, преподобная и преблаженьнаѧ; яко и по смерти исцѣленіе с вѣрою к вамъ приходѧщимъ невидимо подаета, но молитвы, ѡ преблаженнаѧ супроуга Февроніѧ, помолитесѧ ѡ насъ, творящихъ вѣрою память вашоу! Да помянете же и мене грѣшнаго, списавьшаго сіе, елико слышахъ, не вѣдыи, аще иніи соуть написали, вѣдоуще выше мене. Аще оубо грѣшенъ есмь и гроубъ, но на Божію благодать и на щедроты его уповаѧ, и на ваше моленіе ко Христу надѣѧсѧ, и троудихсѧ мысльми, хотѣвый на земли хвалитими почьтити, и оу хвалы коснухьсѧ хотѣхъ вама, ради вашего смиреніѧ, и самодержьства, и преподобъства, и по преставленіи вашемъ вѣньца плести и не оуплѣтеніе косноухсѧ, прославъленеи бо есте на небесѣхъ и веньчаеи истиньными и нетлѣньными вѣньцы ѿ обьщаго владыкы всѣхъ Христа, еюуже подобаетъ со безьначалнымъ Ѿтцемъ, коупьно со пресвятымъ, благимъ и животворѧщимъ Духомъ, всѧка слава, и честь, и поклонѧніе, и нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ ВТОРАГО ВАРІАНТА.

Мца Іюнѧ кѣ день Покѣсть ѿ житьѧ ст҃ыхъ новыхъ чюдотворцок мѹромскихъ благокѣрнаго кнзѧ Петра, нарѣчѣннаго ко иночѣском чинѹ прпкнаго и достохвалнаго Дѣда. и сѹпрѹги его блгокѣрныѧ кнгини Ѳѣкроніи нарѣнныѧ ко иночѣскомъ чинѹ прпкныѧ Ѳѣросѣніи достохвалныѧ. Благослови, ѿче!

ПОСЛѢСЛОВІЕ ВТОРАГО ВАРІАНТА.

Мы же по силѣ нашей да приложимъ хваления имя. Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть от Бога убити змия летящаго! Радуйся, Ѳевроние, яко в женстей главѣ святыхъ мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на тѣле своемъ нося, доблественне скорби претерпѣлъ еси! Радуйся, Ѳевроние, яко отъ Бога претерпѣла (1) еси даръ въ дѣвственнѣй

(1) Вѣроятно: имѣла.

Digitized by Google

юности недуги исцелятн! Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавьства волею отступи! Радуйся, дивная Ѳеврония, яко твоимъ благословениямъ во едину нощь малое древие велико возрасте и иснесоша вѣтви и листвие! Радуйтася, честныя главѣ, яко во одержании ваю, во смирении, и в молитвахъ, и въ милостыни, без гордости пожиста; тѣмже Христосъ дарова ваю благодать, яко и по смерти тѣлеса ваю неразлучно во гробѣ лежаше, духомъ же предстоите владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление вѣрою к вамъ приходящимъ невидимо подаваета! Но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитеся о насъ, творящихъ вѣрою память вашу, до помянета же и мене, грѣшнаго, списавшаго сие, елико слышахъ, не вѣдый аще инии суть написали, вѣдуще паче мене. Аще бо и грѣшенъ есть и грубъ, но на Божію благодать, и нащедроты его, и на ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мысльми, хотя вы на земли хвалими почтити и не у хвалы коснухся. Хотѣхъ ваю вашего ради смирения, самодержьства и преподобьства, и по преставление вашемъ вѣнца плести и плетения коснухся. Прославлені убо есте на небесехъ и вѣнчани истинными нетлѣнными вѣнцы от общаго владыки Христа, емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ, купно и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ И ПРЕДИСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРІАНТА.

Житие и жизнь и ѿчасти чюдес сѧтого блгокѣрного кнзѧ Петра ко иноцех дѣда и сѧтыѧ блгокѣрныѧ кнгини Ѳеврониї ко иноцех Евфросиниї. мѹромских чюдотворцѣ. Блгки ѿче.

Богу и Отцу, и присносущному Слову Божию Сыну, і пресвятому и животворящему Духу, единобожию естеству, безначалному, купно в Троице воспѣваему, и славиму, и почитаему, и вѣруему, і превосносиму, і исповѣдуему, і благодариму, Содѣтелю і Творцу невидимому, и неописану, изкони самосилну, неизреченною обычною си премудростию совѣрьшающему и строящему всяческая, и прославляющему, еже хотя своимъ самовластиемъ, яко же бо исперва сотвори небеса, ангелы своя духи и слуги своя огнь палящь, умині чинове безтѣлесная воинства, ихъже неисповѣдимо есть величество, яково уму человѣческому невозможно постигнути, і вся невидимая сотвори, яже не суть вѣдома человѣкомъ, видимую же тварь сотвори: небесная стихия, солнце, луну, звѣзды, и на земли древле созда человѣка по своему образу, и ниже тѣлесный видъ разумѣ, ино мысленный, яже Содетель отъ своего трисолнечнаго Божества подобіемъ тричисленно лично дарова ему: умъ, слово, духу (ъ); иже пребываетъ в человѣцехъ умъ, яко отецъ слову, слово же исходитъ отъ него яко сынъ посылаемъ, на немъ же духъ почиетъ, ибо у коегождо человѣка изо устъ слово без духа исходити не можетъ, но духъ с словомъ исходитъ, умъ же начальствуетъ. Да не продолжимъ слова от твари чистѣй (?), но на предлежащее возвратимся. Богъ же безначалный, создавъ человѣка, почте и надо всѣмъ существомъ постави его и любя же в человечестемъ роде вся праведники, грѣшныя же милуя, хотя бо вьсемъ спастися і в разумъ истинный пріити. Егда же, благоволениемъ Отчимъ, и своимъ хотѣніемъ и споспѣшествомъ Святаго Духа, единъ отъ Троицы Сынъ Божій ни инъ ни инакъ (?) но тойже Богъ Слово Сынъ Божій благоволи родитися плотию от Пречистыя Богородицы Марні, и бысть человѣкъ, еже *нѣ* (?) бѣ на земли ходя, и никакоже Отчиихъ нѣдръ отлучися, обаче же і в Пречистую его Матерь Божественное естество его пребысть неизреченно, и никакою притчею повѣдати возможно, или къ чесому приложити, занеже вся тварь его есть; по твари же его разумѣваемъ без страсти его, ібо аще какову стоящу (древу) на земли, солнцу же с небеси сияющу нань, в ту же годину древу тому аще случитца посѣкаему быти, и симъ страдати, лучь же солнечный от древа то (го) не отступитъ, ниже посекаетца со древомъ, того не отступитъ, ни стражетъ. Глаголемъ

Digitized by Google

убо о солнце и о дрѣве, понеже тварь его есть; Зиждитель же и Содѣтель неизглаголаненъ есть; себо пострада за ны плотию, і грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искупивъ от миродержителя лесца цѣною честною своею кровію; о семъ бо рече ны Павелъ: небудите рабы человѣкомъ, куплени бо есте ценою кровию Христовою. По распятии же Господь нашъ Інсусъ Христосъ трудневно воскресе, і в четыредесятый день вознесеся на небеса, и седѣ одесную Отца, и посла Духъ Святый на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша святымъ крещеніемъ, и елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася, да не отступаютъ от заповѣдей его, не яко лесцы и блазнители, иже по крещенії оставльше заповѣди Божія и лстящеся мира сего красотами, но яко же пророцы и апостолы, и мученицы, і вси святіи, Христа ради пострадавше в скорбехъ, в бѣдахъ, в тѣснотахъ, в ранахъ, в темницехъ, в нестроениихъ, в трудехъ, во бдѣниихъ, во очищениихъ, въ разумѣ, в долготерпенії, во благости, в Дусе святе, в любви нелицемѣрие, в словѣси истинне, в силѣ Божиі, иже свѣдомы суть единому вѣдущему тайны сердечныя, имиже землю просвѣтилъ, яко небо звѣздами украсилъ, и почте ихъ чюдотвореньми, овыхъ убо ради молитвъ, и покаяния, и трудовъ, овыхъ же мужества ради і смирения, якоже сихъ святыхъ прослави, о нихъ же намъ слово предлежитъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРІАНТА.

ПОХВАЛА.

Мы же по силе нашей да приложимъ хваления има. Радуйся, князе Петрѣ, яко на тѣбѣ бысть отъ Бога власть убити летящаго зиия! Радуйся, княиня Ѳеврония, яко в женстей главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси! Радуйся, княже Петрѣ, яко струпы и язвы на теле своемъ нося и доблествѣниѣ скорби претерпѣлъ еси! Радуйся, Ѳеврония, яко от Бога имѣла еси даръ в дѣвственей юности недуги цѣлити! Радуйся, княже Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная княиня Ѳеврония, яко твоимъ благословениемъ во едину нощь малое дрѣвие велико возрасте, і ветвие и листие испусти! Радуйся (тася), честиѣи главѣ, (в) воздержанії ваю, в молитвахъ, и смирении, і в милостыни, без гордости ножиста, тѣмъ и Христосъ даде вамъ благодать, яко и по смерти тѣлеса ваша неразлучно лежатъ, духомъ же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с вѣрою к вамъ приходящимъ невидимо подаете, но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитися о насъ, творящихъ вѣрою память вашу, да помѣнетѣ же и менѣ, прегрѣшнаго, списавшаго сие, не вѣдый, аще ини суть написали, вѣдуще выше менѣ; аще бо грѣшенъ есть и грубъ, но на благодать Божию и на щедроты его уповая, и на ваша моление ко Христу надѣяхся, трудихся мысльми, хотя вы на земли хвалами почести, и не у хвали коснухся: хотехъ вамъ, ради вашего смиреннаго самодержавьства и преподобства, по преставлении вашемъ вѣньца плѣсти и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте на небесѣхъ, і вѣнчани истинными і нѣтленными вѣньцы от общего всехъ владыки Христа. Ему же честь и слава, купно со со безначалнымъ его Отцемъ, и с пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ созданіямъ древней нашей письменности и представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія какъ народныхъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древняго быта. Основа ея очень древняя: загадка, составляющая важнѣйшій интересъ разсказа, находчивость и умѣнье выйти изъ затрудненія, обладаніе тайными силами на пользу человѣка. Повѣсть наша имѣетъ поразительное сходство съ старинною малороссійскою сказкою *о дівкѣ семиліткѣ*, которую для объясненія мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь на южнорусскомъ языкѣ.

Бувъ собі панъ, и загадавъ вінъ своімъ людямъ загадку; и каже, що де ту загадку яка дівка, або удова одгадае, то вінъ ії за паню собі візьме. А загадка та була отъ-яка: *що е на світі надъ усе ситчійшъ, швидчійшъ и милійшъ*? Отъ и стали приходити до пана люде; одинъ каже: у мене дівка оттакъ веліла сказать, другий тее, третій ще инше; хто каже ситчійшъ надъ усе свиня, швидчійшъ — кошеня а милійшъ — дитина.... а другі по своему казали. А панъ імъ откаузе: »ні, не те«. Коли приходить до пана чоловікъ, бідний-бідний, саме послідній на селі и каже: »у мене, пане, е дівчина семилітка, послала мене до вашої милости, каже: ситчійшъ надъ усе земля, швидчійшъ око, а милійшъ сонъ.« Панъ, якъ почувъ, такъ ажъ у долоні сплеснувъ: »якъ разъ такъ!« каже. — Треба ії сватать, а панові не хочетьця, бо вінъ есть панъ, а вона проста, и ставъ вінъ думати — якъ-би одъ неі одвязатися. Отъ и посилае вінъ сватівъ и давъ імъ яецъ голубячихъ.« Отдайте, каже, ій, щобъ вона мині къ світу голубятъ вивела, щобъ до обіда вони виросли, а на обідъ панові поспіли.« Ті й пішли; увіходять у хату; отъ дівка сидить сама собі, гола, та кросна тче, и каже імъ: »вибачайте, панове-свати, що я гола, бо у мене хата безъ очей и безъ ушей, а хочъ и е очи, та завязані.« Ті стоять неначе дурні, нічого не второпають; трохи постояли, та й кажуть: »а де твій батько та мати?« — А вона імъ каже: »батько поіхавъ у лісъ, а мати пішла на заемъ плакати.« — »А коли жъ батько твій вернетьця?« питають свати. — А вона каже: »коли поіде на объіздъ, то сегодні ввечері вернетця, а коли навпростецъ, такъ дома не ночуватиме.« Ті нічого не второпають, тілько плечіма здвигають. А вона імъ каже: »чимъ же васъ панове свати частувати: чи прибиллю, чи убиллю, чи тимъ. що на пана Бога дивитця?« Свати й кажуть: »скажи, будь ласкава, дівчино, що се ти таке говоришъ що ми нічого не второпаемъ.« А вона каже: »а ви зъ своімъ паномъ уміете загадки загадовати, а одгадати не вмивались, мабуть! А то бачте: що я сказала, що въ мене хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані, такъ то — що у насъ въ хаті вікна віконницями позачинювані, а на дворі собаки нема; бо якъ-би собака була, такъ би дзвягнула, я бъ и почула, а якъ-би віконниці не були зачинені, то я бъ у вікно глянула, такъ побачила бъ васъ, та й одягласъ. Отто жъ воно й есть: що хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані. А те, що я сказала, що батько вернетця ввечері, коли на объіздъ поіде, а коли навпростецъ, такъ дома не ночуватиме, такъ то — що прямa дорога до лісу перекопана; коли батько поіде навпростецъ, то поламае візъ, то й ночуватиме въ полі, а коли на объіздъ поіде, то тамъ дорога хороша, и вінъ поспіе у вечері прибути. А те, що я сказала, що мати пішла на заемъ плакати, такъ, бачте, у сусіда дитина вмерла; мати й пішла надъ нею сидіти, а якъ у насъ помре, такъ сусіда прийде надъ нашою сидіти: отъ воно й есть, що на заемъ плакати. А то, що я сказала чимъ

Digitized by Google

васъ частувати: чи прибиллю, чи убиллю, чи тимъ що на пана Бога дивитця, такъ се бачте: прибиль — то молоко, бо якъ корову видоють, то й корова ціла, и молоко е: отъ воно и прибыль; а убиль, такъ то сало, бо якъ свиню заріжуть, такъ хочъ сала зъ неі добудуть, а свині въ хозяйстві не буде; а те, що на пана Бога дивитця, такъ то сирівець; бо вінъ у насъ бознаколишній, такий кислий, що якъ покоштуешъ, то й голову вверхъ задерешъ; неначе на образа дивисся!« Тоді свати й кажуть: »приславъ панъ насъ до тебе сватами, тільки казавъ, щобъ ти отсі яйця взяла и къ світу голубятъ вивела, и щобъ голубята панові на обідъ поспіли. А вона каже: »скажіть панові, нехай вінъ зробить изъ однолітківъ плугъ, та виоре цілину, та насіе проса, и щобъ те просо къ світу виросло, и щобъ его убрали и помолотили, щобъ було чимъ тихъ голубятъ годувати!« А потімъ скочила до іхъ, та якъ хватить іхъ за свитки, та подула імъ підъ свитки, та й крикнула: »Оттакъ же! нехай горить! Горіть тепер!« А вони: »Де горить?« та свитки зъ себе. А вона кричить: »Горіть! Горіть!« Ті зъ переляку и сорочки зъ себе и убрання поскидали, вертятця-крутятця, та кричять: »Де, де горить?« А вона ухопила у іхъ въ оберемокъ всю одежу, та й сховала, а потімъ випхала іхъ изъ хати, та й каже: »Панъ голубівъ хотівъ, отъ ему й голуби! идіть собі голі — тепер голубами стали; а свитки згодятьця голубятъ укривати.«

Тоді панъ посилае до неі знову и загадуе ій такъ: »Щобъ вона приіхала до мене ні конемъ, ні воломъ, ні саньми, ні возомъ, ні оголоблями, ні війкомъ, ні боса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця.« Вона сказала: »Добре, приіду.« Та взяла й обмотала усі бреднемъ, а сама сіла въ човенъ, а до човна козла привязала, підъ мишку зайця взяла, та такъ и іде. Панъ якъ углядівъ и велівъ на неі хортівъ спустити. Хорти до неі, а вона зъ підъ мишки зайця імъ пустила; вони й ушкварили за зайцемъ. А вона и вскочила до пана въ будинокъ. И каже: »Ну, пане, тепер я ваша, бо якъ казали, такъ я и приіхала: сами бачите: »ні конемъ, ні воломъ, ні саньми, ні возомъ, ні оглоблями, ні війкомъ, ні боса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця, бо гостинець бувъ, та втікъ.« Панъ и взявъ іі.

Отъ прийшли мужики судитьця, и кажуть: були ми въ полі, та найшли сокиру, та ніякъ не поділимось. Одинъ каже: »Я попереду взглядівъ«; а другий каже: »Ні, я.« Панъ и задумавсь, не зна якъ іхъ розсудить. А вона каже: »Отъ, Богъ-зна надъ чимъ думаете довго! Збийте сокиру зъ топорища; одному нехай топорище, а другому сокира буде!«

Удруге упять прийшли мужики судитьця. »Були ми«, кажуть, »въ полі, — его кобила, а мій візъ. Та й заночували. А вранці, дивимось, ажъ лошятко стоіть маленьке; ми й заспорили: чие лошятко? Одинъ каже: моя кобила привела, а другий каже: мій візъ привівъ.« Панъ и задумався. А вона каже: »Отъ Богъ-зна надъ чимъ думаете довго! Пустіть лошятко: куди воно побіжить, чи до кобили, чи до воза? А лошятко було собі сліпеньке, та й побігло до воза. А той, що казавъ, що то его візъ привівъ лошятко, и каже тепер: отъ бачте: я жъ казавъ, що мій візъ привівъ! А що не правду я казавъ?«

Тоді панъ и каже: »На що ти мої суди пересужуешъ? не хочу я тебе за паню мати. Бери у мене, що тобі здаетця найліпшого и наймилійшого, та йди собі одъ мене.« А вона каже: »Добре, піду; аби бъ позволивъ узяти що е найліпшого и наймилійшого. Та й каже: »Якъ ми побрались, то пили-гуляли, такъ и тепер треба пити-гуляти расходячись.« Та напоіла пана пьяного, та положила на той візъ, що гній возють, та й везе. А панъ прокинувсь, та й пита: »Куди ти мене везешъ?« А вона каже: »Аже жъ ти позволивъ узяти, що е найліпшого и наймилійшого. А для мене нема нічого найліпшого и наймилійшого одъ тебе, я тебе и взяла.« Тоді панъ каже: »Ну, годі жъ сваритьця; вернімось до дому, та станемо жити въ-купі любенько.«

Аналогія между этой сказкой и нашей повѣстью видна сама собою и нѣтъ необходимости входить въ объяснительныя подробности. Другія черты изъ этой повѣсти общія вообще всякому сказочному эпосу. Змѣй, летающій къ женщинѣ — старинное повѣрье, сохраняющееся до сихъ поръ. И теперь, если женщина начинаетъ страдать болѣзнью, отъ которой сохнетъ, то думаютъ, что къ ней летаетъ змѣй и является ей въ видѣ знакомаго мужчины; говорятъ даже, что иные видятъ, какъ этотъ змѣй прилетаетъ въ видѣ огненнаго метеора, разсыпается надъ избой, гдѣ живетъ обреченная ему жертва, потомъ превращается въ мужчину. Убійство змѣя, очевидно, варіантъ тѣхъ же бесчисленныхъ сраженій съ змѣемъ, которыя можно найти во множествѣ въ сказкахъ всѣхъ народовъ, и къ которымъ принадлежитъ наше старое сказаніе о кіевскомъ богатырѣ Кириллѣ Кожемякѣ. Мальчикъ, который указы-

Digitized by Google

вѣетъ Петру, гдѣ лежитъ агриковъ мечь, — есть таинственное сказочное существо, возвѣщающее скрытую тайну, открывающее мудрость и часто являющееся въ видѣ дитяти въ народномъ эпосѣ. Къ этому сказочному представленію относится одна малороссійская пѣсня, въ которой спрашивается какое-то малое дитя (*малé пахоля*): какая птица лучше всѣхъ птицъ, какой цвѣтокъ лучше всѣхъ цвѣтковъ, и какая *людина* лучше всѣхъ людей! Пѣсня эта, раздѣляемая на куплеты, представляетъ нѣсколько разъ повтореніе восклицанія: *та скажи́ мині пра́ву, малé пахоля́*. Такое же символическое *малé пахоля́* является и въ этомъ отрочати, указующемъ, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ.

Что такое агриковъ мечъ и почему онъ агриковъ, объясняетъ сказка о Добрынѣ Никитичѣ.

Агрикъ или Агрика былъ богатырь, побѣждавшій исполиновъ и чудовищъ; онъ собиралъ со всего свѣта оружіе и имѣлъ такое собраніе, какому подобнаго не было въ цѣломъ свѣтѣ. Въ числѣ оружій у него были нимродово копье, сдѣланное изъ громовой стрѣлы и мечь-кладенецъ, непобѣдимаго свойства. Когда умиралъ Агрикъ, то приказалъ, чтобы на его погребеніи сошлись богатыри и рѣшили споромъ и битвою, кому владѣть этими драгоцѣнными оружіями. Съѣхались трижды-тридевять богатырей и послѣ погребенія агрикова стали сражаться, и всѣ перебили другъ друга. Одинъ изъ богатырей, пережившій другихъ и смертельно-раненый, поручаетъ сокровища эти стеречь агрикову слугѣ, до тѣхъ поръ, пока явится достойный богатырь, которому предопредѣлено овладѣть ими. Ключь отъ этихъ сокровищъ долженъ былъ лежать подъ головой убитаго, а этой головѣ слѣдовало валяться въ чистомъ полѣ до тѣхъ поръ, когда пріѣдетъ желанный богатырь. Этотъ чаянный богатырь былъ Добрыня Никитичъ, и онъ овладѣлъ сокровищами Агрика и съ помощію его умертвилъ Тугарина-Змѣевича — сказочное олицетвореніе враждебной силы, которую ни чѣмъ другимъ нельзя было побѣдить, какъ только агриковымъ оружіемъ.

Въ нашей повѣстѣ агриковъ мечь запрятанъ подъ церковью, но между *керемедями*; кереметями назывались мѣста языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени. Это наводитъ на мысль, что все преданіе объ агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составляло сущность ихъ миѳологическихъ представленій. Церковь стояла на мѣстѣ прежнихъ кереметей, потому что въ тѣ вѣка, когда христіанство распространялось и замѣняло угасавшее язычество, церкви обыкновенно строились на мѣстахъ, прежде священныхъ для язычниковъ.

Въ повѣстѣ нашей заключаются нѣкоторыя любопытныя черты древняго быта вѣрованій гражданскаго устройства и домашней жизни:

1) Отправка князя Петра за врачами въ рязанскую землю показываетъ тогдашнее понятіе о врачевствѣ. Врачевство было знахарство, а не искусство; знатныя особы, заболѣвши, разсылали своихъ слугъ разузнавать, гдѣ есть тѣ, которые выдаютъ себя за умѣющихъ пользовать больныхъ. Воображеніе, отодвигая все чудесное, мудрое, необыкновенное въ даль, искало врачей не въ своей, а въ чужой землѣ. Такимъ образомъ и муромскій князь началъ искать врачей въ сосѣдней, рязанской землѣ.

2) Февронія говоритъ юношѣ, вступившему къ ней въ избу: *нельпо есть дому безъ ушію, а храму безъ очію*. Здѣсь домъ принимается въ смыслѣ всего домашняго заведенія, двора, а *храмъ* въ смыслѣ избы.

3) Указаніе Февроніи на то, что отецъ ея и братъ были древолазцы, показываетъ, что въ этихъ странахъ, въ древности обильныхъ медомъ, поселяне занимались разведеніемъ пчелъ въ лѣсахъ; пчелы содержались въ бортяхъ и, какъ видно, плодились свободно, такъ что потомъ надобно было, собирая медъ и воскъ, иногда лазить на вершины деревьевъ.

4) Въ *Навы* — выраженіе старое, значитъ въ смерть. Здѣсь впервые, сколько извѣстно, является это слово во множественномъ числѣ. Въ одной малороссійской пѣснѣ *нава* значитъ гробъ: *та ще того́ ніхто́ не вида́въ, щобъ уме́рший зъ на́ви вставъ*; въ Чешской хроникѣ Далимила слово *Навы* употреблено также въ смыслѣ могилы: potom krok jide do nawy; у Іоанна Экзарха Болгарскаго навъ — вампиръ: *навъ изъ гроба изходящъ*. Въ этомъ смыслѣ, по извѣстію нашей лѣтописи, кіевляне прозвали одного сановнаго мужа *навьемъ*: се *навье пришолъ*; въ той же лѣтописи (подъ 1092, по поводу описанія страшныхъ явленій, совершавшихся въ Полоцкѣ) навье — бѣсы, привидѣнія, наносившія вредъ жителямъ Полоцка; навій великдень — у южноруссовъ мертвецкій праздникъ. Въ нашей повѣсти *навы* во множественномъ числѣ какъ будто какое-то царство смерти, міръ усопшихъ.

5) Изгнаніе Петра и Февроніи представляетъ важныя указанія на общественный порядокъ и понятіе о власти. Видно, что въ восточной Руси, въ княжествахъ, рано образовалось сословіе, сильное и вліятельное, со-

Digitized by Google

словіе бояръ; оно успѣло уже развить аристократическіе зачатки. Женитьба князя на дѣвушкѣ изъ земледѣльческаго сословія уже трогала самолюбіе и казалась выходящимъ изъ границъ дѣломъ. Власть княжеская зависѣла отъ бояръ, но разъ предоставленная князю, была *самодержавная* до тѣхъ поръ пока признаютъ ее; подъ именемъ самодержавія, однако, нельзя понимать вполнѣ того, что впослѣдствіи разумѣлось. Достойно замѣчанія, что въ повѣсти говорится, что когда князя изгнали, то нѣкоторые думали сами захватить власть. Слѣдовательно, достоинство правителя не было въ Муромѣ исключительнымъ достояніемъ княжескаго рода; слѣдовательно считались возможными случаи, а можетъ быть и бывали, когда вмѣсто князя захватывали власть бояре, какъ подобные примѣры видны на другомъ концѣ русскаго міра — въ Галичѣ. Но эти попытки были и здѣсь, какъ и тамъ, неудачны; князь изгнанный возвращенъ снова потому, что въ городѣ явилось много претендентовъ и открылись усобицы, что́ составляло характеристику вообще русской исторіи. Это объясняетъ почему необходимъ былъ княжескій родъ и почему рюриковъ родъ держался въ Руси, не смотря на то, что власть его членовъ была слаба: безъ единаго рода не было бы ничего прочнаго и всѣ между собою ссорились бы, и народъ страдалъ бы отъ ссоры сильныхъ. Какъ ни губительны казались иногда княжескія усобицы, но зло, происходившее отъ нихъ, не было такъ сильно, такъ ужасно, какъ то зло, которое могло возникнуть при совершенномъ отсутствіи опредѣленнаго понятія о правѣ лицъ на власть. Это-то самое образовывало и поддерживало, мало по малу, при согласномъ вліяніи постороннихъ обстоятельствъ, самодержавную идею.

Когдабы ни составилась эта повѣсть въ ея настоящей формѣ, несомнѣнно то, что основа ея взята изъ старыхъ временъ. Точность описываемаго событія здѣсь не важна; дѣйствительно ли происходило съ Петромъ то, что здѣсь разсказывается объ изгнаніи, для насъ все равно; довольно того, что въ народномъ понятіи существовало сознаніе, что такое событіе могло произойти.

Подробную оцѣнку этой замѣчательной повѣсти и отношенія ея къ сказаніямъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени можно найти въ ученой статьѣ почтеннаго изслѣдователя нашей старины Ѳ. И. Буслаева, помѣщенной въ Атенеѣ 1858 года.

Редакт.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О МАРѲѢ И МАРІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА О МАРѲѢ И МАРІИ.

(По списку Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1350).

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

СКАЗАНІЕ О МИЛОСТИ И О СОТВОРЕНИИ ЧТНАГО И ЖИВОТВОРАЩАГО КРТА ГДНЯ ЧТО ВЪ МУРОМСКОМЪ УѢЗДѢ НА РѢКѢ НА УНЖѢ.

Понеже благій и премилостивый Богъ нашъ не восхотѣ благости своей въ молчаніи быти, но излиятися въ ней и произыти сущія отъ него человѣцы, и милость его и человѣколюбіе проповѣдуетъ вся тварь.

Тако и сія убо благочестиви поклонницы святыя единосущныя Троицы вѣрніи христіане, двѣ сестрѣ Мареа да Марія единородны суще, добра рода и благочестива, по лѣтѣхъ же нѣкіихъ родителя ихъ вдана ихъ мужемъ Мареу именемъ Іоанну, Марію Логину, Іоаннъ живяше въ Муромѣ, а Логинъ въ рязанскихъ предѣлѣхъ, и бысть между ими разстояніе не мало.

Но нѣкоемъ же времени случися имъ быти у нѣкоего от сродникъ своихъ, и в то время ненавистникъ роду христіанскаго врагъ, не хотя видѣти любви христовы въ людехъ, учини вражду промежъ Іоанномъ и Логиномъ, и вложи гордыню в сердца ихъ; и бысть велика брань промежъ ихъ о мѣстѣхъ: ни единъ одному мѣста не хощетъ дати. Іоаннъ поносяся богатствомъ, а Логинъ хваляся отчествомъ, и о томъ велика при между ихъ, потомъ разыдошася во своя себѣ домы: Іоаннъ въ Муромъ, а Логинъ на Рязань. О злыя козни діяволи! Кано от любви Божіи отврати, а вражду всѣялъ! Не токмо во гнѣвѣ разыдошася, но и клятву на своя души положили, что другъ со другомъ и до смерти не видѣться, и женамъ своимъ заповѣдали, чтобы имъ сестрѣ съ сестрою не съѣзжаться, и писмами не ссылаться. И тако в томъ гнѣвѣ многимъ лѣтомъ минувшимъ безъ вѣсти другъ друга, и судомъ Божіимъ преставися Іоаннъ в Муромѣ, и того же мѣсяца и дни преставися и Логинъ на Рязани. Великое то чюдо: нако единаго дни и часа обѣ сестрѣ мужей своихъ отлучилися, а не вѣдаютъ другъ про друга вдовства своего! И минув (шу) годиночному времени, воступжися Мареа о сестрѣ своей Маріи, и моля Бога, дабы подалъ милости своей, чтобъ видѣть ей сестра своя, и рече въ помыслѣ своемъ: пойду я на Рязань, и поклонюся зятю своему Логину: да умилится надо мною, вдовства ради моего, потомъ увижу сестру Марію. И милостивый Господь Богъ не презрѣ моленія рабы своея Мареы: вложи ту же мысль въ сердце и сестрѣ ея Маріи итти в Муромъ поклонитися зятю своему Іоанну и видѣти сестру; а не вѣдаютъ обѣ вдовства своего.

Но малѣ же времени, повелѣ Мареа рабомъ своимъ изготовити кони и себѣ колесницу и возила запасомъ, и поѣде в рязанскія предѣлы къ зятю своему Логину. И тако повелѣніемъ Божіимъ и Марія поѣде тогоже дни въ Муромъ къ зятю своему Іоанну, а невѣдая

Digitized by Google

другъ про друга. И ѣдущи же Мареѣ путемъ, по нѣкоемъ дни прилучися стати на нѣкоемъ пустѣ полѣ, покоя ради; и в тоже время пріѣде и Марія на тоже поле, призвавъ своего раба и рече ему: пойди, рабе, вопроси отъ служащихъ: кто на семъ полѣ стоитъ? мужескъ ли полъ или женскъ! аще мужескъ полъ стоитъ на семъ мѣстѣ, то поѣду далѣ отъ сего мѣста, аще ли женскъ полъ стоитъ, то и я здѣ пребуду. Рабъ же маріинъ пріиде и вопроси единаго отъ служащихъ ту: брате, повѣждь ми, кто стоитъ на семъ мѣстѣ? Онъ же отвѣща: стоитъ здѣ из Мурома вдова Мареа, а ѣдетъ на Рязань к сестрѣ своей Маріи. Рабъ же маріинъ, слыша слово, тече скоро к госпожѣ своей Маріи, и повѣда все поряду слышанное отъ служащаго оного, Марія же, познавъ, что единородная сестра ея Мареа, пометавъ все, течаше скоро къ Мареѣ со многимъ плачемъ; Мареа же съ великимъ ужасомъ и со слезами иде на встрѣтеніе ея, и рече: устрашила еси мя, сестро! Кто еси ты? Съ плачемъ идешь ко мнѣ; азъ познати тебя не могу. Она же едва промолви отъ зѣлней своей печали и рече: азъ из Рязани убогая вдова сестра твоя Марія, бреду къ тебѣ, да плачю своего вдовства. И зря другъ на друга много, и не може по образу познати едина едину, токмо по отчеству и по именомъ, и хапився другъ со другомъ, и нападе на выи свои, и пролія слезы, аки рѣку, и безмолвно рыданіе творя. Раби же ихъ и рабыни, видя такое ихъ познаніе и неутолимый плачь, приступиша къ нимъ со многими слезами, и молиша ихъ, дабы престали отъ зѣльнаго своего плача. Они же едва проглаголаша другъ ко другу; и рече Марія Мареѣ: Когда мужъ твой Іоаннъ умре? И отвѣща Мареа: оного лѣта и оного дни и часа мужъ мой умре. Тако и Марія рече: сестро моя милая! Веліе то чюдо показа Богъ надъ нами! от единаго дни и часа вдовство свое плачемъ съ тобою: в тоже время и мой мужъ Логинъ умре! И тако слезы къ слезамъ прилагаше, и плакастася горко, поминая безсовѣтіе мужей своихъ, и о своемъ многихъ лѣтъ несвиданіемъ. (даніи) Потомъ же, размышляя о судьбахъ Божіихъ, и глаголаша обѣ вкупѣ: о неизреченная премудрость Спасителя нашего Христа! О неисчерпаемыя глубины милосердія своего! Излія на насъ убогихъ благодать свою! Како многія лѣта не слышахомъ другъ про друга, а нынѣ видимъ над собою благодать Божію! И возрадовостася великою радостію о своемъ свиданіи. Потомъ же повелѣ (ша) рабомъ своимъ учредить трапезу, и тако веселяся и радуяся, пивши и ядши, потомъ и рабъ своихъ насыщая доволно.

И скончавшу же ся тому дни, и бысть нощь; они же обѣ сестрѣ легше на единомъ одрѣ спати и явися (ша) имъ Ангелъ Господень въ тонцѣ снѣ и даде Мареѣ злата, а Маріи сребра, и повелѣ имъ въ златѣ слить животворящій крестъ Господень, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню, и рече имъ: заутра кого на встрѣчѣ узрите перваго человѣка, тому отдайте злато и сребро: той же вамъ крестъ и ковчегъ построитъ. И убудистася отъ сна и поскочивши скоро отъ ложа своего, нападе на нихъ страхъ великъ о видѣніи томъ. И повѣдаста другъ другу: како явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и како даде имъ злато и сребро, и что повелѣ имъ творити; и очютившася обѣ, и обрѣтше Мареа въ рукавѣ срачицы своея вданное ей отъ ангела злато, а Марія обрѣте у себя сребро, и возрадовастася великою радостію. О неизреченной благодати Божіи! Како во снѣ дадеся имъ злато отъ ангела, тако и на явѣ бысть! Потомъ же Мареа и Марія поѣде въ Муромъ къ своимъ сродникомъ свиданія ради, и мало отъиде отъ того мѣста въ путь свой, и видѣша трехъ старцевъ достолѣпныхъ зѣло и сѣдинами украшеныхъ, грядущихъ къ нимъ прямо. Мареа же и Марія увидѣша старцовъ и познаша ихъ по видѣнію ангелову; и страхомъ содержими, и воставше, поклонишася онѣ старцемъ до земли, и повѣдаша имъ о видѣніи ангеловъ все поряду, о златѣ и сребрѣ, и како повелѣ имъ отдати злато и сребро первымъ людемъ на встрѣчю пути сего, и повелѣ въ златѣ слити животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ сему кресту Господню. Что вы намъ сотворите, честніи отцы,

Digitized by Google

видимъ мы убогіи, вашю святость. Старцы же отвѣщаша к нимъ: буди благодать Божія съ вами! Мы того ради к вамъ пріидохомъ. Мареа же и Марія отдаде злато и сребро старцемъ съ великою радостію. Старцы же пріяша злато и сребро, отъидоша въ путь свой.

Мареа же, ни о чемъ сумняяся, поѣде в путь свой, поятъ же и Марію сестру свою с собою, и пріѣде в Муромъ в свой ей домъ. И призвавъ свои сродники, и друзи, и сосѣди ближнія, Мареа же обрадовася о неизреченной милости Божіей; и повѣда сродникомъ своимъ все поряду, како обрѣла сестру свою Марію, и о видѣніи ангеловъ, и о вданномъ намъ златѣ и сребрѣ, и како отдаша злато и сребро тремъ старцемъ на строеніе креста Господня. Сродницы же Мареы и Маріи, не познавше дѣла Божія, роптаху на ня и рѣша: безумніи есте жены! обрѣтосте толику казну и погубисте ю! Како невѣдомымъ и незнаемымъ отдасте толико злата и сребра? Или здѣ во градѣ мастеровъ нѣтъ, кому крестъ Господнь построити? И ропташа много несмысленіи, послаша рабъ своихъ по многимъ дорогамъ и по малымъ стезямъ на взысканіе тѣхъ старцевъ возвратити къ себѣ. Послѣди же тѣхъ посланныхъ рабъ, по совѣту праведныхъ тѣхъ женъ, а своихъ сродницъ, Мареы и Маріи, по глаголу ихъ, поидоша съ ними на то мѣсто, гдѣ имъ явися ангелъ Господнь и вдаде имъ злато и сребро, и на коемъ мѣстѣ то злато и сребро отдаша тѣмъ старцемъ.

По времени же нѣкоемъ, приближающимся имъ къ тому мѣсту, гдѣ отдаша старцемъ злато и сребро, и узрѣ (ша) издалеча грядуща къ нимъ три старцы; и несоша съ собою животворящій крестъ Господнь златый въ ковчезѣ сребряномъ. Мареа же и Марія, познавъ дѣло Божіе, увидѣвше старцовъ, текше къ нимъ со сродники своими скоро, и поклонистася старцемъ до земли, и припадше со слезами къ честнымъ ногамъ ихъ, и рѣша къ нимъ: святче Божіи! вы ли есте на семъ мѣстѣ явистася намъ и взяста у насъ убогихъ вдовицъ вданное намъ отъ ангела злато на строеніе животворящаго креста и сребро на сотвореніе ковчега кресту Господню? И отвѣщавше оные святые три старцы: мы взяли у васъ злато и сребро, и содѣла (ли) животворящій крестъ въ томъ златѣ, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню. И рѣша старцы Мареѣ и Маріи: буди благодать Божія с вами и по вѣрѣ вашей Богъ дарова вамъ! молитеся душамъ вашимъ на спасеніе, а міру на сохраненіе, и на очищеніе душамъ и болящимъ на исцѣленіе! И рѣша старцы: примите дарованіе вамъ от Бога, честный и животворящій крестъ Господнь и ковчегъ! Они же пріяша с радостію великою; и моляша Мареа и Марія и сродницы ихъ старцовъ; святче Божіи! повѣдайте намъ: откуду есте пришли сѣмо? Они же отвѣщаша: от Царяграда! И рече Мареа: Господине мой! коими мѣсяцы и деньми дойде до сего мѣста? Ониже отвѣщаша имъ: третій часъ. Потомъ же невидими быша. Мареа же и Марія со сродники своими пріидоша в домъ свой с великою радостію славяще Бога, и пресвятую его Богоматерь, и призвавъ священники, и молебная совершая честному и животворящему кресту Господню, и моля Бога, дабы явилъ имъ Богъ, гдѣ поставить честный крестъ и молитися. Явишеся животворящій крестъ Господень во снѣ, и бысть имъ гласъ отъ креста Господня: поставите мя въ церкви соборной архистратига Михаила архангела от сего мѣста едино поприще, и тутъ молитеся. Тако и бысть; и до нынѣ всѣмъ подаетъ исцѣленіе с вѣрою приходящимъ к нему и молящимся. Мѣсто же въ Муромскомъ уѣздѣ, в Унженскомъ стану, на рѣкѣ на Унжѣ, на погостѣ.

Digitized by Google

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

СКАЗАНІЕ О ЯВЛЕНІИ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРАЩАГО КРЕСТА ГДНЯ ИЖЕ В МУРОМСКОМЪ ПРЕДЕЛЕ НА РЕКѢ НА УНЖЕ У ЦРКВИ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.

Бѣша двѣ сестрѣ синклицки дщери, имя единой Марія, друзей же Мареа. И посягну Марія за нѣкоего мужа, именемъ Іоанна въ Муромстей области; Мареа же вдана бысть мужеви, именемъ Логина в Рязанскую область. Бѣже Іоаннъ синклицка роду, но имѣніемъ не богатъ; Логинъ же бѣ родомъ менши іоаннова отчества, а имѣніемъ богатъ зело; и случися имъ быти вкупѣ у родителей женъ своихъ на пиру и бысть промежь ими пря о первосѣданіи ихъ. Іоаннъ бо хотя выше сѣсти Логина по своему отчеству; Логинъ же недаше ему мѣста, богатства своего ради. И от того времени много лѣтъ между себя не знахуся и не схождахуся сами, и женъ не отпускаху, написаніемъ не ссылахуся до умертвія своего. И по мнозехъ лѣтехъ Іоаннъ и Логинъ, преждереченная мужа, умроста обо во единъ день и часъ, а жены ихъ, Марія и Мареа, ни едина о сихъ не вѣдяше, но каяждо о себѣ быста в скорби и в печали. И помысли Марія в себѣ, глаголя: поѣду к зятю своему Логину, и вижду сестру свою, и аще онѣ возмютъ мя, и азъ учну у нихъ пребывати; аще ли не возлюбятъ, и азъ у сестри прощеніе пріиму. Мареа же сестра ея сія же помысли, глагола в себѣ: поѣду к зятю своему Іоанну и к сестрѣ своей, и вижду, и аще они мя призрятъ, и язъ имѣніемъ своимъ наполню ихъ, и будутъ онѣ богаты и славны, якоже былъ мужъ мой по своему отчеству. Яже помысляша, тако и сотвориша. И поѣдоша во единъ день из домовъ своихъ. И срѣтостася на пути, и сташа станы особь, а не вкупѣ, не вѣдяху бо ся кто есть; и послаша меншая сестра слугу своего прошати: кто есть стоитъ? Сама же помысли въ себѣ: егда будетъ сестра моя, то вкупѣ снидемся; аще мужеска полъ, то отидемъ подале. И пришедъ слуга, вопроси, и увѣдевъ, яко ѣдетъ вдова от Мурома к сестрѣ своей; слуга же, отшедъ, повѣда госпожѣ своей. Она же рече: снидимся вкупѣ. И снидошася, и поклонишася между себѣ и цѣловастася, но не познастася, яко сестры еста, дондеже увѣдевше от вопрошенія именъ и отчества, и от того познашася, и начаша лобызатися со слезами и радостію, и скорбѣти о мужехъ, и еже бяху не в любви, быста мужа ихъ и скончастася, и не точію о нихъ, но паче о себѣ, еже толико лѣтъ не видахуся, ни писаніемъ не возвѣщахуся, и о семъ радовахуся, еже даде имъ Богъ видѣтися на кончинѣ вѣка ихъ. И уготовиша ту трапезу, и ядоша и пиша в славу Божію, и веселяхуся, и опочити начаша на томъ мѣстѣ, и не спаху совершенне, ниже бдѣти можаху. И в мгновеніи очесе явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и вдавъ имъ злато и сребро, Мареѣ злато, а Маріи сребро, и повелѣ имъ то злато и сребро вдати первому человѣку, иже по сему пути заутро пойдетъ, они же взяша во снѣ злато и сребро, и завертѣша себѣ за рукова, и возбудишася от сна, и повѣдати начаша сестра едина друзей, глаголя: явися мнѣ во снѣ ангелъ Господнь и вда мнѣ, глаголя: прислалъ к тебѣ злато по твоей вѣрѣ; сотвори в немъ животворящей крестъ! И посмотре у себе злата за руковомъ, и обрѣте за руковомъ на явѣ. И повелѣ ми, рече, то злато отдати первому человѣку, иже днесь пой-

Digitized by Google

детъ путемъ симъ. Марія рече: такожде и мнѣ, сестро, явися ангелъ Господень, вда ми сребро и повелѣ такожде отдати и сотворити животворящему кресту ковчегъ. И посмотрѣвъ, обрѣте у себя за руковомъ сребро, и наче плакати со слезами и радостію, Богу молитися о томъ предивномъ чюдеси, иже одари имъ Господь Богъ таковую благодать. И абіе узрѣша три мниха грядуща путемъ, и призваше ихъ к себѣ, повѣдаша имъ вся поряду прежде реченная: како явися имъ ангелъ Господень во снѣ и вда имъ злато и сребро, и повелѣ имъ в златѣ сотворити крестъ Господень, а в сребрѣ ковчегъ, и повелѣ имъ взяти. И отвѣщаша имъ мниси: мы того ради к вамъ приідоша (хомъ). Они же о томъ не поскорбѣша ни мало, и вдаша мнихомъ злато и сребро, и повелѣша сотворити в златѣ крестъ, а в сребрѣ ковчегъ; мниси же взяша злато и сребро, и поидоша путемъ своимъ; сестреницы же отидоша в Муромъ к сродникомъ своимъ, и повѣдаша имъ вся бывшая. Сродницы же начаша на нихъ роптати, еже они таковую благодать отдаша невѣдомымъ старцемъ: или здѣ во градѣ нѣсть хитрецовъ кому в томъ златѣ сотворити честный крестъ, а в сребрѣ ковчегъ? И отвѣщаша имъ сестреницы: намъ тако повелѣ явивыйся на ономъ мѣстѣ! И собрашася к нимъ много множество людей, и начаша урежати еже гнати в слѣдъ старцевъ онѣхъ, ради злата и сребра, даннаго имъ. И сотвориша совѣтъ таковъ: да единъ господинъ с чужимъ рабомъ, а рабъ с чужимъ господиномъ, дабы тѣхъ мниховъ гдѣ обрѣсти и не утаити между собою злато и сребра. И егда восхотѣша ѣхати в разные пути, и абіе узрѣша тіи сихъ тріехъ старецъ грядущихъ, несущихъ животворящій крестъ, сотворенъ в златѣ, и в сребрѣ ковчегъ. И начаша младыя юноши к нимъ прикасатися, старцы же рѣша имъ: идѣже совѣщашася, тако и грядите. И узрѣша се бояре и велможи, запретиша юношамъ, да не оскорбятъ мниховъ, и сами снидоша с коней, поклонишася имъ, и пріяша ихъ честно; они же пріидоша ко онѣмъ двумъ сестрамъ. Рѣша Мароѣ и Маріѣ: иже явися вамъ во снѣ ангелъ Господнь, и вда вамъ злато и сребро, сотворити повелѣ в немъ господень животворящій крестъ и ковчегъ, и се вама сотворили на долголѣтство, а міру на исцѣленіе! И вопросиша ихъ: гдѣ они быша? Они рѣша: во Царѣградѣ. И паки вопросиша ихъ: колико имъ из Царяграда? Они же рѣша: третій убо есть часъ! И вопросиша ихъ: что убо готовити имъ на трапезу ясти? Они же рѣша: мы не требуемъ ясти; вамъ повелѣ Богъ пити и ясти! И се рѣша, невидими быша. И потомъ явися онѣмъ обѣма сестрамъ животворящій крестъ Господень, да поставятъ его в церкви архангела Михаила. И сотвориша тако. Идеже есть и до нынѣ животворящій крестъ Господень, точитъ неизреченная чюдеса всѣмъ молящимся ему с вѣрою и до сего дьне. Ему же слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЬЯНІИ МУРОМСКОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЬЯНІИ МУРОМСКОЙ.

(Импер. Публ. Библ. Русск. рукоп. in° отд. I № 35.)

Во дни благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Василіевича всея Русіи, от его царьского двора, бѣ мужъ благовѣронъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, порекломъ Недюревъ, саномъ ключникъ, имѣя жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дщерь Церлукина; отъ града Муромa; и живяста во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и имяста сыны и дщери, и много богатьства, и рабъ множество; от него же родися сія блаженная Улиянія. Бывши же ей 6 лѣтъ, оумре мати ея, и поятъ ю в предѣлы моуромъскіе баба ея, матери ея мать, вдова Анастасія Никифора Дубенскаго, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; 6 же лѣтъ и оумре баба ея, и по заповѣди ея, поятъ ю к себѣ тетка ея, Наталія Путилова жена Арапова. Сія же блаженная Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога возлюби и Пречистую Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушаніе и смиреніе, и молитвѣ и постоу прилѣжаше, и того ради от тетки много сварима бѣ, а от дщере ея посмѣхаема: и глаголаху ей: о безоумная! что в толицѣй младости плоть свою изнуряеши, и красотоу дѣвьственую погубиши? И ноуждаху ю рано ясти и пити; она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодареніемъ пріимаше, и с молчаніемъ отхождаше; послушаніе имѣя ко всякому человѣку, бѣ бо из млада кротка и молчалива, не буява, не величава, и от смѣха и всякія игры отгребашеся; аще и многажды на игры и на пѣсни пустошные от сверьстницъ нудима бѣ, она же не приставаше к совѣту ихъ, недоумѣніе на ся возлагаша, и тѣмъ потаити хотя своя добродѣтели; точію в прядивномъ и в пяличномъ дѣлѣ прилѣжаніе веліе имяше, и не угасаше свѣща ея вся нощи; а иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всѣхъ обѣшиваше, и всѣхъ ноужныхъ и больныхъ всяцѣмъ добромъ назираше, яко всѣмъ дивитися разуму ея и благовѣрію; и вселися в нюю страхъ Божій. Не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща; и не лучися ей в дѣвичестѣмъ возрастѣ в церковь приходити, ни слышати словесъ Божіихъ почитаемыхъ, ни учителя учаща на спасеніе николиже, но смысломъ бо господнимъ наставляема праву добродѣтелному. Егда же достиже 6-ю на 10 лѣта, вдана бысть моужу добродѣтельну и богату, именемъ Георгію, прорекломъ Осорьину, и вѣньчани быша от сущаго ту попа, именемъ Потанія, въ церкви праведнаго Лазаря, в селѣ мужа ея; сей поучивъ ихъ по правиломъ святымъ закону Божію; она же послуша ученія и наказанія виятно, и дѣломъ исполняше. Еще бо све-

Digitized by Google

кру и свекрови ея в животѣ соущимъ, иже видѣвъше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелѣста ей все домовное строеніе правити, она же со смиреніемъ послушаніе имяше к нимъ, ни в чемъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повелѣнная ими непреткновенно соверьшааше, яко всѣмъ дивитися о ней; и многимъ искушающимъ ю в рѣчахъ и во отвѣтѣхъ, она же ко всякому вопросу благочиненъ и смысленъ отвѣтъ даяше; и вси дивляхуся разумоу ея и славяху Бога; по вся же вечеры довольно Богу моляшеся и колѣнопреклоненія по 100 и множае, и вставая рано по вся утра, такоже творяше и с моужемъ своимъ; егда же мужу ея на царьскихъ службахъ бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторохани, она же в та времена по вся нощи безъ (сна) пребывающи, в мольбахъ, и в рукодѣліи, в прядиве, и в пяличномъ дѣлѣ, и то продавъ, нищимъ цѣну даяше и на церковное строеніе, многу же милостыню отай творяше в нощи, в день же домовное строеніе правяше; вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своими руками омыя и корьмя и напаяя; рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждею, и дѣло по силѣ полагаше, и никого простымъ имененъ назваше, и не требоваше воды ей на омовеніе рукъ подающаго, ни сапогъ разрѣшающа; но все сама собою творяше, а неразоумныя рабы и рабыни смиреніемъ и кротостію наказуя, и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше, и великаго чюдотворьца Николу на помощь призываше, отъ него же помощь пріимаше. Во едину же нощь, воставъ по обычаю на молитву, без мужа, бѣси же страхъ и ужасъ великъ напущаху ей, она же, млада еще и неискусна, тако убояся, и ляже на постели, усну крѣпко, увидѣ много бѣсы пришедша на ню со оружіемъ, хотяще ю убити, рекуще: аще не престанешъ таковаго начинанія, абіе погубимъ тя; она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ, и явися й святый Никола держа книгу велику, и разгна бѣсы, яко дымъ бо изчезоша, и воздвигъ десницу свою, благослови ю, глаголя: дщи моя, мужайся и крѣпися, и не бойся бѣсовъскаго прещенія! Христосъ бо мнѣ повелѣ тебе соблюдати отъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ! Она же абіе от сна возбноувъ, увидѣ явѣ моужа изъ храмины дверьми изшедъша скоро аки молнію; и воставъ скоро, иде во слѣдъ ея, и абіе невидимъ бысть, но и притворъ храмины тоя крѣпко запертъ бяше; она же оттолѣ извѣщеніе пріемши, возрадовася, славя Бога, и паче перваго добрыхъ дѣлъ прилѣжаше.

По малѣ же Божію гнѣву роускую землю постигъшу, за грѣхи нашы, гладу велику зѣло бывшу, и мнози отъ глада того помираахуу; она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу оу свекрови на оутренее и на полъденное яденіе, и все нищимъ гладнымъ даяше, свекры же глагола ей: какъ ты свой иравъ времени? егда бѣ (у) Христа Бога изобиліе, тогда не могохъ тя к раннему и полоуденному яденію принудити, а нынѣ егда оскудѣніе пищи, и ты ранне и полъдневное яденіе взимаешъ! Она же, хотя утаитися, отвѣща ей: егда не родихъ дѣтей, не хотящемися ясти, и егда начахъ дѣти родити, обезсилехъ, и не могоу не ясти не точію в день, но и нощію множицею хощетъмися ясти, но срамляюся у тебе просити. Свекры же се слышавъ, рада бысть, и посылаше ей пищу довольну не точію в день, но и в нощь; бѣ бо у нихъ в домоу всего обилно, хлѣба и всѣхъ потребъ. Она же отъ свекрови пищу пріимая сама, а не ядяше, гладнымъ все раздаяше; и егда кто умираяше, она же наймаше омывати, и погребальной даяше и на погребеніе сребреники даяше, а егда в селѣ нихъ погребахутъ мертвыхъ кого нибоуди, о всякомъ моляся о отпущеніи грѣхъ. По малѣ же моръ бысть на люди силенъ, и мнози умираяху нострѣломъ, и оттого мнози в домѣхъ запираахуся и уязвенныхъ пострѣломъ в домъ не пущаху, и ризамъ не прикасахуся; они же, отай свекра и свекрови, язвенныхъ многихъ своима рукама в бани омывая цѣляше, и о исцѣленіи Бога моляше, и аще кто умираяше, она же многи сироты своима руками омывъ и погре-

Digitized by Google

бати наймая, и сорокоустъ даяше. Свекру же и свекрови ея въ глубоцѣй старости во иноцѣхъ умерьшимъ, она же погребе ихъ честно: многу милостыню и сорокоусты по нихъ разда служити по нихъ литоргію, и в домоу своемъ покой мнихомъ и нищимъ поставляше во всю 40-цу во вся дни, и в темницы милостыни посылаше. Моужу бо ея в то время на слоужбѣ во Астарохани три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ много имѣнія в милостыню истроши, не точію в ты дни, но и по вся лѣта творя память умерьшимъ. И тако поживъ с моужемъ лѣта довольна во мнозѣ добродѣтели и чистотѣ по закону Божію, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра врагъ тщашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ; она же вся, смысленно и разоумно разсуждая, смиряше; врагъ же наусти раба ихъ: и уби сына ихъ старѣйшаго; потомъ и другаго на службѣ убиша; она же вмалѣ о ней (о семъ) оскорбися, но о душяхъ ихъ, а не о смерти, но почти ихъ пѣніемъ, и молитвою, и милостынею; потомъ моли моужа отпустити ю в монастырь; и не отпусти, но совѣщавшеся вкоупѣ жити, а плотнаго совокупленія не имѣти. И оустрои емоу обычную постелю, сама же с вечера по мнозѣ молитвѣ возлегаше на пещи без постели, точію дрова острыми странами к тѣлу подстилаше, и ключи желѣзны под ребра своя подлагаше, и на тѣхъ мало сна пріимаше, дондеже рабы ея усыпааху, и потомъ вставаше на молитву, во всю нощь и до свѣта, и потомъ въ церковь вхожаше к заоутрени и к литоргіи, и потомъ ручному дѣлу прилѣжаше, и домъ свой богоугодно строяше, рабы своя довольно пищею и одѣяніемъ удовляше, и дѣло комоуждо по силѣ задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бѣднымъ во всемъ помагаше.

И поживъ с моужемъ 10 лѣтъ по разлученіи плотьнѣ, мужу ея преставльшуся, она же погребе и честно, и почти пѣніемъ и молитвами, и сорокоусты, и милостынею, и паче мірская отверже, и печашеся о душѣ, какъ угодити Богу, ревноуя прежнимъ святымъ женамъ, моляся Богу, и постяся, и милостыню безмѣрну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищимъ милостыню, и въ церковь во вся дни хождааше к пѣнію. Егда же прихождаше зима, взимаше у дѣтей своихъ сребреники, чим устроити одежду, и то раздая нищимъ, сама же без теплыя одежды в зиму хождааше, в сапоги же босыма ногама обуваше-ся, точію под нозѣ своѣ орѣховы скорлупы и чрепіе острое вмѣсто стелекъ подкладаше, и тѣло томяше. Во едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земли разсѣдатися отъ мраза; она же нѣколико время к церкви не хождааше, но в домоу моляся Богу. Во едино же время зѣло рано попоу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть емоу гласъ от иконы богородичны: шедъ, рцы милостивой Ульянѣи, что в церковь не ходитъ на молитву? и домовная ея молитва богопріятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почіетъ! Попъ же в велицѣмъ оужасѣ бывъ, абіе пріиде к ней, падъ при ногу ея, прося прощеніа, и сказа ей видѣніе. Она же тяжко внятъ, еже онъ повѣда предъ многими, и рече: соблазнися еси, егда о себѣ глаголеши; кто есмь азъ грѣшница, да боуду достойна сего нарицанія! И закая его не повѣдати никомоу, сама же иде въ церковь и с теплыми слезами молебная совершивъ, цѣлова икону Богородицыну, и оттолѣ болѣ подвизася к Богу, ходя к церкви, по вся вечеры моляшеся Богу во отходной храминѣ; бѣ же ту икона Владыцына и святаго Николы. Во единъ же вечеръ вниде в ню по обычаю на молитву, и абіе бысть храмина полна бѣсовъ со всякимъ ороужіемъ, хотяху оубити ю; она же помолися Богу со слезами; и явися ей святый Никола, имѣя палицу, и прогна ихъ от нея; яко дымъ исчезоша; единого же бѣса поймавъ моучаше; святоую же благослови крестомъ, и абіе невидимъ бысть. Бѣсъ же плачя, вопіяше: азъ ти многу спону творяхъ во вся дни: воздвизахъ брань в дѣтехъ и в рабѣхъ, к самой же не смѣяхъ приближитися ради милостыни, и смиренія, и молитвы. Она бо безпрестани, в рукахъ имѣя четки, глаголя Іисусову молитву;

Digitized by Google

аще ядяше и піяше, ли что дѣлая, непрестанно молитву глаголаше; егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба подвизаста (ся) на славословіе божіе; многажды видѣхомъ ю спящу, а рука ея чотки отдвигаше. Бѣсъ же бѣжа от нея, вопіяше: многу бѣдоу нынѣ пріяхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость гладомъ измирати, не чюжихъ корьмити! Она же знаменася крестомъ; исчезе бѣсъ от нея; она же к намъ пріиде оужасна вельми и лицемъ премѣнися; мы же видѣхомъ ю смущену, вопрошахомъ, и не повѣда ничтоже. Не по мнози же сказа намъ тайно и заповѣда не рещи никомоу.

И поживъ во вдовъствѣ 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко всѣмъ, и много имѣнія в милостыню разточи, точію ноужные потребы домовъные оставляше, и пищу точію годъ до года разчиташе, а избытокъ вся требующимъ растакаше: и продолжися животъ ея до царя Бориса. В тоже время бысть гладъ крѣпокъ во всей роусстѣй земли, яко многимъ от ноужды скверныхъ мясъ и человѣческихъ плотей вкушати, и множество человѣкъ неизчетно гладомъ изомроша. В домоу же ея велика скоудость пищи бысть и всѣхъ потребныхъ, яко отнюдъ не прорасте из земли всѣеное жита ея, кони же и скоты изомроша; она же моляше дѣти и рабы своя, еже отнюдь ничемоу и татьбѣ не косноутися, но елико оставшься скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито, и от того челядь корьмяше, и милостыню довольну даваше, и в нищетѣ обычныя милостыни не розстася, и ни единого от просящихъ не отпусти тща, дойде же в послѣднюю нищетоу, яко ни единому зерну остатися в дому ея, и о томъ не смятеся, но все упованіе на Бога возложи. В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкія, и не бѣ тоу церкви, но яко два поприща; она же старостію и нищетою одержима, не хождааше к церкви, но в дому молящися, и о томъ немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилія, яко не вреди его и домовная молитва и иныхъ святыхъ. Велицѣ же скудости умножышися в домоу ея, она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладомъ, от них же доброрезсоудніи обѣщакуся с нею терпѣти, а инія отъидоша, она же со благословеніемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣва ни мало, и повелѣ оставшимъ рабомъ собирати лебедоу и кору древяноую, и в томъ хлѣбъ сотворитъ, и от того сама съ дѣтьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ; от того же нищимъ даваше, и никого нища не отпусти; в то бо время без числа нищихъ бѣ. Сосѣди же ея глаголаху нищимъ: что ради взялъ (?) нимъ (къ нимъ?) в домъ ходите? она бо и сама гладомъ измираетъ! Они же повѣдаша имъ: многи села обходимъ и чистъ хлѣбъ вземлемъ, а такъ в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сея. Много бо имени ея не вѣдаху. Сосѣди же изобильный хлѣбъ (имѣюще?) посылааху в домъ ея просити хлѣба искушающа и такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ, и дивися человѣку (?) к себѣ горазди рабы ея печь хлѣбовъ, и не разумѣюще яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищетѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни поропта, и не согрѣши ни во устахъ своихъ, и не дастъ безоумія Богу, и не изнеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честное ея преставленіе, и разболѣся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней: въ день лежа моляшеся, а в нощи воставая моляшеся Богу особь стояше, никимъ подъдержима, глаголаше бо: и у больнаго Богъ истязоуетъ молитвы духовныя. Генваря въ 4-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго, и причастися святыхъ таинъ, и сѣдъ призва дѣти и рабы своя, и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостыни, и о прочихъ добродѣтелехъ, приреченже и се: желаніемъ возжелахъ ангельскаго образа, иноческаго не сподобихся грѣхъ моихъ нищеты ради, понеже недостойна быхъ грѣшница сый убогая, Богу такъ извольшу, слава праведному судоу его. И тоутъ повелѣ уготовити кадило, и ѳиміамъ положити, и цѣлова вся соущая ту, и всѣмъ миръ и прощеніе дастъ, возлеже, и прекрестися трижды, обьвивъ

Digitized by Google

чотки около руки своея, посдѣднее слово рече: слава Богу всѣхъ ради! в роуцѣ твои, Господи, предаю духъ мой, аминь! И предаетъ доушу свою в роуцѣ Божіи, его же возлюби, и вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околъ главъ святыхъ пишется; и омывше положьше ю в клѣтѣ; и в тоу нощь видѣша свѣтъ и свѣща горяща, и благоуханіе веліе повѣваше ис клѣти тоя; и вложьше ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромскія, и погребъше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ моужа ея в селѣ Лазаревѣ за четыре версты отъ града, в лѣта 7112 генваря въ 10 день.

Потомъ над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила, надъ гробомъ ея лучися пещи быти, земля же возрасташе надъ нею по вся лѣта. И бысть в лѣто 7122 го августа въ 8 день преставися сынъ ея Георгій, и начаша въ церкви копати емоу могилу, в притворѣ между церковію и пещію, бѣ бо притворъ той без моста, и обрѣтъше гробъ ея на верхоу земли цѣлъ, невреждѣнъ ничимъ, и недоумѣваху чій есть, яко от многихъ лѣтъ не бѣ тоу погребаемаго. Того же мѣсяца въ 10 день погребше сына ея Георгія подлѣ гроба ея, и поидоша в домъ его учредити погребателей. Жены же бывъшыя открыша гробъ и видѣша полнъ мѵра благовонна, и в той часъ от оужасти не повѣдаша ничтоже; по отшествіи же гостей сказаша бывъшая. Мы же, слышавъ, удивихомся, и открывши гробъ, видѣхомъ такъ яко жены рѣша от оужасти, начерпахомъ малъ сосоудецъ мѵра того, и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь, и бѣ в день аки квасъ свекольный, в нощи же сгустѣвашеся аки масло багряновидно, тѣлеси же ея до коньца от оужасти не смѣяхомъ досмотрѣти, точію видѣхомъ нозѣ ея и бедры цѣлы соуща, главы же ея не видѣхомъ; того дѣля, понеже на коньцѣ гроба бревно пещьное налегаше, от гроба же под пещь скважня, ею же гробъ той ис под пещья идяше на востокъ с сажень, доньдеже пришедъ ста у стѣны церковныя. В тоу же нощь мнози слышаху у церкви тоя звонъ, и мнѣша пожаръ, и прибѣгше, не видѣша ничтоже, точію благоуханіе исхождаше, и мнози слышавше и прихождаху, и мазахуся мѵромъ тѣмъ, и облегченіе отъ различныхъ недугъ пріимаху. Егда же мѵро то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходити перьсть, аки песокъ, и приходятъ болящіи различными недоуги и обътираются пескомъ, тѣмъ и облегченіе пріемлютъ и до сего дня. Мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство.

Digitized by Google

Digitized by Google

СКАЗАНІЕ

О ПЛѢННОМЪ ПОЛОВЧИНѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СКАЗАНІЕ

О ПЛѢННОМЪ ПОЛОВЧИНѢ.

О ПОЛОВЧИНѢ, ЕГО ЖЕ ПРЕДА НА ПОРУКУ НЕКѢИ ХРИСТІАНИНЪ ИСКУПА ДѢЛА СВАТОМУ НИКОЛѢ.

(Импер. Публ. Библ. рукоп. in f° 293).

Бѣ нѣкѣй человѣкъ цѣломоудренъ и смысленъ въ славненъ градѣ въ Києвѣ, имѣа вѣроу вѣлику и любовь по святому Николѣ, и не вѣмъ коею притчею сѣдяше оу него Половчинъ все лѣто желѣзы ѡкованъ; во единъ же ѡтъ дней глагола ему крестиянинъ: доколѣ хощеши сидѣти оу мене? дай на себѣ искупъ и отпущю та въ землю твою. Онъ же рече ему: аще мя отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли ма держиши, не имѣю что ти дати. Христіанинъ же рече ему: дай по себѣ поруку; отпущю та. Половчинъ же рече ему: ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручалса по мнѣ! И глагола смоу христіанинъ: хощеши ли дамъ та на порукоу святомоу Николѣ? Онъ же рече: не знаю его, ни онъ мене; то како поручиться по мнѣ? Христіанинъ же веде его в церковь и показа ему икону святаго Николы, глаголя: хощеши ли сему та дамъ на порукоу? Половчинъ же рече съ радостію: хощю; аще мя пожалуете и все привезу, ниже долженъ есмь тебѣ! Мнаше бо яко ничтоже въ Руси вѣра человѣка того, еже ю святому Николѣ. Дивно бо есть, братіе, како не смятеса, пущаа сего плѣнника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесеть ли емоу искупъ или не принесеть! Но едино во оумѣ имѣ порученіе святому Николѣ и не внать погиноути. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣніе и потребу на путь доволноу, и на конь свои всадивъ и ѡбязъ давъ, рече ему: брате, не мози солгати, ему же са еси ѡбѣщалъ принести искупъ или прислати; аще ли же солжеши, извѣсто ти буди: не имаши оубѣжати руки поручившагося по тебѣ. Онъ же рече: створю все, ѡ немъ же глаголеши. И си рекъ, поклонивъса поѣде. Едоущи же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголяше: нѣсть смысла во истину въ Русинѣ семъ, еже ма предаеть ѡбразу на поруку, на дскѣ написаноу, Николѣ нарицаему, что ми можеть створити? нынѣ бо не вижю его, ни ѡнъ мене! како бо можеть доска ходити или ѣздити? аще бы и великоу человѣку далъ ма на поруку, и того въ своей земли не боюса, ни искупа дамъ! И ту мысль имѣа, пріѣха въ землю свою; домашнии же его мнѣша такоже яко безъ ума ѡтпущена; а не вѣдущи силы Божіа и чудеси святаго Николы; безумніи светѣ гордящиса суетнымъ богатствомъ, слышавши оу него, не боятиса ему веляку своего поручника, мнящи яко игру суща бывши, самѣ безумни во игрѣ не радящи ѡ семъ. Мало же дний мину, явиса ему истинный и неложный и незамедленный помощникъ и поборникъ христьаномъ святый великій Никола, глагола: знаеши ли ма, друже? Половчинъ же

Digitized by Google

рече: не знаю. Кто ты еси? И глагола ему святый Никола: не азъ ли поручихся по тебѣ, принести было ти искупъ хрѣстьянину ѡному, ты же что ради медлиши? се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣды ти не сътворю! И си рекъ, не видимъ бысть. Половчинъ же дивися явленію, мнящи ничтоже суть и скоро забы. Единою же всѣдъ на конь поѣха на полѣ, явися ему святый Никола, и исторже съ коня, и потрасе имъ, глагола: не рехъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ християнину оному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное мною, и се еще ти глаголю: пожалуй себѣ самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеши се, то оузрѣши что ти будеть отъ мене. И си рѣкъ святый Никола къ нему, невидимъ бысть. Половчинъ же той всѣдъ на конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ имѣя мысль повѣсти скоро искупъ, имѣ бо некажу болезнь отъ втораго явленія святаго Николы; и бывшю ему во мнозѣ питіи и во скотскомъ житіи, забы и то, мня яко мимо шло и ничтожь ему будеть, якожѣ и нынѣ мнозихъ видимъ: аще и законъ Божій свѣдать, егда найдеть болѣзнь на нихъ или бѣда велика, молятся Богови со слезами и на помощь призывають попы, и мниси, и нищіи, глаголющи: господіе, помолитеся о насъ да помилуетъ ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не будемъ ацѣ же нынѣ, но инъ обычай пріимемъ, иже Богоугодно; разумѣваемъ, яко всуе матемся въ житьи семъ; егда же дасть намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ нимъ же вѣру приложиша, тогда забудоуть, внегда полегчить имъ, еже ркоша въ болѣзни или въ бѣдѣ молящеся: и здрави бывше, тѣхъ озлобляють, ихже призываша на молитвоу, незнающе ихъ творятся, а на нищихъ гнушаются и возрити, аки безсмертнѣ сотворися. Такожь и сей поганій половчинъ, егда потрясе имъ явивъся святый Никола, тогда оубоася его; егда же мину неколико дней не являяся ему, тогда онъ забы. Неколи же потомъ за мало дній приключися сонму быти князем ихъ и велможамъ, съѣхавшимся мнозѣмъ, и тому Половчину туже пріѣхавшю, и егда ставшю на кони въ сонмищи съ ними, сторже его съ коня сила Божіа невидимая, всѣмъ зрящимъ и дивящимъся, нача терзати и порѣвати его, глагола: не рѣхъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ, да негорѣе ти сего будеть; онъ бо хрѣстьянинъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на ма, то како могу зрѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученіа, ни убоася суда Божіа, яже приде на та скоро, ни моего перваго и втораго явленіа! И глаголаше: и се нынѣ оуже въ третьи явихъ ти ся, терпѣніе мукоу си (?) за преслушаніе! Страшно же баше, братіе, видити мученіа его: ѡвогда бо бѣ главою потченъ ѡ землю, ѡвогда же отъ земля восхыщенъ и ѡ землю разьраженъ, иногда же бяше глава его междю ногъ его, и ктому невидимо аки батоги біяше его сила Божіа, единако глаголющи: повези на собѣ искупъ христіанину ѡному. Ѡколо же его стоящіи всѣ разбѣгошася; ѡнъ же лежаше аки мертвъ. Знающіи же повѣдаша, ѣхавши, роду его бывшее мученіе то надъ нимъ, ѡнѣже, пріѣхавши, взяша его ель жива. Многи же дни лежа не могы глаголати, но яко отъ сна возбноувъ и брашна вкусивъ, оукрѣпися, и повѣда роду своему вся бывшая: первое явленіе и второе святаго Николы, и казнь и глаголаніе; ѡнѣже, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватись нань, сице глаголющи: кто тако безуменъ якоже ты? видивъ явленіе первое и второе поручника своего и неубоася, ни повѣда намъ; мнихомъ бо якоже прежъ глагола намъ: кому ма да на порукоу? безъ ума данъ есмь богови рускому! Ѡнъ же рече имъ: ей, не самому Богу, но святцю его Николѣ! Ѡнѣ же рѣша ему: аще не богу ихъ, но слузи его; не вѣси ли яко великъ есть богъ русскій и дивна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣеть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая любо отъ насъ бываеть имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помогаеть намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и святця того, вижь, что еси пріобрѣлъ еси! Аще нынѣ не поѣдеши со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и

Digitized by Google

единъ погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ. половчинъ же той убоавъса, то слышавъ от нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитиса и стадо коней отлучити, иже бяше дати искупъ, и малое стадце къ тому прилучити, еже дати отъ порученію святому Николѣ, дабы уже не мучилъ его; баше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своемоу, но и боле боса поручника своего, нашего поборника великаго помощника святаго Николы. Егда же пригнаса ко граду Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, но ѣха преже ко церквѣ святаго Николы, идѣже бѣ данъ на порукоу ему, и слѣзъ съ коня, далече, пѣшъ приде, ведый за собою малое оно стадце коней, и вшедъ въ притворъ, оузрѣ икону ѡноу святаго Николы, сице со слезами падъ на землю рече: не моучи мене, Господи мой поручниче, святче Божій Николо, се искупъ весь пригнахъ христіянину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученіа, да не гнѣваешиса на ма; по неже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть. И си изрекъ и кони отдавъ іерѣю тоа церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его болшее стадо коней, поклонивъся рече емоу: се искупъ мой, господи, а оу пороучника быхъ уже! И сказа емоу все пораду бывшее. Христіянинъ же той, се слышавъ, и видивъ, оужасеса сердцемъ и оудивиса о преславнемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь святаго Николы, и падъ предъ ѡбразомъ его, многи слезы пролія, хвала милосердие его, глаголаше: что ти принесу, святче Божій, за вса, яже ми воздалъ недостойномоу рабу твоемоу; твоихъ бо даровъ весь есмь обиленъ, имѣай бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди дарова дары; мы жъ точію сіа ти приносимъ, оудивляемса твоей милости, хвалимъ тво щедроты, блажимъ твое заступление! И такоу оумножену створивъ молитву въ святѣй церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и плема, и други, и сусѣды сво, глагола: срадуйтемиса, яко оудиви милость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николае! И сказа имъ все поряду, еже створи половчинъ; ѡнѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похвалиша, глаголюще: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чюдеса святыми своими! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ святомоу Николѣ, якоже на память его творити чрезъ нощь стояніемъ и пѣніемъ, попы же и мнисѣ на обѣдъ созва и нищая милостынею учреди.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта сказаніе составляетъ одно изъ чудесъ, приписываемыхъ Св. Николаю Чудотворцу и находится во многихъ старыхъ спискахъ житій этого святаго, издавна чествуемаго русскимъ народомъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Начало его относится къ древнимъ временамъ до-татарскаго періода удѣльно вѣчеваго уклада и сколько можно судить, оно дошло до насъ въ видѣ, не слишкомъ удалившемся отъ первообраза. Это показываетъ и складъ, и отчасти языкъ, удержавшій древнія формы, хотя послѣдующія переходныя эпохи и положили на немъ печать свою. При скудости памятниковъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ, оно составляетъ драгоцѣнность для нашей исторіи.

Во время борьбы южно русскаго народа съ половцами, попадались въ плѣнъ непріятели съ обѣихъ сторонъ; наше сказаніе показываетъ, что русины держали плѣнниковъ у себя и отпускали за выкупы. Русинъ, поймавши половчина смотрѣлъ на него какъ на выгодный источникъ дохода. Выкупъ со стороны половцевъ, за неимѣніемъ еще у нихъ монетъ, состоялъ въ скотѣ и лошадяхъ. Безъ сомнѣнія стада и табуны составляли и предметъ торговли съ русскими, о которой встрѣчаются короткія извѣстія и въ нашихъ лѣтописяхъ.

Уже въ эти далекія времена поручительство, игравшее столь важную роль въ послѣдствіи, было однимъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ. Поручившемуся давалось за то вознагражденіе отъ того, за кого онъ ручался, какъ это видно изъ того, что половчинъ счелъ нужнымъ, кромѣ табуна, пригнаннаго для того, кто его держалъ въ плѣну, доставить еще небольшее стадо и Св. Николаю.

Христіанинъ, отпуская плѣнника, не смотря на то, что онъ былъ его должникъ, счелъ нужнымъ надѣлить его на дорогу пищею и одеждою. Это древній коренной обычай отпустить изъ дома человѣка, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился, накормивши и надѣливши всѣмъ нужнымъ, и вообще съ заботливостію, чтобъ отпущенный не потерпѣлъ по выходѣ отъ хозяина. На такомъ основаніи и Владиміръ, отпуская отъ себя проповѣдника Св. Бруно къ печенѣгамъ, оказывалъ ему такое заботливое попеченіе, какъ это видно изъ письма самого Бруно.

Сказаніе наше сообщаетъ тоже любопытныя черты половецкаго быта; видно, что у Половцевъ были вѣча; на нихъ съѣжались князья разныхъ вѣжь, на которыя дробилось половецкое племя. Вмѣстѣ съ князьями сходились знатные (вельможи), совѣщались въ чистомъ полѣ, сидя на коняхъ верхами. Нашъ половчинъ вѣроятно былъ одинъ изъ знатныхъ особъ половецкаго народа.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что самое важное достоинство этого древняго сказанія то, что оно рисуетъ живо и наглядно дѣтскій простодушный взглядъ русскаго человѣка стараго времени.

Digitized by Google

СКАЗАНІЕ

О СТАРЦѢ, НИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СКАЗАНІЕ

О СТАРЦѢ, ИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

(Импер. Публ Библ. Погод. древлехр. № 1606.)

СЛОВО Ѡ СТАРЦЫ, (Ѣ) ИЖЕ МОЛИТВОЮ ДОЖДЬ С НЕБЕСЕ СВЕДЕ.

Бысть нѣкогда въ Моурьстей области бездождіе великое, и молящимся имъ, епископъ и игуменове, и попови, а) и вси б) людіе со усердіемъ къ Богу да подастъ дождь; и не бысть по многи дни дождя. Бысть людемъ страны тоя велика скорбь, бездождія ради, яко отнюдь в) плодомъ нерости, и от многа солнца зноя земля изсыхаше. г) И молящимъся людемъ къ Богу, дабы помиловалъ ихъ, епископъ же прилежно молящеся Богу, да подастъ д) земли дождь, и бысть с небеси гласъ глаголющь: иди по утрени е) ж) к западнымъ вратамъ града: аще кого узриши перво з) ходяще и) во градъ, и того удержи, и рцы ему: да помолится. И будетъ вамъ дождь. Епископъ же шедъ съ заутрени со всѣмъ крилосомъ своемъ, и сѣде во вратѣхъ і) града, и се вхождаше к) единъ старецъ, л) нося на плещу своемъ бремя дровъ; епископъ же повелѣ удержати, м) и воставъ сложи с плещу его н) бремя дровъ епископъ, о) и поклонися п) до земли, глагола ему: Господа ради, авва отче, помолися да Господь послетъ намъ милость свою и пуститъ дождь на землю. Старецъ же недостоина себе глаголаше и грѣшьна. р) Епископъ ему прилѣжно моляшеся, да помолится за люди и за градъ. с) Умоленъ же бывъ старець отъ епископа и преклонь колѣна моляшеся Богу, и в тотъ т) часъ бысть туча, и сниде дождь великъ; видѣвъ же епископъ и у) люди бывшее, прославиша ф) Бога, епископъ же нача молити старца, глаголя: Господа ради, сотвори любовь, отче, повѣждь намъ ползы ради житіе свое, да и мы поревнуемъ твоимъ добродѣтелемъ и доброму житію твоему. И рече старець: прости мя, Господи отче, азъ бо отнюдь х) грѣшенъ и убогъ, ничтоже имы покоина, имже бы ми душа моя утѣшалася; но се яко видиши мя, вхожу во градъ, нося бремя дровъ; сеже творю по вся дни, се продая, куплю си хлѣбъ, иного же не имамъ ничтоже, и сплю во церкви по вся нощи, а утро исходя тоже творю; аще ли будетъ зима или слота, день или два, тогда алченъ пребываю, донеле же, тихо исходя, паки сѣку дрова, и на плещу моею ношу во градъ, и продаю: тѣмъ ядь ц) си ч) куплю, а лишнее неимущимъ раздаваю; от дому же чюжаго, ни от чюжая силы никогда не взяхъ хлѣба, ни ядохъ туне ни у кого же.

Digitized by Google

Еже слышавъ епископъ и почюдися [щ]) иже с нимъ прослави (ша) Бога, имущаго потаены рабы своя, тому единому свѣдоми. [щ]) И велѣ [ъ]) епископъ кормлю и одежю от церьковнаго притяжанія дати [ы]) ему. Онъ же не хотѣ, [ь]) едва былъ умоленъ от епископа, нужею одва пріимаше. И тако сконча жизнь свою в добродѣтели. [э]) Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. [ю])

Отмѣны варіанта по списку Имп. Публ. Библ. отд, I. № 209. (рук. XV вѣка.)

а) *вм.* священници. б) *нѣтъ.* в) *вм.* отиноудь. г) *со словъ* и от многа *вм.* и от многаго зноя солнечнаго земля исхла. д) Богъ. е) *вм.* по оутренім. ж) о епископе. з) *вм.* первое. и) *вм.* въсходяща. і) *вм.* оу врѣтъ. к) *вм.* въсхождаше. л) синець м) *вм.* удръжати. н) епископъ. о) *нѣтъ.* п) до земли. р) *со слова* глаголаша *вм.* мніть глаголаше: яко азъ грѣшникъ есмь. с) *со слова* за люди *вм.* зи градъ и за люди. т) *вм.* и в тои у) вси. ф) *вм.* и прославиша. х) *вм.* отиноудь. ц) *вм.* хлѣбъ. ч) *вм.* себѣ. ш) *вм.* много чюдися. щ) соуть. ъ) *вм.* повелѣ. ы) *вм.* давати. ь) *со слова* онъ же *вм.* старець же не хотѣ коръмли пріимати от нихъ. э) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, еиуже подобаеть всяка и честь и поклоненіе Отцю и Сыну и святому (Духу). ю) *со слова* Богу *нѣтъ.*

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

(По списку Имп. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1350.)

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

Бысть нѣкій мужъ вѣренъ Господеви и житіемъ добръ, той же имяше у себя сына единородна суща. И во времяна нѣкая бысть гладъ крѣпокъ по странѣ той, и оскудѣ добрый той мужъ всякою тѣлесною пищею: и рече онъ рабъ Христовъ: чадо мое любимое! видиши ли, яко мы оскудѣхомъ, и не имѣемъ что ясти: уже къ смерти гладной приближаемся, промыслити же о себѣ не свѣмы, но токмо едино запродадимъ тя; и ты будеши живъ, и мы не умремъ гладомъ. И глагола ему сынъ его: отче мой, твори надо мною еже хощеши! Отецъ же его приведе ко единому от вельможъ и глагола ему: хощеши ли купити сына моего? Вельможа онъ воззрѣ нань, рече: хощу. И вземъ цѣну, дастъ отцу его. Божій же человѣкъ и Христовъ рабъ призва къ себѣ сына своего, и прослезися жалостно, і рече: чадо мое возлюбленное! утроба моя! послушай мене и сохрани заповѣдь мою до кончины живота своего спасенъ будеши; се же ти, чадо, заповѣдаю: егда начнутъ служити божественную литургію, и ты никакоже не отступай в то время отъ церкви до послѣднія молитвы; или лучиттися мимо ити, в то время какъ литургію Божію служатъ, не моги мимо пройти, не дослушавъ конца. И аще, чадо, сіе мое наказаніе сохраниши, и владыко Христосъ помилуетъ тя отъ всякія бѣды, ради великія своея милости и для великія службы божественныя покрыетъ тя милостію своею. И сія рекъ, разыдошася кійждо в домы своя.

Доблій же онъ отрокъ, по наказанію отца своего, нача прилежати к церкви Божіей, паче же во время божественныя литургіи, и сіе творящу ему не мало время. По лѣтѣхъ же нѣкоихъ цѣломудренный онъ юноша видѣ госпожу свою со инымъ нѣкоимъ рабомъ не въ коемъ тайномъ блудъ творящу; узрѣвъ же онъ и ужасеся и умолча, никому же сего не повѣда, паче же Бога моляше, глаголя: Господи, отпусти госпожѣ моей беззаконіе сіе, яко соблазнь діявола есть и прелесть его! Госпожа его начатъ помышляти лукавое въ сердцы своемъ на предивнаго отрока сего, и глагола въ себѣ: егда видѣлъ то, нѣкогда скажетъ господину своему на нихъ. И тако окаянная она умысли на цѣломудреннаго да погубитъ его, исполнися гнѣва и злобы, и глаголя мужеви своему: се рабъ купленный нѣсть добръ, яко втайнѣ соглядываетъ, и главы твоея ищетъ, и мыслитъ како бы погубити тебя, и мнѣ госпожѣ своей много досажаетъ укорными словесы злыми и беззаконными, да лѣпо ти есть сего убить, неже онъ насъ погубитъ. И слыша се вельможа господинъ его, и вѣрова словесамъ лукавымъ, осуди кроткаго и молчаливаго сего от-

Digitized by Google

рока на смерть, и глагола епарху другу своему: друже мой! молю ти ся, учини по дружбѣ наю: имамъ раба, егоже пришлю к тебѣ съ убрусомъ, и ты отсѣки главу ему, и но егоже пришлю послѣ его, и тому отдаси главу, вложи въ убрусъ. И посла неповиннаго отрока, дастъ ему убрусъ, глаголя: иди к епарху другу моему с убрусомъ, и даждь ему. Онъ же не вѣдяще, яко на смерть посланъ бяше; идущу жъ ему мимо церкви и слышитъ поющу божественную литургію, и по заповѣди отца своего ста у церкви, моляся Богу, дожидая конца пѣнію, да исполнитъ службу свою камо посланъ. Госпожа же его гнѣва полна сущи, ускори послать виноватаго онаго раба к епарху по главу праведничу, и глагола к рабу своему: иди к епарху, и рцы ему, и еже дасть ти, принеси ко мнѣ вскорѣ, яко потребна ми вещь есть. Идущу же ему, видѣ друга своего въ церкви стоящa, и божественнаго пѣнія слушающа, и рече ему: камо идеши, друже? Онъ же рече: господинъ посла мя к епарху града сего со убрусомъ симъ. Онъ же рече: и азъ от госпожи своея къ нему жъ посланъ; молю ти ся, друже мой, азъ хощу послушать божественнаго пѣнія, ты же возми убрусъ сей и донеси его к епарху, да оба подъемлемъ орудіе едино. И взявъ убрусъ другъ его, отнесе к епарху. И в той часъ епархъ отсѣче ему главу и вложи во убрусъ. И егда совершися божественная литургія, доблій же отрокъ пріиде к епарху; и вземъ епархъ главу во убрусѣ, дастъ ему, рекъ: даждь ю господину своему. Отрокъ же вземъ главу, принесе ю, дастъ господину. Видѣвше же господинъ и госпожа вещь дивну, ужасошася и дивящеся въ себѣ, глаголюще: яко осужденный на смерть живъ пріиде, а посланный на животъ мертвъ обрѣтеся! И призва вельможа того вѣрнаго раба своего, и нача его вопрошати отвѣта: како гонзну смерти? И повѣда отрокъ пред всѣми: яко не хотя преступить заповѣди отца своего, стахъ у церкви на молитву, дондеже скончася божественная служба; видѣвъ же друга моего идуща, и вопросихъ, и дахъ ему убрусъ, сей да донесетъ его к епарху. Сей же злѣ скончася, азъ же по совершеніи пѣнія идохъ на свое орудіе, и дастъ мнѣ епархъ убрусъ сей. Слышавше воздивившася вси, прославиша Бога, яко соблюде Богъ отрока праведнаго от смерти, заповѣди ради отца его и многаго ради смиренія его и правды.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. отд. I. № 209 рукоп. XV в.)

Иже древле бысть се, повѣда намъ нѣкто от невѣрныхъ: бѣ моужь етеръ богобоязнивъ и тъ сына оу себѣ имѣ единородна; и бысть во странѣ той моужь, и рече сынови своемоу: о чадо! видиши ли, яко осиротехомъ и не имамъ что ясти, хощеши ли да тя продамъ, да и ты боудеши живъ, и мы, твои родителье, гладомъ не оумремъ? И глагола сынъ: твори, отче, еже хощеши. Отець поимъ его, и веде ко единоному от вельможъ, и взятъ цѣноу на сыноу своемъ, и рече емоу: чадо мое! се заповедаю ти: егда ти боудеть слоужьба во святѣй церькви, и не мози отити, доколѣ кончають святоую слоужьбоу. То изрекъ, отиде от него в домъ свой. Отрокъ же послоушьливый, свершая отца своего повѣленіе, и миноувшоу лѣтоу, види госпожоу свою творящю блоудъ съ слоугою своимъ, и никоноу же сего не повѣдаше, но моляше Бога, дабы има грѣха оставилъ.

Digitized by Google

Госпоже же его исполнишася (исполнися) гнѣва, срама не мога терпѣти, глагола моужеви своемоу: сій новокупленый рабъ нѣсть добръ: о главѣ твоей мысліть; да левлѣ (?) есть его оубити, нежели онъ тебѣ, моего живота, оубьеть. Сіи блоудная жена и льстивая моужю своемоу глаголаше; онъ же лоукавая ея словеса слышавъ и ятъ вѣроу, и осоудить праведнаго оумрети, а онъ и не велише, и съвѣщашася с епархомъ: его же ти с оуброусомъ пришлю, того оусеци главу и даси ю кто ти по нее пріидеть. А не нарече именемъ ни единого от слоугъ. И пришедъ в домъ свой, пославъ праведнаго, и давъ емоу уброусъ. Онъ же не вѣдяше на смерть идя; бысть же идоущю емоу мимо церковь, слышавъ божественоую пѣснь поему, въспомяноу отца своего наказанье и ста оу церкви, жды съвершенія слоужбѣ. Госпоже же его, гнѣвомъ обдержима, оускори послати виноватаго по немъ к мечникоу; пожде виноватый идущий, и видѣ дроуга своего оу церкви стоящa; тожде рече емоу правыи той отрокъ: камо, дроуже, идеши? Посланъ же рече ему: ко мечнику повелено ми есть ити. И тъ глагола: и азъ ктомоу же есмь былъ посланъ с симъ оубрусомъ, да возми оу мене, дроуже, ты оуброусъ сей, и неси его ко мечникоу томоу, да не оба трудивися. Онъ же вземъ оуброусъ оу него, и несе его ко мечнику. И в томъ часѣ мечникъ оусекноу главоу виноватаго и в оубрусъ обвитъ. И съвершенѣи же бывши божественѣи слоужбѣ во церкви, пріиде правыи отрокъ к мечникоу; онъ же главоу вземъ, и дасть емоу, и рекъ: неси сию господиноу своему. Отрокъ же вземъ главу и несе ю господину своему. Госпоже его и осподинъ оудивистася, како посланый на смерть пріиде и ви (бѣ?) жѣвъ, а иже по главоу шедый а той оумре, и въпросиша его. И отрокъ же начатъ повѣдати предо всеми, глаголюще имъ: азъ, не ослоушаяся отца своего заповѣди, стахъ оу церкви до соверъшения слоужбы; пожде дроугъ мой скоро, и дахъ емоу уброусъ сей, и оумре злѣ; азъ же пріидохъ живъ. И вси прославиша Бога, како съблюденъ бысть отрокъ от смерти, сотворивъ заповѣдь отчю, виноватый злѣ оумре. Се же, братье и сестры, слышаще, не мозіте исходити ис церкви прежде конца пѣнью, паче же в часъ литоргіи, да избавлени боудете бѣдъ и добрѣ поживете Богоу нашемоу.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Ткань этой легенды напоминаетъ извѣстную Шиллерову балладу der Gang nach Eisenhammer, взятую изъ средневѣковыхъ преданій. Заимствованъ ли предметъ ея содержанія извнѣ въ видѣ разсказа, или независимо сложилась она у насъ самобытно на основаніяхъ, сходныхъ съ тѣми, которыя произвели на западѣ подобную легенду — рѣшительно опредѣлить трудно. Едва ли разсказъ занесенъ съ запада, какъ это показываетъ греческое слово епархъ: или самый разсказъ могъ взятъ быть изъ византійскаго міра, или вѣроятнѣе, слово епархъ вошло въ составившуюся на Руси легенду потому, что это слово довольно обыкновенное и часто упоминаемое въ разныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ, издавна у насъ переведенныхъ и распространеныхъ во всеобщемъ чтеніи. Замѣчательно, что во второмъ варіантѣ болѣе старомъ, слово епархъ употреблено только одинъ разъ, а въ прочихъ замѣнено словомъ мечникъ. Это побуждаетъ предполагать, что въ первоначальной редакціи слова епархъ вовсе не было, а внесено оно впослѣдствіи; и такимъ образомъ ничто не обличаетъ иноземнаго происхожденія нашей легенды. Слово епархъ означало начальника въ обширномъ смыслѣ. Продажа дѣтей родителями во время голода — событіе частое въ древней Руси, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ. (¹)

(Импер. Публ. Библ. Отд. I. № 209, рукоп. XV в. также Погод. древлехр. № 1606.)

Ѡ нѣкою двою соусѣду шевцю.

Послушайте о семъ. Бѣста два соусѣда шевци вкупѣ живоуща; единъ же ею имяше отца, и матерь свою, и жену, и дѣти многыи; по вся дни хождаше въ церковь в годъ пѣнія и вся о Бозѣ кормяше, от ремьства своего изобиловаше и во милостыню подавая; а дроугій же, хитръ сый велми, но не ходяше ко церкви и дѣлаяй и в недѣлю, не опочиваше всегда, но не себе кормити не можаше. Завидя же соусѣдоу своему, и единою со гнѣвомъ рече емоу: откуду ты обогатѣлъ еси? азъ же болше тебе прилежа ремествѣ своемъ обнищахъ уже; онъ же глагола емоу мудростію, хотяй наоучити, дабы къ церкви ходилъ, рече емоу: обрѣтаю, брате, на пути злата, ходящи ко церкви, и оттуду есмь обогатѣлъ; аще и ты, дроуже, со мною хощеши всегда ходити ко церкви, да тя взываю, и еже обрящевѣ, ты половину взимай. Онъ же ятъ вѣроу соусѣду своемоу, начатъ с нимъ ходіти къ церкви. И благослови Богъ: обогатѣ и много хваляще совѣтника своего, славя Христа Бога. И рече единою к немоу: о брате! много ми еси ползовалъ души моей и имѣнью моему, но ими ми вѣроу: ничто на поути не обрѣтохъ николиже, якоже ты ми рече, но не ложно есть Господне слово, иже рече: первѣе ищете царьствія небеснаго, и си вся приложатся вамъ. Се ти повѣдаю: обрѣтохъ бо уже и пріобрѣтохъ. Се же увидѣвъ архіепископъ, сотвори добраго совѣтника пресвитеромъ; бѣ бо книгамъ хитръ велми.

Се же, братее и чада, слышаще, тецнте къ церкви дѣло оставльши, да Господь помилуетъ ны, аще бо и много ся труждаемъ дѣлающе или коуплю дѣюще; а от Бога не будетъ дано, но не успѣемъ то ничтоже; того дѣля, братіе, боудьте ко церкви востанливи на оутреннюю, и на литоргію и на вечерню. Да благословить вы Господь и лѣта ваша исполнить миромъ и обильно житіе вы подасть, а по исходѣ отсуду царьство небесное подастъ вы, по милости вашей помилоуеть вы Господь. Всякъ ко церкви потщися. Аще еси праведникъ, теци, да правды не погоубиши, аще ли еси грѣшникъ, теци ко церкви всегда, да оученья святыя слышиши, а не отчайся, брате, но всегда ко Богу со воздыханьемъ помолися и кайся от сердца грѣховъ своихъ,

(¹) Польск. szwec, малороссійск. швець = сапожникъ.

Digitized by Google

Бога моли ходячи к церкви, и церквь бо всѣмъ есть пристанище: всякъ в ню потщися, да спасетеся; аще по воли господни пойдете, вся бо вамъ Господь хотѣнія ваша исполнить, не ложно бо есть рекый: исщете прежде царьствия небеснаго и си вся приложатся вамъ; и паки Господь пророкомъ рече: аще хощете, послоушаете мене, благая земная снесте; аше ли не хощете, не послоушаете мене, оружье вы поясть. Уста бо Господня глаголаша сіе; аще послушаетъ кто, спасенъ будетъ, и кто не послушаетъ, осоужденъ будетъ въ моуку.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНІИ КНЯЗЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНІИ КНЯЗЯ.

(По списку XVII вѣка.)

Бѣ нѣкій благонравный и святыхъ обычаевъ іерей, живый внѣ града, добродѣтели же его ради и чюднаго жителства и ко чадомъ духовнымъ наказанія и исправленія отвсюду человѣцы притекаху, хотяще его пастыря себѣ имѣти; и нѣкогда во святый и великій постъ стекающимся к нему покаянія ради множество народа, тогда узрѣвъ се князь онаго града, вопроси ихъ: камо и чего ради грядутъ толико народа собраніе? Извѣстиша ему, яко ко оному святому и чюдному іерею исповѣдати пред нимъ грѣхи своя. Князь же, слышавъ сія, нача в себѣ помышляти, глаголя: яко мнѣ, паче всѣхъ согрѣшшу, удобѣе бы себѣ такова искати іерея, и причества на грѣхи; понеже есмь грабитель, и губитель, и грѣшникъ пред Богомъ и ближними, братіею моею, всѣми человѣки. И от сего помышленія паки во ину мысль пріиде, глаголя: можетъ ли мнѣ что, такову сущу грѣшну, покаяніе помощи? Обаче первая мысль его превзяся: поиде ко оному доброму отцу іерею грѣхи своя исповѣдати; пріиде же и приступаде исповѣдати; и рече ему добродѣтельный отецъ: подобаетъ ти, чадо, воспріяти лѣкарство на струпы грѣховъ твоихъ, епитимію, и что хощеши: можеши ли, яко церковь пріи, пятьнадесять лѣтъ заповѣданное мною понести? Онъ же рече: аще милость твоя разсмотритъ о мнѣ, яко не могу! Іерей же рече: аще седмь лѣтъ? и потомъ: аще три лѣта? и посемъ: аще три мѣсяца? И князь рече: не могу, отче святый, обыкшій в слабостехъ моихъ ни сего понести. И рече отецъ: аще можеши покаятися чрез едину нощь, единъ во храмѣ, иже предъ градомъ, побдѣти в томъ за отпущеніе грѣховъ и пребыти в сокрушеніи сердечнѣмъ? И князь едину нощь во храмѣ томъ пребыти восхотѣ. Священникъ же наказавъ его и остави въ церкви оной, отъиде. Князь же, егда вниде въ церковь, нача в себѣ помышляти: лучше мнѣ покаятися нынѣ отъ сердца, нежели егда предвосходити начнетъ конечная немощь. И ста пред олтаремъ въ сокрушеніи сердца, прося отпущенія грѣховъ своихъ; егда же бысть вечеръ глубокій, видя нѣкто отъ святыхъ .....(1) демоновъ отъ всея страны тоя собранася; и рече единъ старѣйшій: лишихомся друга нашего великаго, аще пребудетъ въ замѣреніемъ покаянія; а вѣсте ли яко нашъ бѣ; да потщится же кто изъ васъ сіе сотворити, да или разслабився, или устрашився, и оставя покаяніе, избѣжитъ, и аще тако сотворитъ, то вящи нашъ будетъ. И паки рече: есть ли между нами таковый, иже бы его сры-

(1) Здѣсь слово неразобрано.

Digitized by Google

шленіе изгнати возмоглъ? И отвѣща единъ: аще повелиши, азъ его изжену. И той рече: иди. И демонъ премѣнися въ признакъ сестры его, юже князь почитая и любя, и все повелѣніемъ и совѣтомъ ея творя, понеже бѣ зѣло добра и мудра. В таковой фантазіи пріиде же демонъ в чину и урядѣ княжскомъ ко церкви, нача глаголати: брате любезный! како сицевое безуміе сотворилъ еси? всяко бо и инѣмъ образомъ Бога милостива сотворити имаши. Здѣ же в таковомъ храмѣ и в пустѣ мѣстѣ, не имѣя слугъ, ни обороны, како смѣеши стояти? вѣси же елико ненавидящихъ тя имаши: пришедши бо, на части разсѣкутъ тя, но изыди; молю тя, изыди; аще ли же не послушаещи мене, то не имѣй мя отселѣ сестру себѣ. И отвѣща князь: даде ми ся за епитимію тое, пребдѣти во храмѣ семъ сію нощь; аще ли же не послушаю, то отпущенія великихъ моихъ грѣховъ не пріиму; отъиди, сестро, не стужай ми, никако убо отселѣ, аще и убитъ буду, не отъиду. И демонъ, много нетався, возвратися посрамленъ, и сказа сія вся старѣйшему, глаголя: твердѣйшій камени человѣкъ оный сотворися, и вѣмъ, яко преодолѣти сему всѣми нашими силами не возможемъ. Слыша сія иный, уничижи подруга своего, и рече: азъ пойду и того часа низложу его! И претворися во образъ жены его, и на руку имѣя яко сына его, и издалече вопія, яко женамъ обычно, и пріиде в церковь, распростерши власы, плачющи горко, глаголя: како ты единъ от всѣхъ, не имѣя печали о насъ, мене и чадо остави здѣ, скрыся; придоша бо ненавидящіи на тя, градъ твой взяша, богатство разграбиша, людей плѣниша; азъ же едва возмогла безобразно с сыномъ утещи! Престани отъ начинанія твоего, и со оставшими пожени во слѣдъ враговъ твоихъ, и въ нечаяніи ихъ тебе одолѣеши имъ, и свое возвратиши; аще ли же не изыдеши, то какo ся дѣемъ? Но сама ся убію, а сына твоего пред тобою о мость разшибу! И верже сына о мостъ. Но князь никакоже умышленіемъ врага склонися, но и мнимой женѣ, яко и сестрѣ, отвѣща, и отъиде демонъ съ горестію и со стыдомъ, посрамленъ, возвѣщая умыслъ лукавый, но не полученъ. И старый рече: побѣждени убо есми отселѣ; но дабы еще кто от насъ покусился одолѣти толикую крѣпость! умыслихъ азъ, премудрѣе всѣхъ умыслихъ! И старый повелѣ; той же злохитріе свое нача творити. Слышитъ князь: и се буря страшная воста, и громи, и молніи убивателніи с небеси, и начася храмъ от бури колебатися, и от молніи храмъ весь возгорѣся, и сквозѣ стѣны прогорѣ; окрестъ же храма демони вси, собрашася вопіюще: идите, помозите, помозите! И въ церковь текоша, глаголюще князю, якобы человѣцы изъ града на отъятіе притекоша: изыди, княже, господарю нашъ, изыди, да не туне сожженъ будеши и яко самоубійца осудишися! И князь рече: никако убо отсюду, аще изгорѣти имамъ, не изыду; за повелѣніемъ бо отца и пастыря моего, аще бо и умру, надежду имамъ яко отъ руку господню благая пріиму! Сіе слышавше демони, изчезоша посрамленни; князь же видѣ, яко ничтоже бысть, удивися. И паки начаша демони совѣтовати, дабы кто покусился от насъ еще, и коему взяти на ся подобіе попа, иного же яко пономаря. И вшедъ в церковь, повелѣ пономарю во звонъ ударити яко во утрени; самъ же мнимый попъ возже свѣщи, и яко узрѣ князя ярымъ окомъ, рече то: како убо ты, проклятый, во святѣмъ храмѣ стоиши, и кто тя сѣмо пусти, таковаго скверниителя, и убійцу, и грабителя? но изыди оноро; аще ли же ослушаешися, то повелю тя силою изврещи; ибо не имамъ пѣти, дондеже здѣ будеши. Князь же никако не подвижеся, но паки укрѣпился тако, якоже и прежде, отвѣща; демонъ же и вси его друзи, бѣсове, со уничиженіемъ и срамомъ злобы и лукавствія своего разбѣгошася. И возсія заря, и просвѣтися день; и князь изыде из храма, очищенъ от всѣхъ грѣховъ своихъ. И видѣ, о немъ же и прежде неманулся отъ великихъ отецъ, яко оный князь, елико противися діаволу, толико вѣнцевъ отъ вседержительныя руки господни пріяя; такоже и наставникъ его славу отъ Бога и просвѣщеніе воспріяя. Пріиде князь во градъ, обрѣте жену и вся в дому, якоже и вчера бысть, возда хвалу Богу. Видите

Digitized by Google

коликую мзду и славу за истинное покаяніе и за терпѣніе толикихъ отъ діавола противностей прія, коликая же ждетъ мука тѣхъ, иже ни мало противятся діаволу, не худѣйшеми отъ діавола и искушеными преступниками себе показуютъ!

ТАЖЕ ЛЕГЕНДА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(По списку Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1333.)

Еденъ рицеръ булъ въ панствѣ нѣкоторомъ, тай булъ барзо срокгый: нѣкому нѣгды не попустилъ любъ през пижинокъ. Той ехалъ конемъ мимо едну церковъ и спомнѣвъ собѣ о злостяхъ своихъ, тамъ коня привязавши, войшолъ до церкви, а поклякнувши сталъ сповѣдь чинити пред духовнымъ; сповѣдникъ за его грѣхи казалъ ему абы два роки покутовалъ. Онъ молвилъ: не могу. Тогдѣ крозь полроку ему казалъ покутовать; онъ отповѣдалъ: не могу; потомъ през три недѣлѣ, потомъ през три днѣ, а онъ не хотѣлъ. Мовилъ ему сповѣдникъ: поневажъ такъ есь .... (1) твердого, а тожъ тобѣ даю, абы през едину ночь тутъ на молитвѣ преночовалъ, чого Богъ тобѣ да поможетъ, тилко стале трвай, а нѣгды не бойся, кромѣ Господа Бога. Той жолнѣръ, поклякнувши пред образомъ Пресвятой Богородицы, сталъ на молитвѣ и коня не смотрилъ, а в першую годину ночи сталъ шумъ великій коло церкви. И мовилъ, ставши, сатана: о братія и слуги мои! що учинимъ: ото нашъ пріятель, котрый всегда нашу волю чинилъ, теперъ если его с той церкви през тую ночъ не выженемъ, и овъ нашъ не будетъ. Тогдѣ еденъ мовилъ діяволъ: пане! если мнѣ кажешь, я пойду, а его той часъ выбавлю! Теди ему позволилъ. Тогди дияволъ пустилъ страшный пожаръ огнистый коло церкви, же ажъ въ оболони полоня стало шибатись, а онъ почалъ с другими шатанами кричать: втѣкай, втѣкай, а то згоришъ тутъ марне, поки двери не занялися, бо погодя южъ не выхопишься. А онъ мовилъ: то не можная, абы я оттоль мѣлъ выти, бы и згорѣлъ, бо ми то дано за покуту. Той огонь горѣлъ мочно, а потомъ згаслъ. Тогди .....(1) сатаны радилися яко бы его могли вывести. Была зась в того рыцера сестра родная, барзо мудрая, от которой онъ раду всегда заживалъ. Діаволъ ще учинивши, робиться в постать сестры его, и пришовши к нему, мовилъ: наймильшій мой брате! Якожъ тутъ на томъ мѣсту ночовать важилистеся. Хто васъ зле радилъ? а претожъ идѣть до дому що нарихлѣ, же бы и намъ що злого не перешкодило. А онъ мовилъ: бы ми найгоршая якая речъ трафилася, отсюль не пойду, бо то мнѣ дано за покуту. Тогди сестра мовила: а тожъ, если мя не слухаете, нѣгды вамъ в порадѣ жадной не буду! В томъ пошла пречъ. А пришовши до своихъ, побѣжалъ якъ его му силъ а не могъ отвестись. Тогди еще еденъ мовилъ: пане! мнѣ кажи, и я его оттоль выведу. А онъ ему позволилъ. Тогди той сатана нарадился того рыцера жоною, а пришовши до него з роснущенными волосами и дѣтей двое пред его принеслъ, мовячи: штожъ такъ робите тутъ не подбаве; онъ-то якіесь літри, напавши на нашъ замокъ, челядь розгнали, все побрали, мене, якъ видишъ, обнажили,

(1) Слово не разобрано.

(1) Слово не разобрано.

Digitized by Google

отожъ втекла з дѣтьми твоими двома сынами, для того жъ, змилуйся над собою и надо мною, поспѣвайся за ними, взявши люду остатокъ: можемъ ся помстити надъ ними своеи кривды; теды онъ отповѣдалъ: би ми тужъ пришло и до смерти, не пойду зъ сего мѣстца. Теди она рекла: знать же мя не любишъ, а нѣ дѣтей своихъ; о тожъ тобѣ дѣти твои! И моцно вдарила о землю, тіе дѣти плачучи лазили, а онъ на нихъ ни позрѣлъ. Тогди тое все погинуло. Тако жъ покуси знову радилися що з нимъ починать, потомъ еденъ сатана в постать священника премѣнися, а прійшолъ до церкви з лѣнтарнею (¹), свѣчку на олтарѣ засвѣтилъ, рече же до жолнѣра: чесо тутъ бавишься? Иди прочь, а то почну служить утреню. Пошовши позвонилъ и знову мовилъ: иди жъ отсюль, бо есь ты проклятый, не годенъ есь, же бимъ при тобѣ почалъ служить, бо я вѣдаю, же сь ты такъ и такъ грѣшилъ. Отповѣдалъ жолнѣръ: не пойду я ажъ до самаго свѣта, бо то мнѣ дано за покуту; тогди и той сатана згинулъ. А рицеръ на день завтрешній коня знайшолъ, здоровую жену, и дѣтей, и сестру и весь маетокъ цѣлый, а сповѣдникъ его развязалъ отъ всѣхъ грѣховъ. Такая его покута Богу стала пріемна на прикладъ и намъ грѣшнымъ. Если щирымъ сердцемъ покуту будемъ читити, то и насъ Богъ приметъ до своеи хвали. Ему же слава и честь и поклонъ въ Троици святой. Аминь.

(¹) Вм. з лѣхтарнею = съ фонаремъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Настоящая легенда должна быть древняго происхожденія и относится ко временамъ независимыхъ удѣльныхъ князей. Искушеніе кающагося въ образѣ жены, которая извѣщаетъ мужа о внезапномъ нападеніи враговъ, напоминаетъ тѣ времена, когда удѣльные князья безпрестанно нападали другъ на друга. Самое существованіе ея въ малороссійской формѣ подтверждаетъ ея древность, побуждая предполагать, что первоначальный образъ, въ какомъ она оставлена, отнесится ко временамъ, предшествовавшимъ расторженію федеративной связи между южной и сѣверной Русью. Здѣсь выражено народное представленіе о томъ, какъ человѣкъ, для достиженія цѣли, рѣшается устоять противъ страшныхъ видѣній, которыми бѣсы хотятъ его испугать и отвлечь отъ предположенной цѣли, представленіе, общее множеству народныхъ разсказовъ, между прочимъ и тому, который такъ прекрасно передалъ Гоголь въ своемъ *Віѣ*.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

(Изъ рукописнаго Сѵнодика Имп. Публ. Библ.)

ПОВѢСТЬ ПОЛЕЗНЯ О НѢКОЕМЪ, ИЖЕ ЛѢВОЮ РУКОЮ ИДАШЕ.

Монахъ нѣкій повѣда намъ, глаголя: яко шедшу ми иногда ко святому Ѳеодориту, патріарху антіохійскому, и понуждену ми на сѣдь, повѣдаше моему смиренію: яко предъ малыми денми пріиде странне здѣ не измовеніемъ, и многими власы, и одеждою власяною одѣянъ, и сего призвахъ ясти со мною. Пришедшу же ему и сѣдшу, зрахъ его ядуща лѣвою рукою, ибо десная его рука обвита платомъ, даже до перстъ. Глаголахъ убо ему: почто, брате, не яси десною рукою, но лѣвою? ибо великій Василій во обычныхъ своихъ ученіяхъ глаголетъ: десная убо рука служитъ отъ чреслъ до главы, лѣвая же отъ чреслъ подобнѣ до долу. Онъ же глагола ми: прости мя, святѣйшій владыко, страсть бо ми нѣкая есть, и сего ради не могу! И много нудивъ его, не хотяща зрѣти. И яко обрадованна человѣка похитивъ портъ, еже на десницѣ руцѣ его, и на едину страну вергохъ, даде прочее рука не утѣшимъ смрадъ и лютъ, яко же всѣмъ держати своя ноздри и отбѣжати, дондеже паки о немъ чистымъ портомъ обви братъ смрадную свою руку, и тако преста отлученный и лютый смрадъ. Азъ же, рече, удивлься о сихъ, начахъ нудити муща рещи ми: что убо есть се? Онъ же, воздохнухъ велми, начатъ повѣдати ми, глаголя: азъ, святѣйшій владыко, имѣяхъ матерь доброзрачну зело, и велми юна сущи оловѣ, мене точію имущи младенца; скончавшужеся моему отцу, яко же речеся, вдастъ себе нищи и піанству, и блуду, якоже отъ блуда своего собрати ей многая стяжанія. Мнѣ же въ мѣру возраста пришедшу, оукоснѣвающи же мати моя въ сицевой скверне, случися ей умрети. Азъ же въ чювство пришедъ, и поразумѣхъ откуду селиво богатство собра, вдахъ себѣ прочее отреченію земныхъ, многимъ сущымъ отеческимъ и матернимъ стяжаніемъ, положихъ въ сердцѣ моемъ, глаголя: невозможно ми, владыко, Господи Боже, отъ нечистаго сего богатства пріяти; но вся раздамъ церквамъ божіимъ и нищимъ, за душу матере моея. Сице сотворихъ, раздахъ и моя вся, не оставль себѣ ничтоже, кромѣ яже ношахъ одежду, и сія сотворь за душу своея, (ея?) со всякимъ изволеніемъ и вѣрою несумѣнною. И помышляхъ въ себѣ, глаголя: откуду оувѣмъ, и кто ми извѣститъ яко пріятъ Богъ данная нищымъ, и паче яко отъ скверныхъ бяху собрана винъ! И яко аще получи отрады мати моя, или ползу оубо кую сицевыхъ ради милостынь же и приношеній! Идохъ убо, владыко, во Іерусалимъ къ патріарху; и вся случшаяся сказахъ ему. Онъ же сія слышавъ, глагола ми: добре сотворилъ еси, о чадо, попекся о матерни спасеніи. Сія бо

Digitized by Google

творя себѣ, благодѣйствуеши, и спасенія сподобляеши свою душу; но обаче никтоже опасно совершенное можетъ вещи увѣрити, но иди въ скитъ и въ Віфаиду, и тамо обрящеши богоносны мужи и прозорливы и могутъ ти о семъ молитвою откровенія извѣстити. Азъ же по словеси патріарха абіе идохъ въ скитъ и въ Віфаиду, и вся бывшая блаженнымъ онымъ отцемъ сказахъ. Преподобніи же и приснохвальніи сія слышавше, и отъ множества смиренія ихъ кождо глаголаху: яко нѣсть чадо такова въ насъ, якова ты ищеши, и разумъ твой; но аще хощеши послушати совѣта нашего, вниди во внутреннюю пустыню, и тамо обрящеши человѣка Божія совершенна, могуща ти о сихъ извѣстити. Да не убо труда ради облѣнишися, о чадо, но надѣяся иди, Господь съ тобою! Азъ же пріимъ хлѣбъ и воду, и молитву святыхъ старецъ, путешествовахъ дній 30; и обрѣтъ пещеру малу, и близъ ея мало воды, и при водѣ стопы человѣчи; и обрадованенъ быхъ, приближихся къ пещерѣ. И толкнувъ по обычаю, и отвѣща ми внутрь святый старецъ; и изыде; и бывшу обычному монашескому поклоненію, и молитвѣ, сѣдохомъ, и глагола ми рабъ божій: добрѣ пришелъ еси, чадо, что толикъ трудъ до насъ претерпѣлъ еси пріити, рцы ми: и како христіанское колѣно живетъ днесь! како царіе? како вѣра утверждена? Мнѣ же рекшу: яко молитвами вашими преподобными равно ангеломъ живущими, вся благочестно и мирно, идѣже есмы оутверждена суть; но о немъ же подвигохся, отче святый, о семъ мя просвѣти, молюся, припадая къ стопамъ ногу твоею. Тому же рекшу: и кая вина къ намъ твоего прихода? И исповѣдавшу ми вся, яко же речеся, и рекшу яже о извѣщеніи: отце честный, пріяти молюся ради къ Богу дерзновенныя ти и богопріятныя молитвы, аще получи кую пользу смиренная моя мати, или ни? Отвѣща рабъ божій истинный, глаголя: паче моея силы и достоинства такое прошеніе; обаче помолимся вкупѣ съ тобою Богу, о чадо, и еже хощетъ и волитъ открыетъ намъ; и сотворь вайнымъ своимъ жезломъ писмо округло постави мя внутрь, и заповѣда ми дній седмь не сѣсти, и елико по силѣ ни ясти, ни пити, но молити Бога день и нощь, яко да явитъ намъ искомому откровеніе. И азъ, рече, внутрь пещеры тоже да сотворю. И силенъ есть иже мыслемъ судіа, и утробамъ и сердцамъ испытатель, иже безвѣтнымъ вѣдецъ, и объявитель невѣдомымъ, открыетъ намъ недостойнымъ по воли его. И сотворь молитву прилѣжну, остави мя внутрь писмене, и вниде въ пещеру свою. И сотворшу ми 6 нощей, и 6 дній, и яко пріиде седмая нощь, быхъ яко во иступленіи, и зрю на лѣвую страну, и се езеро тинно смрада исполнь, и главы нѣкихъ восходящихъ изъ глубины езера, и съ ними видѣхъ матерь мою восходящу и низходящу до выя. И позвавши мя, возопи: чадо мое доброе, помилуй мя! И паки поникши во глубину тины. И паки возшедши до персей, и возопи зѣло: чадо мое, помоги ми! И паки зашедши во глубину, и до третіе видѣхъ ту возшедшу, и еще множае вопіющу, со оумиленіемъ и многими слезами, и рыданіемъ, сице глаголющу: чадо мое, не остави мене въ бѣдѣ сей! Азъ же, бѣды яко забывъ, простеръ десную мою руку, и похвативъ за власы главы ея, той же въ долняя погрязши, омочися рука моя въ тинѣ смрада онаго до запястія, сице же исторгъ матерь свою, и на десно обозрѣвъ, оузрѣхъ купель воды чисты, и благовонны, и сладки, тамо убо ввергохъ ту, и омыхъ смрадныя оныя тины, и съ тамо сущими свѣтлыми людьми совокупихся, хваляще и славяще съ ними Христа Бога нашего. Дню же прочее бывшу и се рабъ божій пріиде, вопрошая мене, что убо еси видѣлъ; мнѣ же повѣдавшу, той знаменаніе глаголемая, таковая бо бѣяша и самъ якоже глаголаша зрѣвый; мнѣ же руку износящу, и неизчетнаго смрада не терпя, глаголаше святый: о семъ не печалуй, се бо печать есть истиннымъ еже вѣровати намъ, и всѣмъ слышащымъ и видящымъ, яко истинно есть видѣніе, а не привидѣніе или мечтаніе, и яко силенъ есть Богъ и по смерти творити милость и щедроты, иже отъ всего сердца творящимъ приношенія и милостыни за отшедшыхъ, и тѣмъ подати милость, яко щедроты его на

Digitized by Google

всѣхъ дѣлахъ его, елика хощетъ и можетъ. О руцѣ же твоей азъ извѣщу: можаше бо Богъ всячески и ту таковаго премѣнити смрада, но да не якоже речеся, двоевѣрно мнится быти и невѣрно многимъ, сице ту благоволи имѣти. Сице рекъ ми рабъ божій, и малый платъ сей, иже зриши, отъ святыя его мантіи отрѣзавъ и обвитъ ми руку; и абіе преста весь смрадъ. Пріиде же паки его ради блаухоханіе, и еже пребываетъ плату належащу; аще ли кто возметъ его, яко же и ты нынѣ сотворилъ еси, никто же стерпитъ смрада неизчетнаго. По сихъ же глагола ми по истинѣ рабъ божій: се, чадо, толикъ путь шествовалъ еси, зѣло утрудився, и яже на потребу не имаши что подобаетъ ти сотворити, или како отъидеши во страну свою не трудно, и яко сія глаголаше ми. Се дхну вѣтръ югъ, и облакъ граденъ уторжеся отъ запада; святый же старецъ рече: тебѣ повелѣваю, ангелу иже облаки водящему, и вся содержащему сильною дланію о имени Христовѣ, иже облаки составляющему, пріими брата сего облакомъ, и донеси его во своя ему, яко да всѣмъ скажетъ величія божія, яко силенъ, право и несумѣнно просящимъ подавати прошенія ихъ, приношенія ради милостынь о мертвыхъ и о живыхъ, и милость въ родъ и родъ до вѣка, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. Пріемля убо облакъ, и представи мя оу дому моего, яко Аввакума въ ровъ Даніиловъ; азъ же пребыхъ хваля и славя Христа Бога нашего, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, яко Тому подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1533.)

Былъ единъ человѣкъ священноинокъ, котрий завше за свою матку Богу ся молилъ и святую службу отправовалъ, а покуту великую за ню мѣвалъ. Тогді часу едного, яко съ плачемъ молился Богу, обачилъ еи предъ собою, а она на страшномъ змію сидитъ и зъ пазокъ его огонь страшный сѣрчистый выходилъ; два зась діяволи зъ ланцюгами огнистыми при неи стояли, котріе мозокъ еи висисали; въ очахъ сиділи два медвѣдки, въ ушахъ срокгія двѣ мыши видать було, люти зась шатанъ стоялъ противъ неи каменемъ бючи уста еи, и коло шиі еи барзо ужъ великий обвинулся а персей ссалъ, на палцахъ еі огнистие перстени були, ноги зась еи подъ зміевимъ брухомъ были звязани. Тое видячи онъ законникъ палъ на землю отъ страху не могъ и слова мовити, а она ему мовила: не бойся, наймилшій сину, бо ні я, ані тие, що зо мною, тобі зашкодить не могуть. Я то есть проклятая и несчасная матка твоя, котрая естемъ тимъ мукамъ на вѣки отдана. Въ томъ сынъ, будучи посиленъ Богомъ. всталъ, и мовилъ: чему сь тако сродзѣ мукамъ оддана, поневажъ часто есь святый сакраментъ примовала, исповѣдь чинила? Отповѣдала же: збытный есть гнѣвъ Божій, бомъ всю молодость мою въ роспустахъ и уборахъ марныхъ скончила. А любомъ ся сподівала того однако воли до покути не міламъ, и святий сакраментъ негодне пріймовала. Мовилъ ей синъ: что значатъ тие муки? отказала: змій, на которомъ сижу, данъ мі есть за любощи непристойние, котрихъ я прагнула до себе, тие зась дви шатани, що мя ланцугами бють, единъ есть данъ за тое, же къ отцу своему завше ся наприкрала, вимогючи розние убори, другий зась ми данний жемъ нишихъ до той же своей воли приволила, страшний

Digitized by Google

ужъ за тое данъ мі есть, жемъ злотые ланцуги и монисто носила и перси показывала, за тое мя той страшный ужъ зъ великою болестію моею смокчеть; што мя беть у уста за тое, жемъ дивилася где злие учинки справують; въ ушахъ миши сродзе гризутъ, жемъ слухала пісней спросніхъ; ноги ввязани подъ зміинимъ брухомъ, женъ танцевала збитне, показуючи голені и вискоковъ и бігання непристойнаго; а для того а ні твоя молитва, а ні тежъ чія иншая можетъ мя отъ той муки визволити. Се заразъ той змій и все товариство еи смрадомъ великимъ поднесшися въ ниспавицю (?) обернулося и зникло.

Digitized by Google

ВИДѢНІЕ МУКЪ

ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВИДѢНІЕ МУКЪ ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. № 1377.)

Два мниха добродѣтелни пріидоша слово Божіе преповѣдати в нѣкій градъ, в немъ же нѣкая жена со сроднымъ своимъ и со инѣми чужеложство сотворила, и тягости ради грѣха, срама ради, 12 лѣтъ приходя каятися и таяше. Едаже узрѣ сихъ иноковъ странныхъ, рече въ себѣ: сіи суть незнаеміи и иностраннiи, и ниже когда паки к намъ возвратятся: исповѣмъ имъ грѣхъ свой и беззаконіе мое. И по святѣй литургіи, приступи ко единому, нача исповѣдати грѣхи своя; и другий мнихъ видѣ, яко за комнъждо изреченіемъ грѣха изъ устъ ея жабы скверніи падаху и изъ церкви выскакаху. И егда пріиде до сего великаго грѣха, еже со сроднымъ сотвори, и не хотѣ стыда ради исповѣдати, мнихъ же, не вѣдый, еже грѣхъ велій имать и не исповѣда, даде ей разрѣшеніе; и тако скончася исповѣдь; другій же мнихъ видѣ, яко вси купно во внутренняя ея внидоша паки. Отъидоша же мниси изъ града, и идоша путемъ; видѣвый же сіе видѣніе все ко другу своему исповѣда; и той во страсѣ и печали рече: во истинну, брате, утаила нѣчто грѣховъ своихъ, но возвратимся, брате, и направимъ ю къ покаянію. И по многомъ отшествіи, паки возвратишася и обрѣтоша ю мертву, возмутишася душами и восплакаша зѣло иноцы, и начаша с постомъ в сокрушеніи сердца молити Господа Бога, да извѣститъ по милости своей, что се еже видѣти, и третіяго дня, вкупѣ имъ идущимъ, показася имъ ѻна жена сѣдящи на страшномъ и лютомъ зміи, и два ужа велика сокрушаху выю ея, и два перси ссуще, два же нетопыря дерущe очи ея, и от устъ ея исходитъ огнь жупелный, руцѣ же ея грызяху два пса великіе, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великія огненніи, вонзени во главу ея, колико бѣша власовъ толико ящерицъ. Сіе старцы они ясно узрѣша, падоша яко мертви; тогда жена рече: не ужасайтеся, благодѣтеля моя и боголюбезная; азъ убо ѻна жена проклятая, иже предъ тобою, Пантеніаре священній, исповѣдахся, и сицевый грѣхъ срама ради утаихъ, и исповѣдатися устыдѣхся, и за сіе осуждена бысть тако мучитися на вѣки. Тогда Пантеніаръ рече: заклинаю тя именемъ великаго Бога нашего, да исповѣси намъ, что таковое страшнѣйшее различество твое, и что есть муки сія ихже, рече, видимъ? И ничто (?) жена (¹) извѣщу убо ти, и не скрыю ничто же: иже вмѣсто власовъ моихъ ящерицы даны ми суть за украшеніе главы, нетопыреве на очахъ моихъ мученіе и казнь прелестнаго воззрѣнія и возвожденія бровей, стрѣлы огненныя въ

(¹) Вѣроятно пропущено слово: рече.

Digitized by Google

ушахъ — казнь за слышаніе глаголъ лестныхъ и пѣсней сатанинскихъ, из устъ пламень жупелный исходящъ — за прелестныя моя словеса, и сквернословіе, и осуженіе, ужеве, иже ссутъ перси моя, — за нечестивое и скверное дотыканіе многихъ, выю тако же ужеве сокрушаютъ — за украшеніе выи, и обнимаютъ озлобленіе псовъ въ казнь дѣлъ моихъ гнусныхъ и пріятія рукамъ и еже ими давахъ любовникомъ моимъ; сѣденіе же на семъ великомъ и страшномъ змін за желающую мою похоть тѣлесныхъ и скверныхъ сластей, иже мя зѣлною нестерпимою мукою дручитъ и ставитъ, и палитъ огнемъ поскаданнымъ адскимъ и бедра тайная, и вся внутренняя моя, въ казнь скверныхъ и многихъ злыхъ дѣлъ моихъ. И Пантеніаръ рече: повѣждь ми, коихъ ради грѣховъ человѣка на осуженіе болѣе идутъ? И рече жена: вящщи осуждаются смертныхъ ради грѣховъ, жены же паче четырехъ ради способовъ грѣховныхъ: нечистоты ради отъ своихъ мужей, суетныхъ и непотребныхъ ради украшеній, и еже вражити людямъ, и стыда, его же ради не исповѣдаютъ грѣховъ своихъ. И Пантеніаръ рече, хотя ю еще вопросити: можетъ ли ей подати кая помощь, зане же страшный, сами ей нестерпимую муку, движеся съ нею и зане то не адская мѣста.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ ПОСѢЩЕНІИ АДА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ НОСѢЩЕНІИ АДА.

(По списку XVII в.)

ЯКО ЗДѢ ЛУЧШЕ СКОРБИ ТЕРПѢТИ И ПРИНЯТИ БѢДЫ, НЕЖЕЛИ ТАМО.

Бѣ нѣкій человѣкъ благонравный и благочестивый, во множенъ оубо покаяніи иже здравъ буда творя, в велію болѣзнь впаде, в ней же годищное время терпя. нача просити Господа Бога и молити, дабы толикимъ его скорбемъ конецъ сотворити Богъ исволилъ, и смерть по милости своей послати. Оуслыша благопослушный Богъ его молитву, явися ему ангелъ его и рече: избери оубо себѣ что хощеши, или да еще въ скорби сей пребудеши лѣто едино, или да будеши терпѣти муки три дни в навершеніе покаянія о грѣсѣхъ и добродѣтелей недостатка, и азъ повелю, и смерть пріидетъ, яко же хощеши; аще ли же ни, лѣто еще в скорби тѣлесней пребудеши, без всякаго препинанія в мѣсто оупокоенія пріидеши. Человѣкъ же той, невѣдая искусъ мукъ, инѣйшее избра, рече ко ангелу: хощу паче умрети, и не точію три дни, но доколѣ изволитъ Богъ мучити мя в воздаяніе грѣхъ моихъ, точію да не терплю здѣшьнія болѣзни. И рече ангелъ: буди тако. И тако болящій оумре, и душа его отслася в муку. По скончаніи оубо дня единаго, пріиде к нему той же ангелъ Божій и рече: что ти, душе, како терпиши, иже сама себѣ избра, еже в нихъ быти? И рече душа: о прелестниче, а не ангелъ, како ми тысящу лѣтъ сихъ страшныхъ и нестерпимыхъ мукъ в мѣсто трехъ дней пристроилъ терпѣти еси? И рече святый ангелъ: о душе, не долгостію в мукахъ сихъ пребытіемъ лѣтъ, но нестерпимою и преиногою мукою искушена тако глаголеши, како же сія не покаявшимся вѣчне терпѣти? ты оубо, о душе, еще точію единъ день здѣ, но даю ти совѣтъ всяко аще хощеши, и Господь Богъ яко сый премилостивъ оумилосердится о тебѣ, дабы еси возвратилася, якоже еще в тѣлѣ ти сущей рекохъ, да постраждеши лѣто едино. И рече душа: о изволяю не точію едино лѣто, но аще бы и до скончанія міра в тѣлѣ терпѣти скорби, аще бы были и вящи, нихже терпѣла, нежели здѣ часъ единый! И за симъ словомъ нестяжательствомъ ангела святаго возвратися душа в тѣло. и воскресе оный человѣкъ. Пребысть же нареченное лѣто, возлюбленніе, скорби терпя, множеству человѣкомъ сіе извѣщая, оуспѣхъ к покаянію подая, и егда пріиде по лѣте скорби часа время, преставися, и вниде в вѣчное оупокоеніе.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что впадающіе въ летаргическій сонъ, похожій на смерть, и снова возвращающіеся къ признакамъ жизни, особеннымъ произволеніемъ Божіимъ отпускаются обратно въ земную юдоль изъ загробнаго міра, сохраняя воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли въ этомъ мірѣ. Настоящая легенда относится къ этому вѣрованію. Благочестивые люди думаютъ, что кто предъ смертію долѣе болѣетъ, тотъ своими страданіями искупаетъ часть своихъ согрѣшеній; чѣмъ кто продолжительнѣе мучимъ болѣзнію, которая наконецъ низвела его въ могилу, тѣмъ болѣе прощается ему грѣховъ и облегчаются наказанія, ожидающія насъ въ адѣ.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЬЩЕННОМЪ ИНОКѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЬЩЕННОМЪ ИНОКѢ.

СЛОВО Ѡ ИНОЦѢ МОЛИВШЕМСЯ БОГУ, ДАБЫ БЫЛЪ, ЯКО ІОВЪ, ИЛИ ЯКО ИСААКЪ. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

(По списку конца XVI в.)

Повѣда намъ нѣкіи от отецъ о иноцѣ нѣкоемъ, молящуся Богу, яко да сподобитъ его быти яко Іовъ, или яко Исаакъ, или иного прежде бывшихъ патріархъ, или яко единого от пророкъ. И по многемъ его моленіи, пріиде емоу гласъ, от Бога глаголющъ: неможеши быти якоже Исаакъ. Отвѣщавъ же мнихъ: аще не боуду якоже Исаакъ, да поне хотя яко Іовъ. Паки же к немоу божественный гласъ: аще побѣдиши, рече, якоже и онъ діявола, можеши быти. Мнихъ же обѣщася тако быти, и слыша паки гласъ глаголющъ ему: иди, рече, в келію свою, якоже просилъ еси; буди ти. По днехъ же нѣкихъ преобразися діяволъ в нѣкоего воина, пришедъ ко мниху, рече: молюся твоему преподобію, отче, помилуй мя гонима отъ нѣкоего царя, и вземъ сія двѣсти литръ злата, и отроковицу сію, и отрочища, и оукрый оу себе, идѣже вѣси; азъ же, рече, идоу во ину страну, идѣже царь обрѣсти мене не можетъ. Мнихъ же не разумѣ сѣти діяволя, рече к немоу: чадо, не могу сія взяти, понеже смиренъ есмь человѣкъ, и не могу сія сохраняти. Онъ же нуждаше мниха не презрѣти моленія его. Мнихъ же отвѣща к нему: шедъ, рече, чадо, и положи сія под каменемъ. Онъ же моляще его прилѣжно: отче, прими сія самъ, и положи идѣже вѣси. Вѣровавъ же мнихъ глаголемымъ от бѣса, взятъ злато оно, и отроковицу, и отрочища, поругаемъ от бѣса. Поднекъ же нѣкихъ вълагаетъ мниху ратъ (?) на отроковицу и растлити сию. Раскаявъ же ся о прилучившемся ему, воставъ, оубивъ отроковицу. Глагола ему помыслъ: воставъ оуби и отрочища, яко да не повѣстъ отцу своему бывшую вещь. Воставъ же абіе и оуби и отрочища. Рече же к нему помыслъ: вземъ врученное ти злато и бѣжи во ину страну, идѣже воинъ не возможетъ обрѣсти тя. Отшедъ же в нѣкоую страну, и созда себѣ от злата оного монастырь. По совершеніе же церкве, се воинъ пріиде, иже образомъ діяволъ, и начатъ вопити гласомъ веліемъ: о нужда! помозите! Народи же стекшеся, глаголаху ему: что сія зовеши, человѣче? Онъ же с плачемъ отвѣща: мнихъ сей отъ моего злата, преданнаго ему, созда церковъ сію. Воставше же человѣци мѣста того из безчестіемъ и ранами отгнаша его. Иже образомъ воинъ и естествомъ же діяволъ, тойже на мниха гнѣваяся, отыде, глаголя: азъ сія сотворю ти, яже ни в умѣ своемъ николиже помыслилъ еси! И сія рекъ, отыде. Мнихъ же борася помыслы своими день и нощь непреста, дондеже отлучися отай мѣста оного, рекъ: яко се явленно бысть дѣло мое, но да вземъ оставше ему злато, и иду во градъ нѣгде далече, идѣже воинъ онъ пріити не возможетъ. Оубо (иде?) во градъ незнаемъ далече, и оузрѣ тамо отро-

Digitized by Google

ковицу нѣкую зѣло красну, дщерь сущу оу нѣкоего рядника, и глагола отцу ея: даймн сію в жену. И поя сію в жену себѣ. По лѣтѣ жѣ нѣкоемъ, оумре отецъ ея отроковицы; князь же града того искаше в него мѣсто поставити инаго рядника; рѣша же ему мужіе града того: обычей есть града сего, яко же поиметъ жену или дщерь оумершаго рядника, той приемлетъ сице его служеніе, аще и нехотя. Рече же к нимъ князь: есть ли оубо таковый человѣкъ оувадѣ? Они же рѣша: есть, яко же мнится намъ, яко же иноческа чина быти его глаголютъ преже бывша. Князь же рече: шедше приведете его сѣмо. Они же шедъ приведоша его ко князю. Онъ же и не хотя обѣщася пріяти таковое служеніе. Впадающимъ же нѣкимъ аще и в мало согрѣшеніе, той же, иже нѣкогда бысть мнихъ и постникъ, нынѣ же рядникъ, повелеваше мучити немилостивно согрѣшшая; овыя же князю даваше затворити сія въ темницы, ноги ихъ забити в кладѣ, а другія же говяжими жилами бія оуморяще, иныя же смолою горящею опаляя, множайшая же творящю, повѣдати безъ слезъ не могу. В сихъ же оупражняющуся, иже нѣкогда мняху отшелнику сущу, нынѣ же рядинку, се діяволъ приде во образѣ воина и начатъ звати и гласы испущати, яко и народу многу стещися, на безчисленны его гласъ. Начатъ же князь вопрошати его, рекъ: престани, человѣче, от безчисленнаго кричанія немысленно; яже по тебѣ, скажи намъ. Отвѣщавъ же воинъ князю, рекъ: видиши ли рядника сего, его же имате во градѣ вашемъ: сей мнихъ бѣ нѣкогда; мнѣ же прилучися гониму быти от нѣкоего царя, вручихъ ему злата много, к сему же и дщерь мою дѣву сущу и отрочища единого; и просто рещи вся подробну сказавъ прилучшаяся ему, князю же прилѣжно о вещи слушающу, прибытка рада своего, и вопроси бывшаго нѣкогда мниха, нынѣ же рядника: аще истинна суть иже отъ воина глаголемая? Онъ же и не хотя исповѣдався поряду, и абіе на отроковицу и отрочища, и како и камо изстощенно бысть злато оно. Князь яко видѣ, яко нѣкій же прибытокъ иматъ пріяти от злата оного, повелѣ смерти лютой продати его. Водиму же ему внѣ града смертному мѣсту, се діяволъ, иже во образѣ воинъ, срѣте его на пути ведома народомъ, и рече к нему: вѣси ли, авва, кто есмъ азъ? Онъ же к нему: си ты еси воинъ! Рече, его не познахъ. Воинъ же к нему рече: азъ есмь, его же слышалъ еси, сатана, иже первозданнаго прелстилъ Адама, ратую человѣки, и не оставляю никого же спастися или быти якоже Исаакъ или якоже Іовъ, но тщуся сотворити вся, яко Архитохеля оного или яко Іюда Скариотинъ, или яко же Каинъ, (и) иже в Вавалонѣ старцы, и подобніи тѣмъ; вѣруй же, яко и ты сице поруганъ бысть отъ мене, и не оувѣда ратовати сокровенную брань. Сія же рекшу бѣсу и ина множайшая, и абіе невидимъ бысть; окаянныи же той мнихъ, паче же рядникъ, пострада смертное оудавленіе, поругаемъ от бѣса за тщеславное его высокомудріе. И мы оубо братія, соблюдемся, не высокомудріемъ просити от Бога выше мѣры нашея, и начинати дѣла, ихъ же невозможемъ совершити; добро же паче шествовати царьскимъ путемъ, имъ же идоша святіи отцы наши, неоуклоняющеся на десной или на шуей, спастися отъ прелестнаго вѣка сего, имуще во всемъ смиренномудріе.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНЦѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНЦѢ.

СЛОВО ѿ ХРИСТОЛЮБИВОМЪ КУПЦѢ, ЕМУЖЕ СОТВОРИ БѢСЪ НАПАСТЬ, МИЛОСТЫНИ ЕГО НЕ ТЕРПЯ, БЛАГЫЙ ЖЕ БОГЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ЕГО РАДИ ОТЪ НЕДУГА ИСЦѢЛЕ, И ДѢТИЩА ЗАКОЛЕННАГО ЕГО РАДИ ЧЮДОДѢЯ ВЪСКРЕСИ.

(По списку XVI вѣка.)

Повѣдаше нѣкто отець вещь дивну и ползы исполненоу, яко нѣкто коупецъ благовѣренъ и милостивъ, елико оубо Богъ даяше ему, то все оубогымъ раздаваше. Единою же идущю емоу купити по обычаю, и обита в гостинници покоа ради; и нѣкто нищь моляше и прося милостыни; христолюбивый же купецъ рече нищему: брате! се якоже мя видиши на пути семъ, а товаръ мой напредъ поустихъ предъ собою, не имѣю оу себѣ ничтоже, еже бы ми что дати; но молися о мнѣ к Богу; егда же възвращуся, дамъ ти потребнаа. Глагола нищій: како оубо приходъ твой вѣдомъ боудеть мнѣ? Коупецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обрящеши мене, и показа емоу дъску, лежащу ту, и рече к нищему: что ми Богъ повелитъ, подъ сею положю дскою, ты же възми яже обрящеши, и моли о мнѣ Бога. Оумедлившю же коупцоу, пріиде нищій в начерную годину и подемъ дъску, и обрѣте скровище злата, издавна скровенно; пождавъ нощи, и поимавъ все, и обогатися, и коупи себѣ полаты многоцѣнныи, рабы и рабыни, села же и винограды, волы же и велблоуды, кони же и мьскыи, и все елико богатымъ довлѣетъ, поятъ себѣ женоу от велможъ, и начатъ жити славно, в мнозѣ службѣ. По времени же пріиде онъ благовѣрный купецъ, и бывъ на мѣстѣ, въспомяноу нищаго, и вземъ злато в руку, въсхотѣ положити под ону дску, якоже обѣщася нищему, и порази его духъ лоукавый, и паде нань язва зла от ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іова; и раздаа все имѣніе врачемъ, и нача самъ яко единъ от нищихъ ходя просити милостини, и пріиде в домъ сего богатаго, бывшаго преже нищаго, иже по сего съвѣту тоу подъ оною дъскою обрѣте скровище и обогатѣ. Пріимъ же сего, яко единого отъ нищихъ, въсхотѣ накормити, посемъ въспроси его: како и откоуду случися болезнь лютаго сего недуга? Онъ же сказа ему вся поряду. И разумѣ человѣкъ, яко сего ради дарова ему Богъ толико богатство, и рече: ты ли еси оный коупець? Рече богатый: сіи вся, яже видиши, тебе ради дарова ми Богъ подъ оною дскою обрѣсти богатьство. Сей же рече емоу: ты же разумей, яко тебе ради діяволъ болѣзнь сію наведе на мя! Рече же богатый: аще мене ради злаа болезнь случитися, живъ Богъ, яко не изыдеши от домоу моего ни от трапезы моея не отлучишися, но покою тя вся дни живота моего! И оставивъ его в дому, не худѣ печешеся имъ, имуща хитрость врачевскую. По мнозе же времени не възможе исцѣлити его отъ недуга; послѣди же всѣхъ, инъ врачь пріиде, глаголя: ничимъ же възможете страсти тоа исцѣлити, но аще кто зарѣжеть мла-

Digitized by Google

денць первенецъ, и тою кровію помажеть от главы и до ногу, и будеть здравъ болный. И положи си богатый на сердци; бяше бо оу него младенць первенецъ, помысли заклати младенца сдравіа ради недужна. Печаше бо ся велми о того спасеніи, за многую любовь. Искаше времени да без матере младенца заколеть; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытися, видѣ своего младенца на ложи спящя покровена, и с тщаніемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и паки вложи мертваго младенца, и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и вземь кровь младенца, помаза его по всему тѣлу от главы и до ногу, и абіе здравъ бысть болный, якоже исперва. Се же чюдо створи Богъ вѣры ради человѣка того и любви, юже имѣ к Богу и к нищимъ. Пришедши же мати от бани, пріидъ к дѣтищю да его надоитъ, и егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣтя верещати. Слышавъ же отецъ, притече к дѣтищю оужасенъ, и видѣ своего дѣтища жива, его же бѣ заклалъ исцѣленіа ради болнаго, и прослави Бога, таковая створшю чюдеса, яко болнаго исцѣли, мертваго въскреси; се же бысть обою вѣры ради, и милостыня ради, и любви.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Здѣсь высказалось древнее восточное повѣрье, будто бы кровь младенца (и особенно первенца) очищаетъ отъ проказы. У евреевъ существуетъ апокрифическое преданіе, будто бы Фараонъ, въ числѣ многихъ гоненій, творимыхъ сынамъ Израилевымъ въ Египтѣ, страдая проказою, приказывалъ приноситъ къ нему еврейскихъ младенцевъ и омывался ихъ кровію. Въ одной еврейской книгѣ, печатанной въ XVI в.: «Чинъ Пасхи», есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, съ язвами на обнаженномъ тѣлѣ; онъ стоитъ въ ваннѣ; предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилы и испускаютъ кровь, которая брызжетъ фонтаномъ на тѣло царя и въ ванну; вдали плачущія матери. Съ востока это вѣрованіе перешло къ намъ и, какъ видно, укоренилось въ ряду народныхъ суевѣрій. По извѣстію преосвященнаго Игнатія Тобольскаго подобныя заколенія младенцевъ случались между раскольниками. Извѣстное обвиненіе евреевъ, будто бы они крадутъ иновѣрныхъ дѣтей для добыванія изъ нихъ крови, существующее съ незапамятныхъ временъ, между разными объясненіями, для чего нужна евреямъ дѣтская кровь, сопровождалось и такимъ мнѣніемъ, будто евреямъ необходима она для исцѣленія себя отъ наружныхъ болѣзней, въ родѣ проказы. Случаи дѣйствительно происходившіе, когда находимы были убитыя дѣти, иногда съ явственными признаками испущенія изъ нихъ крови, случаи, возобновлявшіе и поддерживавшіе древнее обвиненіе на Евреевъ (¹), вѣроятнѣе могутъ быть объяснены таящимися въ народной демонологіи остатками древняго восточнаго, но въ старину распространившагося между европейскими народами вѣрованія о цѣлебности дѣтской крови. Настоящая легенда, гдѣ хотя высшее правосудіе спасаетъ умерщвленнаго младенца, но гдѣ, однако, не отвергается цѣлебное свойство дѣтской крови, можетъ служить этому нагляднымъ подтвержденіемъ.

(¹) См. Эйзенменгера: Das Entdeckte Judethum. Въ Польшѣ въ XVII в. составлена была объ этомъ книжка подъ названіемъ Złość żydówska (есть въ Публ. Библ.) съ явными признаками неумѣреннаго фанатизма. На новогреческомъ языкѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, появилась подобная книжка какого-то монаха Неофита: Открытыя таинства жидовской вѣры. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы и Азіи, въ разныя времена въ различныхъ мѣстахъ находимы были украденныя и умерщвленныя дѣти; вездѣ и всегда, при недостаточности глубокихъ свѣдѣній въ этнографіи, подозрѣніе падало на евреевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О БРАТСТВѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА О БРАТСТВѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1606.)

УКАЗЪ О БРАТОТВОРЕНІИ ЯКО СОТВОРИ ГОСПОДЬ БРАТСТВО КРЕСТНОЕ, ЕЖЕ НАЗВАТИСА МЕЖЬ СОБОЮ БРАТИЕЮ ВСЯКОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТІАНИНУ.

Бысть царь, имя ему Семиклей; и любяше о Господи рече (рѣчи) слышати и желаше видѣти Христа велми. Во единъ отъ дній Семиклей царь на одрѣ возлегъ в полатѣ своей и узрѣ пьтицу велику и чюдну, летающу посредѣ полаты своеа, і воздивися о ней; и возлетѣ птица, и удари крилѣ своими, и от среды полаты взятся прахъ палатный, і вниде во очію его, и от слѣпоты пораженъ бысть царю Семиклею. И жена его бяше Купава, и бяше прокаженна, и сынъ Провъ: той имяше жену, и та имяше бѣса в себѣ. Якоже Семиклей царь ослѣпе, и призва сына своего Прова и глагола ему: иди, чадо, в земля далная, и не поими от града сего никого же, да не повѣсть о мнѣ, и збери по людемъ дань, да вложи в сокровище, и послѣди о немъ вси поживемъ, поне иже и узнаютъ вси людие, яко азъ от слепоты пораженъ есмь, и інъ царь приметъ наше царьство, а сокровенное наше то будетъ намъ на послѣдокъ. Сынъ же его Провъ изшедъ из града и не поимъ с собою никого же, вели (велми) бяше жалостивъ и плачевное сердце имѣяше Провъ о болѣзни отца своего, и поя тако иныя слуги своя себѣ, и збираше дань с великою крамолою; и мало даяху ему, а онъ же начатъ спѣшно имати, имѣяше же сердце плачевно яко инъ никтоже. Видѣвъ же Господь велику жалость и сотвори Господь: и яко рабъ приде к Прову, и рече: пріими мя, да буду с тобою. И рече Провъ ко Христу: от кое страны еси? И рече ему Христосъ: от горнихъ есмь. Провъ же рече: како есть имя твое? Господь же рече ему: имя мое Емъмануилъ. Провъ же рече: колика доброта твоя? Господь же рече къ нему: князь есмь. Провъ же слышавъ, радостенъ бысть. И рече Провъ: буди со мною. І вопроси Господь Прова: о Прове! каково здѣлаеши дѣло? Онъ же отвѣщавъ: единъ рабъ есмь Семиклея царя, посланъ есмь собрати дань, а народъ мнѣ не даетъ, а повелѣно ми есть борзо принести, собравъ; не вѣмъ что сотворити. Рече ему Емъмануилъ: азъ спѣшно соберу ти. И рече Господь Прову: стани подалече: азъ иду во градъ. И пришедъ Емъмануилъ во градъ, и возгласи, глаголя: дайте Божія Богови, а кесарево кесареви! И слышавъ народъ таковыя рѣчи; и приношаху много злата и сребра. Провъ же видѣ, и удивися: откуда ми се да пріидетъ? Азъ бо во мнозехъ мѣстехъ и ничтоже собрахъ, се же во единомъ мѣсте и все ми предасть елико хощу! И рече Провъ Господу: Емъмануилъ! како любовь сотворю с тобою? И рече Господь: какову любовь хощемъ, такову сотворю с тобою! Яко братство! сотворити хощу, и возлюбиши мя, яко самъ себя

Digitized by Google

И рече Провъ: сотвори. И Господь вземъ харатія и рукою своею записавъ братство, и рече неложными усты своими: проклятъ есть человѣкъ той, иже сотвори брата и не вѣрова в него! Сіе убо братство болѣ брата рожденнаго! И рече Провъ: много злата с нами, поидемъ в землю нашу!

И придоста ко граду; и сташа (ста) при водѣ; и глагола Господь к Прову: о брате Прове! Провъ же рече: се азъ. И глагола ему Господь: внидемъ въ воду и омыемся скверны наша. Тогда дивишася ангели его, да рече Господь: о брате Прове! И вниде Господь въ воду и ухвати рыбу и рече: о Прове! И рече Провъ: се азъ, Господи! И рече к Прову: вѣси ли яко рыба, что есть? И рече Провъ: не знаю, брате. И рече к нему Господь: очи сеа рыбы от слѣпоты, стамехъ есть от проказы, а желчь ея есть за нечистость духа! Провъ же пріятъ рыбу, и разумѣ в сердцы своемъ яко отець его ослѣпѣ, а мати его прокаженна есть, жена же его имяше духъ нечистъ. И предастъ имѣнія своя вся Емъмануилу, и вземъ рыбу, иде к родителемъ. И бяше Семиклей затворенъ, да не познаетъ инъ его никтоже о слѣпотѣ его; и пришедъ сынъ его Провъ, растрои рыбѣ очи, и помаза очи отцу своему; той прозрѣ от слѣпоты; и симѣхиремъ помаза матерь свою, и исцелѣ; желчію помаза жену свою и исцѣли ю. И видѣвъ же царь Семиклей и удивися зѣло и рече сыну своему: откуду, Прове, взялъ еси? Онъ же исповѣда ему всю истину. Семиклей же рече: поидемъ, сыну, той есть Христосъ, его же азъ видѣти восхотѣхъ! И воставъ с плачемъ поиде; и узрѣ царь Семиклей Господа издалече; и бысть Господь невидимъ от нихъ! Семиклей разстерза ризы своя, глаголаше: Слава тебѣ, владыко, яко не оставилъ мя еси в погибели, взирающе на рукописаніе твое плачюще, и глаголюще, и славяще Бога: Слава тебѣ, владыко, яко изволилъ еси счетатися с рабомъ Провомъ! Яко тому подобаетъ всяка слава, честь, и поклоненіе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта легенда вымышлена, какъ видно, въ оправданіе и освященіе обычая, существовавшаго у насъ, какъ и у другихъ народовъ, обычая побратимства или названнаго братства. Сущность его состояла въ томъ, что два лица заключали между собою союзъ на жизнь и на смерть и обязывались другъ друга защищать и выручать изъ бѣды, одинъ другому помогать и оказывать взаимную дружбу и любовь. Обычай этотъ, общій народамъ арійскаго племени существовалъ въ глубокой древности въ такъ называемый героическій или богатырскій вѣкъ. До сихъ поръ онъ наблюдается у восточныхъ Афгановъ. Въ древней Греціи являются названными братьями, побратимами, Тезей и Пиритой, Орестъ и Пиладъ, Ираклъ и Іоласъ, Ахиллъ и Патроклъ. На противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ сопровождался священными обрядами. Союзъ братства назывался fôstbroedralag; его заключали между собою люди, связанные общимъ дѣломъ. Нерѣдко побужденіемъ къ нему была равная для обоихъ вражда и ненависть къ однимъ и тѣмъ же врагамъ; нерѣдко двое враговъ, столкнувшись между собою непріязненно и оцѣнивъ другъ въ другѣ равное мужество и храбрость, прекращали бой и заключали братство. Обычай этотъ сопровождался такимъ обрядомъ: молодцы разсѣкали себѣ ладонь и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ давали другъ-другу окровавленныя руки и произносили обѣтъ братства.—Другой обрядъ, еще торжественнѣе, соблюдался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, но такъ чтобы ихъ края были соединены между собою, и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остріемъ копья. Стоя на колѣняхъ подъ этою землею, витязи призывали боговъ въ свидѣтели своей клятвы и обѣщались навсегда жить между собою какъ родные братья. Если бы одинъ изъ этихъ названныхъ братьевъ былъ убитъ, другой долженъ былъ торжественно похоронить убитаго и отомстить за него. Названное братство считалось дѣйствительнѣе роднаго. Въ одной Сагѣ двое родныхъ братьевъ, сыновья Біорна Бёдфаръ (Bödfar) и Ельгфроди (Elgfrôdi) испытавши свою силу одинъ надъ другимъ, вступаютъ въ названное братство. Ельгфроди разрѣзываетъ руку и даетъ брату пить свою кровь, чтобъ послѣдній получилъ черезъ то силу. Сдѣлавши выемку въ скалѣ, онъ сказалъ брату: «теперь я буду всегда знать судьбу твою; если я здѣсь найду кровь, то это будетъ значить, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, и я долженъ буду мстить за тебя, ибо я твой названный братъ и люблю тебя больше всего на свѣтѣ! Какъ святы по скандинавскимъ понятіямъ казались такіе союзы, показываетъ слѣдующее обстоятельство, случившееся уже послѣ водворенія христіанства; Ніорфи, упландскій король, заключилъ съ викингомъ Вафильсономъ братство и объявилъ ему, что союзъ ихъ долженъ быть крѣпокъ, хотя отецъ Вифильсона былъ только ярль и не происходилъ отъ королевской крови; не смотря на такое неравенство, союзъ оставался непоколебимымъ. Впослѣдствіи между ихъ сыновьями возникла ожесточенная вражда; тѣмъ не менѣе отцы не только не вмѣшивались въ ихъ дѣла, но даже и тогда, когда король въ этихъ распряхъ потерялъ своихъ сыновей и послѣдній, оставшійся въ живыхъ, его сынъ хотѣлъ, по долгу родоваго мщенія, мстить за убитыхъ братьевъ, отецъ объявилъ, что если онъ покусится на это, то самъ онъ, отецъ, убьетъ его, своего сына, ибо далъ клятву въ братствѣ и долженъ мстить за названнаго брата. По принятіи христіанства, когда проповѣдники вооружились противъ кроваваго мщенія, и самое названіе братства, тѣсно связанное съ потребностію мстить, стало упадать, хотя слѣды его существовали долго и впослѣдствіи переродились въ болѣе гражданственную институцію товари-

Digitized by Google

щества или артельщины (felagskap), когда нѣсколько друзей соединялись вмѣстѣ, преимущественно для торговли, но иногда и для разбоевъ.

Уже въ глубокой древности, какъ видно изъ нашихъ старинныхъ богатырскихъ пѣсней, гдѣ сказочныя событія вращаются около имени Владиміра, существовало названное братство богатырей, заключавшихъ между собою такіе союзы. Такъ Потокъ Ивановичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ были между собою названые братцы. Илья Муромецъ заключаетъ названное братство съ Василіемъ пьяницей. Какъ цѣнилось это названое братство, показываетъ пѣсня про Василису, гдѣ одинъ изъ богатырей, Данило Денисьевичъ, увидавши, что противъ него идетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ названый братъ, Добрыня Никитичъ, самъ убилъ себя съ отчаянія:

Тутъ возговоритъ Данило Денисьевичъ:
Скажите гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата со боемъ идетъ,
Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ!

Въ Новгородской жизни существовало названное братство и цѣнилось выше роднаго, какъ говоритъ Васька Буслаевъ Костѣ Новоторженину:

Гой еси ты Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
А паче мнѣ брата родимаго!

Впослѣдствіи этотъ обычай языческихъ временъ принялъ религіозный характеръ и освящался церковнымъ обрядомъ. Существовали для того въ старыхъ требникахъ особыя послѣдованія. Запорожскіе козаки заключали между собою побратимство и этотъ обычай способствовалъ образованію религіозныхъ церковныхъ братствъ, процвѣтавшихъ въ XVII вѣкѣ. Брались даже и съ невѣрными. Такъ Хмельницкій, разговаривая съ польскими послами, называетъ татарскаго мурзу Тугай-бея своимъ братомъ и говоритъ, что онъ все для него сдѣлаетъ, чего бы ни захотѣлъ Хмельницкій и свѣтъ не разорветъ ихъ козацкой пріязни. Черногорцы до послѣднихъ временъ заключали между собою въ церкви побратимство и священникъ читалъ имъ приличныя молитвы и давалъ цѣловать крестъ въ утвержденіе ихъ союза. Въ Сербіи и Болгаріи, по извѣстію Вука Стефановича, соблюдается не только между мужчинами, но между мужчинами и женщинами названное братство, утверждаемое религіознымъ обрядомъ. Если случится заболѣть женщинѣ или дѣвицѣ, она избираетъ себѣ юношу и идетъ съ нимъ въ церковь или монастырь; священникъ кладетъ ей на голову крестъ или священный покровъ, и если больная выздоровѣетъ, то называетъ того, кто проводилъ ее, братомъ, а онъ ее сестрою. Въ поминальный понедѣльникъ (наша радуница) послѣ пасхи, въ Сербіи есть обычай, называемый дружичало, когда мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами, а иногда и оба пола между собою, сплетаютъ вѣнки изъ вербовыхъ вѣтвей и цѣлуются сквозь нихъ, и мѣняются ими, бросая вѣнокъ на голову того, съ кѣмъ поцѣловались, и вмѣстѣ съ этимъ промѣниваются красными яицами. Такой же обычай существуетъ и у волоховъ. У насъ что-то подобное дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Петровъ день, теперь исключительно только между женщинами: собираются на лугу, водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами; это называется куниться; кума съ кумою заключаютъ вѣчную дружбу. Независимо отъ этого существуетъ (хотя уже рѣдко) обычай промѣниваться грудными крестами, обычай, означающій установленіе взаимнаго братство между двумя особами.

Въ настоящей легендѣ царь Семиклей лицо выдуманное на греческой ладъ, Провъ Probus, имя взято изъ житій святыхъ, гдѣ часто упоминается о царѣ Провѣ. Купава — славянское имя. Стамехъ — стомахъ, желудокъ. Очевидно, составитель легенды находился нѣсколько подъ впечатлѣніемъ книги Товита.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлежр. № 1310.)

Повѣдаша намъ авва Георгій: входящу ми в гору срете мя чернориэецъ старъ, и рече ми: поиди, что влечешися. Вземъ крестъ, поиде от мене преди, и пошедъ мало, совратися с пути на стезю, и азъ во следъ его идохъ, и се стадо овецъ, пастухъ оуже лежаше на кончине, змиею оуязвенъ. Бяшетъ источникъ близь, и рече ми старецъ: почерпи ми воды и принеси сѣмо, и облей крестъ надъ чашею, юже носиши, и раздвигше оуста воліяхове. И рече старецъ: во имя Пресвятыя Троицы силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Христовъ мученикъ Георгій! востани и жени овцы на мѣсто свое. И восклонься отроцъ, нача блевати, таково зло якоже святому самому и великому старцу дивитися. І яко в еликъ часъ хотя гнати овца, и воспроси старецъ: повѣжь ми, како ся еси клялъ вчера оубозѣй онои вдовице, а отдавъ ея овечку, иже ти вдала бѣ пасти, то на трехъ сребреницехъ далъ ю еси, тоже глаголалъ еси: волкъ есть сьелъ. И рече ею пастухъ: отче, тако есть. И ты како оувѣде? И рече старецъ: чадо! сѣдящу ми оу кѣліи своея, приіде ко мнѣ мужъ на кони борзо, и рече ми: Софроние! востани, иди борзо ко источнику, сущему одесную тебе на оуть, и вишъ человѣка, от змия оуядена, и оттоуду возвратися на северьскій путь, и срящеши ту чернеца, носяща в руцѣ крестъ на древе, и вземъ крестъ, и облей водою, и дашь оуяденому пити, реки: во имя Отца и Сына и Святаго Духа силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Георгій! И рпы ему посемъ: не кленися именемъ Божіимъ, ни святыми его, ни солжи кривды, и вдаждь убозѣй женѣ овцы, да не горѣе ти что боудетъ. Яко слыша оуноша от старца, и паде на ногу его, глаголя: отдаждь ми, авва, яко тако есть; продахъ овцы тоя жены на трехъ сребреницехъ, и вчера ей солгахъ рекий: волкъ есть оуѣлъ. И рече ми: истина ли есть, ни лжѣши? И рѣхъ ей: тако ми Бога истиннаго! И рече же ми жена: вѣси мя оубогу сущу, да яко же хощеши, то и твориши, а поищи тебе Богъ и святый Георгій, ему же бѣхъ обѣщала во святый праздникъ его заклати! И азъ паки рѣхъ, прельщеный діяволомъ: тако ми святый Георгій, егоже молиша, а зьѣлъ есть волкъ! И оуне молю твое благолюбіе, помолися к Богу и святому Георгию, да ми отпуститъ грѣхъ, а женѣ дамъ три овны и на празникъ святаго Георгія до живота своего подаю оубогимъ от того, еже испасаю, десятое. И помолися старецъ, и отпусти, и рекъ ему: чадо, блюдися, да не в горьшее впадеши, и дажь оубозѣй якоже ся обѣщалъ! И егда слышахъ рекуща имя свое Софроніе, велми прослави (ся) Христосъ Богъ; и рѣхъ отай во оумѣ своемъ: се есть, к нему же мя посла святый Георгій!

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя эта легенда, какъ должно думать, греческаго происхожденія, но по содержанію представляетъ непосредственную связь съ русскимъ повѣрьемъ о томъ, что св. Георгій управляетъ волками и зміями (1), покровительствуетъ пастуховъ и наказываетъ ихъ (2). Нельзя не обратить вниманія на способъ уваженія святаго; старуха даетъ обѣщаніе закласть св. Георгію овцу въ день его праздника: обычай языческаго жертвоприношенія примѣняется къ христіянскимъ понятіямъ. Эта черта тоже находится въ связи съ переводомъ на житіе св. Георгія древнихъ нашихъ миѳологическихъ сказаній.

(1) См. стихъ о Егоріи храбромъ въ Чтеніяхъ 1848. № 9, стр. 153.

(2) Во многихъ мѣстахъ Россіи въ обычаѣ выгонять скотъ въ поле въ первый разъ неиначе какъ 23 апрѣля. Существуетъ вѣрованіе, что волки не смѣютъ растерзать овцы безъ позволенія св. Георгія. Онъ назначаетъ каждому изъ этихъ звѣрей добычу, и если случается, что волки опустошаютъ стада, то это дозволяется имъ въ наказаніе людямъ за грѣхи; съ другой стороны надобно молиться св. Георгію, чтобъ предохранить стадо отъ волчьяго хищничества.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О КУПЦѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА О КУПЦѢ

СЛОВО О НѢКОЕМЪ КУПЦѢ.

(Изъ сборника XVII в., доставленнаго г-жею Савушкиной.)

Бѣ нѣкій человѣкъ купецъ христолюбивъ и милостивъ до нищихъ: куплю дѣя, раздѣляше на три части: едину нищимъ, а вьторую на пищу себѣ, а третію на куплю; послѣдь же обнищавъ велми аки не имый оу себѣ ни до пѣнязя, и входя в церковь святыя Богородица, плачася оу иконы святыя Богородица по вся дни о грѣсѣхъ своихъ, и о нищетѣ своей, помысли въ сердци своемъ. Бяше бо икона святая Богородица оукрашена всякою тварью златомъ, и сребромъ, и каменімъ драгимъ, и жемчюгомъ и множествомъ оутвари. И пришедъ человѣкъ ко иконѣ святыя Богородица со слезами, глаголаше: госпоже пречестная Владыцице, помощнице всѣмъ христіянамъ, оубожествомъ обогатительнице! и мнѣ грѣшному, госпоже, помози, и дай же ми, госпоже, утварь свою, иже на иконѣ твоей, и да сотворю, госпоже, куплю, и воздамъ ти: въдвое въ спять возвращу! И сице моляся часто ко святѣй Богородицы со слезами; и услыша плацъ его Богородица. Приде нѣкогда по бычаю своему в церковь пред икону, и поклонився с плацемъ, и оузрѣ оутварь пред иконою лежащу, и возмя идяше в домъ свой радуяся, славя святую Богородицю, помощницу печалнымъ; и пришедъ в гостьбу, начатъ куплю дѣяти оутварю, и сотвори лѣто все в куплѣ торгуя, и обрѣте богатьство много, и по лѣтѣ возвратися в домъ свой, со многимъ богатствомъ, славяще святую Богородицю. И внидоша нѣціи в церковь и не обрѣтоша оутвари на иконѣ, и начаша заповѣдати по граду: кто есть возмя утварь на иконѣ? И то слышавъ купецъ онъ, и пріиде в церковь, и вшедъ поклонися святѣй владычицы нашей Богородицы, и воспроси вины о иконѣ; они же начаша повѣдати погибшую оутварь на иконѣ 3 дни. онъ же отвѣщавъ купецъ глаголя: азъ есмь взялъ оутварь на иконѣ, понеже быхъ оубожалъ, и ходяй в церковь с плачемъ пред иконою святыя Богородица; глаголахъ же: Пречистая! дай же ми утварь свою, яко оубожахъ; многажды с плачемъ моляхся оу иконы; во единъже день внидохъ в церковь на заоутренюю, и поклонихся пред иконою владычица нашея Богородица, и обрѣтохъ на мѣстѣ оутварь лежащу, и вземъ то все, идохъ в гостьбу, и есть ми все лѣто гостящу, і нынѣ придохъ со множествомъ богатьства; и се даю иконѣ вдвое, что взяхъ оутвари на иконѣ. И оукрасивъ икону, а иное дастъ церкви, и крилосу, и нищимъ, а самъ оттолѣ обогатихъ, (обогатися) молитвами святыя Богородица. И се слышавше оудивишася вси, и прославиша святую Владычицю нашю Богородицю.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Плаць, вмѣсто плачь, особенность новгородскаго нарѣчья, въ которомъ ц замѣняется ч. Вмѣстѣ съ этимъ признаки характера торговаго быта этой легенды также заставляютъ предполагать, не сложилась ли она въ Великомъ Новѣградѣ? Особенности языка и склада показываетъ, что она стариннаго произхожденія. Слово гостьба значитъ мѣсто торговли; глаголъ гостити — торговать.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ВИНОКУРЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИНОКУРЕНІЯ.

ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ИЗ СТОГЛАВЕНИКА О ПИТИИ, І ОТ ЧЕГО СУТЬ УСТАВИСЯ ВИННОЕ ПИТИЕ.

(*Рум. Муз. Сборн.. № 363 XVI в.*)

По вознесеніи Господни, ученицы Господа Бога и Спаса нашего Иісуса Христа ходиша по земли, и учаху людѣй Господни заповѣди, правой християнстей вѣрѣ, и закону Божию. И завидѣ сотона завистию своею, и начаша з бѣсы своими бѣседовати, како бы уловити родъ человѣческиі пьянствомъ? И выступивъ сильныі бѣсъ, и глагола сатанѣ своему: азъ вѣдаю, господине. И даша ему сатана власть пияную, и нача с нимъ бѣседовати, и глагола бѣсъ: еще я вѣдаю: осталось тое травы, что́ есть прельстилъ Носву жену на оравицкихъ горахъ; иду нынѣ по нее, и прелщу человѣка, его же обрящу. Посемъ воста сотана з бѣсы своими, и поклонися ему, и воздаша хвалу и честь велию, и посадиша его на престолѣ своемъ царьстемъ, и даша ему вѣнецъ царьскиі, и порпиру, и скепѣтръ, и нарѣче его сатана: пияныі еси бѣсъ, возлюбленныі мой.

И поиде бѣсъ »пияны мой«, и обрете человѣка нѣкоего напути, в Палѣстину идуща из града вонъ во иныі градъ, потому что обнищавша зело. И глагола бѣсъ: поиди, человѣче, во градъ сей і выди заутра: азъ ти дамъ вещь, и будеши у царя пож(ал) ованъ, чего ты и не вѣдаешь. И пристрочили себѣ мѣсто уготованно при рѣце у источника, и побѣже бѣсъ на оравитския горы, і взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на урѣченное мѣсто на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинухъ (накину) горьшки, и потомъ замазаша тестомъ с трубами, и сквозь кадеи пропустиша, и налиша кади полно воды, и подложиша под кубы огня, и нача огнемъ варити; и поіде сквозь кадеи трубами аки хитрое зелие (недоумѣющу человѣку тому, и на умъ его не взыдоша); потомъ положиша в стклянницы, и посла его бѣсъ ко царю, и повелѣ поклонитися и отдати честно царю, аки дары честныи.

И созва царь во граде своемъ велможи свои, и нача дивитися подаренному от человѣка того хитрому зелию, каково есть. И налиша чашу царю, испиша ю, и понесоша велможамъ всѣмъ. И быша всѣ веселы во градѣ Царь и велможи нача (ша) человѣка того дарити, чего ему прежь сего и на сердце не взыдоша.

И глагола бѣсъ: поиди, человѣче, въ Палистину къ царю. И глагола в Палестинѣ царь человѣку тому: кто ти есть указа таковое зелие здѣлать? Зѣло есть предивно! Дай его сѣмо, и азъ дамъ ему до полуцарьствия моего.

А бѣсъ в ту пору поидѣ въ свое мѣсто, къ сатанѣ, и поклонися сатанѣ своему. Окоянны же сатана даша ему власть царьскую въ пиянъстве, по прежреченному

Digitized by Google

обѣщанию своему. И быше бысть свѣтлыи (?) сатана су угодшими своими бѣсы, и еще дастъ ему сатана лукавыі 300 бѣсовъ на помощь. И бысть великъ той бѣсъ у сатаны.

А человѣкъ тои поиде и по всей земли искати бѣса на мѣсте томъ, и не обрѣте его, и возвести царю о прежреченномъ хитромъ зелиі семъ: і не вѣмъ, гдѣ и куды человѣкъ прежереченный; а я то, царю, такое хитрое зелие умѣю сдѣлать и сотворити. Человѣкъ же той бысть пожалованъ от царя, и нареченъ будетъ у царя великиі велможа и другъ царевъ.

И оттолѣ разнеся то хитрое зелие, сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлъка, по всемъ странамъ и градомъ, въ Цари, і в Литву, і въ Немъцы, и во вся грады, и к намъ в свято-рускую землю.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦѢ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БѢСУ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦѢ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БѢСУ.

(Импер. Публ. Библ Погод. древлехр. № 1344.)

Приключися яко нѣцыи человѣцы честніи по мирскому въ корчемницѣ піяху, и глаголюще с собою о различныхъ вещехъ, бысть же бесѣда и о семъ, что будетъ послѣ сего житія? Тогда единъ рече: всуе намъ сіе іереи повѣдаютъ яко по смерти души живутъ. И сему словеси начаша вси смѣятися; и пріиде ту абіе нѣкій человѣкъ силный и великій, и сѣде с ними, повелѣ продавцу принести вина, и начаша пити, и вопрошетъ; и рече оный первый: о душахъ глаголемъ, аще бы кто хотѣлъ купити мою душу, то убо бы за всѣхъ заплатилъ, еже испити, и продамъ ю с радостію! Они же вси безумному глаголанію смѣяхуся. Онъ же пришлецъ рече: азъ сицевого продателя ищу; готовъ ю есмь купити; повѣждь ми, что хощеши за ню пріяти? Той отверзъ уста, рече: за злато и серебро хощу продати. И абіе согласистася о цѣнѣ, купецъ души абіе оточте сребро; едаже вси піяху радостно полными сосудами, ничто же печашеся, сей же предалъ есть душу; егда же пріиде вечеръ, рече оный купецъ: время уже всякому возвратитися во свояси, обаче нежели разыдемся, да разсудимъ си: егда кто купитъ конь, тоже будетъ со уздою или нѣсть того узды, иже купи? И твѣщаша вси согласно яко тако есть правда. И се абіе ный окаянный предатель начатъ от страха трепетати, а купецъ оный восхитивъ его с тѣломъ пред очима всѣхъ, вознесе горѣ, и несе душу и тѣло с собою во адъ, ибо діаволъ бысть во образѣ человѣка. Ктобь есть иный, иже душу купуетъ? Но такъ оный, о немъ же в гаданіяхъ еще и в сѣни ко Аврааму речено бысть: даждь ми душу, а богатство возьми себѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ИГРОКѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИГРОКѢ

ИЖЕ КТО НЕ ПОМЫШЛЯЮЩЕ ГРѢХЪ БЫТИ ВО ИГРАХЪ ШАХМОТНЫХЪ И ПРОЧИХЪ КОСТАРНЫХЪ ИГРАХЪ.

(Румянц. Муз. Сборн. № 363. XVI в.)

Нѣкій воинъ отдаде себе на всякую игру, и ни в нощи, ни во дни не даде себѣ покоя, но на всякъ часъ о семъ печашеся, и мѣшецъ нося сребра, потрясая имъ и ко игранію призывая; и во всякихъ играхъ зѣло полученъ: и никто бо отъ него тако отходя, но всѣхъ обыгрывая. Что́ же Богъ о немъ впредъ будущимъ родомъ показа? И тако Богъ таковыми забавы гнушается; и оставя память о Бозѣ, и в сихъ забавляются, в нихже рвеніе, росприя, гнѣвъ, зависть, свары.

Попущено бысть отъ Бога, дабы с тѣмъ воиномъ игралъ діяволъ. И пріиде к нему во образѣ человѣчи, предложи сребро, и воинъ свое, и начаша играти; и нимало поступи воину, но все демону сприсобляло, воину же и сребра недостало. И вскочи воинъ разгнѣвався, рече: или діяволъ еси? И рече демонъ: престанемъ о семъ, яко уже приближается день; нѣсть же мнѣ что́ у тебе, кромѣ самого пояти. И восхитивъ того сквозѣ кровъ храмины, повлече с таковою силою, иже вся внутренняя его обрѣтоша между кровъ изриновенна и осташася; что́ же тѣлу сотвори и нигдѣ не обрѣтеся, аще и много жена его и сынове о семъ покущеся; точію чрево и вся внутренняя его обрѣтошася.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХѢ И ПРЕСВИТЕРѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХѢ И ПРЕСВИТЕРѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1344.)

Въ Новоторжсковскомъ уѣздѣ пустыня есть нареченная Каменка; в той пустынѣ церковь пресвятыя Богородицы. Во время же разоренія московскаго от безбожныхъ ляховъ нашествіе бысть и на сію пустыню, в ней же токмо живый инокъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкій пріиде в церковь пресвятыя Богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна русскаго; пресвитеръ же тоя церкви, видя сіе, убояся ляха, бѣжа во олтарь, крыся под святую трапезу, яко же послѣди о себѣ повѣствова. Той же окаянный и безбожный ляхъ вниде со дерзновеніемъ во святый алтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ пресвятыя Богородицы, и изнесе из олтаря в церковь, поверже на землю и богомерзское свое проклятое безстудство з женою оною на образѣ томъ содѣя; пресвитеръ же зря сіе, сѣдя под святой трапезою, умильно слезы испусти, плачася глаголя: о пресвятая дѣво Богородице! почто попустила сему окаянному ту свою святую церковь осквернити и толикое безстудство на образѣ твоемъ содѣяти? како есть, о госпоже, не погубиши? Тогда гласъ бысть от образа: о пресвитере! сей безстудный песъ за своя дѣянія злѣ погибнетъ; тебѣ же глаголю: яко не толико мнѣ содѣя безстудство сей иноязычникъ, яко же ты; понеже безстрашіемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступаеши ко святому жертвеннику: ввечеру упиваешися до піяна, а заутра служиши святую литургію и пред симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный піянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника; онъ бо невѣдѣніемъ сотвори и за сіе погибнетъ, ты же, вѣдая, согрѣшаеши; глаголю ти: престани отъ сего такова дѣла! И такъ гласъ той преста; ляхъ же гонимъ бысть силою Божіею отбѣже; пресвитеръ же, воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О БѢСНОВАТОЙ ЖЕНѢ СОЛОМОНІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О БѢСНОВАТОЙ ЖЕНѢ СОЛОМОНІИ.

(Импер. Публ. Библ. отд. XVII, № 27.)

Въ лѣто 7169 февраля в день содѣяся сице в предѣлехъ от града Устюга за четырьдесять поприщь: вверхъ по Сухоны рѣки есть волость, глаголемая Ерогоцкая, в ней же церковь Пресвятыя Богородицы; тоя же церкви іерей имянемъ Димитрій, і жена его именемъ Улита, имяста же у себе дщерь, именемъ Соломонію, о ней же намъ нынѣ слово предлежитъ. І дошедши ей Соломоніе в совершенный возрастъ, і восхотѣста родителие ея в законное сочетаніе мужеви вдати нѣкоему земледѣльцу імянемъ Матѳею, еже и бысть. И по брацѣ бывши ей в невѣстномъ чертозѣ, і не по мнозѣ времени восхотѣ мужъ ея от ложа ізыти на предверие храмины, тѣлесныя ради нужды. І по изшествіі его, иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ диаволъ сатана, иже не престаяше человѣки боря, умысля такова самъ іли посланъ отъ человѣка недобра на погубленіе жены тоя, і пріиде аки нѣкто ко храминѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ: Соломоніе! отверзи! Она же воста от ложа своего і отверзи двери храмины тоя, мня мужа своего пришедша, і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое огнено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале приіде і мужъ ея к ней во храмину, наипаче ужасеся. І бысть во всю нощь без сна; приіде на нея трясение і великій лютый ознобъ, і в третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то время во иступленіі ума от живущаго в ней демона. І в девятый день по брацѣ, по захожденіі солнца, бывши ей в клѣтцѣ с мужемъ своемъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша к ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, и ляже к ней на одръ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, абие же она очютися на утрия в третій часъ дня, і не повѣда никому бывшее диявольское кознодѣйство, і с того же дни окаяннії демони начаша к ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко же нѣкоторії прекрасніі юноши, і тако нападаху на нея, і сверняху ея, і отхождаху, людемъ же ничто же видѣвшимъ сего. Она же, Соломония, повѣда мужу своему яже о себѣ, како тие демони приходя скверняху. Онъ же ничто же ей отвѣча. І живши с мужемъ своимъ в дому нѣколико время, видя же онъ гибель жены своея, отвезе ю ко отцу ея іерею Димитрію и матери, і остави ю жити у него. Они же, окаяннії водяніі демони, і тамо хождаху и скверняху, і егда она,

Digitized by Google

Соломония, исхождаше ис храмины на предверие, они, же, окаяннiи, невидимо восхищаху и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; домашнимъ же на гласъ бѣжавшимъ и не видѣвшимъ никого же, живяше же у нихъ в водѣ три дни i три нощи. Такоже силно скверняху ея, i отнесше я, оставляху овогда на лесу, овогда на полѣ, i пометаху ю нагу, i нѣкими христолюбивыми людми направляема к дому отца своего.

Отецъ же i мати ея, видя таковую гибель дщери своея, плакахуся зѣло и недоумѣвахуся; и по малѣ времяни они окаяннiи демони пришедше, бывши ей единой в дому отца своего, i начаша ея бросати овъ демонъ во единъ уголъ храмины, iнъ такоже во иный уголъ, овъ на палати, iнъ же на печь, i тако мучаху ея многи часы, и взяша нѣкое у́же и привязавше за шию ея, i взяша камень жерновый, и воздѣвше на у́же и положиша на лицѣ, i на перси ея, i на столѣ прорѣзаша диру, и тутъ же воздѣвше, i повѣсивше ея совсѣмъ к стропу храмины. Слышавше же сосѣди над нею бывшее, i повѣдаша отцу ея; онъ же пришедъ, i не виде никого же во храминѣ, токмо ея едину лежащу, i у́же на выи ея, i камень, i столъ, i не вѣде она, како отрѣшися от верху храмины, бывши ей аки мертвѣ на многи часы от того мученiя, i едва прочнуся. Отецъ же ея разрѣши; прiидоша же i сосѣди, i видѣша тѣло ея все избито, посинѣ, а болѣзни она никако же чюяше. Отецъ же и мати ея к нощи запираху (ся) во храмину едину, бояхуся ея: егда они, окаяннiи демони, к ней прихождаху, i она бываетъ внѣ ума, i даютъ ей демони копие желѣзное, дабы заколола отца своего; i заутра показуетъ копие истинно, а не привидѣниемъ, всемъ страшно, i бысть ей таково мучение без престани; не обрѣташе от нихъ покоя; а иния ихъ вражия козни невозможно i описанию предати: мнози тому вражию кознодѣйству в той волости свидѣтели.

По томъ же времени прiидоша тiи же водяннiи демони многое множество, i начаху нудити ея, чтобы она жила у нихъ, i вѣровала бы яко же i они в сатану отца своего, тако же бы пила i ѣла с ними, i волю бы ихъ всю творила; преже ласканиемъ i честию хотяху ея превратити от християнския вѣры; глаголаху ей всячески: видиши ли, Соломоние, каково житие наше; все добро i богато, i в чести ты у насъ велицѣй будеши. I иная утѣшная увѣщания. Она же имъ ничтоже отвѣща. Видѣша же о́ни окаяннiи демони, что добротою i ласкотою не возмогоша прельстити i превратити от християнскiя вѣры истинныя, i начаша ея мучити: растягоша ея по стенѣ, i руцѣ i нозѣ ея в смыки забиша, i начаша копиемъ ея колоти, i рожны збодати, i ножы рѣзати, i нохты все тѣло ея драти, i паки вопрошаше ея: вѣруеши ли в насъ i во отца нашего сатану? Она же ничтоже имъ отвѣща. I расковаша ея, i возведоша на высокое нѣкое мѣсто, i взяша за руки и за ноги, i бросиша ея на землю, еже падши смертно; i едва отдохну, паки взяша ю к себѣ, i даша ея нѣкоей дѣвѣ, а называютъ ея они ту дѣву Ярославкою; таже дѣва нача ея вопрошати: како ты прiиде сѣмо, iз коего града iли веси, i отца i матери, i сродичей? о всемъ подробну вопрошаше; она же все сказуя о себѣ сущее; таже дѣва Ярославка рече ей: аще ты, Соломония, жити здѣ не хощеши, i ты у нихъ не яждь, ни пiй, i ничто же имъ не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. I по малѣ времени демони прiидоша i вопрошаху: вѣруеши ли в насъ? Она же имъ ничтоже отвѣща. I много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаше. I по мнозѣмъ прещенiи, взяша же о́ни лукавiи дуси i отнесоша на лѣсъ едва живу сущу от многаго мучения; i с великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. I живши в дому отца своего шесть днiй, паки о́ни демони, пришедше невидимо, взяша ея i унесоша к себѣ. И бысть у нихъ два дни i двѣ нощи, i зача у нихъ в утробѣ, i носила ихъ полтора года. Прiиде же ей время родити, i бѣ она в дому отца своего, i выслала отца своего из дому вонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хотяше родити i еже бы ихъ темнозрачнихъ не убили. I в кое время нача она родити, i прiиде к ней от тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, i нача с нею водитися; i

Digitized by Google

роди ихъ шесть, а видѣніемъ они сини, и взя ихъ та жена, что с нею водилась, і унесе из храмины под мостъ. Отецъ же ея приіде в домъ со всѣми домашними і начаша ясти, і они темнозрачніі демони, которые родились, воставше из под моста, каменіемъ начаша метати і землю бросати. Отецъ же, і мати ея, і вси живущіі в дому, видѣвше таковую гибель, побѣгоша із дому вси. Она же, Соломония, едина оста. Жена же, которая с нею водилася, приіде і принесе ей сосудъ крови, і веляше ей пити. Она же не можаше пити. І рече к ней темнозрачная жена: когда ты не пьешь крови, і ты заколи отца своего. Она рече имъ: дадите мнѣ еще урочное время, і язъ заколю отца. Того ради глаголаше имъ, яко не можаше уже терпѣти мучения от тѣхъ демоновъ, ихъ же родила; понеже ссаху ея за сосцы яко змиі лютыи; і три дни і три нощи не внидоша в домъ вси домашніі, страха ради смертнаго от каменнаго метания, і в четвертый день едва внидоша, і не видѣша никого же. Соломонию же паки демони с собою унесоша и скверниша ю. І паки зачатъ во утробѣ от насилия диавольскаго, і носила, і родила двоихъ демоновъ в дому же отца своего, і невидимо унесоша ихъ от нея. Во ино же время родила единаго демона, и паки родила еще двоихъ демоновъ, а когда она, Соломония, раждая, хлѣба не ядяше ни мало, но приношаху ей невидимо темніі они синцы птичью кровь, і траву, і коренье, і тѣмъ ея питаху. І не помнозѣ времени, óни окаяннії взяша ея невидимо і унесоша ю к себѣ в воду. І бысть у нихъ она три дни і три нощи, отцу же ея і матери чаящимся живота ея и плакавши много; і егда они окаяннії принесоша ея к себѣ, начаша веселитися, того ради яко дѣтей родила, і принесоша ихъ пред нею, ихъже родила, і вопрошаху ихъ: что вамъ сия жена? Они же рекоша: мати намъ есть. И посемъ паки óни окаяннії сѣдоша кождо на своемъ мѣстѣ другъ друга честию болшею творяще і почитающе; начашая сти і пити, і ея Соломонию начаша принуждати. Она же, яко же и преже, тако же не хотяше. Они же окаяннії паки муками начаша претити ей; она же имъ повинуся, і изволи воли ихъ быти. І даша ей ковшъ, і начаша виномъ наливати, і всѣмъ темнозрачнымъ повелѣша подносити, і имяны ихъ звати. Она же, Соломония, всѣмъ ношаше пити от перваго до послѣднихъ. Бяше же ихъ многое множество, глаголюще другъ ко другу: всяко мы ея мучили, і били, і ножами рѣзали, і копіемъ кололи, и ногты драли, дабы отступилась вѣры своея, и в насъ вѣровала, і жила бы у насъ, і никако могохомъ ея отвратити; и паки глаголаше (а): сварим в котлѣ воды, і тамо кинемъ ея, негли убоявся повинется намъ! І не збыться злый совѣтъ ихъ, і паки ея отдаша дѣвкѣ Ярославкѣ; она же повѣда ей все, еже у нихъ слыша, что хотѣша ея сварити; Ярославка же рече ей: Соломоние, азъ тебя у нихъ отпрошу ко отцу сходити проститися. І нача ея учити и наказывати ихъ імяны кого какъ зовутъ; учила же де та Ярославка преже по десяткамъ, тотъ выучитъ, да иной. Она же, Соломония, по десяткамъ уча, всѣмъ имъ імена позна. Посемъ же рече Ярославка: Соломония! какъ тебя отпустятъ ко отцу проститися, и ты вели отцу своему тѣхъ іменъ переписати, которыя тебѣ сказахъ, и вели ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже безкровная жертва приносится Господу Богу, і по семъ имъ окаяннымъ уже невозможно будетъ тебя увести, ни приближитися. І приіде та дѣвка Ярославка ко онымъ темнозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соломонию ко отцу проститися; и простясь она со отцемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и понесоша Соломонию ко отцу, и принесоша на нѣкое блато; бяшеже ихъ окаянныхъ многое множество, и начаша ея Соломонию во блате топити; і в то время бысть туча велия с молниею і со громомъ страшнымъ, і трескание зѣлнымъ, и нача ихъ молниею палити, і убиша ихъ многое множество. І бяше ихъ блато і езеро исполнено аки смолою, і видя ихъ погибаемыхъ, и побѣже от нихъ, и скрыся в нѣкую яму; они же окаянни оставшіі демони і тамо ея нашедше, і всякими муками неудобосказуемыми паки начаша мучити; і в той часъ бысть паче буря велия, і громъ, і молния, і они

Digitized by Google

лукавні, страху дѣля бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбію, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ. Она же, Соломония, нача повѣдати отцу своему, како ея демони мучили, і како отдаша дѣвцѣ Ярославкѣ, и что ей Ярославка наказывала, какъ ей от демоновъ отбыти, і како ихъ іменами зовутъ, выучила і імена велѣла ихъ написать і проклинать. І то все подробну сказала отцу. Отецъ же и мати ея і вси сердоболи, слышавше глаголемая от нея, плакахуся зѣло, і едва престаша от слезъ; отецъ же ея написа імена ихъ, яже слыша от нея, і нача ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже тайная жертва совершается. Оттолѣ же Соломония оттого демонскаго мучения і от ранъ в болѣзнь впаде близь смерти, і во единъ от дней мало усну от тоя болѣзни, і видѣ во снѣ нѣкую жену святолѣпну, пришедшу к ней, і глагола: Соломоние! поиди ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи ни мало, і от волхвовъ себѣ не ищи исцѣления; не будетъ тебѣ от нихъ помощи. Соломония же вопрошаше імени ея. Она же рече: азъ есмь нарицаюся преподобная Ѳеодора! І абие невидима бысть. Она же убудися от сна, і повѣда видѣние отцу своему. Отецъ же ея нача посылати ко граду Устюгу; она же рече: не могу сего услышати. Возбраняше бо в ней демонская сила. Отецъ же ея и мати едва умолиста, дабы шла ко граду Устюгу; и едва повинуся; и бывши ей на Устюгѣ, і повелѣша ей жити у соборные церкви Пресвятыя Богородицы, на площадѣ у вдовы, именемъ Соломониі же, і начаша водити ея ко церквамъ: в соборъ Пресвятыя Богородицы, і к чюдотворцамъ преподобнымъ к Прокопию і Иоанну; і начаша в ней демони утробу ея рвати і терзати; она же от того демонскаго терзания в скорби бысть; і сердоболи ея, призвавше священника Никиту соборные церкви; онъ же пришедъ исповѣдавъ ея, і причастивъ Христовыхъ таинъ. И по малѣ времени паки оздраве, і нападе на нея таковое желаніе, дабы паки ити в домъ отца своего. И бывши ей в дому у отца своего нѣколико время, і во единъ от дней по захожденіи солнца приідоша нечистиі дуси темниі демони, і начаша кликати ея іменемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласъ ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущиі людіе на погосте; і бывши ей у отца своего осмь недѣль, і они окаянниі демони по многиі времена прихождаху, і кликаху какъ і преже, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышащимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота колько тебѣ годно; и паки блядуще они окаянниі: намъ ея, полонянку, отдалъ братъ нашъ; аще вы ея нынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братья наша водяніи демони, а насъ она оболгала і проманула; не можемъ ли унести ея в лѣсъ. І по вся нощи прихождаху они окаянниі, кричаще і ревуще, і храмину ломающе, идѣже она пребыше. В то же время бысть освященіе церкви Пресвятыя Богородицы ту на погосте, и приѣзжали с Устюга соборные церкви священники Никита, да протодіаконъ Димитрій на освящение, і иниі мнози люди, и то все слышавше они вражие козодѣйство, какъ они кричаху и зваху ея, и прошаху у отца ея; і каковъ человѣкъ в какихъ рѣчахъ оспоритъ ихъ, или учнетъ бранить, і они, окаянниі враги, всякихъ людей бранящe і обличающе всякими грѣховными виды, кто что сотворилъ каковъ грѣхъ, і обнажающе совѣсть всякаго человѣка, и много пряще-ся отхожаху. Отецъ же паки отвезе ея к Устюгу, чтобъ она Соломония ходила ко церквамъ божиімъ: в соборъ к Богородицѣ, и к праведнымъ к Прокопию и Иоанну чюдотворцамъ; пришедъ і стояше во церкви во время божественныя литоргиі, і на святѣмъ евангелиі, і на великомъ сходе, і на приношениі, і на спрошениі; і они, окаянниі демони, в ней живуще, пометаху ея о помостъ церковный. Людемъ же зрящимъ, мнѣша ей от пометания мертвѣ быти; окаянниі же они демони яко свиниі вижаще, і стонуще, і иными многими гласы всѣмъ в слухъ слышати; утроба же ея в то время велми надымаяся и злѣ мучима; едва во умь прихождаше, но

Digitized by Google

неотступна от церкви Божіихъ бысть всегда; і паки явися во снѣ преподобная Ѳеодора, наказуя рече ей: Соломония! живи ты здѣ неотходно от града Устюга, і от церкви Пресвятыя Богородицы и святыхъ преподобныхъ Прокопия і Иоанна никогда не отступай, а к отцу своему на Ергу никогда не ходи, да не когда тя паки унесутъ демони, і будетъ послѣдняя ти горши первыхъ; а се тебѣ вѣдомо буди, чего дѣля ты тяжко страдала от демоновъ: потому что тебя попъ пьянъ крестилъ, и половины святаго крещения не исполнилъ; а крестися ты рукою крестообразно і истово, какъ преже сего; і подобаетъ тебѣ имѣти триехъ отцевъ духовныхъ, а ко церкви всегда ходити ко всякому пѣнію; аще ли не можеши итти, и ты вели ся носити. І посемъ преподобная невидима бысть.

● І в нынѣшнемъ въ 179 году, во святый великій постъ, принужена быть Соломония сердоболи своими исповѣдатися у отца духовнаго соборныя церкви у священника Никиты, і причастися святыхъ таинъ того же дни; по захожденіи солнца, смятеся в ней окаянный демонъ, і начатъ утроба ея рвати; она же от тяжести нача велми кричати; і прогрызе у нея лѣвый бокъ на скрозь; і егда прогрызе, Соломония же очюти себе, а во умъ пришедъ, и видѣ срачицу свою окровавлену, і показа сущимъ ту: что ей сотвори демонъ в нощи; они же, видѣвше гибель ея от демона, плакахуся зѣло. І начаша утренюю благовѣстити; она же скорбна поіде ко утрени; і егда на девятой пѣсни возгласи іерей дияконъ: Богородицу і матерь свѣта пѣсньми возвеличимъ! І нача демонъ во утробѣ ея паки мястися и терзати. По отпѣтіи же утрени иде в домъ, і клепанию бывшу к литургіи, Соломония же паки приіде во церковь, і егда нача іконы цѣловати, і в то время во утробѣ ея живущіи демони начаша рвати утробу ея, ей же вопіющу, (ей) і во время чтенія святаго апостола нача блевати, і бывши ей во иступленіи ума, і егда приіде время святаго причастия, і тогда живущіи в ней демони начаша ея бити і о помостъ церковный метати; священникъ же служащій едва с великимъ страхомъ причасти ея Христовыхъ таинъ, людемъ тяжко держащимъ ея, і нача демонъ устами ея вопити великимъ гласомъ: сожже мя, сожже мя! І по малѣ паки во умъ пріиде; приіде же в домъ, и с того времени ни мало даяше покоя живущій в ней демонъ: терзаше утробу ея и люте рваше, і велми мучаше ю паче перваго. Позна бо онъ окаянный свою гибель. І мѣсяца маія въ 27 день зѣло мучима бѣ от демона Соломония и тяжко велми утомися, і усну, і видитъ святыхъ і праведныхъ Прокопия і Иоанна, пришедшихъ к ней; и глаголаша святіі ей: Соломоние! молися Прокопию і Иоанну; они тебя по малѣ времени избавятъ от таковаго мучения, Исусову молитву твори без престани і крестися істово і разумно, крестообразно, яко же и прежде; и повелѣша ей молитву Іисусову творити; демонъ же, живущій в ней, не даяше ей молитвы творити; і с великимъ трудомъ едва молитву сотвори; і рекоша ей святіі: уже ты, Соломония, послѣдній годъ ходиши! І паки святіі рѣкоша: мѣеши ли у себе сердоболи? повели имъ псалтырь навсякъ день глаголати. І по семъ рекоша ей святіі: вѣруеши ли во Христа? Она же рече: вѣрую азъ во Христа. І третицею воспросиша: во истинну ли вѣруеши? Она же отвѣща: во истинну вѣрую во Христа! І паки рекоша святіі: слава тебѣ, владыко Христе Боже человѣколюбче, яко еще хощетъ Соломония твоя раба быти! І абие святіі невидими быста; убудижеся от сна, никому же повѣда видѣния, до времени, егда исцѣлѣ.

І в лѣта 7179 іюля в 8 день в самую в память святаго праведнаго Прокопия послѣ божественныя литургіи, приіде она Соломония в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, і повѣда сама все о себѣ всему освященному собору Архангельскаго монастыря архимандриту Арсению, да соборныя церкви протопопу Владимиру з братиею і всѣмъ православнымъ прилучившимся: како она, Соломония, исцѣленне получи милостию общие заступницы рода христіянскаго Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы і приснодѣвы Маріи і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чюдотворцевъ.

Digitized by Google

В прошломъ во 167, грѣхъ ради моихъ, вселился в мене иже искони ненавидяй человѣки і всегда боряй сатана дияволъ і его демонская сила, і облада мною единонадесята лѣтъ і пять мѣсяцъ; і в ти лѣта мучима была азъ всякими неудобь сказуемыми муками, яко же преже явлено бысть; і не видѣвъ азъ грѣшная свѣта сего естественнаго истинно, і солнечныхъ лучь, но бя мнѣ і день яко же нощь, и ко церквамъ Божіимъ ходила аки нѣкоторый плѣнникъ связанъ, овогда во церкви святая, овогда в притворъ, ни поющаго ни чтущаго гласа слышахъ, очеса моя помрачи святая (?) і уши оглохнувше от демонскаго страшнаго его перваго мечтания; і егда в первый день коснуся вражій демонскій синій пламень, і бяше с того дни і до сего времени во ушахъ моихъ шумъ велій во время божественнаго пѣния. І мѣсяца іюлия противъ осмаго числа памяти святаго праведнаго Прокопия, приде мнѣ таковое желаніе что ми итьти ко всенощному бдѣнию к праведному Прокопию чюдотворцу во церковь слышати бы его преславныя чудеса, а преже сего такова желания не бысть ми; і придохъ и стахъ внѣ церкви, у сѣверныхъ дверей. В то же время во церкви чтутъ житие его праведнаго Прокопия, азъ же стояхъ тамо малъ часъ, і нача меня братъ мой посылати в церковь; ово же страха ради брата своего, ово зазрѣния ради ту стоящихъ людей, едва с великимъ трудомъ внидохъ в церковь, возброняше бо мнѣ демонская сила; і повелѣ мнѣ братъ мой сѣсти на лѣвой крылоси утѣснения ради всенароднаго; і рекохъ брату азъ: веди ты меня близь чтущаго. І постояхъ ту азъ малъ часъ, і внезапу видѣхъ гробъ святаго Прокопия аки потрясеся, і живущая во мнѣ демонская сила смутися, і нача вопити во утробѣ моей, аки малый младенецъ, і предстоящимъ ту слышати ужастное ея вражие кознодѣйство; азъ же не могохъ стояти во церкви, і побѣгохъ, і идохъ в притворъ святыхъ чудотворцовъ Козмы и Дамьяна, і быхъ во иступленіі ума; бѣхъ азъ з братомъ моимъ і инѣмъ нѣкиімъ человѣкомъ, егда же во умъ придохъ, паки поведоша мя во церковь святаго Прокопия; азъ бо не могу быти от живущия во мнѣ демонския силы, начахъ вопити елико могій: не ведите мя во церковь святаго Прокопия! они же нуждею мя повлечаху; азъ же отторгнуся от нихъ, і идохъ во церковь святаго Іоанна чюдотворца, і сѣдохъ, і видѣхъ гробъ святаго Іоанна аки потрясеся, і вельми азъ убояхся страшного того видѣния, і руками своими грѣшными держахся о гробъ святаго Іоанна, и воздремахъ мало, і видѣхъ свѣтъ неизреченный, і во свѣтѣ дѣвицу святолѣпну і прекрасну зѣло, ея же красоты невозможно сказати; ідяше же она во церковь святаго Іоанна в полуденныя двери подле настоящия иконы, і приде до мене, і взя мене за правое плече, і глагола: Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ! Азъ же не отвѣщахъ ничтоже. Она же рече ми: Соломония, глаголи: аминь. Азъ же ничтоже отвѣщахъ. Она же паки ту жъ молитву второе і третие, і рече ми пресвятая она дѣвица: Соломония! глаголи: аминь. Азъ же едва отвѣщахъ: аминь! Она же рече: отвѣщай еще дважды: аминь! Азъ же отвѣщахъ дважды: аминь, аминь! І рече ми: вѣси ли кто есмь азъ? Азъ же рекохъ ей: госпоже моя! ни мало тя вѣмъ; азъ бо есмь грѣшная в скорби велицѣй от живущия во мнѣ демонския силы. І рече ми пресвятая свѣтолѣпная дѣвица: како ты не вѣси мене? в домъ бо мой приходиши безпрестани пять лѣтъ! Азъ же грѣшная рекохъ: гдѣ есть, госпоже, домъ твой? Она же рече ми: домъ мой есть соборная і апостольская церковь; азъ же есмь нарицаюся пресвятая Марія, рождшая плотию Іисуса Христа, творца моего і Бога! днесь бо покажу тобою чюдо велико, ради предстателей і молебникъ ко мнѣ, праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чюдотворцевъ; ты же молися имъ безпрестанно, яко да исцѣлѣеши. Есть нынѣ во утробѣ твоей седьмедесять бѣсовъ, і еще имутъ приіти на тя тысяща седмьсотъ бѣсовъ: и ты ихъ окаянныхъ не бойся; предстательствуютъ бо за тебе святиі чюдотворци Прокопий і Иоаннъ, і избавятъ тя отъ демонския силы немощныя; и крестися ты разумно і внятно крестнымъ знаменіемъ, яко же і прежъ сего. І паки рече ми пресвятая Богороди-

Digitized by Google

ца: како у тебе учнутъ вопрошати святіі Прокопій і Иоаннъ какова обѣщания твоего, и ты имъ во всемъ обѣщайся сохранити заповѣди, елико ти они изрекутъ. И слыша азъ грѣшная, не могу отвѣщати ей ничтоже. Посемъ же рече пресвятая Богородица: миръ тебѣ Соломоние! І поиде от тѣмъ же путемъ от амо же пріиде. Азъ же возбнувъ от того преславнаго видѣния и ужаснаго явления, і хотѣхъ бѣжати из церкви, і видѣхъ брата моего близъ стояща, і убояхся, паки укрѣпихся, и сѣдохъ, і задримахъ, і видѣхъ свѣтъ велій во церкви, яко николи же тако видѣхъ, і святаго Прокопия идуща во церковь в западныя двери, і яко близь бысть гроба святаго Іоанна, воста же і святый Іоаннъ из гроба; і пріидоша ко мнѣ грѣшней, і ставше предо мною святіі и глаголюще: отидите, проклятіі, от рабы Божия Соломоніі. І глагола ми святый: Соломоние! молися от глубины сердца твоего заступницѣ христіанской пречистой Богородицы і святымъ праведнымъ Прокопию і Иоанну, и будеши на сій день исцѣлена; дай же намъ обѣщаніе таково, чтобъ тебѣ к прежнему твоему мужу не итьти і за иного такоже не посягнути; і будетъ тебѣ люто мучение еще на три часы дневныхъ, і потомъ исцѣлѣеши; і на то время призови к себѣ дванадесятъ священниковъ, и чтобъ они надъ тобою глаголали двѣнадесятъ псалтырей в тѣ три часы; а буде тѣ псалтыри не исполнятся, і призови отца духовнаго, чтобъ тебя онъ исповѣдалъ і причастилъ Христовыхъ таинъ, временнаго ради лютаго мучения. Баше же святый сей Прокопий видѣніемъ, русъ власы велицы, браду же имѣя просту і русу, не зѣло малу, одѣяніе же кратко, сапоги на ногахъ, кочерги в рукахъ; Іоаннъ же святый таковъ бяше, яко же на иконѣ написанъ странническимъ образомъ. І паки рекоша: миръ тебѣ, Соломоние! І поидоша от нея, і невидима быша. Азъ же грѣшная возбнувъ от того преславнаго видѣния, і в себе пришедши, і поидохъ из церкви; братъ же мой поимъ мене і инъ нѣкто, поведоша мя паки во церковь ко святому Прокопию, азъ же нача вопити елико могій: не водите меня ко святому Прокопию! Они же не послушаша, но с нуждею мя влекоша в церковь; азъ же быхъ во церкви малъ часъ, і не могохъ стояти от демонские во мнѣ силы, і паки нача (хъ) азъ молитися брату моему, дабы мя отпустилъ ис церкви; онъ же ослаби ми і отпусти мя; азъ же пріидохъ в домъ, идѣже живяхъ; и быхъ азъ во иступленіи ума, і нача (хъ) повѣдати свое видѣние, еже видѣхъ во церкви святаго Іоанна чюдотворца; і не бѣ в той храминѣ никого живущаго, токмо братъ мой внѣ храминѣ стояй, і слушалъ словесъ моихъ, еже азъ глаголахъ. А азъ того не вѣмъ с кимъ глаголахъ, или кому повѣдахъ видѣние; і егда же изглаголахъ і умолчахъ, братъ же мой, шедъ ко церкви Собора пресвятыя Богородицы, і повѣда отцу моему духовному священнику Никитѣ, еже слыша от мене множество, невѣдущи. Онъ же повелѣ мя привести в соборную церковь. Братъ же мой і инъ нѣкто поимше і поведоша мя во церковь пресвятыя Богогородицы, и поставивша мя в предѣле во церкви святаго Предтечи; і нача отецъ мой духовный вопрошати мя о видѣніи, еже онъ слыша от брата моего; азъ же помня все видѣние, і не могохъ повѣдати ему от диявольскаго томления, братъ же мой повелѣ имъ псалтырь глаголати; отецъ же мой духовный да тоя же соборныя церкви священникъ Симонъ начаша надо мною псалтырь глаголати; і мнѣ наипаче учало быти болшее мученіе от живущихъ во мнѣ демоновъ; і не могохъ азъ грѣшная слышати от нихъ глаголемыхъ словесъ; і начахъ вопити имъ, чтобы они надо мною псалтыри не глаголали, и дали бы еще мнѣ сроку на три часа: і вамъ то видѣние все объявлено будетъ. Они же, священницы, повелѣша мя вести из церкви к брату моему; поимъ же мя братъ мой і инъ другіі, изведоша ис церкви, и бывшу ми во иступленіи ума, и видѣхъ паки видѣние преславно і страшно: на деснѣй странѣ священническій и дияконскій чинъ идуще, и поюще, і крестъ і евангиле несуще, с кандилы и енміямомъ, а на шуей странѣ видѣхъ демоновъ многое множество, а видѣніемъ они окаяннії бяху черни, і сини, і изувѣры, і страшны, и бяше яко туча велика, і на лице мое они окаяннії

Digitized by Google

плеваху і сморкаху; азъ же прихода тѣхъ страшныхъ і изувѣрыхъ ничтоже пострадахъ, молитвами пресвятыя Богородицы і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна; и приведоша же мя в домъ, идѣже живяхъ; і начахъ азъ просити отца духовнаго; приіде же ми отецъ мой духовный, і исповѣда мя, і причасти святыхъ таинъ страшнаго ради мучения, і благослови мя, отиде от мене; і по семъ приідоша священницы і диякони глаголати псалтырь надо мною, і видѣша мя яки мертву, а чрево мое надмеся зѣло люто оными лукавыми; і зряща мя вси плакаху, видяще мое гибельство. І се внезапу свѣтъ возсия неизреченный, идѣже азъ лежахъ, і видѣхъ юношу, идуща во храмину тою і свѣщу несуща, і по немъ ідуще святиі Прокопій і Иоанъ, і ставше узъ главы моя, глаголаша святіи мужи собою; азъ же того не вѣмъ что они глаголютъ; і паки приступи ко мнѣ святый Прокопій, і прекрестилъ рукою своею утробу мою, а святый Іоанъ, держа копейцо в рукѣ малое, і той приступи ко мнѣ, і разрѣза утробу мою, і взя из меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися в руцѣ его; і святый Прокопий показа ми демона, і рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣниемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами. Святый же Іоаннъ паки нача изимати из утробы моея по единому и давати святому Прокопию; онъ же закалаша ихъ по единому. І рекоша святиі: Соломоние! нынѣ мы у тебе ізяли половину демонския силы вражия, а совершение исцѣление пріимеши в дому моемъ, у гроба святаго Прокопия. І паки глаголаша святиі чюдотворцы: до уреченныхъ трехъ часовъ не подобаетъ намъ быти. І отидоша от мене, і невидими быша; посемъ начаша у святаго Прокопия молебная совершати і воду святити архимандритъ, і игумени, і протопопъ, со всѣми освященными соборы; в то же время и меня грѣшную принесоша тутъ же во церковь ко гробу святаго Прокопия; ничимъ же азъ, грѣшная, могохъ двинутися, ни руками, ни ногами, ниже языкомъ проглаголати, но яко мертвѣ от демонския силы, живущей во мнѣ. І внезапу облиста мене свѣтъ велій, і явишася святиі Прокопий і Иоанъ, і ставше предо мною тѣмъ же образомъ, яко же і прежде; і рече святый Іоанъ святому Прокопию: чтобъ у мене грѣшной рѣжа срачицы не окровавить, і церкви Божіей не осквернить. І святый Прокопий отвѣща: не имать она, Соломония, окровавитися, і домъ мой не будетъ окровавленъ отъ вражия силы. І нача святый Іоанъ ізимати тою же раною демоновъ, яко же и прежде; святый же Прокопий приімаше, і меташе ихъ на помостъ церковный, і давляше ихъ ногою своею. І глагола святый Прокопий ко святому Іоанну: чиста ли утроба у Соломониі от живущихъ в ней демоновъ? І отвѣща святый Іоаннъ: чиста есть, і нѣсть порока в ней! Посемъ святый Прокопий смотряше самъ в утробу мою, да бы чиста. И рече святый Прокопий: славно Богъ прославися! Также и святый Іоаннъ рече: славно Богъ прославися! І паки і мнѣ рекоша святиі: глаголи і ты, Соломоние, славно Богъ прославися! Языкъ же мой подвижеся, і рекохъ: славно Богъ прославися! И паки глагола мнѣ святый Прокопий: Соломоние! от сего дне буди ты исцѣлена от того великаго демонскаго мучения болѣзни; еще же тебѣ будетъ вражіе мечтаніе, і ты же не убойся. І паки рече ми святый Прокопий: здравствуй, Соломоние, до великаго Божія суда! І благослови мя рукою своею і глагола: буди наше благословение надъ тобою от нынѣ и до вѣка! І рече: Соломоние! иди к правому крилосу; сотвори молитву Іисусову, і глаголи: славно Богъ прославися! І по глаголаниі святиі невидими быша. Азъ же оттого преславнаго видѣния въ себѣ пришедъ, і увидѣхъ во церкви солнешный свѣтъ, і обозрѣхъ всю церковь і образы, і вопросихъ азъ у брата своего во церкви: і стою или видѣніе вижу? Отвѣща ми братъ и рече: во церкви стоиши святаго Прокопия на литургиі, і чтется святое евангелие. Посемъ же узрѣхъ і гробъ святаго Прокопия, і возрадовахся радостию великою, і поклонишися (поклонихся) у гроба святаго Прокопия, при-

Digitized by Google

падши, начахъ молитися і в помощь призывати: о святый Божій праведный Прокопие! яко не презрѣлъ еси мене грѣшную, но взыскалъ еси, яко овцу погибшую, і от насилия вражия изъялъ еси! І во утробѣ же моей не почюхъ силы вражия, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и язва, иже отъ дияволскаго злаго прогрызения, исцѣлѣ, і отнынѣ есмь здрава, яко же рече ми святый. І понудихся итти к правому крилосу и рещи, яко же святиі наказаша, і не могохъ, ово утѣсненія ради всенароднаго множества, ово же і святыхъ ради, і боях-ся, дабы мятежу не учинить во время божественныя литургиі. Се же преславное чюдо пресвятыя Богородицы і святыхъ і праведныхъ чюдотворцевъ Прокопия і Иоанна слышаще, священноначальницы и весь освященный соборъ, градцкие: воевода і народъ, і прославиша Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, і пречистую Его Богоматерь пресвятую Богородицу, и святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна, і пѣвше молебная со звономъ в соборной церкви пресвятыя Богородицы, і оттоле пришедъ во церковь со кресты святаго Прокопия, такоже молебная пѣвше-се звономъ же, і посемъ приидоша со кресты во церковь святаго праведнаго Іоанна, также молебная пѣвше со звономъ, с вѣрою и со слезами, за преславное і великое чюдо пречистыя Владычицы нашея Богородицы і приснодѣвы Маріи, і святыхъ і праведныхъ преславныхъ чюдотворцовъ Прокопия і Иоанна, і торжествовавше свѣтло отидоша в домы своя, славяще святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, і во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПОВѢСТИ.

Хощу убо, братіе, воспомянути вашей любви повѣсть зѣло душеполезну, яже бысть во дни наша, яко не презираетъ милосердый Господь Богъ рода нашего во многия грѣхи падающаго, но посѣщаетъ милостивнѣ своимъ благоутробіемъ і творитъ чюдеса Матерію своею пресвятою Богородицею с угодники своими Прокопиемъ і Иоаннамъ, і яко не токмо не презрѣхъ, (не презрѣ), но и паче помилова, не оставляя своего созданія в конецъ, ниже забы дѣло руку своею, еже содѣяся нынѣ пресвятою Богородицею, общею заступницею рода христіянского і великими стражи града нашего Устюга, праведными Прокопиемъ і Иоанномъ преславное чюдо, страха і ужаса исполнено, еже азъ слышахъ грѣшный у нея Соломоніі из самыхъ устъ ея, при свидѣтеляхъ отца ея духовнаго священноіерея Никиты, того же Устюга, соборные церкви пресвятыя Богородицы, і отца ея роднаго священноіерея Дмитрія, і написахъ сіе в память будущимъ родомъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПРИБАВЛЕНІЯ И ОТМѢНЫ.

по списку XVII в., принадлежащему профессору Ѳ. И. Буслаеву.

Строки печатн. текста.

На страницѣ 153.

5 *послѣ слова* Димитрій: — бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Діонисій,

10 *послѣ слова* Матѳею: — иже бысть пастухъ скотскій,

16 *послѣ слова* посланъ: — от нѣкоего чародѣя волхва от человѣка лукава обоянника

Строки печатн. текста.

23 *послѣ слова* бысть: — помышляше во умѣ своемъ яко не мужъ ея пріиде к ней, но некое страхование неприязненное;

42 *вм.* Онаже Соломонія: — Соломония же, внегда прихождаша в собственный умъ свой,

45 *послѣ слова* время *вм.* видя *и проч. до слова* отвезе: му-

Digitized by Google

Строки печатн. текста.

чися и труждаяся демонскою вражескою силою обидима лютѣ видевше мужъ ея насилствование жены своея.

47 *послѣ слова* окаяннiи: — водянiи,

На страницѣ 154.

3 *послѣ слова* гласомъ *вм.* домашнинъ *до слова* живяше: — отецъ же ея и мати и вси домашнiи исходяще ис храмины за нею, и не видѣвше ея нигдѣже, плачюще и рыдающе, возвращахуся в домъ свой унылы и сѣтованный

5 *послѣ слова* в водѣ *вм.* три *и пр. до слова* скверняху: — овогда день, овогда же два и три не исходящи от нихъ, но и тамо также мучаху ея скверннi они демони, ругающеся всячески,

17 *послѣ слова* перси ея *вм.* i на столѣ *до слова* i повѣсивше: — такожде и столъ придѣвши;

19 *послѣ слова* сосѣди: *вм. сл.* надъ нею бывшее: — бывающее над бѣснованною опою женою таковое необычное страхованне, и великий стукъ и громъ и шумъ во храминѣ ея, ужасошася,

33 *послѣ слова* покоя: — овогда бо ея уношаху в воды, иногда же вознесши на горы и на холмы превысокiи, и на храмины, и всячески по ругавшеся ей и изрѣваху ея долу.

35 *вм. слова* волости: — веси

— *послѣ слова* свидѣтели: — неложни бяху яко тако страданiе от множества неприязненныя силы i якоже при самомъ Христѣ Спасѣ нашемъ срѣте его мужъ нѣкiй от града, иже имяше бѣсы многия от многихъ лѣтъ и в ризы не облечашеся, и в храминѣ не живяше, но во гробѣхъ, тако и здѣ суть.

44 *послѣ слова* будеши: — и ничѣмъ будеши скудна.

45 *послѣ слова* видѣша *вм.* они окоянннi демони: — они нечистiи дуси не глаголетъ к нимъ ничтоже,

48 *вм.* растягоша *и пр. до слова* i начаша. — расковаше ея по стѣнѣ руками и ногами и между древомъ вбиша,

52 *вм.* и расковаше ея: — и отковаша от стѣны ея,

55 *послѣ слова* взяша ю *вм.* i даша *до слова*: таже: — скверннiи оттолѣ и приведоша к себѣ въ темная своя жилища и отдаша ея некоторой дѣвицѣ, юже называютъ окаяннi они Ярославкою, глаголюще ей: увещай сию жену, дабы она с нами жила здѣ, i пила, i ѣла и в нашу вѣру веровала, якоже и ты, а мы ея не могли превратити ласканiемъ, и нуждею, i мученiемъ, яко не глаголетъ с нами ничтоже; сами же отъидоша от нихъ;

63 *послѣ слова* отпустятъ: — Соломония же внятъ всѣ глаголы ея, яже глагола ей дѣвица, яко глаголемая Ярославка; i о себѣ дѣвица сказа ей, яко рожденiе мое есть града Ярославля i отдаде мя к симъ темнообразнымъ мати моя по рожденiи моемъ.

72 *послѣ слова* нощи *вм.* i зача и пр. *до слова* прiде: — Соломония же от скверная смѣшения ихъ имяше во утробѣ своей многи нечистiи духи, и нося ея время и полвремени, рекше полтора года.

74 *послѣ слова* в дому отца своего *вм.* i выслала *и проч. до слова* i прiде *въ строкѣ* 77: — и повелѣваетъ отцу своему и матери и всемъ домашнимъ, да изыдутъ вси из храмины вонъ, токмо ея едину да оставятъ, яко хощетъ родити неприязненную силу демонскую, дабы ихъ прескверннi ти пришедше не убили, егда начнетъ она родити ихъ; они же с неволею послуша ея i изыдоша, i вси сѣтующе i плачюще горко, токмо оставиша ю едину в храминѣ.

77 *нѣтъ*: от тѣхъ

На страницѣ 155.

1 *послѣ слова* сини: — i темнiи

2 *послѣ слова* із храмины: — и положи ихъ

6 *послѣ слова* бросати: — в храмину.

12 *послѣ слова* крови: — гнушаешися,

— *послѣ слова* i ты: — вземъ копие или ножъ,

25 *послѣ слова* ни мало: — и со человѣки ничтоже бесѣдоваше, понеже тогда внѣ ума бываше;

28 *вм.* окаяннi: — чернороднiи (тоже и въ другихъ мѣстахъ ниже).

31 *вм.* плакавшими *правильнѣе* плакавшимся

— *вм.* ея *правильн.* ю.

35 *послѣ слова* кождо *вм.* на своемъ *и пр. до слова* другъ *въ 36 строкѣ*: — по чину ихъ на своихъ мѣстахъ,

50 *послѣ слова* совѣтъ ихъ *вм.* i паки *и пр. до слова* Ярославка: — понеже диавольская часть темна и помышляху, в темныхъ жилищахъ своихъ живяху, а не во свѣтѣ; и яко хотяше премилостивый i всесильный Господь Богъ и Спасъ рода человѣческаго сим чюдомъ прославити и возвеличити Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную матерь свою, пренепорочную владичицу Богородицу и приснодѣву Марiю, общую христианскую надежду, и угодниковъ своихъ неусыпныхъ стражей великаго града Устюга, праведныхъ и блаженныхъ Христа ради юродивыхъ Устюжскихъ чюдотворцевъ Прокопия и Иоанна, и сего ради продолжи и попусти Господь Богъ сей женѣ Соломонiи от чернородныхъ поруганнѣ и мучимѣ быти, да болие прославится i возвеселится сие великое дѣло и в чюдодѣйствие и удивление произыдетъ. Аще же Господь Богъ сию жену и попусти чернороднымъ демономъ мучити и поругатися ей, но милость его Божия i милосердие не оставляше ея до конца погибнути. Посемъ диавили паки отдаша Соломонию же преждепомянутой дѣвицѣ Ярославкѣ, да научитъ ея по воли ихъ ходити. Дѣвица же вземъ ю у чернородныхъ, седѣ с нею особь. Соломония же все повѣда дѣвицѣ Ярославкѣ, яже видѣ у темныхъ i слыша у нихъ глаголанная.

56 *послѣ слова* выучитъ *вм.* да иной: — потомъ другой десятокъ, тоже третiй и четвертый.

65 *вм.* темнозрачнымъ: — темнообразнымъ

70 *послѣ слова* i в то время: — Божiимъ промысломъ

74 *вм.* исполнено аки смолою: — исполнено ими, аки смолою покровенно;

На страницѣ 156.

1 *вм.* лукавiи: — чернороднiи

7 *послѣ слова* ея: — черниi.

13 *вм.* имена: — темная i мрачная имена

39 *послѣ слова* оздраве *вм.* i нападе на нея таковое жела-

Digitized by Google

Строки печатн. текста.

ніе: — и абіе наложи на ню прелестиве злы врагъ желаніе таково

43 *послѣ слова* гласомъ *до слова* А гласъ:— велімъ яко всѣмъ людемъ слышати сице і рекуще: полонянка, полонянка!

53 *послѣ слова* демони *вм.* а насъ *и проч. до словъ* І по вся нощи: — понеже она оболстила і прельстила ихъ, і они намъ глаголаша: не можете ли вы ее увести в лѣсъ.

62—63 *послѣ словъ* въ какихъ рѣчахъ: — непріязненную силу по гласу и по вопросу ихъ

64 *послѣ слова* враги *вм.* всякихъ *до слова* кто *въ 65 строкѣ*: — всяко тѣхъ людей злословляху, обличающе всякими грѣховными пороками,

67 *послѣ слова* отхожаху: — Соломонія же поживе у отца своего в волости осмь недѣль і множицею приходяху чернородніі и кликаху ея, якоже и прежде, нарицающе ея полонянкою, всѣмъ людемъ слышащимъ гласы ихъ, самихъ же не видяху.

70 *послѣ слова* чюдотворцамъ: — Соломонія же

72 *вм.* на приношеніі, і на спрошеніі: — на приношеніі пречистыхъ таинъ.

74 *послѣ слова* церковный: — и давляху ея,

75 *послѣ слова* демони: — живущи во чревѣ ея,

— *вм.* яко свиніи: — яко малыи свиніи;

На страницѣ 157.

2 *вм.* во снѣ: — в тонцѣ снѣ

4 *вм.* і от церкви: — и приходя к церкви

5 *послѣ слова* Иоанна: — на всякъ день и

9 *вм.* от демоновъ: — от чернородныхъ демонскихъ силъ;

12 *вм.* триехъ отцевъ духовныхъ: — выну отца духовнаго, а у него всегда спрашиваться о всякомъ,

15 *послѣ словъ* невидима бысть: — Соломонія же. от сна возбнувши, дивящеся зѣло и видѣннаго вскорѣ никому же повѣдаше; по видѣніі же ономъ страдаше Соломонія такожде: якоже и первиі, мучаху бо ея темніі проклятіі нечистіі дуси, живущі в ней, и тогда она внѣ себе бываше, и бѣгаше из храмины своея, в ней же живяше, обнаженна в раздранней ризѣ і простертыми власами, и пометашеся в воду зимнимъ и лѣтнимъ временемъ; прилучившіи же ся людіе ту овогда постигаху ея на край воды, а иногда в водѣ удерживаху і извлекающе ю из воды на берегъ і из пролуби на ледъ, аки мертву; утроба же у нея тогда бываше яко у жены родити хотящей, і во чревѣ ея терзахуся темніи демони яко рыбы во мрежахъ; і сие страдание ея видяще ту предстоящіі людие, удивляхуся зѣло, і отношаху ю аки мертву в домъ, идѣже она живяше, и сие мучение і томление от демонския силы многажды ей бываше.

20 *вм.* смятеся *и пр. до слова* утроба: — смятошася в ней нечистіи дуси темніи и начаша терзати

22 *вм.* і прогрызе: — і прогрызоша

25 *вм.* сотвори демонъ: — сотвориша ей нечистые дуси

26 *вм.* от демона· — от нечистыхъ духовъ,

30 *послѣ слова* терзати: — чрево ея.

35 *послѣ слова* апостола: — Павла

41 *послѣ слова* гласомъ *вм.* сожже *до слова* во умъ: — яко всѣмъ людемъ дивитися і ужасатися, како темніі нечистіі дуси усты ея воскричаша зѣло: о горе намъ! яко сожже насъ! Священникъ убо совершивъ святую литургію; Соломонія же, по отпѣніи божественныя службы,

43—44 *вм.* живущій в ней демонъ: — живущіі в ней злыі темніі демони:

46 *послѣ слова* гибель: — і вѣчное себѣ томленіе і мучение і со старѣйшиною своимъ сатаною.

47 *вм.* демона: — демоновъ, живущихъ в ней,

50 *послѣ слова* Иоанну: — и призывай ихъ на помощь;

51 *послѣ слова* от таковаго: — томленія,

54 *вм.* демонъ же: — демони же

59 *послѣ слова* день: — и нощь

60 *послѣ слова* во Христа: — Она же ничтоже к нимъ отвѣща. И рѣша ей: глаголи ты, Соломоніе, сице: вѣрую азъ во Христа! Она же ничто же к нимъ отвѣща; і рекоша ей: глаголи ты, Соломоние, сице: вѣрую азъ во Христа!

70 *послѣ словъ* і повѣда сама все о себѣ: — яже напреди писанная, како от демонския темныя силы пострада и мучима бѣ люте зѣло.

78 *послѣ слова* чюдотворцевъ: — і начатъ о себѣ глаголати сице.

На страницѣ 158.

11 *послѣ слова* слышахъ *вм.* очеса *до слова* уши: — но бѣста очи мои помраченныи,

21 *послѣ слова* пріидохъ: — с братомъ моимъ Андреемъ,

26 *послѣ слова* трудомъ: — принужденіемъ братнимъ

27 *послѣ слова* сила: — яже во мнѣ;

30 *послѣ слова* чтущаго: — здѣ бо азъ не слышу ничтоже.

42 *послѣ слова* Прокопія: — азъ бо тамо не могу быти от живущия во мнѣ демонския силы!

44 *послѣ словъ* чюдотворце *вм.* і сѣдохъ: — в тоже время тожъ чтяху от житія и чюдесъ святаго Прокопия, і утѣснения ради азъ грѣшная сѣдохъ на лѣвый крылосъ, и повелѣ ми тоя церкви пономарь сѣсти ко гробу святаго Іоанна; азъ же по повелѣнію его сѣдохъ ту;

На страницѣ 160.

34 *послѣ слова* быти: — к тебѣ.

35 *послѣ слова* начаша *вм.* у святаго *и пр. до слова* в тоже время *на строкѣ 37*: — у святаго Прокопия, якоже обычай бываша по вся лѣта благовѣстити к молебствію; і собравшимся всѣмъ священникомъ, архимандриту, и игуменомъ, и протопопу, со всей братіею, і прочихъ церквей священникомъ и диакономъ, и всему церковному причту і властелю великаго града Устюга, и всѣмъ гражданомъ, мужемъ же и женамъ, молебная совершати со звономъ и воду святити всѣмъ освященнымъ соборомъ;

49 *послѣ словъ* тою же раною *вм.* демоновъ: — прочихъ оставшихъ демоновъ,

64 *послѣ слова* вражіе *вм.* мечтаніе *и пр. до слова* і паки: — искушение і мечтание, ты же не убойсь ихъ, і якоже заповѣдахомъ тебѣ, еже к мужу твоему не возвращатися, и за иного не посягати, ты же і обѣщалася Господу Бо-

Digitized by Google

Строки печатн. текста.

гу і пречистѣй Богородицѣ и нама, еже сохранити и соблюсти крѣпко, сне по обещанию твоему соблюди і опасно сохрани.

72 *послѣ слова* свѣтъ — сладко і ясно,

74 *вм.* і стою или видѣніе вижу: — въ церкви ли азъ стою или видѣніе вижу?

— *послѣ слова* рече: *вм.* во церкви *и пр. до слова* посемъ: — во церкви святаго і блаженнаго Прокопия, сестро моя Соломоніе, стоиши при святѣй божественнѣй литургіи и при чтеніи святаго евангелія.

На страницѣ 161.

10 *вм.* святыхъ ради: — страха ради,

12 *послѣ слова* литургіи: — а на чревѣ моемъ, коимъ мѣстомъ вынимали святі демонскую вражію силу, і то мѣсто знать, ради истиннаго свидѣтельства, дабы не помышляли людіе привидѣніе се быти, а не истинное чюдо святыхъ і праведныхъ чюдотворцевъ.

15 *вм.* і народъ: — і весь народъ, мужие, і жены, і всякъ возрастъ,

27 *послѣ слова* і Иоанна: — Тогда не бысть такова человѣка, иже видѣ и слыша о преславномъ семъ чюдеси, дабы воздержатися ему от слезъ, не вся купно мужие и жены пролияша радостныя источники слезъ, видяще и слышаще преславное великое чюдо пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присноѣвы Маріи, і угодниковъ Божіихъ, святыхъ і праведныхъ чюдотворцевъ Устюжскихъ Прокопия и Иоанна,

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Христіанское понятіе о злыхъ духахъ подчинилось у насъ, какъ и у другихъ народовъ, матеріальнымъ представленіямъ. Вѣрованіе, что злые духи являются съ разными отправленіями жизни тѣлесныхъ существъ, является въ глубокой древности; вездѣ оно поддерживалось остатками прежнихъ языческихъ воззрѣній, удержавшихся въ воображеніи народовъ послѣ крещенія. Такъ въ первые вѣки христіанства извѣстное мѣсто въ книгѣ Бытія о прихожденіи сыновъ Божіихъ къ дщерямъ человѣческимъ толковалось половымъ сообщеніемъ духовъ съ женщинами. Составлялись и ходили изъ рукъ въ руки апокрифическія сказанія, наполненныя подобными вымыслами. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежитъ еврейская баснословная исторія о Лилутѣ, будто бы первой женѣ Адама, которая измѣнила ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, представляемыхъ не только съ матеріальными отправленіями, но даже подлежащихъ смерти, также точно, какъ и бѣсы въ нашей повѣсти, которыхъ убиваетъ молнія. Въ сектахъ манихейскаго склада, т. е. приписывавшихъ твореніе матеріи злому духу, (къ нимъ принадлежатъ Павликіане, Богумилы, Катарры, Альбигойцы) господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною и о происхожденіи половины рода человѣческаго, въ лицѣ Каина, отъ злого духа. Представленіе о матеріализмѣ демоновъ поддерживалось и тѣмъ, что древнихъ греческихъ и римскихъ боговъ и полубоговъ признавали злыми духами, и такимъ образомъ самые вымыслы миѳологіи не считали чуждыми исторической дѣйствительности; само собою — и похожденія Юпитера, Вакха, Аполлона, страсти, волокитства, пиры олимпійцевъ, не были уже сказками, но считались существовавшими фактами, только перенесенными на бѣсовъ. Мнѣніе о половомъ сообщеніи бѣсовъ съ женщинами долго было повсемѣстнымъ въ Европѣ; Іорнандъ приписываетъ происхожденіе цѣлаго поколѣнія Гунновъ связи волшебницъ съ злыми духами. Были люди, даже просвѣщенные по своему вѣку, которые, хотя видѣли нелѣпость этого вѣрованія, не рѣшались, однако, счесть всего за совершенный вымыселъ и толковали, что злые духи, не имѣя сами въ себѣ ничего матеріальнаго, обольщаютъ, однако, людей кажущимися явленіями, затмѣваютъ смыслъ человѣческій и представляются женщинамъ въ видѣ мужчинъ, а мужчинамъ въ видѣ женщинъ.

По вѣрованію, общему всѣмъ христіанскимъ народамъ, матеріальные бѣсы представляются чудовищами; образъ ихъ первоначально сложился на югѣ отъ сатировъ и фавновъ, ибо ихъ представляютъ съ рогами, въ шерсти и съ хвостомъ; образъ этотъ, переходя къ сѣвернымъ народамъ, встрѣтился съ старыми туземными языческими представленіями, и видоизмѣнялся, оставаясь все таки болѣе или менѣе сходнымъ въ главныхъ чертахъ. Нашъ бѣсъ въ своемъ образѣ имѣетъ человѣческую фигуру, кожу темносиняго цвѣта, иногда мохнатъ, нагъ, всегда съ рогами и съ хвостомъ, но можетъ принимать различные человѣческіе образы: такъ и Соломоніи являлись демоны въ видѣ красивыхъ молодцевъ. Во множествѣ западныхъ преданій о беременности женщинъ отъ бѣсовъ видны два представленія: или эти женщины раждаютъ чудовища, какъ наша Соломонія, или же дѣйствительныхъ людей, злыхъ волшебниковъ, какъ въ исторіи Мерлина, либо безобразныхъ и свирѣпыхъ какъ въ миѳѣ о происхожденіи Гунновъ. Въ средніе вѣка толковали однако, что собственно рожденіе отъ бѣса есть только мечтаніе, бѣсовская игрушка, и потому-то женщины производятъ на свѣтъ не людей, а чудовищъ, которые не имѣютъ человѣческой жизни и остаются въ бѣсовскомъ мірѣ; лица же человѣческаго существа, на которыхъ отпечатлѣлось бѣсовское происхожденіе, раждаются собственно отъ

Digitized by Google

мужчинъ, но съ содѣйствіемъ злыхъ духовъ; такъ и у насъ въ XI вѣкѣ тоже происхожденіе приписывалось князю полоцкому Всеславу, по словамъ лѣтописца, сказавшаго, что мать его родила отъ волхвованія. Беременность и роды нашей Соломоніи въ народномъ воображеніи, очевидно мечтанія, способъ мукъ которыя задавали ей бѣсы, проходя черезъ нее, и оставаясь въ ней по желанію, овладѣвая ея тѣломъ. Связь Соломоніи съ бѣсомъ есть только представленіе, которое напустили на нее бѣсы; замѣчательно что варіантъ по списку г. Буслаева, старается придать болѣе реальности тому, что выдѣлываютъ бѣсы съ Соломоніею, чѣмъ варіантъ Публичной Библіотеки. Но тѣмъ не менѣе бѣсы составляютъ свой отдѣльный матеріальный міръ, и какъ животные раздѣляются на два пола; къ Соломоніи приходитъ темнозрачная баба уже не человѣческой, а бѣсовской породы. Русскій народъ повсемѣстно воображаетъ бѣсовъ подъ образомъ двухъ половъ; существуетъ слово *чертовки*; существуютъ разсказы видѣвшихъ бѣсовскихъ самокъ. Одинъ мужикъ въ Новгородѣ мнѣ разсказывалъ, что онъ собственными глазами видѣлъ ночью на озерѣ Ильменѣ черную бабу, которая сидѣла на камнѣ, мылась и хохотала, потомъ исчезла. Это была, по его понятію, не русалка, но чертовка, бѣсъ женскаго пола. Обыкновенное мѣстопребываніе бѣсовъ — болото и озера; оттого и въ нашей повѣсти они называются *водяные*; это какіе-то земноводные люди, подверженные, какъ и мы, условіямъ матеріальной жизни: они ѣдятъ, пьютъ, имѣютъ половое сообщеніе, родятся и умираютъ; они безобразны, и по наружности скорѣе похожи на звѣрей, какъ на людей; они, какъ люди, мыслятъ и говорятъ, имѣютъ общественныя связи, ибо сознаютъ между собою братство, имѣютъ религію, и покланяются божеству, называемому сатаною; отличаются отъ людей тѣмъ, что могутъ принимать различные образы, способность, которой однако не лишены безусловно, по народному вѣрованію, и люди — если они колдуны; бѣсы, кромѣ того что они звѣри по наружности и люди по жизни, еще всѣ какъ бы колдуны, т. е. всѣ, по природѣ своей, способны на то, что доступно между людьми только нѣкоторымъ, обладающимъ таинственною наукою. Такое понятіе о существѣ бѣсовъ истекаетъ изъ предлагаемой повѣсти.

Вѣрованіе во вселеніе бѣсовъ въ человѣка сильно утверждено было въ народѣ встарину и не истребилось до сихъ поръ. Рѣдкому изъ насъ, особенно посѣщавшему мѣста, ознаменованныя чудотворными исцѣленіями отъ мощей и иконъ, не удавалось видѣть и слышать такъ называемыхъ кликушъ или бѣсноватыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣйствительно страдаютъ нервными припадками, поразительными и ужасными на взглядъ и не вполнѣ объясненными физіологически; другіе подчиняются силѣ воображенія и такихъ болѣе всего; третьи притворяются. Ханжи разносятъ о нихъ разсказы, изображая ихъ припадки въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Повѣсть о Соломоніи есть полнѣйшее изображеніе бѣсноватой, какъ она только могла представляться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ. Не смотря на тривіальность нѣкоторыхъ мѣстъ, она не лишена и поэтическихъ образовъ. Списанная, какъ говорится въ предисловіи, (которое, какъ приписка, не составляетъ существенной части разсказа и потому приводится въ приложеніи) со словъ страдалицы, она, вѣроятно, имѣетъ историческое основаніе; должно быть существовала описываемая здѣсь Соломонія, подверженная нервнымъ страданіямъ и сумасшествію, и впослѣдствіи получившая исцѣленіе. Образы ея болѣзненнаго воображенія, сложившіеся подъ вліяніемъ воспитанія и общихъ вѣрованій, принимались за истину и составили предметъ для литературнаго развлеченія современниковъ.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

ВАРІАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(По списку Импер. Публ. Библ. in 8, № 75.)

Повѣсть оубо сїа страха и оужаса исполнена и неизреченнаго оудивленїа достойна, како человѣколюбивый Богъ долготерпѣливъ сый, ожидаяй нашего обращенїа и неизреченными своими судбами всякаго человѣка приводитъ ко спасенїю, яже бысть во дни сїа, и являетъ человѣколюбїе свое надъ родомъ христїанскимъ.

Бысть убо в лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, попусти Богъ на Московское государство, богомерзкаго отступника еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престолъ россійскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Россійскому Государству умножися злочестивая литва и многая пакости и разоренія народомъ россійскимъ на Москвѣ и по градомъ творяху, и от того литовскаго разоренія многія домы свои оставляху, и из града во градъ бѣгаху.

В то же время, во градѣ Велицѣмъ Устюзѣ, бысть нѣкто житель града того Ѳома, прослытіемъ же нарицаемый Грудцынъ Усовыхъ, ихъ же родъ во градѣ томъ влечется. Той убо Ѳома Грудцынъ, видя в Россіи такое нестроеніе и нестерпимыя пакости от нечестивыхъ ляховъ, и не восхотѣ жити, оставляетъ великій градъ Устюгъ и домъ свой и преселяется в понизовой царственный градъ Казань. Зане не бысть в понизовыхъ градѣхъ злочестивыя литвы, и живяше той Ѳома с женою своею во градѣ Казани, даже до лѣтъ благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи. И имѣя же у себе сына единородна, именемъ Савву, двоенадесятолѣтна возрастомъ; обычай же имѣяше той Ѳома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ шахову область, отъѣзжая куплю творяше, тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣностно таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнія его.

—

О отъѣздѣ Ѳомы Грудцына на куплю в шахову область.

По нѣкоемъ же времени восхотѣ той Ѳома отплыти на куплю в шахову область, и обычныя струги к плаванію с товары устроившу, сыну же своему, такожде устроивъ обычныя суды с товары, повелѣваетъ ему по себѣ плыти к Соли Камской; и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе подаде обычное цѣлованіе женѣ и сыну своему, пути касается. Малы же дни помедля, и

Digitized by Google

сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего к Соли Камской плаваніе творити начинаетъ, достигшу же ему Усолскаго града Орла, абіе приставаетъ ко брегу, и по повелѣнію отца своего у нѣкоего нарочита человѣка в гостинницѣ обитати приставаетъ. Гостинникъ же той и жена его, памятуя любовь и милость отца его, немало прилежаніе имѣюще, и всякое благодѣяніе творяще ему, и яко о сынѣ своемъ всяко попеченіе имѣюще о немъ; онъ же пребысть в гостинницѣ оной немало время. В томъ же градѣ Орлѣ нѣкто бысть мещанинъ града того именемъ и прослытіемъ Боженъ Второй, уже престарѣвся въ лѣтѣхъ, и знаемъ бяше во многихъ градѣхъ благонравнаго житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и по премногу знаемъ и друженъ бѣ саввину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увѣдавъ же Боженъ Второй, яко из Казани Ѳомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтается, и помыслилъ в себѣ, яко отецъ его со мною многу любовь и дружбу имѣяше, азъ же нынѣ презрѣхъ его, но убо возму его в домъ мой, и да обитаетъ у мене, и питается со мною от трапезы моея. И сія помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву путемъ идуща, и призвавъ его, начатъ глаголати: друже Савво! или не вѣси яко отецъ твой со мною многу любовь имать, ты же почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси в дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прійди и обитай в дому моемъ, да питаемся от общія трапезы моея: азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына пріемлю тя. Савва же, слышавъ таковые от мужа глаголы, велми радъ бысть, яко от такова славна мужа пріятъ хощетъ быти, и низко поклоненіе твори предъ нимъ. И немедленно от гостинника онаго отходитъ в домъ мужа того Божена Втораго, и живяше во всякомъ благоденствіи, радуяся. Той же Боженъ Второй старъ сый, и имѣя у себя жену третьимъ бракомъ новоприведенну сущу пояту дѣвою; ненавидя же добра роду человѣчу сопостатъ діаволъ, видѣ мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его, абіе уязвляетъ жену его на юношу онаго к скверному смѣшенію блуда; и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к паденію блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ к любодѣянію. И тако той Савва лестію жены тоя, паче же рещи от зависти діаволи, запятъ бысть, падеся в сѣть любодѣянія с женою оною, и непрестанно во ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая с нею, и ниже бо воскресенія день, ниже праздники помняше, но забывши страхъ божій и часъ смертный, но всегда в калѣ блуда яко свиния валяшеся; и в таковомъ ненасытномъ блуженіи много время яко скотъ пребываше.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику Вознесенія Господа Бога нашего Іисуса Христа, в навечеріи же праздника онаго Боженъ Второй поимъ с собою юношу онаго Савву и пондоша до святыя церкви к вечернему пѣнію, и по отпущеніи вечерни паки пріидоша в домъ свой, и по обычаю вечери возлѣгоша кійждо на ложи своемъ, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый онъ мужъ Боженъ Второй заспа крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воставъ тайно с ложа своего, и пришедъ к постели юноши онаго, и возбуди его, понуждаше его к скверному смѣшенію блуда. Онъ же, аще и младъ сый, но яко нѣкою стрѣлою страха божія уязвленъ бысть, и боясь суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковый господственный праздникъ таковое скаредное дѣло сотворити имамъ! И сія помысливъ, начатъ с клятвою отрицатися от нея, глаголя: яко не хощу всеконечно погубити душу мою, в таковый праздникъ превеликій осквернити тѣло мое. Она же, ненасытно распаляема похотію блуда, неослабно нудяше его, ово ласканіемъ, овоже и прещеніемъ нѣкіимъ, угрожая ему, дабы исполнилъ желаніе ея, и много труждышися, увѣщевая его, но никакоже возможе его преклонити к воли своей; божественная бо нѣкая сила помогаше ему. Видѣвъ же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго к волѣ своей, абіе зѣлною яростію на юношу распалися, и яко лютая змія возстенавъ, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными зеліи опоити его и неотложно

Digitized by Google

злое свое намѣреніе совершити хотя. И елико замыслиша сіи и сотвори. Внегда же начаша клепати во утреннему пѣнію, боголюбивый же оный мужъ Боженъ Второй, скоро возставъ от ложа своего, возбудивъ же и юношу онаго Савву, поидоша на славословіе Божіе ко утрени вкупѣ, и отслушавше со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ. И пріидоша в домъ свой, а егда же приспѣ время божественнѣй литургіи, поидоша паки с радостію до святыя церкви на славословіе божіе. Проклятая же она жена тщателно устрояше на юношу волшебное зеліе, и яко змія хотящи ядъ свой наблевати на него. По отпущеніи же божественныя литургіи Боженъ Вторый и Савва изыдоша из церкви, хотяще итти в домъ свой. Воевода же града того пригласи онаго мужа Божена Втораго да отобѣдуетъ с нимъ; вопроси же и о юноши ономъ: чей есть сынъ, и откуду? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Ѳомы Грудцына сынъ есть. Воевода же приглашаетъ и юношу онаго в домъ свой, зане добрѣ знаяше отца его. Они же поидоша к нему; и бывше въ дому воеводскомъ, и по обычаю общія трапезы причастишася, и с радостію возвратишася в домъ свой; и егда пришедше, повелѣ Боженъ принести от вина мало, да испіютъ в домѣ своемъ, чести ради господственнаго онаго праздника: ничтоже бо свѣдый лукаваго умышленія жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу в сердцы своемъ и подпадаетъ лестію к юноши оному. Принесену же бывшу вину, абіе наливаетъ чашу, и подноситъ мужу своему; онъ же испивъ, благодаря Бога, потомъ наливаетъ сама испивъ, абіе наливаетъ отравнаго оного уготованнаго зелія, и подноситъ юноши оному Саввѣ. Онъ же, ни мало помысливъ, ниже убояся лукавства жены оныя, чаяше яко никоего же зла мыслитъ на него, и без всякаго размышленія выпиваетъ лютое оно отравное зеліе. И се начатъ яко пѣкій огнь горѣти в сердцы его. Онъ же помышляше, глагола в себѣ: яко много различныхъ питей в дому отца моего, и никогда же такого питія не испилъ, яко же нынѣ! Егда же испивъ питія оного, начатъ сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной. Она же, яко лютая лвица, яростно воглядаше на него, и ни мало привѣтство являше ему. Онъ же, сокрушаяся, тужаше по ней сердцемъ. Она же начатъ мужу своему на юношу онаго клеветати, и нелѣпая словеса глаголати, и повелѣваше изгнати из дому своего. Боголюбивый же оный мужъ, аще и сожалѣя сердцемъ по юноши, обаче уловленъ бысть женскою лестію, повелѣваетъ юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины нѣкія. Юноша же с великою жалостію и тугою сердца отходитъ от дому его, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ оной. И пріиде в домъ гостинника онаго, идѣже первѣе обиташе. Онъ же вопросилъ его, каковыя ради вины изыде из дому Боженова? Онъ же, сказуя, яко самъ не восхотѣ жити у него: зане гладно ми бысть. Сердцемъ же скорбя и неутѣшно тужаше по женѣ оной, и начатъ от великія туги красота лица его увядати и плоть его истончаватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбѣяще зѣло, неудомѣвающеся что ему бысть.

Бысть же во градѣ томъ нѣкій волхвъ, чарованіемъ своимъ сказуя кому какова скорбь приключится; онъ же узнавая; или жити или умрети. Гостинникъ же той и жена его, благоразумни суще, не мало попеченіе о юноши имяху, и призываютъ тайно волхва онаго, хотяще увѣдѣти от него, какова скорбь приключися юноши оному: волхвъ же егда пришедъ, и посмотрѣвъ в волшебныя своя книги, сказа имъ истинну, яко никоторыя скорби юноша не имать в себѣ, токмо тужитъ по женѣ Божена Втораго, яко в блудное смѣшеніе падеся с нею, нынѣ же отстуженъ бысть от нея, и по ней, стужая, сокрушается. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше от волхва, не яша вѣры ему, зане Боженъ мужъ благочестивъ бяше, и боясь Бога, и ни во что дѣло сіе вмѣниша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, и яко бы нѣкто великою скорбію болѣлъ.

Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ, на поле, от великаго унынія и скорби прогулятися, и

Digitized by Google

идяше единъ по полю, и никого же пред собою или за собою видяше, и ничто ино помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ от жены оныя, и помысля такову мысль злую во умѣ своемъ, глаголя: и егда бы кто от человѣкъ, или самъ діаволъ сотворилъ ми сіе, еже бы паки совокупитися мнѣ с женою оною, азъ бы послужилъ діаволу! И такову мысль помысливъ, аки бы ума иступивъ, и идяше единъ по полю, и мало пошедъ, слышитъ за собою гласъ зовущъ, на имя; онъ же, обращся, зритъ за собою юношу, борзо текуща, в нарочитѣ одѣяніи, помавающа рукою ему, пождати себе повелѣваше; онъ же, стоя, ожидая юношу онаго к себѣ, и егда же пришедъ к Саввѣ юноша той, паче же рещи супостатъ діаволъ, иже непрестанно рыщетъ, ищя погибели человѣческія, пришедъ же, и по обычаю поклонишеся между собою, рече же пришедый отрокъ к Саввѣ глаголя: брате! что убо яко чуждь бѣгаеши от мене? азъ бо давно ожидахъ тя, да како бы пришелъ еси ко мнѣ и сродственную любовь имѣлъ со мною; азъ убо вѣмъ тя давно, яко ты отъ рода Грудцыныхъ Усовыхъ из града Казани, и о мнѣ аще хощеши увѣдати, азъ того же рода от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю ради конскія покупки, и убо по плотскому рожденію братія мы с тобою, а нынѣ убо буди братъ и другъ и не отлучайся от мене; азъ бо вспоможеніе во всемъ радъ чинити тебѣ. Савва же, слышавъ от мнимаго онаго брата, паче же рещи от бѣса, таковые глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далекой незнаемой странѣ сродника себѣ обрѣтѣ; и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустынѣ оной. И пошедъ мало, рече бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! Какую скорбь имаши в себѣ, яко изчезе велми юношеская красота твоя? Онъ же, всяко лукавнуя, сказоваше ему нѣкую быти великую скорбь в себѣ. Бѣсъ же осклабився, и рече: что убо скрываеши от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу в скорби твоей? Савва же рече: аще убо вѣдаеши истинно мою скорбь, юже имамъ в себѣ, то поиму вѣру тебѣ, яко можеши ми помощи! Бѣсъ же рече ему: ты убо, скорби, сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ Божена втораго, зане отлученъ еси от любве ея. Но что ми даси, азъ учиню тя с нею по прежнему въ любви ея? Савва же рече: азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатство отца моего, и с прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти с женою оною! Бѣсъ же и ту усмѣяся, рече ему: что убо искушаеши мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать; ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего, и что мнѣ будетъ в товарѣхъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописаніе мало нѣкое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же радъ бысть, помышляя к себѣ: яко богатство отца моего все цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе что ми повелитъ написати; а невѣдый в какову пагубу впасти хощетъ, еще же и писати совершенно ниже слагати что умѣя. Оле безумія юноши онаго! Како уловленъ бысть лестію женскою, и тоя ради в какову погибель снисходитъ! Егда же изрече бѣсъ к Саввѣ словеса сия, онъ же с радостію обѣщаше дати ему. Мнимый же братъ, паче же рещи бѣсъ, вскорѣ изъемъ из опчага чернило и хартію, даетъ юноши, и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва, еще несовершенно умѣяше писати, елико бѣсъ сказоваше, той же и писаше, не слагая, и таковымъ писаніемъ отречеся Христа, истиннаго Бога, написавъ же богоотметное оно писаніе, отдаетъ діаволу, и предадеся в служеніе діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша оба во градъ Орелъ. Вопроси же Савва бѣса, глаголя: повѣждь ми, брате мой, гдѣ обитаеши, да увѣмъ домъ твой? Бѣсъ же возсмѣяся, рече ему: азъ убо особаго дому не имамъ, но гдѣ прилучится, тамо и ночую; аще ли же хощеши видѣтися часто, то ищи мя всегда на конной площади, якоже рѣхъ ти: здѣ живу ради конныхъ покупокъ; но азъ и самъ не облѣнюся посѣщати тя; нынѣ же иди к лавкѣ Божена Втораго, вѣмъ бо, яко с радостію призоветъ тя паки в домъ свой жити. Савва же, по глаголу брата свого діавола,

Digitized by Google

радостно течаше к лавкѣ Божена Втораго, Боженъ же егда в . . . . . усердно приглашаетъ его к . . . . . Господине Савво кую злобу с . . . . . бѣ, и почто изшедъ . . . . . протчее убо молю . . . . . омъ мой, азъ . . . . . его, яко присно . . . . . тебѣ. Савва же . . . . . жена таковыя . . . . . (¹) радостию возрадовася, и скоро потече в домъ Божена Втораго. Жена же его, егда увидѣвъ юношу и діаволомъ подстрѣкаема, радостно срѣтаетъ его и всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше его и лобзыше. Юноша же уловленъ бысть лестію женскою, паче же діаволомъ, паки запинается в сѣти блуда с проклятою оною женою, и ниже праздниковъ, ниже воскресенія день помняще, ни страха Божія имѣюще, понеже ненасытно безпрестанно с нею в калѣ блуда валяяся.

По многѣмъ же времени, абіе входитъ в слухи в пресловущій градъ Казань матери саввиной, яко сынъ ея живетъ неистово и непорядочно, и елико было с нимъ отеческихъ товаровъ, всѣ изнурихъ (лъ) бѣ в блудѣ и піянствѣ. Мати же его, таковыя о сынѣ своемъ слыша, зѣло огорчися, и пишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани в домъ отца своего. Егда же пріиде к нему писаніе, онъ же прочетъ, посмѣявся и ни во что же вмѣнивъ; она же паки посылаетъ к нему второе и третіе писаніе, ово моленіемъ молитъ, ово же и клятвами заклинаетъ его, дабы немедленно ѣхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же ни мало внятъ матерню моленію и клятвѣ, но ни во что же вмѣняше, токмо в страсти блуда упражняшася.

По нѣкоемъ же времени поемлетъ бѣсъ Савву, и поидоша оба за градъ на поле; изшедшимъ же имъ из града, глаголетъ бѣсъ Саввѣ: брате Савво, вѣси ли кто есмь азъ? ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыныхъ, но нѣсть тако: нынѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братомъ себѣ, азъ убо всесовершенно улюбихъ ти в братство себѣ; но аще хощеши увѣдати о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ; но идемъ протчее и да покажу ти славу и могутство отца моего; и сія глаголя, приведе его в пусто мѣсто на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздолѣ градъ велми славенъ; стѣны и покровы и помосты всѣ от злата чиста блистахуся; и рече ему: сей есть градъ и твореніе отца моего, но идемъ убо и поклонимся купно ему; а еже далъ ми еси писаніе, нынѣ вземъ его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтенъ будеши от него. И сія изглаголавъ, бѣсъ отдаетъ Саввѣ богоотметное оное писаніе. Оле безумія отрока! вѣдый бо яко никоторое царство прилежитъ в близости к Московскому государству, но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ, аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ честнаго креста, вся бы сія мечты діавольскія яко сѣнь погибли!

Но на предлежащее обратимся. Егда же поидоша оба к привидѣнному оному граду и приближившимся имъ ко вратомъ града, срѣтаютъ ихъ юноши темнообразніи, ризами и поясы златыми украшены, и со тщаніемъ поклоняющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи діаволу, такожде и Саввѣ. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, паки срѣтаютъ иніи юноши, ризами блистающися паче первыхъ, такожде поклоняющеся имъ. Егда же внидоша в полаты царевы, абіе друзіи юноши срѣтаютъ ихъ, другъ друга честію и одѣяніемъ превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедъ же бѣсъ в полату глаголя: брате Савво! пожди мя здѣ мало; азъ убо шедъ возвѣщу о тебѣ отцу моему, и введу тя к нему; егда же будеши пред нимъ, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писаніе свое. И сія рекъ, поиде во внутреннія полаты, оставль единаго Савву; и помедливъ тамо мало, абіе входитъ к Саввѣ, и по семъ вводитъ его пред лице князя тмы.

(¹) Означенныя точками мѣста въ рукописи вырваны.

Digitized by Google

Той же, сѣдя на престолѣ высоцѣ, каменіемъ драгимъ и златомъ преукрашенномъ, самъ же той славою великою и одѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зритъ Савва множество юношъ крилатыхъ стоящихъ, лица же ихъ сныхъ сини, сныхъ багряны, инымъ же яко смола черны, пришедъ же Савва пред царя онаго, падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, глаголя: откуду пришелъ еси сѣмо, и что есть дѣло твое? Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное свое писаніе и вѣщаетъ: яко пришедъ, великій царю, послужити тебѣ. Древній же змій сатана пріемъ писаніе, и прочетъ его, обозрѣвся к скверноообразнымъ своимъ вопиомъ, рече: аще ли и пріиму отрока сего, но не вѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ, или ни. И призвавъ сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: иди протчее, и обѣдуй с братомъ своимъ. И тако оба поклонишася царю, и изыдоша в преднюю полату, начеше обѣдати, и неизреченныя яди приношаху имъ, такожде и питіе, яко дивятися Саввѣ, и глагола: яко никогда же в дому отца моего таковыхъ ядей вкушахъ, или питія испихъ!

По яденіи же поемлетъ бѣсъ Савву, и поидоша изъ двора царева, и изшедшимъ же им из града, вопрошаетъ Савва брата своего бѣса, глаголя: что убо брате; яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, юношъ много крилатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: или не вѣси, яко мнозіи языцы служатъ отцу моему, индѣи, персы и иніи мнозіи? ты же не дивися сему, и не сумнѣвайся братомъ звати мя себѣ; азъ бо да буду тебѣ меншій братъ; токмо елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякаго добродѣйства радъ чинити тебѣ. Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти ему; и тако увѣрившися, пріидоша паки во градъ Орелъ, и оставль бѣсъ Савву, отходитъ.

Савва же паки приходитъ въ домъ Боженовъ, и пребываше в прежнемъ скаредномъ своемъ дѣлѣ. В то же время пріиде во градъ Казань из Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ Ѳома Грудцынъ, и яко же лѣпо, обычное цѣлованіе подавъ женѣ своей, вопрошаетъ ея о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдаетъ ему, глаголя: яко от многихъ слышу о немъ: по отшествіи твоемъ в Персиду, отъиде онъ к Соли Камской, тамо и до нынѣ живетъ неудобное житіе; все бо богатство наше, яко же глаголютъ, изнурилъ в пиянстве и блудѣ; азъ же много писахъ к нему о семъ, дабы оттуду возвратился в домъ нашъ; онъ же ни единыя отповѣди подаде мнѣ, но и нынѣ тамо пребываетъ; живъ ли или ни, о семъ не вѣмъ. Ѳома же, таковыя глаголы слышавъ от жены своея, зѣло смутися умомъ; и скоро сѣдъ, написавъ епистолію къ Саввѣ со многимъ моленіемъ, дабы безо всякаго замедленія ѣхалъ оттуду во градъ Казань: да вижду, рече, чадо, красоту лица твоего; понеже давно не видѣлъ бѣхъ! Савва же таковое писаніе пріимъ, и прочетъ е, нивочтоже вмѣнивъ, ниже помысли ѣхати к отцу своему, но токмо упраждняшеся в ненасытномъ блуженіи. Видѣвъ же Ѳома, ничто же успѣваетъ писаніе его, абіе повелѣваетъ готовити подобныя струги с товаромъ, пути касается к Соли Камской, до Камы: самъ, рече, сыскавъ, поиму сына своего в домъ мой. Бѣсъ же егда увидѣвъ, яко отецъ саввинъ путешествіе творитъ к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будемъ? но идемъ убо во иные грады, и погуляемъ тамо; паки сѣмо возвратимся. Савва же ни мало отречеся, но глагола: добре, брате, глаголеши, идемъ, но пожди мало; азъ бо возму от богатства моего нѣколико пенязей. Но и ту бѣсъ возбраняетъ ему о семъ, глаголя: или не видѣлъ еси славы отца моего, и не вѣси ли яко вездѣ села его суть? да идѣже пріидемъ, тамо и денги у насъ будутъ, елико потребно. И тако поидоша от града Орла, никимъ же вѣдомы, ниже той самъ Божеръ Второй, ни жена его, увѣдавше о отшествіи Саввиномъ. Бѣсъ же и Савва об едину нощъ от Соли Камскій объявишася на рѣкѣ Волзѣ во градѣ, нарицаемомъ Кузмодемьянску, разстояніе имѣюще от Соли Камскія бо-

Digitized by Google

лѣе двутысящъ поприщъ; и глаголетъ бѣсъ Саввѣ: аще кто тя знаемый узритъ здѣ, и вопроситъ: откуду пришелъ еси? ты же глаголи, яко от Соли Каменія, в третію недѣлю пріидохомъ до здѣ. Савва же, елико заповѣда ему бѣсъ, тако и сказоваше; пребывше же в Кузмодемьянску нѣколико дней, абіе поемлетъ бѣсъ Савву, паки и об едину нощъ из Кузмодемьянска пріидоша на рѣку Оку, в село, нарицаемое Павловъ Перевозъ; и бывшимъ имъ тамо в день четвертка, в той же день въ селѣ томъ торгъ бываетъ; ходящимъ же имъ по торгу, узрѣвъ Савва нѣкоего престарѣлаго нища стояща, рубищами гнусными зѣло одѣянна, и зряща на Савву прилѣжно, и зѣло плачуща; Савва же отлучися мало от бѣса, и притече ко старцу оному, хотя увѣдати вины плача его, и пришедъ ко старцу, рече: кая ти, отче, печаль есть, яко тако плачеши неутѣшно? Нищій же онъ святый старецъ глаголетъ ему: плачу, рече, чадо, о погибели души твоея; не вѣси бо яко погубилъ еси душу твою и волею предался еси діаволу? вѣси ли, чадо, с кѣмъ нынѣ ходиши, и его же братомъ себѣ нарицаеши? но сей не человѣкъ, но діяволъ ходяй с тобою, и доводитъ тя до пропасти адскія! Егда же нарече старецъ к Саввѣ глаголы сія, обозрѣвся Савва на мнимаго своего брата, наче же рещи на бѣса, онъ же издалеча стоя, и грозяся на Савву, зубы скрежеташе на него. Юноша же вскорѣ оставль святаго онаго старца, пріиде паки к бѣсу; діаволъ же велми начатъ поносити его, и глаголати: чесо роди с таковымъ злымъ душегубцемъ сообщился еси? не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ, на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголы лестныя проснуствивъ к тебѣ, хотя отлучити тя от людей, и удавомъ удавити тя, и обрати с тебе одѣяніе твое хощетъ; нынѣ убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ погибнеши без мене. И сія изрече, со гнѣвомъ поемлетъ Савву оттуду, и приходитъ с нимъ во градъ Шую, и тамо пребываху нѣколико время.

Ѳома же Грудцынъ Усовъ, пришедъ во градъ Орелъ, вопрошаетъ о сынѣ своемъ, и никтоже можаше повѣдати ему о немъ. Вси бо видяху его, яко пред его пріѣздомъ сынъ его во градѣ хождаше всѣми видимъ, а идѣже внезапно скрыся, никто же вѣсть. Овіи глаголаху, яко убояся пришествія твоего, зане здѣ понурилъ все богатство твое, и сего ради скрыся, паче же всѣхъ Боженъ Второй и жена его, дивящеся глаголаху яко об нощь спаше с нами, заутра же пошедъ нѣкуды; мы же ожидахомъ его обѣдати; онъ же от того часа никако гдѣ явися во градѣ нашемъ, а идѣже подѣся, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣмы. Ѳома же многими слезами обливаяся, и ожидая сына своего, и не мало пождавъ, тщею надеждею возвратився в домъ свой, и возвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей, и оба вкупѣ сѣтующе и скорбяще о лишеніи единороднаго сына своего, и в таковомъ сѣтованіи Ѳома Грудцынъ пожиде нѣколико время, ко Господу отъиде; жена же его оставшися вдовою сущи.

Бѣсъ же и Савва живуще во градѣ Шуѣ, во время же то благочестивый великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи воскотѣ послати воинство свое противу короля польскаго под градъ Смоленскъ, и по его цареву указу по всей Россіи набираху новобранныхъ тамошнихъ солдатъ; во градъ же Шую ради салдацкаго набору посланъ с Москвы стольникъ Тимоѳей Воронцовъ, и новобранныхъ солдатъ во вся дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бѣсъ, приходяще, смотряху ученіе ихъ. Рече же бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! хощеши ли послужити царю, да вапишемся и мы въ солдаты? Савва же рече: добре, брате, глаголеши; послужимъ убо. И тако написавшеся в солдаты, и начеши купно ходити на ученіе. Бѣсъ же в воинскомъ ученіи такову премудрость Саввѣ дарова, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ по ученіи превзыти; самъ же бѣсъ яко бѣ слугою Саввѣ, ходяще за нимъ и оружіе ношаше его. Егда же из Шую новобранныхъ солдатъ приведоша к Москвѣ, и отдаша ихъ в наученіе нѣкоему нѣмецкому полковнику; той же полковникъ, егда

Digitized by Google

пріиде видѣти новобранныхъ солдатъ на ученіи, и абіе видитъ юношу млада сущаго, в ученіи воинскомъ зѣло благочинно и урядно поступающа, и ни малаго порока во всемъ артикулѣ имѣюща, и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ во ученіи превосходяща, и велми удивися остроумію его, и призвавъ его к себѣ, вопрошаетъ рода его. Онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же, велми возлюби Савву, и назва его сыномъ себѣ, даде же ему с главы своея шляпу, драгоцѣннымъ бисеромъ утворенну сущу. И вручаетъ ему три роты новобранныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же тайно приходе к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! егда ти недостатокъ будетъ денегъ, чимъ ратныхъ людей пожалывати, повѣждь ми, азъ ти принесу, елико ти потребно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покои пребываху; в протчіихъ же бо ротахъ молва и мятежъ непрестанный, яко от глада и наготы, непожалованны, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благополучномъ устроеніи солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумію его. По нѣкоему же случаю явственно учинися о немъ и самому царю. В то же время на Москвѣ не малу область имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ, увѣдавъ про онаго Савву, повелѣваетъ его пред себя привести; и егда же пріиде, рече ему: хощеши ли, юноше, да пріиму тя в домъ мой, и чести немалыя сподоблю тя? Онъ же поклонився, рече ему: есть, рече, господине, мой братъ у мене; вопрошу его: да аще ли повелитъ ми, то с радостію послужу ти! Бояринъ же ни мало возбранивъ ему о семъ, и отпустивъ его; да вопроситъ, рече, брата своего. Савва же пришедъ, повѣда сіе мнимому брату своему бѣсу. Онъ же с яростію рече ему: почто убо хощеши презрѣти царскую милость и служити рабу его? ты убо и самъ нынѣ в томъ же порядкѣ устроенъ; уже бо и самому царю знатенъ учинился еси, ни убо, не буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возвышенъ будеши. От днесь по повелѣнію же цареву вси новобранныя солдаты розданы по стрѣлецкимъ полкамъ в дополненіе. Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенскѣ в земляномъ городе, в зимнѣ приказѣ, в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестиви и благонравни суще, видяще саввино остроуміе, зѣло почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности к шествію бяху.

Во единъ же от дній пріиде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и видимъ что творятъ поляки, и како градъ укрѣпляютъ, и бранные сосуды устрояютъ. И об едину нощь в Смоленску с Москвы ставше, и пребывше в немъ три дня и три нощи, и никимже видимы. Они же все видѣвши и созирающе, како поляки градъ укрѣпляху, и на приступныхъ мѣстахъ всякія громады поставляху, в четвертый же день объяви бѣсъ себя и Савву в Смоленску полякомъ. Они же егда узрѣвше ихъ, велми возмятошася, начаша гнати по нихъ, хотяще уловити; бѣсъ же и Савва скоро избѣгше из града, и прибѣгоша к рекѣ Днепру абіе разступися имъ вода; они же преидоша рѣку оную, яко по суху; поляки же много стрѣляюще по нихъ, но никакоже вредиша ихъ. Удивляхуся глаголюще: яко бѣсове суть во образѣ человѣческомъ пріидоша и бывше во градѣ нашемъ! Савва же и бѣсъ паки пріидоша к Москвѣ, и ставше у того же сотника Іакова Шилова. Егда же по указу цареву полки с Москвы под Смоленскъ поидоша, тогда и той Савва с братомъ своимъ в полкахъ поидоша, надо всѣми же полками тогда бояринъ бысть Ѳеодоръ Іоановичъ Шеинъ. На пути же бѣсъ рече к Саввѣ: брате Савво! егда убо будемъ под Смоленскимъ, тогда от поляковъ из полковъ из града выѣдетъ единъ исполинъ на поединокъ, и станетъ звати себѣ противника; ты же не убойся ничего, изыди противу его, азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его;

Digitized by Google

на другій же день паки от поляковъ выѣдетъ другій исполинъ на поединокъ, ты же изыди паки и противу того; вѣмъ бо яко и того поразиши; в третій же бо день выѣдетъ из Смоленска и третій поединщикъ, ты же ничего не бойся, и противу того изыди, но и того поразиши, самъ же уязвленъ будеши от него вмалѣ, азъ же язву твою вскорѣ уврачую; и тако увѣщавъ его. Пріидоша под градъ Смоленскъ, и ставше в подобномъ мѣстѣ; тогда же, по глаголу бѣсовскому, высланъ бысть из града нѣкій воинъ страшенъ зѣло, на кони ѣздя, и искаше из московскихъ полковъ противника себѣ, но никтоже смѣяше изыти противу его. Савва же абіе объявляетъ себя в полкахъ, глаголя: аще бы мнѣ былъ воинскій добрый конь, азъ бы изшелъ на брань противу сего непріателя царска, друзи же его слышавше сія, скоро возвѣстиша боярину о немъ. Тогда же бояринъ повелѣ Савву привести пред себя, и повелѣ ему коня царочита дати, и оружіе, мнѣвъ яко вскорѣ погибнути имать юноша от полскаго онаго воина страшна. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или бояся, выѣзжаетъ противу полскаго онаго воина, и абіе поразивъ его вскорѣ, и приводитъ с конемъ его в полки московскія, и от всѣхъ похваляемъ бѣ Савва. Бѣсъ же ѣздя по немъ, служа ему, и оружіе его ношаше за нимъ. Во второй же день паки из Смоленска выѣзжаетъ славный нѣкій воинъ, и ища из войска московскаго противника себѣ; и паки выѣзжаетъ противу его той же Савва. И того вскорѣ поражаетъ, и вси удивляхуся храбрости его; бояринъ же разгнѣвася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своемъ. В третій же день еще выѣзжаетъ из града Смоленска нѣкій славный воинъ паче первыхъ, такожде ища и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убояся ѣхати противу таковаго страшнаго воина, обаче по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ и противу того. Но абіе полякъ той яростно напустивъ и уязви Савву копіемъ в лѣвое стегно. Савва же исправлься нападаетъ на поляка онаго, и абіе убиваетъ его, но и с конемъ в таборы привлече его, и не малъ заворъ смоляномъ наведе; все же россійское воинство во удивленіе приведе; потому же начаша из града вылоски выходити, и войско с войскомъ сошедшимся, сваднымъ боемъ битися; а идѣже Савва с братомъ своимъ с котораго крыла воеваху, тамо поляки от нихъ невозвратно бѣжаху, тылъ показующе; безчисленно бо много поляковъ побивающе, сами же ни от кого вредими бяху. Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши онаго, и иже не могій скрыти тайнаго гнѣва в сердцѣ своемъ, абіе призываетъ Савву к шатру и глаголетъ ему: повѣждь ми, юноше, какова еси рода? и чій еси сынъ? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Ѳомы Грудцына Усова сынъ его. Бояринъ же начатъ всякими нелѣпыми словесы поносити его, и глаголя: кая ти нужда в таковый смертный случай призва? азъ убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко безчисленно богатство имутъ; ты же от какова гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? обаче глаголю ти: ни мало здѣ медли, но иди в домъ родителей твоихъ, и тамо во благоденствіи с родители своими пребывай; аще ли преслушаеши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывати, то без всякаго милосердія здѣ имаши погибнути; главу бо твою вскорѣ повелю отъяти отъ тебе! Сія же бояринъ к юноши изрече, и яростенъ отъиде от него. Юноша же со многою печалію отходитъ от шатра. Отшедшимъ же имъ, глаголетъ бѣсъ к Саввѣ: что убо тако печалуешися о семъ? аще неугодна служба наша явися здѣ, то идемъ протчее паки к Москвѣ, и тамо да пребываемъ. И абіе вскорѣ отъидоша от Смоленска к Москвѣ, и приставше паки обитати в домѣ того же сотника Іакова Шилова. Бѣсъ же бо днемъ пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него во своя адская жилища, идѣже искони обычай окаяннымъ пребывати. Не малу же времени минувшу, абіе разболѣвся Савва, и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти; жена же сотника онаго, благоразумна сущи и боящися Бога, всяко попеченіе

Digitized by Google

и прилѣжаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему многожды, дабы повелѣлъ призвати іерея, и исповѣдати грѣхи своя, и пріобщился бы святыхъ тайнъ, да некако, рече: в таковой тяжкой скорби внезапу без покаянія умретъ. Савва же о семъ отрицаяся, яко аще, рече, и тяжко болю, но нѣсть сія болѣзнь моя к смерти; и день от дне болѣзнь его тяжчае бяше; жена же она неотступно притужаше его, да покается убо; оттого, рече, не имаши умрети; и едва принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати к себѣ іерея; жена же она вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Грачахъ и повелѣваетъ призвати іерея тоя церкви. Іерей же ни мало замедли, притече к болящему; бѣ бо іерей той лѣты совершенъ сый, мужъ искусенъ, и богобоязливъ зѣло; пришедъ же к болящему, начатъ молитвы покаянныя глаголати, яко же бѣ обычно. Егда же всѣмъ людемъ из храма изшедшимъ, іерей же начатъ болнаго исповѣдывати, и се внезапу зритъ болный во храмъ той вшедшу толпу велію бѣсовъ. Мнимый же его братъ, паче же рещи бѣсъ, пріиде с ними же, уже не человѣческимъ образомъ, но в существенномъ своемъ звѣровидномъ образѣ, и ставъ созади бѣсовскія оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оное писаніе, еже даде ему Савва у Соли Камскія; и глаголя бѣсъ к болящему: зриши ли, клятвопреступниче, что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или мниши яко покаяніемъ симъ избудеши от насъ? Ни, убо; не мни того; азъ убо всею силою моею подвинуся на тя! Сия же и иная многая неподобная бѣсомъ глаголющимъ, болный же зря очевидно ихъ, и ово ужасаяся, ово же надѣяся на силу Божію, и до конца все подробну исповѣда іерею оному; іерей, аще и мужъ святъ бѣ, обаче убояся страха онаго, зане людей никого же в храмѣ кромѣ болнаго видѣ, толпу же велику слыша от бѣсовскія оныя силы, и с великою нуждею исповѣда болнаго, отъиде в домъ свой, никому же сія повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ нечистый, и начатъ немилостиво мучити его, ово о стѣну бія, ово о помостъ с одра его помета́я, ово же храплѣніемъ и пѣною давляше, и всякими различными томленми мучаше его; боголюбивый же той мужъ, вышеименованный сотникъ, с благонравною женою своею, видяще на юноши таковое от діавола внезапное нападеніе и несносное мученіе, велми сожалѣюще, и стенаху сердцы своими по немъ, но никакоже могуще ему помощи. Бѣсъ же день от дне на болнаго лютѣ нападая, мучаще его; и всѣмъ предстоящимъ ту от мученія его не малъ ужасъ творяше. Господинъ же дому яко видѣвъ на юноши такову необычную вещь, паче же и вѣдый, яко юноша той вѣдомъ бѣ и самому царю храбрости ради своея, и помышляше с женою своею како бы обвѣстити царю о семъ; бѣ же сродница нѣкая у нихъ в домѣ царстѣмъ; и сія помысливши, посылаетъ немедленно жену свою к сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну извѣститъ ей, и дабы немедленно о семъ возвѣстити цареви; да не како, рече, юноша оный в таковомъ зломъ случаѣ внезапу умретъ, а они истязани от царя будутъ за неизвѣщеніе о немъ. Жена же его, ни мало помедливъ, скоро тече к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от мужа своего по ряду сказа; сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболѣвъ о юноши, паче же скорбяще по сродницѣхъ своихъ, да не како и вправду от таковаго случая бѣду пріимутъ себѣ, и ни мало помедливъ, скоро тече от дому своего до палатъ царевыхъ, и возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигклитомъ царевымъ, и не в долзѣ часѣ внушается царю о семъ. Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердіе свое изливаетъ нань, глаголя предстоящимъ ту сигклитомъ, да егда бываетъ повседневное измѣненіе карауловъ, повелѣваетъ носылати в домъ сотника онаго, идѣже болный той юноша лежитъ, по два караулщика, да надзираютъ, рече, опасно юношу оного, да не како от онаго бѣсовскаго мученія обезумѣвъ, во огнь или въ воду вверженся; самъ же онъ, благочестивый царь, носылаше к болящему

Digitized by Google

повседневную пищу, и елико здравѣе болный той явится, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. И сему тако бывшу, болный же не мало время в таковомъ бѣсовскомъ томленіи пребысть.

Бысть же мѣсяца Іюля в третій день юноша оный необычно от бѣса умученъ бысть, абіе заспавъ мало, и во снѣ яко бы на явѣ начатъ глаголати, изливая слезы из омженныхъ очей своихъ, сице рече: Помилуй о всемилостивая Госпоже царице Богородице, помилуй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но исполню елико обѣщахся ти! Домашніи же вси и снабдѣвающіи его воини, таковыя от болнаго глаголы слышавше, и удивишася глаголюще: яко нѣкое видѣніе видитъ!

Егда же болный от сна возбнувъ, приступивъ к нему сотникъ, и рече: повѣждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы во снѣ, и к кому реклъ еси? Онъ же паки начатъ омывати лице свое слезами, глаголя: видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣтолѣпну зѣло, и неизреченною свѣтлостію сіяющу, носящи бо ризу багряну; с нею же и два мужа нѣкая сѣдинами преукрашенны, единъ убо во одеждѣ архіерейстѣй, другій же апостольское нося одѣяніе, и не мню иныхъ быти, токмо помышляю жену оную Пресвятую Богородицу, мужей же: единаго неусыпнаго стража града нашего Москвы, преславнаго в іерарсѣхъ архіереа Божія Петра митрополита, втораго же наперсника Господня апостола Іоанна Богослова, ихъ же подобія образъ добрѣ знаю; и рече ми свѣтолѣпная оная жена: что ти есть Савво, и что тако скорбиши? Азъ же рѣхъ к ней: скорблю, владычице, яко прогнѣваху Сына твоего и Бога, и тебе, заступницу рода христіанскаго, и за се лютѣ мучитъ мя бѣсъ! Она же, осклабився, рече ми: что убо нынѣ мысліши, яко ти избыти отъ скорби сея; и како ти выручити рукописаніе свое изъ ада? Азъ же рѣхъ к ней: не могу, владычице, аще не помощію Сына твоего, и твоею всесильною милостію! Она же рече ми: азъ убо умолю о тебѣ Сына своего и Бога, токмо единъ глаголъ мой исполни, и аще избавлю тя от бѣды сея, хощеши ли инокъ быти? Азъ же тыя молебныя глаголы со слезами рѣхъ к ней воснѣ, яже и вы слышасте от мене! Она же паки рече ми: слыши, Савво, егда убо приспѣетъ праздникъ явленіе образа моего, яже в Казани, ты же пріиди во храмъ мой, яже на площади у Ветошнаго ряду; аз же пред всѣмъ народомъ чюдо явлю над тобою! И сія рече ми, невидима бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставленные воини от Саввы изглаголанная видѣнія, велми почудишася. Сотникъ же и жена его начаша помышляти, да како бы о семъ видѣніи возвѣстити цареви, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣстила царевы полаты сигклитомъ, и дабы внушено было о семъ царю. Егда же пріиде в домъ сотника онаго помянутая сродница ихъ, они же повѣдаша ей видѣніе юноши онаго Саввы, она же уразумѣвъ и немедленно отходитъ до царевы полаты, абіе возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигклитомъ царевы полаты, и немедленно внушаютъ царю о видѣніи саввиномъ. Царь же, егда услышавъ о семъ, велми почудися.

Егда же бысть праздникъ Казанскія Богородицы іюля осмаго дня, тогда бо бысть крестное хожденіе до церкви тоя Казанския Богородицы со святыми иконами и честными кресты, из соборныя и апостольскія церкви честнаго Успенія пресвятыя Богородицы, в томъ же крестномъ хожденіи бысть великій Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и святѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и множество велможъ. И абіе повелѣваетъ царь принести болящаго Савву до церкви тоя, тогда же, по повелѣнію цареву принесоша болящаго онаго до церкви казанскія Богородицы, скоро на коврѣ, и положиша его внѣ церкви в преддверіи. И егда же начаша литургисати, тогда нападе на болнаго Савву духъ нечистый, и нача злѣ мучити его діаволъ. Онъ же великимъ гласомъ вопія: Помози ми, Госпоже Дѣво, помози ми, всецарице Богородице! И егда же начаша херувимскую пѣснь воспѣвати, тогда возгремѣ яко громъ и бысть

Digitized by Google

гласъ глаголющъ: Савво! востани и гряди сѣмо во храмъ мой, Онъ же воспрянувъ с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбѣлъ, и скоро притече во храмъ той, паде ницъ пред образомъ пресвятыя Богородицы казанскія, моляся со слезами, тогда же низпаде от верху округа церковнаго богоотменное оное писаніе, яже даде Савва у Соли Камския діаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторяя гласъ бысть: Савво! се твое рукописаніе яже ты писалъ еси, и исполни заповѣди моя и к тому не согрѣшай! Онъ же воспрянувъ и пріемъ хартію оную и начатъ велегласно глаголати со слезами пред образомъ: О преблагословенная Мати господня, заступнице рода христіанскаго и молебница к Сыну своему и Богу нашему! Прости ми содѣянная, и избави мя от адскія пропасти; азъ бо исполню обѣщанное мною! Тогда же слышавъ царь и патріархъ, и вси предстоящіи велможи, и видѣвше таковое преславно чюдо, благодариша Бога и пречистую его Матерь, и велми подивишася таковому Божію милосердію, яко избави его от адскія пропасти; по совершеніи же божественныя литургіи, начаша хвалу Господеви воздавати, и молебствовати всѣмъ освященнымъ соборомъ, о явшемся чудеси пред всѣми, потомъ проводиша святыя иконы и честные кресты до соборныя церкви; поиде царь во своя царскія полаты, радуяся о неизреченнѣмъ чудеси, и благодаряще Бога; такожде и той Савва поиде в домъ свой помянутаго сотника Іакова Шилова здравъ, яко же бы никогда скорбѣлъ; и со видѣвъ сотникъ и жена его, велми подивишася, и благодариша Бога за таковое его милосердіе над родомъ христіанскимъ. Савва же, мало поживъ ту у сотника онаго, и елико имѣя сокровища, вся раздаде по церквамъ и нищимъ, абіе отходитъ в монастырь Чюда Архистратига Михаила, яже зовется Чюдовъ монастырь, близъ соборныя и апостольскія церкви честнаго и славна Успенія пресвятыя Богородицы, и постриженся тамо во иноческій чинъ, и нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребывая, в постѣ и молитвахъ неусыпныхъ, угождая Господеви; и тако поживе лѣта доволна, ко Господу отъиде с миромъ; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ.

ВАРІАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку конца XVII или нач. XVIII в. сообщен. В. М. Бѣлозерскимъ.)

Повѣсть зѣло преднемна бысть к древнія времена ї лѣта, града Великаго Устюга купца Фомы Грѹцына, о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя діаволѹ Рѹкописаніе, ї како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія.

Бысть убо во дни оны, в лѣто 7114 году, егда за умноженіе грѣховъ нашихъ попусти Богъ московскому государству, богомерзкому отступнику, еретику Гришкѣ ростригѣ Отреньеву престолъ россійскаго государства разбойнически плѣнить, тогда по всему российскому государству умножишася злочестивая Литва, многія пакости и раззоренія начаша чинити над народомъ россійскимъ; тогда в Москвѣ, того литовскаго раззоренія ради, многія люди домы своя оставляху, из градовъ вонъ бѣжаху. В то же время во градѣ Усто-

гѣ Великомъ бысть нѣкто житель града того, именемъ Ѳома, прозваніемъ Груцынъ. Той убо Ѳома видѣ в Россіи велико нестроеніе и мятежъ, не терпя пакости от нечестивыхъ Ляховъ, оставляетъ Великій градъ Устюгъ и домъ свой, и преселяется с женою своею в низовый славный градъ царствующій Казань, понеже не бысть в низовыхъ градехъ злочестія, даже до лѣтъ благочестиваго великаго государа царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца. Иже имѣя Ѳома у себя единороднаго сына, именемъ Савву, двѣнадцати лѣтъ возрастомъ. Обычай же имѣяше той Ѳома куплю дѣяти, отъѣжжая внизъ по Волгѣ рѣкою, овогда к Соли Камской и во градъ Астрахань, а иногда за Хвалынское море, въ Шахову область; и сыну своему повелѣваетъ со обычными товарами плыти к Соли Камской, хъ купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше, и абіе Ѳома обычное цѣлованіе подаде женѣ своей и сыну своему, а самъ в путь касается за Хвалынское море, в Шахову область. Мало же дней помѣшкавъ, и сынъ его Савва на устроенные суда работныхъ людей нанявъ по повелѣнію отца своего, приплывъ к Соли Камской и приставъ ко брегу, и по повелѣнію жъ отца своего приставъ у нѣкоего гостинника, нарочита человѣка. Гостинникъ же той и жена его, помня любовъ отца его, немалое прилежаніе творя Саввѣ, яко о сынѣ своемъ попеченіе имѣя; Савва же пребысть у гостинника того немалое время.

В томъ же градѣ нѣкто бысть мѣщанинъ града того, прозваніемъ Боженъ Вторый, престарѣлый во многихъ лѣтехъ; и знаемъ бяше во многихъ градехъ за благонравіе житія его, понеже и богатъ бѣ зѣло, и попремногу знаемъ и друженъ отцу Саввину, Ѳомѣ Груцыну. Увѣдавъ же Боженъ, яко из Казани града Ѳомы Груцына сынъ его Савва во градѣ ихъ обрѣтается, и помысливъ в себѣ, яко отецъ его со мною многую любовъ имѣяше, азъ же сына его презрѣхъ, нынѣ убо возму его въ домъ свой, да обитаетъ у меня и питается со мною от трапезы моея. И сія помысливъ, нѣкогда усмотрѣвъ Савву путемъ идуща, и призва его к себѣ, начатъ глаголати: «Друже Савво, или ты не вѣси, яко отецъ твой со мною любовъ имѣетъ? ты же почто не присталъ еси в дому моемъ? Нынѣ убо прошу тебя, пріиди и обитай в дому моемъ, да питаемся обще от трапезы моея: азъ за любовь отца твоего любезности (любезно тя?) пріемлю, аки сына своего. Савва же, слышавъ таковыя отъ Божена глаголы, велми радъ бысть, яко от таковаго славнаго мужа пріятъ хощетъ быти, и ниское поклоненіе сотвори ему, и немедленно от гостинника того отходитъ в домъ мужа того Божена; и живяше во всякомъ благодѣяніи, радуяся. Той же мужъ Боженъ Вторый старъ бѣ, имѣя у себе жену новоприведенную, поятъ сущу дѣвицу, сочетавшеся ему третіимъ бракомъ, и живе с нею по заповѣди Господни.

Ненавидяй же діяволъ добродѣтели человѣческой, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его и осквернити ложе его, абіе уязвляетъ жену его на юношу онаго Савву скверному блуду, и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к блудному дѣлу (лесть бо женская уловляетъ естество младыхъ юношей к любодѣянію). И тако Савва лестію жены тоя, паче же от зависти діавола, запятъ бысть, паде в сѣтъ любодѣянія, и с женою оною несытно творяще блудъ, безвремянно в ономъ скверномъ дѣлѣ пребываше съ нею, ниже воскресныя, ниже праздники помняше, но забываше страхъ Божій и часъ смертный, всегда в калѣ яко свинія валяяся; и в томъ несытномъ блуженіи время много пребываше. Нѣкогда же приспѣвшу празднику Воскресенію Христова, и в навечерии праздника Боженъ поимъ с собою онаго Савву, и поидоша до святыя церкви к вечернему пѣнію; и по отпущеніи вечерни возляже на ложи своемъ, благодари Бога.

Егда же боголюбивый оный мужъ Боженъ заснувъ крѣпко, жена же его, діяволомъ подстрекаема, воста яко отъ ложа своего, и пришедъ к постели юноши того, и возбуди его, и понуждаше скверному блудному

Digitized by Google

смѣшенію. Онъ же младъ сый, но яко нѣкоею стрѣлою страха Божія уязвленъ бывъ, убояся суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковый Господень праздникъ Воскресеніе Христово таковое скверное дѣло сотворити? И сія помысливъ, с клятвою отрицатися нача от ней, глаголя: яко не хощу всеконечно погубити душу свою, в таковый великій праздникъ осквернити тѣло свое. Жена же, распаляема похотію блуда, неослабно нудяще его и прельщеніемъ нѣкимъ утѣшая его, дабы исполнилъ ея желаніе; и много труждашеся, увѣщевая его, никако возможе приклонити к воли своей: божественная сила помогаше. Видѣвъ та лукавая жена, яко невозможно привлещи к воли своей юношу онаго, абіе зѣло и зло яростію распалися на юношу, яко лвица возрыкавъ отиде отъ него, и помышляше волшебными зельями опоити его; и не отложи злаго намѣренія своего, хотя совершити. Вскорѣ звонити начаша к утреннему пѣнію; благолюбезный же той мужъ Боженъ Вторый, скоро воставъ от ложи своего, возбудивъ же юношу онаго Савву; и пондоша на славословіе Божіе к заутрени; и отслушавъ со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ, пріидоша в домъ свой. Егда же приспѣ время божественныя литургіи, придоша паки с радостію до святыя церкви, слушати святую литоргію; проклятая жъ оная жена тщателна устроила на юношу онаго волшебное зеліе, яко змія хощетъ ядъ свой изблевати на него; по отпущеніи же божественныя литоргіи, Боженъ Вторый и Савва изыдоша из церкви, и хотѣша идти в домъ свой. Воевода жъ града того пригласи онаго Божена, да обѣдуетъ с нимъ; вопроси же и о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуду? Боженъ же повѣдавъ ему, яко из Казани сынъ Ѳомы Груцына. Воевода же приглашаетъ и юношу онаго в домъ свой, понеже знаяше отца его. Боженъ же Вторый с Саввою бывши в дому воеводцкомъ, и обще от трапезы вкусиша, с радостію возвратишася в домъ свой. И повелѣ Боженъ принести в дому своемъ, чести ради господьственнаго праздника, ничто бо вѣдуще злаго умышленія жены своея; а оная лукавая жена скоро скрываетъ в сердцы своемъ, и подпадая лестію к юношѣ оному, принесеннаго жъ вина наливаетъ чашу мужу своему и подноситъ; Боженъ же испивъ, и благодари Бога; и потомъ наливаетъ отравнаго зелія уготованнаго, подноситъ юношѣ Саввѣ. Савва же ни мале помысливъ, ниже убояся лукавства жены оныя, чаяше, яко никакаго зла на него не мыслитъ; выпивъ оное лютое зеліе, и от того часа нача яко огнь горѣти в сердцѣ его Онъ же помышляше в себѣ, глаголя: яко многоразличныхъ питей въ дому отца моего пихъ, и никогда же такого питія не пивахъ, якоже нынѣ. И начатъ сердцемъ болѣти и скорбѣти по женѣ оной; жена же оная, яко лютая лвица, с яростію возглядаше на него, овогдаже пришествіе являше к нему. Савва же сокрушаяся по ней и тужаше. Оная жена нача мужу своему на юношу клеветати нелѣпыми словами, и повелѣша его из дому своего изгнати, ненавидяй бо его, понеже діяволомъ научаема. Боголюбивый же той мужъ, аще и сожалѣлъ по немъ сердцемъ своимъ, обаче уловленъ бысть лестію жены своей, повелѣваетъ юношѣ изыти из дому своего, сказа ему тако вину нѣкую; юноша же с великою жалостію отходитъ от его, тужа и сѣтуя о лукавой оной женѣ, и паки пріиде в домъ гостинника того, идѣже первее обрѣташеся.

Савва же, отшедъ от Божена Втораго, и пріиде к гостиннику; гостинникъ же вопроси его: коея ради вины изыде из дома боженова? Савва же сказалъ, яко самъ не восхотѣлъ жити у него. И нача Савва скорбѣти и неутѣшно тужити по женѣ оной, и от великія печали нача красота лица его измѣнятися, и плоть его истощеватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща, зѣло недоумѣвающеся, что убо есть юношѣ.

В томъ же градѣ бысть волхвъ нѣкій, чарованіемъ своимъ сказуя, кому каковая скорбь приключися, живетъ или умретъ познаваетъ. Гостинникъ же и жена его, благоразумны суще, немалое попеченіе о юношѣ

Digitized by Google

имѣяху, и призавше онаго волхва тайно, хотяще увѣдати, какова приключися юношѣ Савва скорбь. Волхвъ же оный, присмотрѣвъ в волшебныя свои книги, и сказа имъ всю истинну, яко нѣкоторая скорбь есть, и тужитъ по женѣ боженовой; яко в блудное дѣло падеся с нею, и понынѣ же отлученъ бысть от ней, и по ней онъ тужитъ и сокрушается. Гостинникъ же и жена его, слышавши от волхва таковые словеса, не яша вѣры, понеже Боженъ мужъ благочестивъ бяше и бояся Бога, и ни во что вмѣниша дѣло сіе.

Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой той женѣ, день от дне истощи всю плоть свою от тоя скорби. Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ в поле, от великаго унынія и скорби прогулятися, идяше единъ по полю, и никого же за собою и пред собою видяще, и ничтоже ино помышляюще, токмо сѣтуя о скорби и разлученіи своемъ от жены оныя; и помысливъ такую мысль во умѣ своемъ о женѣ оной, и глаголя: Егда бы кто от человѣкъ или самъ діаволъ сотворилъ мнѣ сіе, и азъ бы ему послужилъ, хотя самому діаволу! И таковую мысль помысливъ, яко бы из ума выступилъ, и идяше единъ; и мало пошедъ, слышавъ за собою гласъ зовущь, яко имя; Савва же обратився, узрѣвъ за собою юношу, борзо текуще въ нарочитомъ одѣяніи, машуще рукою ему. И пришедъ юноша той к Саввѣ, нача рещи, иже есть юноша той супостатъ діаволъ непрестанно рыщетъ яко левъ, и ища погибели человѣческія; пришедшу же ему к Саввѣ, и по обычаю поклонишася между собою; и рече мнимый юноша к Саввѣ: брате Савво, что тако чюждъ и бѣгаеши отъ мене? Азъ бо давно ожидахъ тя, како бо пришелъ еси ко мнѣ, да родственную любовь имемъ со мною; азъ бо вѣмъ тя сродника себѣ давно, яко ты от рода Груцыныхъ; і азъ из града Казани; а о мнѣ хощеши увѣдати, і я от того жъ рода, от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю, ради конскія покупли. Но убо буди братъ и другъ мой, и не отлучайся от мене: азъ убо всякое попеченіе и вспоможеніе во всемъ тебѣ радъ чинить. Савва же, слышавъ от онаго брата бѣса таковыя глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далной и незнаемой сторонѣ сродника себѣ обрѣте; любезно цѣловатися начаша, і поидоша оба вкупѣ по пустыни оной. Рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, какую скорбь имѣеши, что велми исчезе яко юношеская красота твоя?« Савва же сказа ему неправду нѣкую; бѣсъ же рече ему: Что убо скрываеши от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою. Что ми даси, азъ помогу ти скорби твоей? Савва же рече ему: »аще бо вѣдаеши истинную скорбь, которую азъ имѣю въ себѣ, то иму вѣру, яко поможешь. Бѣсъ же рече ему: Ты убо скорбиши и сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ боженовой, отлученъ еси от жены его любви ея. Слышавъ же Савва, рече: азъ убо елико имамъ товаровъ и богатства отца моего, и с прибытками, все отдаю тебѣ, токмо сотвори любовъ по прежнему з женою оною. Бѣсъ же тутъ разсмѣявся, рече ему: Что убо искушаеши мя? азъ убо вѣмъ, яко отецъ твой многа богатства имѣетъ, ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего? И что ми въ твоихъ товарахъ? Но даждь ми рукописаніе малое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же Савво радъ бысть, помышляя в себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе, что ми велитъ писать; а того не вѣдаетъ, в какую пагубу хощетъ впасти; да аще онъ Савво совершенно писать не умѣетъ, но радостію обѣщася дати писаніе бѣсу.

Бѣсъ же скоро вынимаетъ чернила и хартію, даетъ юношѣ, и перо, повелѣвая ему немедлено писати; той же юноша Савво несовершенно писать умѣетъ, и елико можно, бѣсъ ему сказоваше, то Савво и пишетъ. Нѣсть благаго, иже таковое писаніе пишетъ:

(*) Отрекаюся отъ Христа истиннаго Бога и предаюся во услуженіе діяволу.

Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаетъ Савва діяволу брату своему; и тако поидоша оба во

(*) Въ подлинникѣ противъ этого мѣста на поляхъ приписано красными чернилами: »Зри, како даетъ на себя писаніе.«

Digitized by Google

градъ. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголя: Повѣждь ми, брате мой, гдѣ ты обрѣтаешися, да увѣмъ домъ твой. Бѣсъ же посмѣявся, рече ему: ибо (азъ бо?) особаго дому не имѣю, но гдѣ прилучится, тамо и ночюю; ищи мя всегда на конной площади: азъ убо рѣхъ ти, здѣсь живу ради конскихъ покупокъ. Но и самъ азъ не полѣпюся, посѣщати тя всегда буду; и ты, брате Савво, иди к лавкѣ боженовой. Егда же увидѣ Боженъ Савву, усердно приглашаетъ к себѣ, глаголя: господине Савво, кую злобу сотворихъ я тебѣ, и почто изшелъ еси из дому моего? Нынѣ убо молю тя, приди паки в домъ мой обитати со мною: азъ убо за любовъ отца твоего, яко родному сыну своему радъ тебѣ всеусердно.

Савва же егда слышавъ от Божена Втораго такія рѣчи, неизреченною радостію возрадовася, и скоро потече; егда же приіде в домъ боженовъ, жена же боженова егда увидѣвъ юношу и діяволомъ подстрекаема, с радостію встрѣчаетъ его, всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше его, и ласкаше ему. Савва же уловленъ бысть женскою лестію, паче діяволомъ научаемъ бѣ, впадаетъ паки всемъ (в сѣть?) блуда с проклятою оною женою; и не имѣяше бо ни праздника, ниже страха Божія бояшеся, но беспрестанно с нею в блудѣ пребываше, аки свинія в калѣ тинномъ валяшеся. По многомъ же времяни абіе входитъ в слухъ в славный градъ Казань, к матери саввиной, яко сынъ ея живетъ непорядочнымъ житіемъ жизнь свою, и елико с нимъ было, вся отеческія товары изнурилъ в блудѣ и піянствѣ.

Мати же саввина, слышавъ таковое о сынѣ своемъ, зѣло огорчися, и пишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани, в домъ отца своего. Егда же пріиде къ Саввѣ писаніе, прочте его, и посмѣяся, и ни во чтоже вмѣни писаніе ея; мати же ея (его?) вторично посылаетъ, и третицею, овогда с моленіемъ, овогда же и с клятвами, заклинаетъ его, дабы немедлено ѣхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же нимало внятъ матернее моленіе, и клятву ни во чтоже вмѣни, но в блудѣ упраздняшеся непрестанно, забывъ страхъ Божій.

По нѣкоемъ же времяни поемлетъ бѣсъ Савву, брата своего, и поидоша оба за градъ в поле; и шедше из града, глаголя бѣсъ: Брате Савво, вѣси ли кто есть азъ? Ты бо мниши мя совершенно быти от рода Груцыныхъ? Нынѣ убо за любовъ отца твоего повѣмъ ти истинную всю; ты же не убойся, ниже устыдися зватися братомъ со мною; азъ убо повѣмъ: совершенно возлюбихъ тя и в братство себѣ пріяхъ. Но аще хощеши вѣдати о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ: пріидемъ, да покажу ти славу отца моего. И сія глаголя, приведе его в пустое мѣсто на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздоліи градъ велми славенъ: стѣны, кровли, и мосты, все от злата чистаго сотворены. И рече Саввѣ: Сей есть градъ отца моего; поидемъ убо вкупѣ, и поклонимся отцу моему; а еже далъ ми еси писаніе, нынѣ возми его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтенъ будеши от него. И сія изглаголавъ, бѣсъ отдаетъ Саввѣ богоотметное писаніе. Оный же отрокъ безумный вѣдаетъ, яко никакаго государьства в близости, еже прилежати к московскому царству, не имѣется, но все обладаемо московскимъ царемъ: аще бы тотъ тогда отрокъ вообразилъ себя животворящимъ крестомъ Господнимъ, вся бъ сія мечтанія діяволскимъ, (діявольская) яко прахъ пред лицемъ вѣтра, изчезнула! Егда же поидоша к привидѣнному граду, и пришедъ ко вратомъ, и встрѣчаютъ ихъ юноши темнообразни, ризами и поясами украшены, и со тщаніемъ поклонишася и честь воздаша сыну цареву, бѣсу; такожде и Саввѣ поклоняющеся. Вшедшимъ же имъ на дворъ царевъ, паки встрѣчаютъ иныя юноши, ризами блистающися, паче бо первыхъ, такожде поклоняющися имъ. Егда же внидоша в полаты царскія, абіе другія юноши встрѣчаютъ и воздаютъ ему честь, яко сыну цареву такожде и Саввѣ: И вшедшу бѣсу в полату, и глаголя бѣсъ Саввѣ: брате Савво, пожди ми мало; азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему, и приведу тя к нему; егда же будеши пред лицемъ его, ничтоже размышляя или бояся, подаждь ему писаніе свое. И сія реклъ, тотъ

Digitized by Google

часъ пошедъ во внутреннiи полаты, оставя Савву единаго; и медливъ тамо мало, пришедъ к Саввѣ, и поемъ его за руку, и вводитъ пред лице князя тмы. Онъ же сидя на престолѣ, каменiемъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, и славою великою блистаяся; окрестъ же престола его зритъ Савво множество юношей крылатыхъ стоящихъ; лица же ихъ у овыхъ сини, а у овыхъ же багряны, а иныя яко смола черныя. Егда же пришедъ Савва пред царя онаго, и падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, и глаголя: откуду пришелъ еси сѣмо, и что́ ти есть дѣло твое? Безумный же юноша Савва подноситъ ему богоотметное свое писанiе, и глаголя: прiидохъ, великiй царю, послужити тебѣ! Древнiй же змiй сатана прiятъ писанiе и прочте его, и обратися к темнообразнымъ своимъ слугамъ, и рече имъ: аще ли прiиму отрока сего писанiе, но не крѣпокъ будетъ мнѣ? И призва сына своего, а Саввина брата, и глаголя ему: Иди в протчiя полаты, и обѣдуй с братомъ своимъ. Они же низко поклонишася царю, изыде (изыдоша) в переднюю полату, и нача (ша) обѣдати; и разныхъ имъ питей и ядей приношаху, яко дивитися можно. И рече Савва брату своему; яко николиже в дому отца моего таковыхъ брашенъ не вкушалъ и питей не пивалъ! И по отъядении же поятъ бѣсъ Савву, и поидоша з двора царева. И глаголя Савва брату своему бѣсу: Что́ убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, много юношей крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же разсмѣявся, рече: ему: или не вѣси, яко многiя языцы служатъ отцу моему: индейцы, персидяне, арапы и иныя многiя языцы? Ты же не удивляйся сему, и не сумнѣвайся братомъ звати мя; азъ буду тебѣ меншiй братъ; токмо елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякое благодѣянiе радъ чинить тебѣ, благопоспѣшенство и добродѣтель. Савва же обѣщася во всемъ послушну ему быти; и тако прiидоша в домъ Боженовъ, и пребываше в скверномъ своемъ прежнемъ дѣлѣ.

В то же время прiиде во градъ Казань из Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ, Ѳома Груцынъ, якоже лѣто едино бывъ; и обычное цѣлованiе подавъ женѣ своей, и вопрошаетъ ея об сынѣ своемъ, живъ ли есть онъ, или нѣтъ? Она же повѣда ему, глаголя, яко от многихъ людей слышахъ об немъ: по отшествiи твоемъ, вскорѣ онъ отъиде к Соли Камской; тамо и донынѣ живетъ; а богатство наше, сказываютъ, что все изнурилъ в пiянствѣ и в блудѣ; азъ же много к нему писахъ, дабы оттуду возвратился в домъ свой, онъ же ни единыя грамотки ко мнѣ не писалъ, и недостоитъ ему тамо быти; и нынѣ живъ ли, или нѣтъ, о томъ не вѣдаю. Ѳома же таковыя глаголы слышахъ (въ) от жены своей, зѣло смутися, и написавъ епистолiю к Саввѣ со многимъ моленiемъ, дабы оттуду ѣхалъ во градъ Казань, в домъ свой, без всякаго замедленiя. Савва же таковое писанiе получивъ, и прочетъ, ни во что́ вмѣни, токмо упраз(д)няяся в несытномъ своемъ скверномъ блудодѣянiи.

Увѣдавъ же о семъ Ѳома Груцынъ, яко ни во что́ вмѣняетъ писанiе его, повелѣваетъ готовить подобныя суда с товаромъ, и к пути касается; и рече женѣ своей: покаместъ сыщу сына своего, тогда и в домъ свой возвращуся!

Бѣсъ же егда увѣдавъ, что отецъ саввинъ путешествуетъ к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абiе глаголетъ бѣсъ Саввѣ: брате, доколѣ здѣ намъ во единомъ маломъ градѣ жити? Поидемъ убо во иной городъ и погуляемъ, и паки сѣмо возвратимся? Савва же ни мало отрицаяся, глаголя ему: Добре брате, глаголеши: пойдемъ! Но пожди мало, да возму нѣчто от богатствъ моихъ. Бѣсъ же возбраняетъ ему о семъ глаголати: не видалъ ли сла́ву отца моего, не вѣси ли, яко вездѣ села его есть? Но поидемъ, много у насъ денегъ будетъ, елико потребно. И тако поидоша из града, никому же видимы, ниже самъ Боженъ, ни жена его, не видѣли отшествiя саввина. Бѣсъ же и Савва во едину нощь от Соли Камской объявишася на рѣкѣ Волгѣ, в Козмодемьянскомъ, а

Digitized by Google

по исчисленію верстъ от Соли Камской 2,000. И глаголетъ бѣсъ: Савво, аще кто тя узритъ здѣ и вопроситъ, откуду пришелъ еси, ты же глаголи от Соли Камской в 4 дни пріѣхалъ сюды. Савва же, елико повѣда ему бѣсъ, тако онъ и сказываетъ людемъ.

Пребысть же тамо нѣсколко дней, бѣсъ поемлетъ Савву и во едину нощь из Козмодемьянскаго преидоша на рѣку Оку, в село, называемое Павловъ-перевозъ. И бывшимъ имъ тамо в день четвертка, в той бо день в томъ мѣстѣ торгъ бываетъ, и ходящимъ имъ по торгу, узрѣ Савва нѣкотораго престарѣлаго мужа стояща, рубищами худыми одѣяна суща, и зряще на Савву прилежно, велми горко плачюща. Савва же отлучися от бѣса, и пришедъ к старому мужу, и рече ему: кая тебѣ, отче, печаль есть, яко неутѣшно плачеши? Святый же мужъ глаголя ему: плачю, чадо, о погибели души твоей: не вѣси ли ты, яко погубилъ еси душу твою, дался еси ты в волю діяволю? Вѣдаеши ли ты чадо, с кѣмъ ходишь, и его братомъ своимъ нарицаешь себе? Сей бо не человѣкъ, но діяволъ ходитъ с тобою, и ведетъ тя до пропасти адскія. Егда же изрече святый мужъ к юношѣ глаголы сія, обозрѣвшеся Савва, увидѣ брата своего бѣса; бѣсъ же издалеча стоя, и грозитъ рукою ему, и зубы скрежуще на него. Савва же скоро от святаго мужа отъиде, и пріиде паки к бѣсу; діяволъ же нача его велми поносити, и глаголя ему: чесо ради с таковымъ злымъ душегубцомъ сообщился еси? Не вѣси ли ты лукаваго таковаго старика, яко многихъ погубляетъ? Видѣвъ на тебѣ одѣяніе нарочито, и глаголетъ лстивыя словеса, хотя тебя отлучити от людей, и удивити тя, и обрать с тебя одѣяніе твое. И нынѣ убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ погибнешь без меня. И сія діяволъ рече со гнѣвомъ, и поемлетъ Савву с собою, и приходитъ с нимъ во градъ Шую, и тамо пребысть многія дни.

По малѣ же времени Ѳома Груцынъ прибылъ к Соли Камской, и вопрошаетъ о сынѣ своемъ; но никтоже не можаше о немъ повѣдати: вси бо видяху, яко пред пріѣздомъ его былъ во градѣ у Соли Камской, и всѣми былъ видимъ. Они (ови?) же глаголаху, яко убояся пришествія его, зная за собою, что изнурилъ богатство твое, и сего ради скрываяся от тебя. Паче же всѣхъ Боженъ и жена его дивляхуся, и глаголаху, яко в нощи сей спящи с нами, поутру же пошелъ не вѣмъ куды, и ожидающи его обѣдати; онъ же от того часа нигдѣ не явися во градѣ нашемъ, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣдомы. Ѳома же многими слезами обливашеся, и живяше, ожидая сына своего; и немало пожда, возвратися в домъ свой, и возвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей; и оба вкупѣ сѣтоваху и скорбяху о лишеніи сына своего единороднаго, и в таковомъ сѣтованіи Ѳома Груцынъ нѣсколко время поживе, отъиде ко Господу; жена же его остася вдовою сущею ей.

Бѣсъ же и Савва живутъ во градѣ Шуѣ. Во время же то благочестивый государь царь и великій князь Махаила Ѳеодоровичь, всея Россіи самодержецъ, изволилъ послать войско свое противъ короля полскаго, под градъ Смоленскъ; и по его государеву указу набираху новобранныхъ салдатъ; и в то же время и в городъ Шую ради салдатцкаго набора присланъ былъ из Москвы столникъ Тимоѳей Воронцовъ, и выбранныхъ салдатъ по вся дни воинской ексерцыцыи учаше. Бѣсъ же рече Саввѣ: брате Савво, запишемся и мы в салдатцкую службу! Савва же рече ему: добре, брате, глаголеши: послужимъ! И тако записавшеся оба в салдаты, и начаша купно ходити на ученіе; бѣсъ же к воинскому ученію такову мудрость Саввѣ дарова, яко и старыхъ воинъ и начальниковъ провосходяше; а самъ бѣсъ яко слуга за Саввою хождаше, нося за нимъ оружіе. Егда же новобранныхъ салдатъ приведоша к Москвѣ, и отдаша в наученіе нѣкоему иноземцу полковнику, полковникъ же, егда пріиде видѣти новобранныхъ салдатъ во ученіе воинской эксерциціи, и видя Савву зѣло искусна и порядочна поступаетъ, и ни мала порока во всемъ артикулѣ не имѣюще, и много старыхъ воиновъ и начал-

Digitized by Google

никовъ во ученіи превосходитъ, и велми полковникъ удивися остроумію его; и призвавъ его к себѣ, и вопрошаетъ о родѣ его. Савва же сказуетъ ему всю истинную. Полковникъ же той велми возлюби Савву, и назвавъ его сыномъ себѣ, и даде ему с главы своей шляпу с драгоцѣннымъ каменіемъ украшенну сущу, и вручаетъ ему новобранныхъ салдатъ третью роту, да вмѣсто себя учить салдатъ повелѣ. Бѣсъ же рече: брате Савво, егда тебѣ недостанетъ денегъ, чѣмъ ратныхъ людей жаловать, повѣждь ми: азъ тебѣ принесу елико угодно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у Саввы всѣ салдаты были в тишинѣ и покоѣ пребывали, в протчихъ же ротахъ молва и мятежъ непрестанно, яко от глада и наготы померзающе; и вси дивляхуся остроумію саввину.

В то же время в Москвѣ немалую власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семенъ Лукіяновичь Стрешневъ. Увѣдавъ про оного Савву, повелѣваетъ его привести пред себя; егда же пріиде Савва пред боярина Семена Стрешнева, и рече ему бояринъ: хощеши ли, юноша, да пріиму тя в домъ свой, и чести немалой сподоблю тя? Савва же поклонися ему, и рече: есть у меня, господине, братъ; азъ спрошу его: аще повелитъ мнѣ, то с радостію готовъ служить вамъ. Бояринъ же нимало возбрани оному о семъ, и отпустивъ его, да спроситъ у брата своего; бѣсъ же, пришедъ, с яростію рече ему: почто убо хощеши презрѣть царскую милость, и служити хощеши холопу его? Ты убо и самъ нынѣ царю знаемъ учинился! Но убо; не буди тако, но послужи самому царю: егда убо царь увѣдаетъ вѣрную твою службу, тогда и чиномъ пожалованъ от его будеши!

По повелѣнію цареву, вси новобранныя салдаты розданы по стрѣлцамъ в полки в добавокъ; той же Савва поставленъ бысть в земляномъ городѣ, на Устретенкѣ, Зимина приказу у сотника стрѣлецкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы суще, видѣвша Савву остроумнаго зѣло, почитаху его. Полки же в Москвѣ были во всякой готовности к походу. Во единъ же день пріиде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво, поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и посмотримъ тамо, что́ творятъ поляки и како градъ укрѣпляютъ. Савва же рече: поидемъ, брате! И поидоша, и во едину нощь сташа из Москвы в Смоленскомъ; и пребывшу три дни и три нощи, никѣмъ же видими бысть, они же все видяще, како поляки градъ укрѣпляютъ и на приступныхъ бояхъ всякія громады поставляютъ; в четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву в Смоленскомъ полякомъ; поляки же, егда узрѣша ихъ, велми возмутишася и начаша гнатися за ними, хотяще изловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро бѣжаша из града, и прибѣгше к рѣкѣ Днѣпру, и абіе раступися имъ вода: они же преидоша рѣку аки по суху, ничѣмъ же вредими. Поляки же много стрѣляюще по нихъ, и не могоша повредити ихъ, и дивляхуся, сами между собою глаголюще, яко сіи людіе бѣ убо во образѣ человѣческомъ бѣсове, и пріидоша, и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ паки возвратишася, и сташа у того жъ сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки из Москвы под Смоленскъ, тогда и Савва поиде с братомъ своимъ бѣсомъ в войскѣ; и над всѣми полками тогда былъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шеинъ. И рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, егда убо будешь под Смоленскомъ, тогда от поляковъ выѣдетъ поединщикъ, и станетъ звати противника себѣ; ты же не убойся ничего, изыди противу его: азъ вѣдаю, ты поразишь его. На другой день паки от поляковъ выѣдетъ на поединокъ; ты же изыди и противу того, и того поразишь. В третій бо день еще выѣдетъ из Смоленска третій, и станетъ звать на поединокъ; ты же ничего не убойся, и противу того поединщика изыди: и того поразишь, но и самъ уязвленъ будеши от него; азъ же язву твою скоро излечю. И тако увѣщавъ, поидоша под градъ Смоленскъ. И сташа войско все в удобномъ мѣстѣ; по глаголу же бѣсовскому, высланъ из града воинъ на конѣ, страшенъ

Digitized by Google

зѣло, прошаше из московскихъ полковъ противника себѣ; но никтоже не смѣяше выѣхать противу его. Савва же объявляя себя в полкахъ, глаголюща (ще): Аще бы мнѣ былъ вои(н)ской доброй конь и оружіе, азъ бы шелъ на брань противу сего непріятеля царьскаго. Другія же слышавше сіе, скоро возвѣстиша о немъ боярину Ѳедору Шеину; бояринъ же повелѣ привести пред себя, и повелѣ коня добраго привести жъ, такожъ и оружіе; однакожъ унимаетъ того юношу от таковаго страшнаго воина, чтобъ не вступалля в таковое великое дѣло. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или бояся, выѣзжаетъ противу того страшнаго воина, и порази его с коня, и приведе его в полки своя. Савва же от всѣхъ похваленъ бысть; бѣсъ же за нимъ нося оружіе его. Во второй же день другій выѣжжаетъ славный воинъ, и проситъ из войска московскаго противника себѣ. Савва же паки выѣзжаетъ противу того, такожъ и того поразилъ; людіе же зряще на него, вси удивляхуся храбрости его. В третій же день выѣзжаетъ из Смоленска славный воинъ паче первыхъ, и прося из войска московскаго поединщика себѣ; Савва же убояся ѣхати противу того страшнаго воина, обаче по словеси брата своего бѣса немедленно выѣзжаетъ противу того воина. И абіе той воинъ с яростію напустивъ с копіемъ на Савву, и уязви его в лѣвое стегно; Савва же исправяся, нагоняетъ воина того и убиваетъ его. Егда же убивъ его, и с коня сверже, и привезе его в таборъ свой, в російское войско; и всѣмъ во удивленіе привезе. Потомъ начаша из града Смоленска вылоски выходить, и с войскомъ московскимъ сразишася, свалнымъ боемъ битися начаша; Савва же с братомъ своимъ бѣсомъ с одного крыла воеваху, и толь бесчисленно Поляковъ побивающе, сами же ничѣмъ невредимы.

Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши того, и не возможе злобы своей скрыти в сердцѣ своемъ, повелѣ Савву к шатру своему призвати, и глагола ему: повѣждь ми, юноша, коего ты роду и чей сынъ? Савва же повѣда ему, яко из Казани купца Ѳомы Грецына сынъ; бояринъ же нача глаголати ему, и всякими нелѣпыми словами поносити его: кая тя нужда в таковой смертной случай привлече сюда? азъ убо знаю отца (и) сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имѣютъ у себе: ты же от кого гонимъ, или скудости ради оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? Азъ тебѣ глаголю: не буди здѣ, иди в домъ родителей своихъ, и тамо во всякомъ благополучіи пребывай; аще не послушаеши мене, яко здѣсь будеши, то без всякаго милосердія велю голову твою отъяти.

Савва же слышавъ от боярина, отъиде со многою печалію; бѣсъ же Саввѣ рече: Что́ убо печалишися, брате, о семъ? Аще неугодна твоя служба явися здѣсь, поидемъ к Москвѣ и тамо пребываемъ. Отъидоша вскорѣ от Смоленска в Москву, и присташа в дому того жъ сотника Шилова. Бѣсъ же в день пребываше с Савою, к нощи же отходитъ во свои адскія жилища, идѣже обычай окаянный имѣя пребывати. Немало же время минувшу, абіе разболѣвся Савва, и болѣзнь его тяжка бѣ зѣло, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи и бояся Бога, всякое попеченіе и прилежаніе имѣя о немъ, глаголаше ему многожды, дабы велѣлъ призвати к себѣ іерея исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ, глаголя ему: видиши ли ты, Савво, яко тяжко скорбиши, и внезапу в той лютой скорби и без покаянія умрети имаши? Савва же отрицаяся: яко и тяжка ми есть скорбь, но нѣсть сія болѣзнь к смерти. И день от дне болѣзнь его тяжчайше бысть. Жена же оная неотступно принуждая Савву да покается; Савва же много отрицаяся, глаголя: яко не имамъ умрети. Егда принужденъ Савва от боголюбивыя тоя жены, и повелѣ призвати к себѣ іерея; жена же оная скоро посылаетъ ко храму святаго Николая, что нарицаемаго Во рвахъ, повелѣваетъ привести священника. Священникъ же нимало замѣшкавъ, притече к болящему. Бѣ бо свя-

Digitized by Google

щенникъ той престарѣлъ многи лѣты, и мужъ искусенъ и богобоязливъ зѣло; начатъ молитвы покаянные глаголати, якоже обычай, и повелѣ людемъ своимъ из храма изыти, и начатъ исповѣдати Савву; и се внезапу зритъ Савво входящихъ в храмину толпу великую бѣсовъ; любезный же братъ его бѣсъ пріиде с ними жъ, уже не человѣческимъ образомъ, но существеннымъ своимъ звѣринымъ образомъ, и ставъ позади оныя толпы бѣсовскія, и велми на Савву ярящеся, и зубы скрежуще, показуя ему у Соли Камской, и глаголя ему: Зриши ли, клятвопреступниче, что́ есть сіе? Ты бо писалъ; яко покаяніемъ симъ отбыти хощеши отъ насъ? но убо не мни того: азъ убо всею силою подвигнуся на тя. Такожъ и протчія бѣси много неподобная глаголаху. Савва же видя ихъ, ово ужасеся, ово надѣющеся на волю Божію, и вся добре и подробну исповѣда грѣхи своя; священникъ же, аще убо мужъ праведенъ бѣ, обаче убояся страха онаго, понеже во храминѣ той, кромѣ болнаго, никого не бяше; помысливъ оный великій шумъ от бѣсовскія оныя силы, и с нуждою великою исповѣда болнаго, отъиде в домъ свой, никомуже сіе повѣдавъ. По исповѣдѣ той, нападе на Савву духъ нечистый, и начатъ немилостивно мучить его: ово об стѣну біяше, ово о полъ с одра его метая, ово же храпленіемъ и пѣною давляше его. Боголюбивый же той мужъ, сотникъ Яковъ Шиловъ, со благонравною женою своею, видяще на юношѣ таковое діяволское нападеніе, велми тужаше по немъ и стонаху сердцы своими, но никакоже помощи ему дати возмогоша. Бѣси же день от дне на болнаго нападающе, люто мучиша его, и всѣмъ предстоящимъ тутъ от мученія онаго немалъ ужасъ имѣли.

Господинъ же дому того, видѣвъ на юноши таковую необычную скорбь, и вѣдая, яко юноша той знаемъ и самому царю храбрости ради его, и помышляше с женою своею, како бы возвѣстити о немъ царю? Бяше же сродница ихъ в домѣ царевомъ; и сія помышляюще, посылаетъ немедленно жену свою ко оной сродницѣ своей, и повелѣваетъ ей немедленно возвѣстити о немъ царю, и рече: Когда юноша в таковомъ случаѣ умретъ, а мы за невозвѣщеніе от царя истязаны будемъ. Жена же его нимало мѣшкавъ, скоро потече к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от мужа подробну сказа; сродница же оная, слышавъ таковыя глаголы, умилися душею по юношѣ, паче (же?) скорбяше о сродникахъ своихъ, да вправду за невозвѣщеніе от царя наказани будутъ; скоро поиде из дому своего до полаты царевой, и возвѣщаетъ всѣмъ ближнымъ, сигклиту цареву, и не по мнозѣ времяни внушается и саму царю о семъ. Царь же, слышавъ о юношѣ ономъ таковое зломученіе, милосердова о немъ и повелѣваетъ посылати к болному юноши караулъ по два человѣка, да надзираютъ опасно юношу того, и хранити, дабы от онаго бѣсовскаго мученія во огнь или в воду не ввергнулся. Благочестивый же царь посылаетъ к болящему пищу по вся дни и повелѣваетъ, ежели болный здравъ будетъ, возвѣстити себѣ. И тако бывшу болному в таковомъ бѣсовскомъ томленіи немало время, мѣсяца іюлія въ 30 день юноша той необычно от бѣсовъ утомленъ бысть, абіе заснувъ мало, начатъ глаголати, яко на явѣ, излія свои слезы, сице рече: О всемилостивая госпоже царице Богородице! помилуй, владычице! не солгу, царице: вся исполню, елико обѣщахся тебѣ! Домашніи же и караулщики, слышаху от болнаго таковыя глаголы, всѣ удивишася и глаголюще, яко нѣкое видѣніе видѣхъ (видѣ) болный. Егда же Савва от сна возбудився, приступи к нему сотникъ со всѣми домашними своими, и рече: Повѣждь ми, господине, слово, что́ таковыя глаголы со слезами во снѣ реклъ еси! Савва же паки нача плакати, лице свое слезами омывати, и глаголя: Видѣхъ бо к одру моему пришедшу жену нѣкую, свѣтолѣпну сущу, носящу ризу багряну, и два мужа с нею пришедша, сѣдинами украшенна: единъ убо во одеждѣ архіерейской, другій же во апостолскомъ одѣяніи; и мню быти убо жену пресвятую Богородицу, мужей тѣхъ — единаго наперстника

Іоанна Богослова, втораго же неусыпаемаго стража нашего града Москвы, преславнаго архіерея Божія Петра митрополита: они же (понеже?) подобныя образы ихъ добре знаю. И рече ми свѣтолѣпная оная жена: что́ ты (ти) есть, Савво, тако скорбити? Азъ же рече ей: скорблю, владычице, яко прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего, и тебя, всемилостивѣйшую заступницу роду Христіянскому. Она же озлобися (осклабися), рече ми: что́ убо нынѣ можеши ли, како тебѣ избыти скорби сея, и како тя выручити тебѣ писаніе твое от ада? Азъ же рече ей: не могу, аще ли помощію Сына твоего, и твоею помощію и молитвою! Оная жъ жена рече ми: Азъ убо умолю Сына своего и Бога; токмо единъ глаголъ мой исполни; аще ли тако сотвориши, азъ избавлю тя от бѣды сія: хощеши ли инокъ быти? Азъ же молебными глаголы глаголахъ ей во снѣ, еже и вы слышасте. Она же паки рече ми: слыши, Савво, егда приспѣетъ праздникъ явленія образа моего, еже в Казани явися, ты же пріиди во храмъ мой, яже на площади у Ветошнаго ряду: и азъ пред образомъ моимъ и пред всѣмъ народомъ чюдо явлю на тебя. И сія изрече, невидима бысть.

Сія рѣчи сотникъ слышитъ от Саввы, и абіе паки посылаетъ жену свою к вышеписанной сродницѣ, дабы она возвѣстила царю бывшее чюдо о юношѣ. Егда царь услышавъ, паче перваго сожалѣя о немъ, и повелѣваетъ смотрѣти над нимъ крѣпко. Егда же приспѣвшу празднику, мѣсяца іюлія в 8 день, явленія чюдотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія, и тогда по обычаю поиде самъ царь в воскресный ходъ до святой церкви Казанскія Богородицы, что́ на площади у Ветошнаго Ряду; а болнаго Савву повелѣ принести на коврѣ в тое церковь, и повелѣ положити пред образомъ Пресвятыя Богородицы. Посланныя же от царя скоро принесоша болнаго и положиша его в той церкви. Егда же начаша пѣти херувимскую пѣснь, и тогда бысть гласъ в слышаніе всѣмъ: Савво, что́ медлиши? Востани и пріими свое богоотметное писаніе, что́ далъ еси на себя сатанѣ! Тогда Савва воспрянувъ скоро с одра того, и от болѣзни своей яко от сна возбудился, ничѣмъ же вредимъ; и скоро пріиде ко святому образу Пресвятыя Богородицы, и паде на землю, нача молитися со слезами и глаголя: О всемилостивая госпоже Пресвятая Богородице Дѣво! ты мнѣ помози, грѣшному и окаянному и недостойному рабу твоему, яко прогнѣвахъ Господа моего, и Сына твоего, и тебе, всемилостивѣйшую Пречистую Богородицу Дѣву! И сія изрече, Савво видитъ своими очесами свое рукописаніе падше сверхъ той церкви пред образомъ Пресвятыя Богородицы, и все на немъ заглажено, яко никогда же писано бысть. И вземъ сіе Савва с радостію, еще же ему по вторія гласъ бысть: Савво, исполни обѣщаніе свое, и к тому не согрѣшай! Тогда видѣвъ благочестивый царь Михаила Ѳедоровичь всея Россіи, прослави Бога и Пресвятую его Богоматерь; и начаша молебствовать всѣмъ соборомъ Пресвятѣй Дѣвѣ владычицѣ Богородицѣ Казанской. Потомъ же Савва вопрошенъ бысть царемъ о явльшемся чудеси; Савва же сказа царю всю истинную, и постриженъ бысть в иноческій чинъ Филаретомъ патріархомъ, и пребысть в Чюдовомъ монастырѣ до скончанія живота своего, в постѣ и в молитвахъ, угождая Господу Богу и препровождая житіе свое о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, ему же слава, честь и держава со безначалнымъ его Отцемъ и святымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта чревычайно драгоцѣнная по сохраненнымъ въ ней чертамъ вѣрованій, нравовъ, домашняго быта XVII столѣтія, по самой основѣ содержанія есть сколокъ съ повѣсти о Евладіи, спасенномъ Василіемъ Великимъ. Приводимъ ее здѣсь для сравненія по списку XVIII в. сдѣланному въ Малороссіи, какъ показываютъ оттѣнки языка.

Бяше мужъ в кесарійской странѣ: имя ему Сиклитіянъ; имѣяше имѣнія много, имже не бѣ числа: людей села, конѣ, и каменія дорогоцѣннаго; имѣяше дщерь едину, имя ей Керасія;—обрѣлъ еи Богу, Божія бо бѣ объручница, да пріиметъ из млада мнишество; да послужитъ Богу до старости, в нощи сна не имѣюще, непрестанно Господу Богу служаще, да того ради спасутся отецъ и мати ея; веселяхуся ангели Божіи о ней. Евладій бяше бо мудръ и книженъ, егда же видѣлъ госпожу свою Керасію, желаше бо душа его и глаголаше в себѣ: како бы взялъ госпожу свою Керасію себѣ за жену? помыслилъ себѣ: для мене не можетъ никтоже совокупити с нею, тилко діяволъ! Азъ гладомъ себе предамъ діяволу, и діяволъ ми поможетъ, да азъ возму Керасію себѣ за жену. Еднаго часу пойшелъ Евладій на распутія, пріиде къ нему діяволъ, и рече ему: Евладіе, що тутъ робишъ? Рече ему Евладій: господине, поможи мнѣ Керасію совокупити во жену! Рекъ ему діяволъ: азъ помогу ти ко твоей дѣвици приступити, но пойди ко господину нашему, Фармагею, ко царю діяволъскому. И написа ему словеса діяволъская и научи его: провѣй словеса своя на вѣтри. И пришедши тамо глагола на вѣтеръ, и услышалъ великій діяволъ Фармагей, и посла своя слуги чотири, пріидоша ко Евладію, поемше его со радостію великою, приведоша его ко Фармагею; и видѣ его Евладій на престолѣ висоцѣ сидящаго, и множество діяволовъ пред нимъ стояху; вопроси его Фармагей, рече: что́ требуеши, Евладіе, от мене, или что́ у мене хощеши? Евладій умиленнимъ гласомъ отвѣща рече: господине! аще ми сотвориши, еже азъ тобою бихъ взялъ госпожу мою Керасію себѣ женою, и буду азъ господинъ в дому господина моего, азъ твой буду во вѣки! Фармагей рече ему: ви, христіяне, много лжете; егда вамъ нуждно, тогда ви мене ищете; егда вамъ отрадно, тогда ви Христу послѣдуете, зане Христосъ милостивъ есть и пріемлетъ васъ до себе знову, а ви много лжете; но запишися мнѣ рукописаніемъ своимъ, аби еси мой былъ на вѣки, а я тобѣ сотвору ежели хощешъ взяти во жену; напиши рукописаніе свое и дай ми! Евладій написа свое рукописаніе и дастъ в руцѣ Фармагею. Посла же Фармагей слуги своя, рече: идѣте, пришедши же, обійдѣте ю и ставте ю Евладіеви на любовъ. Они же шедше и обійдоша Керасію красою: во единъ день, видѣ Керасія своего играюще велелѣпо и в радость пріятъ его; и в тую же нощъ востужи велми и возмутися; тогда учувши тое отецъ и мати ея, изми ея с полати и рѣша ей тако: почто́ плачеши и тужиши, чадо мое? Подай ми руку свою, повѣжъ намъ, чого хощеши и чого такъ зѣло скорбиши и стенеши? Она же отвѣщаше рече: отче, отче и мати моя! Мужа требую! Егда слышавши Сиклитіянъ и мати ея сия словеса, усумнишася; молящеся и біющеся в лице свое, глаголюще со женою своею; кто-то угаси свѣтлую свѣщу во дому нашемъ! кто оборі церковь на земли, о ней же ангели веселилися Божіи! кто угаси лампаду церковную! Опамятайся, чадо мое милое! въ темній путь грядеши! Керасія ко отцу рече: отче, отче, помилуй мя, послушай, отче, мене: в тугахъ великихъ есмь днесь: дай ми мужа Евладія! Сиклитіанъ же рече: я и мати твоя надѣяхомся тебе ради спасенія и обратитися к Богу! Керасія рече: отче, аще не даси ми мужа Евладія, то горкою

Digitized by Google

смертію умру, и предамъ себе! Сиклитіанъ рече: о чадо, аще любитъ сердце твое мужа, да объберемъ тебѣ человѣка прилична; а понеже естъ Евладій слуга нашъ! Егда услишавши тое Керасія и ятъ себе за горло, и крикнула: помилуй мя, отче, Евладія хощу взяти! Сиклитіянъ же собра бояре и дасть ей мужа Евладія, и предастъ имъ все имѣніе свое; сами же Сиклитіанъ и жена его поидоша во манастиръ.

Евладій же живяше со женою, не прихождаше никогда же во церковъ; она же чудящеся, почто не ходитъ во церковъ никогда же, глагола же ему: почто не ходитъ во церковъ; онъ же проводъ лжими. Во единъ же день укориша болящихъ, (?) тако пріиде Керасія ко Евладію рече ему: аще не внійдемъ в церковъ на утреннее и возмешъ честнія дари, то азъ себе смерти предамъ. Евладій рече: яко на исповѣди ей сказа все пораду. Якоже слышавши Керасія и крикнула з великимъ воздиханіемъ, глаголя: о горе мнѣ, Боже мой! не чухъ родителей своихъ и не слухала отца и матере; сама себе врагу предахъ! И стала кричащи и кривящеся и біющися в лице свое, плачуще; и вънійде во Кападодокію, ко Великому Василію, глаголя: помилуй мя, владыко! азъ себе сама врагу предахъ, и врагъ тѣло мое одержитъ уже бо третое лѣто; помилуй мя, владыко, не послушахъ родителей своихъ, въ темній путь пойдохъ. И исповѣсть ему всю истину. Василій же посла по Евладія и вопроси его ко Василію: право кажетъ жена твоя? Глагола приклони главу, рече: о владыко, право глаголетъ! Василій же прослезился, рече ему: како соблазнился еси, о человѣче! но еще упрашиваю тя: хощеши возвратитися ко Христу Богу нашему? Евладій рече: владыко, аще бимъ хотѣлъ, но записалъся ему рукописаніемъ своимъ и предахъ въ руцѣ діяволу. Василій рече: сице глаголю тебѣ: любитъ ли сердце да возвратишися ко Христу? Евладій же рече: много люблю, владыко, и молютися, егда како можеши мя от діявола выняти? Поятъ его Василій за десную руку и воведе его в келію, и затвори его в келіи, и пребысть три дни! Василій же непрестанно у престола во церквѣ стояше и молящеся Господу Богу за Евладія и Керасію: живъ Богъ мой, не изійду от цекрви, дондеже не узру мужа своего Евладія камо ся обратитъ, не вкушаючи хлѣба ни воды! По трехъ днехъ прійде Василій и отворитъ дверъ, и вопроситъ, рече: что́ творишъ, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ, рече: злѣ естъ, владыко: прихожаютъ бѣсове, біютъ мя и стрѣляютъ мя! Василій же ясти и пити воды мало дасть ему, и паки затвори его в келіи; пребысть знову три днѣ; и паки по трехъ днехъ прийде и вопроси его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же рече: владыко! обоюду мя стоятъ и карають мя и приближаются ко мнѣ! И дастъ ему мало ясти и пити; и паки затвори его, и знову пребысть три днѣ. Василій же непрестанно у престола молящеся Господеви с Керасіею женою его; и паки по трехъ днехъ прійде до келіи, вопроси его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ и рече: слишахъ, о владыко, гласъ ихъ, а не вижу! Тогда Василій возрадовася; и призвавши вся люди тисящъ ѕ (6); святій же Василій рече ко людемъ: о друзи и братія! единое овча заблудило от стада Христова; помозѣте мнѣ, братія, где како отъіймѣмъ от волка! И сказа имъ всю истинну, и даде его имъ; они же, вземше Евладія за руку и ведоша его во церковъ; и вси людіе пояху единогласно: Господи помилуй! творяще, и руки своя зносяще; позрѣвъ же Евладій ко горѣ и видѣ діяволовъ много; и рече: о владыко, держи мя моцно: возмутъ мя діяволи! Василій възять его под руку, и рече: о проклятіи діяволи! како вы смѣете образъ Божій и крещеніе Божіе из руки моей исхитити? Діяволе силній! не чини мнѣ пакости; насилу не озмеши! Зане того дне вси великимъ страхомъ одержими бяху, овіи кривящеся лица своя, біющися о землю, а другіи главою біющеся о камень, ко Богу вопіяху вси: Господи помилуй тварь, еже рукою своею, не презри моленіе рабъ твоихъ! Тогда разрушися і спадетъ рукописаніе Евладіево, и знайшолъ листъ той святый Василій, и взятъ рукописаніе, и дастъ Евладіеви. Знаешъ ли ти, что́ сіе есть? Евладій же рече: то естъ, владыко, мое рукописаніе, щомъ ему записался діяволу? И уведетъ его святій Василій во церковъ, и освятилъ водою священною, и предастъ его женѣ его Керасіи; и благослови ихъ, и з благословеніемъ отпусти святій. Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ, аминь.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

СЛОВО О ПРЕСВИТЕРЕ ТИМОФЕѢ ВПАВШЕМЪ В ТАЖЕКЪ ГРѢХЪ.

(По списку XVII в. доставлена А. М. Лазаревскимъ.)

Бысть в великомъ княженіи Россійскія земли при великомъ князе Іоаннѣ Васильевиче і при святѣйшемъ Филиппе митрополите во градѣ Владимере презвитеръ нѣкій, именемъ Тимоѳей. Случися ему быти по Божію попущенію сицевый грѣхъ на пагубу души его. В первую оубо недѣлю великаго поста обычай имутъ провославніи христіане боголюбивіи мужие и жены и младыя дѣти поститися во всю недѣлю и ко отцу духовному на покаяніе приходити, и пріимати тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Такожде и к сему попу пріиде нѣкая дѣвица на исповѣданіе грѣховъ своихъ, зѣло прекрасна, дщи нѣкоего богата мужа и славна града того, и бывшимъ имъ наединѣ во церкви святѣй, и начатъ презвитера діаволъ разжигати на ню неоутолимою похотию. Попъ же Тимоѳей не могіи терпѣти злаго сего разгорѣнія плоти своея и падеся с нею в церкви святѣй, не убояся суда Божія, и сотворивъ с нею той грѣхъ, и оубояся изыманія себе, и побѣже из церкви в домъ свой. Девица же поиде вонъ из церкви, плачася и рыдая своего грѣха, что пался с нею іерей во церкви Божіи. Попъ же оутаяся всѣхъ людей, ту сущихъ, и осѣдла коня своего, и премѣни образъ свой поповскій, и облечеся в воиньскую одежду, и не явяся женѣ своей, ни дѣтямъ своимъ, и всѣде на коня своего, и скоро погна вонъ из града своего, бѣжа на чюжю страну поганую, землю татарскую, в Казань. И тамо во орду прибѣжавъ, и дадеся царю казанскому Маною служити, и отвержеся вѣры христіанскія, и священническій чинъ поправъ, и бусорманскую вѣру пріятъ, поня за себя двѣ женѣ. Охъ оувы, первіе былъ чиститель и говѣинъ священникъ и предстатель престолу владычню и споручникъ грѣшнымъ душамъ; а потомъ бысть золъ губитель и лютъ кровопивица христіаномъ, и воевода в Казани храбръ бысть, и часто посылая его царь с татары своими рускія земли воевати. И живяше тамо тридесять лѣтъ в Казани царю служа и обогатися велми. Богъ же не хотяй смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему, восхотѣ же и сего в первое благочестіе привести. По времени же посла его царь на то же дѣло, якоже и прежде беззаконное, во еже пролияти кровь русскія земли; онъ же иде по словеси царя и повоева страну русскую и оулусы, и возвратися в Казань с великимъ полономъ. Идущу же ему чистымъ полемъ от Казани, и пустивъ полки свои на предся, а самъ же единъ остася, орудия ради нѣкоего. Ѣдущу же ему на конѣ своемъ в полудни, после полка своего далече, и воспомянувъ грѣхъ согрѣшенія своего, і нача пѣти оумилно красный стихъ

Digitized by Google

любимыи пречистой Богородице: о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь! Тогда же послыша бѣжащій из Казани отрокъ плѣнникъ нѣкій: лежаше в дубровѣ три дни не ядши, по сторону пути того ждущу (ще) до колѣ минетъ весь полкъ татарскій, да воставъ от мѣста своего, паки побѣжитъ путемъ на Русь, не блюдяся; и воставъ от лежанія своего, и мнитъ поющаго стихъ быти русскимъ человѣкомъ, и радостенъ бысть, не устрашився изыде, и потече из дубравы на путь, и явися ему, окаянному варвару, бывшему прежде попу. Онъ же отрока видѣвъ ярыма очима, похвативъ мечь свой нагъ, и хотѣ отроку отсѣщи главу, плѣнникъ же паде на землю горкими слезами милости прося, да не убіенъ будетъ от него. Сказа ему о себѣ яко же плѣнникъ есть русскія земли, бѣжа из Казани на Русь, и слышавъ тебе поющаго стихъ русскій пресвятыя Богородицы, еже любимый всѣхъ, оу насъ же его поютъ честно на Руси, славятъ же пресвятую Богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душахъ нашихъ, чая же тебе быти русянина, и явихся лицу твоему, не убояся тебе. Преступникъ же той оуслышавъ и жестокое свое окаянное сердце во умиленіе преложи, и нача великимъ гласомъ жалостно и радостно плакати, и сшедъ с коня своего, и нача землю мочити слезами своими на многъ часъ; яко же устрашитися отроку тому, и вмалѣ отбѣже от него, и дивитися в себѣ что сіе таково бысть; бѣ убо и отрокъ сей грамотенъ же, и плакася от полудни до вечера, дондеже премолче гортань его. И обвечеря со отрокомъ, и спа до оутра на травѣ, и давъ отроку нѣчто мало снѣсти; сам же ничто же вкуси. Плѣнникъ нача вопрошати его: повѣждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоя, прочто тако горко плачешися? повѣждь ми своему рабу! Онъ же, оутѣшився мало от плача своего и в себѣ пришедъ, и вся отроку вышереченная повѣда: яко попъ бѣ на Руси былъ есми. Плѣнникъ же обѣщеваше его на покаяніе обратитися, яко Господь Богъ нашъ милостивъ и кающихся от грѣхъ своихъ пріимаетъ; молю тя, не отчаявай своего спасенія. Онъ же рече отроку: заклинаю тя Богомъ вышнимъ Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божіимъ, пришедшему (дшимъ) в миръ грѣшныя спасти, да сотвориши ми любовь Христову; иди отсюду без боязни к Москве, и пришедъ возвѣсти о мнѣ грѣшнѣмъ святѣйшему митрополиту Филиппу, яже сказахъ ти: есть ли такову грѣшнику прощеніе? Онъ же да печалуется о мнѣ великому князю, дабы мя простилъ во всемъ злѣ моемъ, еже сотворихъ, многа лѣта землю его христіанскую пустошилъ; да рукописаніемъ бы прощеніе написавъ, и за двема печатма запечатавъ великаго князя печатью да своею митрополичью, да тако вѣру иму, и по двою мѣсяцу прислалъ бы ми с тобою на сіе мѣсто; то с радостию и без сомнѣнія к Москве из Казани пріиду и отиду в монастырь плакатися грѣховъ своихъ. Ты же, мой милый брате, потрудися о мнѣ всѣмъ сердцемъ, Бога ради и безлестно, да подастъ тебѣ Господь Богъ мною, труда твоего ради, аще за мя потрудишися, мзду во царствіи небеснѣмъ. И одари отрока сребромъ, поне мало; и обѣщася ему отрокъ истинно и неложно послушаніе сотворити. Воставъ же заутра, такожде много плакався бусорманъ, и цѣловастася во оуста, и разѣхашася оба. Отпустивъ же отрока к Руси, а самъ к Казани за полкомъ борзо погна. Отрокъ же к Москве пришедъ и скоро возвѣсти святѣйшему митрополиту Филиппу, яже о бусорманѣ бывшемъ попѣ; истинный же пастырь Христовъ неложный в той же часъ шедъ в полату, и возвѣсти сыну своему духовному великому князю Іоанну Васильевичю; князь же и митрополитъ оудивися о семъ, и в размышленіи надолзѣ быста, и призваста отрока пред ся и во прошающа его: аще тако есть? Отрокъ же такожде имъ сказа. И поминуша евангелское слово реченное: аще изведеши достойнаго от недостоинства, яко оуста моя будеши. Совѣтовав же князь и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавше двема печатма, и послаша со отрокомъ к бусорману тому, показавше звати его, дабы шелъ и Москве без боязни, и да будетъ служа великому князю. Наставшу же третиему мѣсяцу, плѣнник же тщашеся без лести любовь Христову сотворити и тамо

Digitized by Google

итти; то оубо есть истинная любовь Христова, да кто положитъ душу свою за друга своего. І иде полемъ многія дни до оуреченнаго мѣста, и поспѣ на срокъ свой; и ждаше его два дни ту, и пришедъ, и мнѣвъ яко не будетъ ту, онъ же в третій день такожде прилѣжно смотряше его прямо к Казани на горѣ высоцѣ, на древо возлѣзе; и се гнаше полемъ единъ человѣкъ от Казани на дву скорыхъ конѣхъ, к мѣсту спѣша велми. Отрокъ же позна, яко той есть другъ его бусорманъ, и вмалѣ искушая его, и скрывся от него; онъ же прискочивъ на мѣсто, невидя отрока, чая его оболговшася. Во оутрій же день свержеся с коней своихъ на землю и плакашеся горко, яко и каменіе на плачъ с нимъ подвижеся, и не можаше утѣшитися, в пятдесятъ бо лѣтъ верстою сый вѣка своего; и абіе явися ему отрокъ же, з горы идя, онъ же видѣвъ его издалеча грядуща к себѣ, и такожде позна его, и побѣже скоро противу его, и начатъ отрока целовати, глагола ему: о милый мой и любимый друже истинный! что ти воздамъ, вѣрный мой посланниче, за великія труды твоя, еже к поганому мнѣ бусорману сотворилъ еси любовь Христову? Отрокъ же вземъ грамоту и даде ему за двема печатми. Бусорманъ же прочетъ грамоту со слезами многими, вопіяше мытаревымъ гласомъ: Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному преступнику! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя! И простеръ руцѣ и рече: Боже всещедрый и благосердый! благодарю тя, человѣколюбче, грѣшныхъ милостиве, яко сподобилъ мя еси окаяннаго и многогрѣшнаго от началнаго пастыря прощеніе пріяти и абіе внезапу паде на землю! И бысть мертвъ и нозѣ свои простеръ яко живъ. Отрокъ же во ужасѣ бысть на долзѣ, и разумѣвъ истинно, яко умеръ есть, и ископавъ землю, и погребе его ту со слезами, снятъ с него драгія ризы, воинскую одежду, и облече его, во смиренныя ризы, и нощъ ту преспавъ оу гроба тимоѳѣева. Онъ же явися ему во снѣ, благодареніе воздая ему: яко тебе ради пріяхъ от Бога прощеніе грѣховъ своихъ и царствію небесному причастникъ бывъ. И глагола ему: возми коня моя со всѣмъ, еже на нихъ, за труды своя, и иди отсюду, поминай мене до живота своего милостынею и приношеніемъ еже к церквамъ Божіимъ. Отрокъ же на утрій день воста и простився оу гроба его, и взя драгія кони тимоѳѣевы со всею драгою збруею, и обрѣте на нихъ полны басмаги великія злата, и сребра, и каменія драгаго, и всѣдѣ на нихъ, и поѣде радуяся и веселяся, и приѣхавъ к Москве, и вся подробну исповѣдавъ яже о Тимоѳеѣ случившее великому князю и митрополиту: яко умре и погребенъ бысть от мене. И оставшаяся тимоѳѣева вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивишася о семъ и прославиша Бога, и о томъ разсудиша в правду, яко пріятъ Богъ со слезами покаяніе его, и очистися от грѣха, и душа его спасеся; отроку же тому все отдаша взятое у Тимоѳѣя богатство, еще же и земли ему оудѣломъ удѣлиша. Сіе же написася на ползу слышащимъ и прочитающимъ, да не отлучатся своего спасенія Богу нашему.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДЫ

О БѢСОВСКИХЪ ИСКУШЕНІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

О БѢСОВСКОМЪ ПИСАНІИ.

ПОВѢСТЬ Ѿ СТАРЧЕСТВА Ѡ ДВОИ БРАТИАХЪ ѾРЕКШИХСЯ МИРА ХРИСТА РАДИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1310.)

Два мниха совѣщашася во имя Христово оудалитися от мятежа мирскаго; имяше же единъ отроча мало, иже по плоти сынъ ему. І егда изидоша в пустыню и сотвориша себѣ хижицы, посѣщенія ради духовнаго, бесѣдоваху чрез недѣлю, і егда отроча в разумѣ бѣ, отцу же по обычаю с братомъ о духовнѣ бесѣдующемъ, и по малѣ совратишася на житейския вещи: како в мірѣ жиша, и оуже житейской повѣсти продолжатися, и абіе в забвеніи бѣста, и житейскою повѣстію впадоша в празнословіе, и доволно о сихъ неподобныхъ бесѣдующимъ имъ, единъ от нихъ в чювство пріиде, другому глагола: о брате, согрѣшихомъ пред сотворшимъ насъ, яко обѣщахомся ему; что нынѣ говоримъ о непотребныхъ, отрекохомся. И абіе прослезистася оба и начаша другъ ко другу прощеніе творити по отеческому преданію. Тогда юноша, иже бѣ единому сынъ, безстудно возсмѣяся; отецъ же его зѣло возлютися нань, хотя его сокрушити; отрокъ же оужасеся гнѣва, опуснѣ лицемъ; другій же мнихъ разсуждая ему, да не сокрушитъ отрока, и по мале оувѣща; отецъ же нача испытати и с любовію вопрашивати, да повѣсть имъ: чесо ради в безчинство вдася вскорѣ и чему безстудно оуединенъ возсмѣяся? Отрокъ же от страха отца своего едва возможе сказати имъ, бѣ бо видѣніе видѣ: егда рече, глаголаста мниси о законѣ Господни, и о апостольской проповѣди, и о подвизѣхъ отеческихъ, тогда видѣ отрокъ дву ангеловъ божіихъ свѣтлыхъ зѣло, бесѣдующихъ тайно со мнихи во оуши правыя; егда остависта мниси повѣствованія духовная и начаста бесѣдовати о житейскихъ, тогда ангели божіи изыдоша от нихъ из келіи ихъ и внидоста два бѣса ко мнихомъ тѣмъ, а иже о житейскихъ они вѣщаху, бѣси на харатіяхъ реченія ихъ писаху, и единъ бѣсъ ко единому мниху, а другій ко другому в лѣвыя оуши тайно шепчюще, и егда исписаху бѣси харатіи, тогда на себе начаша писати, еже глаголаша мнихи, и оуже писаніемъ исписашася бѣси, еже не остатися просту мѣсту на нихъ; и егда мниси в разумъ пріидоша и к Богу каевшеся, еже согрѣшиша в празнословіи, и сотворше другъ ко другу прощеніе, тогда харатіи оу бѣсовъ загорѣшася и писаніе, еже бѣси на составѣхъ своихъ писаша, загорѣся, и нача пламень бѣсовъ от прощенія старча палити, бѣси же от пламени вострепеташа, не могуще терпѣти зьженія, скачюще по келіи, вопіяху с плачемъ горкимъ: охъ намъ оувы! сами себе погубихомъ! Отрокъ же скаканію ихъ, и трепетанію, и горкому стонанію возсмѣяся. Сия слышавше мниси, зѣло во умиленіе внидоша, и оттолѣ во страсѣ божіи пожиша, не смѣюще празнословія творити, но точію на духовное бесѣдованіе схождахуся, і о семъ опасно глаголаху: нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Digitized by Google

II.

О ПЛЯШУЩЕМЪ БѢСѢ.

(Импер. Публ. Библ. in 8, № 15 рук. XVI в.)

Слышахъ от нѣкоего старца: яко нѣкогда сѣдящу ми в келіи своей и дѣлающу ми рукодѣлія, и пояхъ псалтырь из устъ, и видѣвъ отрока, влѣзша дверцами моими, срачинина в скомрашь одежи; и ставъ предо мною, нача плясати. Понеже поя псалтирь дремахъ. И рече ми: старче! добро ли я пляшу? и паки рече: гораздъ ли ти есмь и како пляшю? И не отвѣщавшу ми ничтоже к нему, глагола ми мнимый: калугере! велико дѣло твориши твоего житія; но понеже с лѣностію почитаеши псалтырь и блазнишися в ѯ псалмѣ, того ради дерзнухъ к ти внити. Азъ, рече, воставъ, поклонихся Богу и начахъ глаголати: да воскреснетъ Богъ; и ту абіе изчезе. Да се вѣдуще, братіе, со вниманіемъ почитайте псалтырь.

Digitized by Google

III.

О БѢСѢ ЗЕРЕФЕРѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рук. конца XV или XVI в.)

Нѣкій от святыхъ старець. великъ и прозорливъ, презвшедъ бѣсовская искушенія, к тому ни во что же коварства ихъ вмѣняше, но бѣ зря чювственѣ и ангелы м бѣсы: како пекутъ о человѣчестѣй жизни, кождо ихъ подвизающе обращати ихъ к своей части; сице же великъ бѣ в добродѣтелехъ, яко досаждати и ругатися нечистымъ духомъ, множицею и оскорбляя ихъ, воспоминая тѣмъ иже от небесе низверженіе и будущее имъ во огни мученіе; тѣмже и бѣси другъ другу хваляаху старца онаго великаго; яко никтоже от насъ смѣя от нынѣ приближитися к нему, зане пріити ему в великое и свершенное безстрастіе, обожився духомъ святымъ. Яко оубо имъ сице бывшимъ, единъ от бѣсовъ глагола к другому; брате Зерефере! — се бѣ имя бѣсу тому — оубо аще кто от насъ покается, пріиметъ ли его в покаяніе Богъ или ни? Онъ же к нему отвѣща: то кто сіе вѣсть. Зерефер же: хощеши ли, рече, се иду к великому оному старцу и искушу его о семъ? Онъ же: иди, рече, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть и разумѣетъ твое лукавство и не восхощетъ вопросити Бога о семъ; обаче иди, еда како желаеши получиши. Тогда шедъ Зерефер к старцу и преобразивъ себе яко человѣка, и начатъ плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же хотя показати, яко ни единаго ни отвращается хотящаго покаятися, но всѣхъ пріемлетъ притекающихъ к нему, не показа старцу совѣтъ бѣсовскій; но яко человѣка сего зряще, а не яко бѣса; глагола к нему старець: что тако рыдаа плачеши, человѣче, сокрушаяй душу мою слезами своими? Бѣсъ же: азъ, о святый, нѣсмь человѣкъ, но бѣсъ, яко же мню, множества ради беззаконій моихъ! И старецъ: что хощеши да сотворю ти, брате? Мнѣвъ бо старецъ, яко от многаго смиренія себе бѣса нарицаетъ, Богу не объявившу ему бываемое. Глагола бѣсъ: не о иномъ молю тя, о святый, развѣ да помолиши Бога прилѣжно, яко да объявитъ: аще пріиметъ діавола в покаяніе? да аще оного пріиметъ, то и мене пріиметъ, подобна тому дѣла сотворшу! Старецъ же: якоже хощеши, сотворю; обаче иди днесь в домъ свой и заутра пріиди, и рку ти: что о семъ повелитъ Богъ. И сему бывшу, вечеръ той воздѣвъ старець преподобнѣи руцѣ свои к человѣколюбцу Богу показати ему: аще пріемлетъ діавола, обращающяся к покаянію, и абіе ангелъ Господнь предста ему яко молнія, и рече к нему: сице глаголетъ Господь Богъ твой: что яко молиши мою държаву о бѣсѣ? тъ лукавствомъ искушаяй тебе пріиде. И старець же: и како, рече, мнѣ Господь не откры бывшаго, но скры от мене еже не разумѣти? И ангелъ: да не смутишися, ре-

Digitized by Google

че, от вещи сей: смотрѣніе бо бываетъ нѣкое дивно к ползѣ согрѣшающимъ, яко да не отчаются согрѣшающеи, яко ни от единаго отвращается преблагій Богъ приходящаго к нему; аще и самый тъ діаволъ пріидеть, подобнѣ же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество и отчаяніе; егда же пріидеть к тебѣ искушаяй, да не соблазниши его исперва, но рци ему сице: да вѣси, яко человѣколюбець Богъ николи же кого отвращается приходящаго к нему, аще и діаволъ будетъ; и се обѣщалъ и тебе пріяти, но аще сохраниши повелѣнная от него. Егда пріидетъ все и речетъ: и что есть повелѣнная от него? рци к нему: сице глаголетъ Господь Богъ, вѣди тя кто еси и откуду пріиде искушаай: ты бо еси древняя злоба, и древняя злоба нова добродѣтель быти не можетъ; навыкнувъ гордости своея; и како возможеши смиритися в покаяніе и обрѣсти милость? Но не имаши сей извѣтъ отвѣщати в день судный: яко хотѣхъ покаатися и не пріятъ мене Богъ. Смотри же глаголемыхъ: како хощеши покааніе начати. Сице глаголетъ Господь: сверши три лѣта на единомъ мѣстѣ стоа обращся к востокомъ, нощію и дніо взываа велиімъ гласомъ: Боже, помилуй мя древнюю злобу! глаголя сіе сто и паки другое сто такоже глаголя: Боже, помилуй мя мерзость запустѣнія! и паки такоже: Боже, спаси мя помраченную прелесть! Сіа взываа к Господу непрестанно, ибо не имаши тѣлесный сосудъ и трудно будетъ тебѣ, или изнеможеши. Егда же совершиши сіа со смиренномудріемъ, тогда пріятъ будеши в первый твой чинъ и спричтешися со ангелы святыми Божіими. Аще бо обѣщается сія сотворити, пріими его в покаяніе; но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сіа послѣднимъ родомъ яко не отчаются хотящеи покаятися; зѣло бо оувѣряти от сея главизны человѣци оудобь не отчаятися своего спасеніа. Сіа рекъ ангелъ ко старцу, взыде на небо абіе. Оутру же бывшу пріиде и начатъ издалеча рыдаа плакати и к старцу пришедъ поклонися; старець же исперва не обличи его, но во оумѣ своемъ глаголаше: злѣ пріиде, лжя, діаволе, древнее зло, ядовитый змію вселукавый; таче глагола к нему: да вѣси, молихъ Господа Бога моего, якоже обѣщахъ ти ся, и пріемлетъ тебе в покаяніе, аще пріимеши яже мною заповѣдаетъ тебѣ державный и всесилный Богъ. Бѣсъ же: и что суть, рече, яже повелѣ Богъ сотворити ми? Старець же отвѣща: заповѣдати тебѣ повелѣ Богъ сице: яко да стоиши на единомъ мѣстѣ 3 лѣта к востокомъ, взывая во дни и в нощи: Боже помилуй мя древнее зло! глаголя сіе числомъ сто, и паки другое сто глаголя: Боже помилуй мя мерзости запустѣнія! и паки тоже число: Боже помилуй мя помраченную прелесть! И егда сія сотвориши, тогда спричтешися со ангелы Божіими, якоже преже. Зереферь же лестный онъ покаяніа образъ отвергъ, восмѣяся велми и глагола старцу: о калугере! азъ аще быхъ хотѣлъ нарещи себе древнюю злобу и мерзость запустѣніа и помраченную прелесть, преже и от начала се хотѣлъ сотворити и спастися; нынѣ же древнее зло не буди то азъ, и кто се глаголетъ? Азъ бо даже и до нынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повинуются мнѣ, и азъ самъ себе нареку мерзость запустѣнія и помраченную прелесть! Никако, калугере! не буди то, яко да азъ в таковое безчестіе себе всажу! Сія рекъ діаволъ, невидимъ бысть. Старецъ воставъ, благодаряше Бога, глаголя: во истинну глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ!

Digitized by Google

IV.

ОБЪ ИСКУШЕНІИ БѢСОМЪ СТАРЦА-СТРАННОЛЮБЦА.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Бѣ нѣкій старецъ, имѣа страннопрімьство и прочимъ добродѣтелемъ прилежа со тщаніемъ; ненавидяй же добра діаволъ сего искусивъ треми великими искушенми, сирѣчь в чревообъяденіе, сребролюбія желаніа, в ложное заклинаніе. Единою же преобразивъ себе діаволъ яко единаго нища и болна, пріиде ко старцу и толкну в двери его. Исшедъ старець по обычаю страннолюбіа, и видѣвъ его старець во оубозѣй ризѣ и от недуга изнемогша, и емь его за руку, и введе и в келію и постелю и покоа, елико мощно, ему сотвори. И по внегда оупокоити его, вопроси его, и аще хощетъ вкусити снѣдь. Онъ же исперва не восхотѣ болести ради, по малѣ же часѣ паки проси у старца ясти и глагола: хощу, отче, да сотвориши о мнѣ милость: от мяса, егоже принесохъ, испекъ на огнѣ, принеси ми ясти; но не хощу, да иному даси испещи е, но самъ своима рукама сіе сотвори, яко да твоимъ благословеніемъ от недуга свобожуся! Бѣ бо діаволъ принеслъ мясо на прелщеніе старца. Вземъ же старець мясо и на части ссѣкъ, и прилѣжно мывъ, посоли, и начатъ пещи, и в похотѣніе великое впаде старець, яко нѣкую часть вземъ снѣсти, еже и сотвори, прочее же принесе недужному, глаголя: востани, чадо, и снѣждь; еда како возможеши! Онъ же воставъ и видѣ, яко нѣсть все мясо, но нѣкіа части от него снѣдены, начатъ прорековати старцу: се елико частіи бѣ мяса, нынѣ же не всѣ суть, но снѣлъ еси от нихъ! Старець же нача отрицати с клятвою, глаголя: яко ничтоже свѣмъ. Яко оубо видѣ діаволъ, яко клятвою лжу сотвори, и хотя его во иныхъ уловити, смири вся, глаголя: прости мя, отче, яко тако есть, якоже реклъ еси, и разпрелстихся. Сотворивъ оубо у старца мало дніи, и единою умолився к старцу, глаголя: вѣси, отче, яко велику и богату родителю сынъ есмь азъ, и богатаго онаго сродникъ есмь. Имя рече ему. Той же, по смерти отца моего, разграби имѣніе мое, и не имѣ (не имамъ) что сотворити ему; сице стражу, якоже мя видиши; но аще послушаеши мене, и тебе богата сотворю, и себе толикои нищеты свобожу; и аще себе обогатиши, множайше страннолюбіе стяжеши. Онъ же страннолюбіа стрѣлою уязвися, обѣща: иже аще что хощеши, сотворю. Онъ же рече: послѣдуй ми, сію бо нощь дарую ти злата много. Старець же вѣровавъ реченному, и послѣдова ему. И приведе его в домъ нѣкоего богача, и отверзъ двери, и введе, и взшедъ оубо на горницу бѣсъ, идѣже бѣ злата много, и пометаше старцу на землю, послѣди верже блюдо велико, звецаніемъ возбудиша всѣхъ, иже в дому, еже воставше и яша старца и многи раны возложиша нань, в темницу

Digitized by Google

всадиша, яко да оутру бывшу предадятъ его князю. Старець же многою скорбію одръжимъ бяше в темници, промысломъ же человѣколюбца Бога, хотящаго всѣмъ спастися, пріиде бѣсъ паки ко старцу, глагола ему: не скорби, авва, понеже многи богатства исполню тя за се. Заутра бо аще тя ко князю приведутъ, рци сице: яко потворяетъ мя человѣкъ сей; азъ бо зодчій есмь и своими наемники зидахомъ у него, и ничтоже от него вземъ, нынѣ же пріидохъ взяти мзду мою, той же емь и всади мя в темницу, и аще истину оувѣдати хощеши, посли в домъ его, и обрящеши орудіа моя: теслы же и сѣкиры и прочаа, и от сего познаеши, яко истину глаголю. Еже и бысть. Князь же слыша, абіе отпусти его. Вземъ же старець множество злата много и идяше радуяся. Паки же на пути явися ему діаволъ, глаголя: аще и мало поскорбѣ, отче, но имаши много злата. Идущимъ же имъ вкупѣ, пріидоша до нѣкоего распутіа, глагола діаволъ ко старцу: ты, оубо, человѣче, симъ путемъ хощеши ити, азъ же другимъ; сѣдъ оубо, и раздѣлимъ злато. И сѣде діаволъ, сотвори три части; и глагола ему старець: како оубо, мы два суще, три части сотворилъ еси? Онъ же рече: двѣ оубо части нама обѣма, третіа же изъѣдшему мясо. Старець же абіе с клятвою нача глаголати, яко азъ его снѣдохъ; поругаемъ бывъ старець от бѣса. Рекъ же к нему: иди, старче, в келію свою и молися Богови; понеже во убійство вложихъ тя! Старець же оставль злато, и устыдѣвся бѣже в келію свою, паки вложи начало свое и .....(1) в первый свой чинъ.

(1) Здѣсь одно слово не разобрано.

Digitized by Google

V.

О БѢСОВСКОМЪ КНЯЗѢ ЛАЗІОНѢ.

СЛО СТГО НИФОНТА О РУСАЛЬНИХЪ.

(Румянц. Муз. № 186, рук. XIV в.)

Рече святый Нифонтъ: якоже труба гласящи собираіеть вои, молитва же. творима совокупляіеть ангели Божіи, а сопѣли, гусли, пѣсни непріязньскы, плясаньи, плесканьи сбирають около себе стоудныя бѣсы, держай же сопѣлника, въ сласть любяй гусли и пѣньи, плесканьи и плясаньи чтить темнаго бѣса, иже желаіеть и тщить пожрети весь міръ. Толку оубо благодать Богъ яви блаженному Нифонту, якоже зрѣти іему всѣхъ сихъ душевными очима. Іединою бо идущю іему въ церковь Святыя Богородица во время пѣніи, и узрѣ на пути церковнемь, яко мимо идяше единъ дѣмонъ, иже бяше князь бѣсовскъ, оунылъ же и дряхлъ, и съ нимь 12 иныхъ бѣсовъ. Слышавше же пѣсь церковьную, и оужасошася, исполнишася зависти, и начаша поносити князю своему, глаголюще: видиши ли, како ти славиться Іисусъ в церкви от рабъ своихъ, се оубо поюще пѣсь Іисусъ Назорянина, вся ны помучили и оустрашили суть, и оуже побѣжени іесмы оканнѣ, и донелѣже царь нашь воюіеть съ нами, крѣпци побѣжаіемъ крестьяны, и іегда же воруживъшеся на Іисуса жиды и распяша, и ѿтолѣ скрушена бысть сила наша, и не имамъ крѣпости, яко преже, связа бо нашего началника Іисусъ Назаренинъ и всю силу его попра; и ѿтолѣ погибе нашъ царь и сила іего скроушися, и наша держава похоулена бысть. Да что створимъ скаяньнии! Поносящимъ лукавымъ бѣсомъ своіему князю, онъ же к нимъ рече: о семь ли іесте скорбни, иже слышите Іисуса славима в церкви Мрьинѣ? то мало ны о семь іесть печали; яко во время іедино о семь оскорбляють ны, а многажды же мирьскыми пѣсми славять ны; аще ли вы іесть се неизвѣсто, то пождите, да вы покажю, иже начнуть насъ славити, и вы обрадоватися имате. И се князю ихъ путемъ ида глаголющю, и се человѣкъ срѣте и, скача съ сопѣлми и с нимь идяше множьство народа, послушающе іего, инии же плясаху и поиху; и всѣхъ сихъ зряще блаженный, и ѿ іединого мюрина связани оужемъ іединѣмь, и влекоми въ слѣдъ сопѣлника; и се узрѣвше бѣси, възрадовашася радостью великою и начаша ити прельщати народы; овы подвизахуся плясати, и другыи плескати вспѣвающе, съ ними же и бѣсомъ пляшющимъ и скачющимъ, народи же не видяху бѣсовъ, токмо блаженый Нифонтъ. И се моужь стояше, зря с полаты, пострѣченъ ѿ бѣса, и повелѣ ставше имъ пред собою играти и плясати, а другымъ пѣти и плескати, бѣсомъ оугодьи творять, иземъ батый (богатый) сребреницю, дасть сопѣлнику; он же ю пріимъ, вложи во чбагъ свой, бѣси же иземше сребреницю ищпага (из чпага) сопѣлника, и послали ю с іединѣмъ ѿ бѣсовъ ко отцю своіему сатанѣ в без-

Digitized by Google

дну, глаголя: рци, шедъ, отцю нашему дьяволу связаному тамо Іисусомъ Назаряниномъ; се ти жертву пусти іединъ ѿ князь нарѣцаіемый Лазионъ, жива боуди жертва твоя, отче нашъ, мы бо твои іесмы чада, и створихомъ подьвигъ на супротивныя намъ крестьяны. И ино много рекше, даша іему сребро и мѣдь, юже имъ даваху багатии и оубозии играныя дѣля, и се лоукавии бѣси аки жертву приношаху и тѣмь величахуся, и дошедъ же солъ бѣсовьскый къ дьяволу и влѣзъ в жилища адова, прінесе оканьныя и пагубныя приносы, яже прінимъ дьяволъ обрадовася, и рече: то всегда оубо жертву ѿ кумиръ приемлю, но тако ся обеселити не могу, якоже ѿ сихъ крестьянъ приносимыхъ бываіеть ми радость и веселье. Си рекъ дьяволъ, пакы възврати сребро и мѣдь сопущему, осквернивъ своимъ омраченіемь, и рекъ к бѣсу: идите и пооучайте на игры грѣшныя назаряны. Не могуть бо инако нарещи Господа нашего Іисусъ Христа, но токмо Іисусъ Назарянинъ. Скоро же приде бѣсъ к пославшему іего донесъ сотонино запрещеныя, и пакы вложи во чпагъ оптиолу сопѣлнику, и такъ бѣси разыдошася иныхъ прельщати человѣкъ. Блаженый же Нифонтъ зря сия слезяше, и бѣ одержимъ великою печалью, о таковѣй погибели и прельсти крестьянстѣи, и моляшеся остати всѣмъ игръ бѣсовьскыхъ и ѿ льсти дьяволя, наипаче же своя имѣныіе дають бѣсу лукавому, иже суть русалья, и инии же скоморохомъ; да аще сихъ не остануть, с кумирослужители имуть быти и въ скрежтѣ зубнемь. Аще речемъ: имамъ цату іедину, дай же ю взаіемь Богу, и возмеши сторица и жизнь вѣчную. За кую вину даіеши сребро своіе дьяволу в жертву, велику пагубь души своіей творя, а дьяволу же радость; велика бо радость свершаіется дьяволу плясаныя и плесканья съ свѣрилми.

Digitized by Google

VI.

О ТАНЦУЮЩЕЙ ДѢВИЦѢ.

НѢКОЕЙ ДѢВКѢ ТАНЦОВАТИ ОБЫКШЕЙ И ПѢТИ БѢСИ ЧТО СОТВОРИША.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1386.)

Дѣвка нѣкая во дни святыя, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче во играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываше, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера во гумленихъ и в танцѣхъ пребывше, в вечеръ глубокій возвратися в домъ свой, и сѣдя тако, дая себѣ покой, и воздремася мало, точію очи смѣшише, в томъ снѣ восхищена бысть от бѣсовъ; и занесоша ю бѣси в геену, и тамо ю тако опалиша, иже ни единъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими вреды страшными обложися, и нестерпимый сирадъ испущая, и по опаленіи единъ демонъ главню ей горячую в уста ея вонзе, и рече: имѣй сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы; ризы же ея ни слѣду опаленія пріяша. Обудися воплемъ страшнымъ от болѣзни кричаше, матери же и инымъ пребывшимъ, что ей сотворися всѣмъ повѣдая; призванный же священникъ на исповѣди ни единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти.

Digitized by Google

VII.

О женщинѣ, вошедшей въ церковь въ нечистомъ видѣ.

(Импер. Пуб. Библ. О. 1. № 209 рукоп. XV в.)

Бѣ нѣкая жена именемъ Матрена, иже недавно бѣ невѣстоу сынъ ея поялъ, яже коупно с своею свекровью на священіе церькви звана бѣ, и на тоу нощь иже на оутрия бысть священія, плотною похотью съ своимъ моужемъ смѣсися, на оутрия же съ свекровью, на обновленіе церкви пріиде и оустыдившася человѣкъ въ церковь вниде, Божья соуда не оубояся, и пристоупи к мощемъ святаго мученика Савостьяна, и се внезапу духъ порази ю предо всѣми людьми, и сътвори ю бѣситися, церкви же тоя пресвитеръ от олтаря плащаницю вземъ покры ю; в томъ часѣ нань бѣсъ нападе, да навыкнеть своимъ стоуженьемъ и оуразоумѣють людіе же тоу соущіи. Ведоша в домъ женоу тоу и велми дьяволъ стоужаше ей, ближикы же ея многыи обавники приведоша, творяше (ще) волшьбами помощь сътвори(ти) ей, несена бо на рѣкоу и в водоу вложена бысть, многими волшьбами ликоваху ея, и не могоша помощи ей. Дивно бо о семъ Божья судбы надѣющеся чарами единого бѣса прогнати от нея, боле же легиона бѣсовъ вниде в ню, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея съкрушатися и тольми бѣситися ей, яко же всему яко всѣмъ бысть познано яви от множества бѣсовъ ей моучими быти. Тогда сея оужики съвѣтъ благъизвольше, видяще неоуспѣхъ чаровникъ, вину своего невѣрствия написавше, и сию бѣсноую ко благочестивому Фотронотоу приведоша, моляще его помощи страждоущей, оу него же сию оставлше і отидоша. Блаженный же во многи дни и нощи пребываше во молитвахъ о ней ко Богоу. Мнозіи же бѣсове соупротивляхоуся еому и едва преподобный отгна ихъ, цѣлоу и здравоу сию родителемъ ея предасть. Да се слышаше, моужіе и жены, не мозите въ церковь внити окалявше плоть свою, и никтоже васъ не лекоуйте болезни волъхвованіемъ, да не паче Бога разгневавше, лютѣишая пріимете. Богу нашему слава (*).

(*) Легенда эта, какъ видно, византійскаго происхожденія, замѣчательна потому, что освящаетъ обычай уваженія къ церковной святынѣ, наблюдавшійся изстари русскими и замѣченный многими иностранцами, которыхъ поражало, когда они видѣли многихъ замужныхъ женщинъ, во время литургіи стоявшихъ у дверей храма, и подвергавшихся насмѣшкамъ молодыхъ людей, знавшихъ причины, по которымъ онѣ считали себя недостойными входить въ церковную трапезу. Кромѣ того, здѣсь замѣчателенъ способъ леченія водою, употребляемый знахарями и волхвами въ старину, въ которомъ видны остатки древняго языческаго водопоклоненія.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Два купца от единоа веси бѣста имуща любовь себѣ, единъ же ею бѣ богатъ зѣло, другій же не потолику, жену же имѣяше зѣло краснѣйшу и цѣломудрену, яко же вещь последи показати хощетъ; оумершу бо мужу ея, оста вдовствующи. Купець же онъ другый, вѣдый добродѣтель еа и цѣломудріе, восхотѣ пояти ю себѣ в жену, срамляше же ся рещи ей, еда квко не восхощетъ; имяше же всегда помыслъ на ню. Она же, разумна сущи, разумѣ что хощеть сотворити, и единою глагола ему: брате и господине Сѐміоне! вижу тя от помышленіа смущаема, но рци ми без всякаго сумнѣніа яже хощеши, и аще мощно будетъ извѣщу ти. Онъ же первѣе стыдяшеся извѣщати вещь, послѣди же исповѣда и моляше сію пояти себѣ жену; она же обѣща ему, аще сотвориши. яже ти заповѣдь дамъ, и азъ сотворю волю твою. Глагола ей: иже аще заповѣдаеши ми, сотворю вскорѣ. Рече же ему: иди в домъ свой, и ничтоже вкуси, дондеже призову тя. Онъ же с радостію обѣщася сотворити. Не дасть же ему дніи оуречены, когда призоветъ его. Минувшу же первому и второму и третьему дню, и не призва его; онъ же любве ради еа терпяше крѣпко, Богу сіа по смотрѣнію сотворшу, вѣдущему гдѣ хощетъ призвати его. В четвертый же день посла к нему. Онъ же вмалѣ не и счезе гладомъ и не возмогъ ногами своими пріити от изнеможеніа, обаче носимъ нѣкіимъ пріиде. Она же уготовавше трапезу и постелю такоже, и глагола ему: се трапеза и одръ; что повелѣваеши преже сотворити? И рече ей: помилуй мя, даждь ми преже вкусити, понеже исчезаю, ниже помысла имамъ что есть жена от одержащаго мя глада. Тогда глагола ему она: се егда взалка, и мене и всяки похоти забы, точію да хлѣба насытишися; егда же пріидутъ ти сицевые помыслы, такову лечбу поста воспріими, и избавишися всякаго помысла лукава. Вѣру же ими ми, брате, яко по смерти мужа моего ничтоже тебѣ или иному совокуплюся николиже, но покровомъ Христа моего сице пребуду в чистотѣ. Тогда умилився мужъ и почюдився разуму ея и цѣломудрію, и глагола ей: понеже благоизволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совѣщаеши ми сотворити? Она же боящися оуности ради и сущу ей красоты бояшеся, да не како и сама времени зовущу сицево постражетъ, и глагола ему: мню, яко не любиши никогоже Бога ради, якоже мене; азъ же во истину Бога ради люблю тя; но понеже заповѣдь имамы владыки нашего Бога, глаголюща: аще кто хощетъ по мнѣ ити, и не возненавидитъ отца, и матерь свою, и жену свою, и чада, и братію свою, и сестры, и сродникы

Digitized by Google

своя, и еще же и душу свою, не можетъ быти мой оученикъ, и аще хощеши да совѣщаю ти: оудалимъ себе другъ от друга яко да вмѣнитъ и тебѣ Господь яко отречеся жены своеа его ради; мнѣ же такоже да вмѣнится яко отрекохся мужа моего, и се оуже монастырь есть в странѣ нашей, и аще всяко желаеши отврещися міра, тамо шедше отрещися и оугодиши во истину Богу. Онъ же абіе расточивъ богатство свое нищимъ, иде в монастырь онъ, и пребысть до смерти своея, и бысть искусенъ инокъ. Подобно же блаженнаа и цѣломудреннаа она, шедъ в монастырь женскый, и оугоди Богу. Сія же вся самый онъ отецъ Семионъ исповѣда намъ, и прославихомъ Бога.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1333.)

Человѣкъ нѣкій православныя вѣры по воскресеніи Христовѣ на святой недѣли пріиде к нѣкоему жидовину в домъ; оному жъ іудеянину сѣтующу и во уныніи пребывающу, христіянинъ рече: почто вы сѣтуете, во уныніи пребываете, забысте таковыя радости и утѣшенія, в онь же Господь нашъ плотію пострада и воскресе в третій день по писанію жъ; и Адама с собою возведе и сущая со Адамомъ, и адъ плѣни и вознесеся на небеса, и сѣде одесную Отца. И отвѣща ему жидовинъ с яростію и рече: како ты глаголеши воскресъ въ третей день и возшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца, его жъ отцы наши злою смертію умориша, и ученицы его нощію украдоша, и рекоша людемъ, яко воста от мертвыхъ, и пророчеся то слово и до сего дни? А в то время пред жидовиномъ на обѣдѣ вареное куря лежитъ, и жидовинъ рече: можетъ ли се вареное куря востать и ..... (1) сотворить? И отвѣща ему христіанинъ, рече: помяиухъ колико чудесъ сотвори Богъ отцемъ нашимъ в пустыни; можетъ Богъ и от камени сего плодъ воставити чадъ Аврааму. Аще кто имать вѣру Господеви, речетъ горѣ: восторжися и вержися в море, и послушаетъ васъ, ничтоже замыслитъ въ сердцы своемъ (2). Не токмо востанетъ се вареное куря во славу Сына Божія на вѣру невѣрнымъ: можетъ Богъ оживити! И се вареное куря восплеска крилома, испусти гласъ, и изнесе яице. О ле чудо дива исполнена! Створшаго Бога восхвалиша и прославиша о таковомъ чудеси! И абіе той жидовинъ крестися и вѣрова в Господа!

(1) Здѣсь слово осталось неразобраннымъ.

(2) Вѣроятно слѣдуетъ переставить такъ: аще кто имать вѣру Господеви и ничтоже замыслитъ в сердцы своемъ, но речетъ горѣ: восторжися, верзися въ море! и послушаетъ васъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда эта повсемѣстно сохранилась въ народѣ и въ Червонной Руси составила предметъ одной колядки. Въ ней описывается, что когда Христосъ воскресъ, увидала его жидовка дѣвица и побѣжала сказать своему отцу. Отецъ говоритъ:

Ой дівчя, дівчя, дівчя жидівчя!
Ой кобысь то такъ не моя дитина,
Я казавъ бы тя въ Дунай вкинути;
Втоды руській Бого изъ мертвыхъ уставъ,
Коли тотъ каплунъ передъ мя злетить,
Передъ мя злетить, красно запіе!
Есть передъ жидомъ торіль точеный,
Теріль точеный, каплунъ печеный;
А каплунъ злетівъ, тай на облокъ сівъ,
Та й на облокъ сівъ, краснейко запівъ,
Краснейко запівъ — а жидъ остовпівъ.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

(Рукоп. XVII в. Рум. Муз. № 434.)

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНАГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМИА АРЬХИМАНДРИТА БОГОЯВЛЕНЬСКАГО РОСТОВСКАГО. ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

Преподобный отець нашь Аврамій бѣ родителю благочестивому сынъ (1). И остави родителя своя, и мірьскый мятежь, и вьземъ крестъ Христовъ послѣдова Христу, и от младыхъ ноготъ Богу себе предъстави. бысть мнихъ, и чисто приятелище бывъ Святаго Духа, покоривъ плоть духови, и обладая страстьми плотьскыми, и жестокому пребыванію и нужному себе вдавъ, трудомъ себе источивъ, и бысть мнихомъ начальникъ, и житіе аггельское поживъ, и чюдесъ обогатѣвъ благодатію исцѣлити страсти неисцѣлныа, истеченіемъ слезнымъ душю свою омывъ (2). Видѣвъ же преподобный прелесть идольскую соущу, (въ Ростовѣ) не оубо бѣ еще пріяша святое крещеніе, но чюдескый конецъ поклоняшеся идолу камену (3); омрачени бо суть сердца ихъ, бѣсу злу живущу, яко близъ его никому же смѣяти ходити путемъ тѣмъ, и мечьты творяще, мечеть бо христіаньскы творяше страшилища злымъ омраченіемъ (4). Преподобный же Аврамій помолися Богу, глаголя: Господи Боже вышный! призри с высоты своея на раба твоего и даждь ми силу и благодать Святаго твоего Духа разорити сего многокозненаго идола (5). И невъзможе. Не дадяше бо ни близъ себе оканьный приити злымъ влъшествомъ своимъ. И недоумѣяшеся о семъ, и бысть скорбя сѣдяше, и видѣ старца к себѣ грядуща благоговѣйна образомъ соуща; преподобный же срѣте его; и оба поклонистася межю собою, и взяста другъ от друга благословеніе, и сѣдоста.

Начатъ же (6) блаженый Аврамій к старцу глаголати: откуду, человѣче, грядеши, и коея страны еси, святче Божій? И глагола ему старець: азъ есмь, отче, Царяграда родомъ, пришлець есмь на земли вашей странный; рци же ми, отче, что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса? (7). Глагола блаженый Аврамій к старцу: тщуся и молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса, и невозможно ми: презрѣ Богъ моленіе мое; и се скорбя сѣдохъ! Глаголаше же старецъ к Аврамію: аще хощеши, отче, желаніе мое (свое) получити; иди Цариграду и пытай въ градѣ Іоаньнова дому Богослова, и вниди въ домъ его, и помолися образу его, и не изыдеши из него тощь, и желаемое получиши (8). Печалуя же блаженый Авраамій о долъготѣ путнѣй; и рече старець: Господь Богъ прекратить ти (9) малымъ временемъ.

Блаженый же Авраамій наполънися Духа Святаго, въземъ благословеніе оу старца, нача путемъ тещи, забывъ дъготу пути, и преиде Ишьню рѣку, и срѣ-

Digitized by Google

те человѣка страшна, благоговѣйна образомъ, плѣшива, възлыса, брадою круглою великою, и красна соуща зѣло (10), имуща в руцѣ трость. Паде под (11) ногама его блаженый и поклонися ему. Глагола ему страшный мужь: гдѣ, старче, грядеши? И рече Авраамій: на взысканіе дому Ивана Богослова. И глагола ему страшный моужь: възьми, старче, сію мою трость, и възьвратися, и приступи къ идолу Велесу, избоди его тростію сею въ имя Іоаньна Богослова, и будеть ти в прахъ оканьный. И абіе невидимъ бысть (12).

И разумѣ блаженый Іоанна Богослова, и страхомъ и радостію одръжимъ възвратися въспять, пріиде къ идолу без возбраненіа, и избоде его тростію в имя Іоанна Богослова. Абіе на томъ мѣстѣ, идѣже срѣте Іоаньна Богослова, постави блаженный церковь въ имя Іоаньна Богослова (13), иже суть и до сего дне, и въземъ благословеніе от епископа, и въдрузи церковь малу на томъ мѣстѣ, идеже бѣ прежде идолъ Велесъ, въ имя святое Богоявленіе Господа нашего Іисуса Христа, и келіи постави, и мнихи призва, и печашеся ими, и общину сътвори (14), и множество зла подятъ от невѣрныхъ, овогда же хотяще разорити святыню, и съжещи хотяще; но Богу не попустившу ихъ молитвами и трьпѣніемъ преподобнаго; не по мнозѣ же времени всѣхъ приведе к Христу богоразуміемъ, и крестишася от мала и до велика, и начаша ходити на славословіе Божіе и на всенощное и жены и отроци. Преподобный же почитаніемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаше сердца ихъ яко медвена сладчайши сота; мнози же отроци оставиша родителя своя и тайно прихождаху к нему, и быша мниси. Преподобный же безъ възбраненіа вся приходящая к нему постризаше, яко виноградъ садяше при водахъ древеса, и напояше ихъ водами, поученіемъ божественныхъ словесъ; и оумножи мнихи, и церковь велию създа и оукраси ю, яко невѣсту Христову, чюдными иконами и святыми книгами, в пей же паче множашеся пѣніе святое. Князи ростовъстіи начаша вѣру велику имѣти к монастырю и къ отцю своему Авраамію и къ всѣмъ мнихомъ, и имѣніа многа даяху на строеніе монастыреви, и села даяху на потребу мнихомъ (15) Видѣвъ же преподобный епископъ множащуся монастыреви и всѣми потребными изъобилну соущу, съвѣтъ же створи епископъ съ князи да сътворилъ архимандритію ту обитель (16). И святивьше преподобнаго Авраамія, постави арьхиманьдритомъ. И начя больми подьвизатися и труды к трудомъ прилагати, и молитвѣ и посту себе въдавъ, и образъ бывъ всѣмъ, и смиреніе веліе стяжавъ, и любовь нелицемѣрну всякому приходящему равно к великому и к малу (17).

Старый же ненавистникъ добру діаволъ въоружашеся на преподобнаго, и пакости ему творяше в дни и в нощи, но никако же оустраши преподобнаго мечты своими; огражденъ бо бѣ Христовою благодатію и крестнымъ знаменіемъ. Бысть нѣкогда святому хотящу по обычаю литурьгисати в святѣй Божіи церкви, обычныя молитвы пѣвшу къ святому причащенію и хотящу ему оумыти роуцѣ, и дияволъ вниде въ умывальницю, хотящу(е) преподобному спону сътворити водою. Разумѣвъ же преподобный лукаваго доуха в сосудѣ, вземь же преподобный честный крестъ, и положи на врьхъ съсуда, и около съсуда огради крестнымъ знаменіемъ, и не врежая съсуда многы дни. Бѣсъ же, крестною силою жьгомъ в сосудѣ, не могый изыти. Бысть же обычай княземъ на поле ѣздити, ловъ дѣюще по вся дни, и пакы възвращаяся въ градъ, вхождаху в манастырь покланятися церкви, и от святаго благословеніе приимаху. Пакы же пріидоша князи по обычаю в келію, благословенія ради къ преподобному. По случаю же преподобный в то время в пекольницѣ мыяше власяници на братію. Обычай бо имяше преподобный по вся дни на братію тружатися, овогда в поварьню дрова сѣкуще, иногда власяници на братію мыяше, иногда воду носяще в поварню и в пеколницю. Слышавъ же преподобный о князѣхъ, и идяше в келію свою благословити ихъ; еще же преподобному не дошедъшу келіа своея, князи же суть в кельи преподобнаго ждоуще, видѣша

Digitized by Google

съсудъ крестомъ накрытъ, и недоумѣяхуся о семъ. Единъ же от нихъ дръзнувъ восхыти крестъ с сосуда знаменатися имъ, и абіе бѣсъ изыде изъ сосуда акы дымъ чернъ и злосмраденъ, яко устраши всѣхъ тоу сущихъ (18). И оусрѣте лукавый доухъ преподобнаго, в келію идущаго, и начятъ на преподобнаго злая словеса износити, глаголюще: яко же ты мнѣ сътвори оканьнѣ мучитися силою невидимаго Бога, их изжену быти ми силою крестною (19), тако же и азъ тебѣ спону сътворю (20), в малѣ вьремени одолѣю тя и поострю на тя ковъ (21), и сътворю ти раны и оукоръ всѣмъ видящимъ тя, и мукы злы наведу на тя; и на пѣзѣ ослятици всаженъ будеши безъ сѣдалища, и в саньдаліа женьскыа червъленa обувенъ будеши, и ина зла многа сътворю ти, противу моимъ зломъ, яже пріатъ (хъ) от тебе. Преподобному же оградившуся крестнымъ знаменіемъ, и абіе исчезе (22). Княземъ же въпрашающимъ преподобнаго о бывшемъ, яко дымъ изыде злосмраденъ изъ сосуда, оному же ничто же о томъ повѣдавшю, вьземши же князи благословеніе от преподобнаго; и поучивъ я, отпусти ихъ с миромъ (23). Не помнозѣ же времени преобразися бѣсъ въ образъ воина, и пріиде к великому князю в Володимеръ, и нача на преподобнаго тяжькая словеса износити; господине царю, хощу ти тайну велику повѣдати, твоему дръжавьству достойна (у). В твоей дръжавѣ, царю, въ градѣ Ростовѣ мнихъ нѣкій Авраамъ вълъхвъ образомъ, творяшеся яко святъ, прельщаше же люди (24), смиренъ ся творя. Сей налѣзе влагалище веліе въ земли мѣдянъ съсудъ польнъ, достоинъ твоему господьству; имьже бо съсудомъ златымъ и поясомъ златымъ и чепемъ немощьно цѣнѣ предати, сребру же и инымъ нѣкымъ драгымъ немощьно повѣдати; тѣмъ бо съкровищемъ монастырь созда и церковь велію постави, а твоему господьству не повѣда. Князь же великый разъжегься веліемъ гнѣвомъ на преподобнаго, и посла воина люта зѣло по преподобнаго, глаголюще тако: гдѣ обрящеши старьца, то не глаголи к нему не единаго слова, но въ чемъ пакы обрящеши его, тако и постави предо мною. По наоученіемъ (енію) злаго того воина иже суть бѣса (25), в то же время преподобному на келейной молитвѣ, послѣ съборнаго пѣніа, стоящу въ единой власяници, и не обувенъ в саньдаліа, пріиде же в то время злый свѣрѣпый вьинъ, не имый милости о преподобнемъ, не дадяше ни глаголати к себѣ преподобному, ни ризами облачитися, ни обуваніа ногамъ: тако бо сатана обуя ему сердце. Видя же преподобный вражду вражію, бывшую нань, и не убояся, но паче благодаряше Бога о приключьшейся нань бѣдѣ. Вьземь же его воинъ всаді и на свой конь, женяше к Володимерю, и обрѣтъ на оной странѣ езера селянина, яздяща на пѣзѣ ослятицѣ и в руку имый саньдаліа женьская, черьвьлены суть. И всади преподобнаго на ослятицю и саньдаліа възложи на ногу его, и абіе постави его пред дръжавою (26) великымъ княземъ, въ единой власяници, яже на тѣлѣ ношаше. Повелѣ князь воина соуперьника его поставити предъ собою. Вьинъ же тѣже злы словеса износя на преподобнаго о обрѣтеніи влагалища веліа; яко же преже рекохомъ; преподобный же, въздѣвъ руцѣ на небо, и запрѣти духу лукавому, глаголя: запрещаю ти именемъ Господа нашего Іисуса Христа: повѣжь ми, кьто еси ты, иже таковыми глаголы обольсти мя? Бѣсъ же нача трепетати, глаголя: азъ есмъ бѣсъ Зееоусъ, искони ненавидя доброу человѣчьскому (27), паче же мнихомъ, боящимся Бога. Се оувѣждь, калугере: еже ти сказахъ, то ти и сътворихъ о пръвомъ твоемъ неистовъствѣ, яже мя еси мучилъ в убозѣмъ твоемъ съсоудѣ! Се рекъ, и абіе невидимъ бысть. Князь же видѣвъ прелесть діаволю и преподобнаго, стояща поругана, и страньно очима зрѣти, и страхъ обьятъ всѣхъ соущихъ, иже суть съ княземъ; нача князь молити старьца, прощеніа прося о немъ же съгрѣши къ старьцю, съ слезами глаголаше: азъ, отче, повиненъ есмъ приходу твоему ноужьному, и люто оскорьбихъ тя зѣло; отдай же ми, отче, о немъ же тя прогнѣвахъ! Се бо, отче, врагъ омрачи ми сердце и разъяри мя на тя, и въверже мя въ

Digitized by Google

сій грѣхъ! Старець же глагола: Господь простить тя, самодръжавный царю, сіе бо дѣло старого врага діавола суть; понеже, царю, не дивися тому: искони боряся (28) с человѣкы, паче же боящимся Бога и спону сътворити. (29) Князь видѣвъ смиреніе преподобнаго и тихыми словесы и смиреными глаголюща къ нему, яко ничто же зла въспріимьша, паче же оублажаше преподобнаго, и честь велію възда ему (30) на създаніе монастырю, и домы и села многы даде к монастырю, и оустрои его своимъ монастыремъ, и оучини его вышьша всѣхъ обителей, иже соуть в Ростовѣ, и многы рабы подаде в домъ святому Богоявленію, и грамоты подаде многы жаловалные, иже соуть и до сего дне; отпоусти преподобнаго с великою честію въ свой ему монастырь, (31) И поживе преподобный въ своемъ монастырѣ в велицѣ смиреніи, и труды къ трудомъ прилагая, и в велицѣ смиреніи к Господу отъиде, его же из млада възлюби.

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ.

(По варіанту Румянц. Муз. № 156.)

(1) Преподобный отецъ нашъ Авраамій от предѣлъ Галическихъ, града нарицаемаго Чюхлома, бѣ родителю благочестивоу сынъ, и от нихъ книжному оученію наказанъ бысть, и благочестію наоученъ.

(2) Изыде взыскати в честныхъ и чюдотворныхъ обителехъ жилища святыхъ, помянувъ рекшаго: добро онечалити родителя, а не Господа; овъ бо созда и спасе, овиже множицею ихъ же возлюбиша погоубиша и моуцѣ предаша. И тако обшедъ и съглядавъ мѣста доволна, пріиде в пресловущий великий Новъградъ и тамо съглядавъ вся спасеная и чюдотворная мѣста многонародна соущя и по Бозѣ живущя, обаче восхотѣ, по пророку рекшему, и глаголъ онъ помянувъ к великому оному, еже бѣгати от человѣкъ и спастися, тако и си преподобны, и оудалитися от человѣкъ, и водворитися в пустыню, (*) пріиде к великому езеру Ладоскому, и тамо обрѣте обитель реченую Валамъ, вниде и обита, и видѣ мѣсто от града оудалено и не зѣло народно, восхотѣ пребывати ту, и пріиятъ бысть. Видѣвъ же о братіи благое оустроеніе, нача молитися пастыря обители тоя, да сподобитъ его ангельскому образу. Игуменъ же, того искоусивъ духовне, обрѣте сосоудъ чистъ Богови, повелѣ постригщи его и дасть ему ангельскый образъ и причте его к прочеи братіи. Преподобный же порадовася, яко и бысть мнихъ, и чистотѣ приятелище бывъ Святаго Духа, покори оубо плотьская духови и обладая страстьми душевными и телесными, жестокому пребыванію себе давъ, труды к трудомъ прилагая, и бысть искусенъ інокъ и во всѣхъ тяжкихъ службахъ. И пребысть тоу лѣта доволна и трудомъ многимъ себе и братия преподобнаго Авраамія трудившася доволно и искусна и всемъ, начяша почитати его и честь велію воздаяти ему, инѣмь же яко и пастыря того нарицати. Преподобный же сего никако же восхотѣ слышати, ниже чести нѣкыя взскати, но абие отъиде в незнаемыя страны. И по благоволенію Божію пріиде близ града Ростова, и ту обита при езерѣ, малу колибицу себѣ поткнувъ. Видѣвше же благоразумніи богобоязнивіи человѣцы, начаша приходити к нему, иніи же и сожителствовати с нимъ произволяюще. Преподобный же пріимаше и оучяше когождо ихъ от божественнаго писанія, и совѣтоваше комуждо полезная и печяшеся ими отселе и нехотя бысть инокомъ началникъ. И болшимъ трудомъ касаашеся, житіе паче аггелъское подражая, и чюдесъ обогати вся благодатію, яко всѣмъ приходящимъ исцѣляти страсти неисцѣлныя. Преподобный же о семъ паче оумилився, и теченіемъ слезнымъ непрестанно душу омывая, видѣвъ же—*и прочеевъ строкѣ 11.*

(3) Но чюдскый конецъ единаче покланяшеся идолу камену.

(4) *Вм. со слова* бѣса *до слова* преподобный: Бѣ же во идолѣ бѣсу злу живущоу и мечты творящу христіаномъ и страшилища злымъ своимъ омраченіемъ.

(5) *Прибавлено*: и наставити человѣкы прельщеныя.

(6) *Вм.* начатъ: И по молитвѣ начатъ

(7) *Вм.* близь *и проч. до слова* глагола: Близь многострастнаго сего идола окаяннаго Велеса

(8) *Прибавлено*: аще же не идеши в домъ Іоанна Богослова, не можешихъ желаемое получити.

(9) Путь твой.

(10) Зѣло благолепна суща

(11) *Вм.* под: Пред

(12) Будеть.

(*) Вѣроятно, здѣсь перемѣшаны фразы; надобно читать *вм.* еже *и проч.* такъ: еже бѣгати от человѣкъ и спастися, и оудалитися от человѣкъ и водворитися в пустыню тако и си преподобный.

Digitized by Google

(13) *Прибавлено*: И абіе ідолъ Велесъ в прахъ бысть оканный; святый же Авраамій чюдотворецъ о семъ прослави Бога, давшаго ему побѣду на всю силу вражію, и святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, иже бысть ему помощникъ на діавола и на дѣйство его, и повѣда сіа вся в то время епископу соущу Феодору, и по благословенію постави на томъ мѣстѣ блаженый, идеже святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, церковь во имя Іоанна Богослова.

(14) *Прибавлено*: Епископъ же Феодоръ изнемож.... ти злобо ..... іде внего ..... (¹) мѣсто в Ростовѣ ..... епископъ Іларіонъ то бѣ первый присланный с мученикомъ Борисомъ от князя Владимера, крестивъ всю рускую землю; людіе же окрестъ сущіи, елицы зломысліемъ одержими и елицы древле невѣріемъ погружени си, вооружахуся на святаго, паче же самъ сатана, иже древле чтимъ бяше от нихъ и дѣйствоваше в нихъ, нынѣ же от святаго попираемъ и много зла святый подъятъ от невѣрныхъ *и прочее*.

(15) И нищимъ на прокормленіе.

(16) *Прибавлено*: послѣжде совѣтъ сотвори епископъ Иларіонъ с Великимъ княземъ Владимиромъ и с княземъ з Борисомъ, дабы сотворили архиманьдритію ту обитель.

(17) *Прибавлено:* К велможамъ не тщеславіемъ и к нищимъ не презорствомъ.

(18) *Прибавлено*: мрачнымъ своимъ привидѣніемъ.

(19) *Прибавлено*: и палиму быти силою крестною во оубозѣмъ твоемъ сосудѣ.

(20) *Прибавлено:* начинанію твоему.

(21) *Вм.* ковъ: лютѣйшій ковъ.

(22) *Вм.* и абіе исчезе: и абіе бѣсъ исчезе и невидимъ бысть.

(23) *Вм.* и поучивъ *и проч. до слова*: Не по мнозѣ: Преподобный же поученія духовныя предложивъ имъ от божественнаго писанія яко да сяномъ княженія не возвышаются и рабомъ и подручнымъ милостивы будутъ, и не возносяйся на нихъ, іако же Господь рече: блажени милостивіи, яко ти помиловани будоутъ. И пакы рече: блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное; инъ рече: блаженъ градъ от благочестивыхъ царь царствуемъ и корабль от скудныхъ окормляемъ, нечестия же ради и градъ плинится, корабль же от неискоусныхъ окормляемъ погыбаетъ, дондеже душа любитъ славу человѣчю, еже есть тщеславіе, отвращеніе же от Бога, еже к меншимъ себе презорьство; от сего бо рожается безмѣстная сдеръзость. Любовь же истінная вся наставляетъ ко свѣтоу богоразумія. И апостолъ рече: яко любы покрываетъ множество грѣховъ. Сія же и іна такова рече имъ, и отпусти ихъ с миромъ.

(25) *Вм.* по наоученіемъ *и проч. до слова* въ то же время: Сія же вся суть по наоученію злаго того оболгателя, оболгавша его воина, иже суть лукаваго бѣса.

(26) *Вм.* Пред дръжавою: Пред деръжавнымъ.

(27) *Вм.* доброу человѣчьскому: добра роду человѣческому.

(28) *Вм.* Искони боряся скони бо сатана боряся.

(29) *Прибавлено*: обычай.

(30) *Прибавлено*: к старцу же глаголаше: что ти воздамъ отче? Яко много ти долженъ есмь. Старецъ же глагола: благый царю! мы вся оставихомъ и вслѣдъ Христа идохомъ (ни) что оубо хотѣхомъ приняти, точію надеждами будущихъ веселимся. Аще что и произволиши дати, то церкви божіи. Подобаетъ же ти с благымъ предложеніемъ, яже к Богу и разсужденіе имѣти; благо вамъ бо дано бысть по Бозѣ правити миръ. Праведенъ Господь во всѣхъ путѣхъ своихъ; сего ради рече: блажени милостивіи яко тиі помилованы будуть! Клеветы скоро не пріимати и на повиннаго суду яро не нападати. Понеже и божественый апостолъ рече: хвалится милость суда. Тако же и о иныхъ добродѣтелехъ, да не како здѣ в соуетныхъ оупражняяся, тамо будоущихъ погрѣшимъ. Князь же великый в сладость послоушая старца блаженаго Авраамія чюдотворца, и велми почте и много имѣнія вдасть ему на строеніе церкви и на созданіе монастырю, и домы, и села, и водныя оугодия многи подасть монастырю *и проч. до слова* и растрои.

(31) *Прибавлено*: и слышаша братія отца своего приходъ Архимандрита Авраамія чюдотворца и яже о немъ, в постехъ како Бога прослави и діавола посрами, и великаго князя возвесели, и како одарованъ бысть, и абіе с радостію срѣтоша его; онъ же Бога благодаривъ и братію благословивъ, вниде в келію свою и пакы труды к трудамъ прилагая, образъ бысть всѣмъ в добродѣтелехъ.

(¹) Мѣста означенныя точками въ рукописи срѣзаны; самое все то мѣсто написано на полѣ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

О критической оцѣнкѣ этой повѣсти см. Преосв. Макарія Истор. Русск. Церкви Т. I, стр. 157.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ МУРОМѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ МУРОМѢ.

(по рукоп. Румянц. Муз. № 364.)

Мѣсяца маїа къ ка день сказаніе ѡ житіи и ѡ пребываніи ї ѡ чюдесѣхъ святыхъ чюдотворцовъ мѹромскихъ благовѣрнаго князя константина ї чадъ его князя михаила ї князя феодора.

Како пріиде к мѹромъ изъ града кіева и просвѣти градъ мѹромъ святымъ крещеніемъ. Н ѡ обрѣтеніи честныхъ мощей ихъ. И сказаніе ѡ градѣ Мѹромѣ.

Сей градъ прославенъ бысть в россійстѣй земли во дни древняя созданіе града имѣя стѣны каменны и мраморныя, и оттого нарицается Муромъ. И многимъ лѣтомъ прешедшимъ пренесенъ бысть градъ нынѣ во иномъ мѣстѣ, идѣже и нынѣ стоитъ, а той каменный градъ развалився, токмо подошва его знати и до нынѣ. І егда по крещеніи земли російскія от святаго великаго князя Владиміра Кіевскаго и всеа Росіи раздѣли сыновомъ своимъ грады во одержаніе, и сей градъ Муромъ предаде сыну своему благовѣрному князю Глѣбу, по плоти брата святаго Бориса. І егда пріиде святый Глѣбъ ко граду Мурому, і еще тогда невѣрни быша людіе и жестоцы, и не пріяша его к себѣ на княженіе, и не крестишася, но и сопротивляхуся ему. Онъ же отеѣха от града 12 поприщъ на рѣку Ишню и тамо пребываше до преставленія святаго си отца. І ис того града бысть ему страданіе по Христѣ от брата своего Свѣтополка под Смоленьскомъ на Смядыни рѣцѣ: от злыхъ убійцъ кончину прія. По страданіи же святаго князя Глѣба прейде двѣсти и седмь лѣтъ. А от созданія мира 6731 году посла Богъ своего вѣрнаго слугу от того же благочестиваго корене блаженнаго князя Коньстантина Свѣтославича внука Ярослава Владимировича, крестившаго русскую землю, с чады его с князи Михаиломъ и Ѳеодоромъ, иже от юности Христа возлюбиша и Пречистую его Матерь всею душею, и поревноваша святымъ апостоломъ и прежнимъ благочестивымъ царемъ и княземъ, и не точію сами, но и безчисленно душъ града Мурома научиша и наставиша въ познаніе истинны, еже вѣровати въ Троицы единому Богу. а идолы попраша, и сокрушиша, и без вѣсти сотвориша. А егда святому князю Глѣбу Владимировичю княжащу в немъ, но невозможе той отвратити поганыя люди от идольскаго поклонянія и помраченія: не много бо лѣтъ пребывшу ему і убіенъ бысть. А во градѣ Муромѣ живяху человѣцы прежде поганыя различныя языцы зли суще. И градъ сей Муромъ славенъ бяше, и кровопролитія безчисленна с вѣрными содѣвающе и обиду творяще велію. І тяжко си вмѣни и воззопи къ праведному судіи царю и Господу святый аггелъ хранитель от великаго и славнаго града Мурома: прожени, Господи, от него духи не-

Digitized by Google

чистыя, бѣсы лукавыя, и расточи ихъ, и прожени ихъ в бездну преисподнюю, да не оскверняютъ скверными бѣсовъскими жертвами воздухъ и рѣки и землю! И тако невѣрныя грады имѣютъ единаго аггела хранителя. А христіаномъ единому человѣку всякому дается от крещенія анггелъ хранитель святый. И тако Муромскому анггелу хранителю молящуся: обрати, Господи, люди сія въ познаніе твое, и да не помянеши людемъ симъ беззаконія ихъ! и воспали Господь Богъ духомъ святымъ сердце благовѣрному князю Константину Свѣтославичю и чадомъ его Михаилу и Ѳеодору, и вселися в нихъ благодать Святаго Духа. Слышавъ бо благовѣрный князь Константинъ о граде Муроме велицемъ и преславнѣмъ, и множество людей живущихъ в немъ, и богатствомъ всякимъ кипящимъ, реками и рыбою, и медомъ, и хлѣбомъ, і овощіемъ, и начатъ прошатися у отца своего Свѣтослава, чтобы во граде Муроме господьствовати. Боляше же о немъ отецъ его Свѣтославъ, да не убіенъ или прогнанъ будетъ от невѣрныхъ. Онъ же сподвиже на молбу митрополита Киевскаго, и тако умилившуся отцу его Свѣтославу, даруетъ ему прошеніе, востаетъ с престола своего, воздаетъ благодареніе всесилному Богу, вдохнувшу в онь благодать Святаго Духа и возбыстрившa его на толикое божественное благослугованіе, еже просвѣтити невѣрныя святымъ крещеніемъ, и воздвизаетъ валяющагося на земли лобызающаго нозе его сына своего князя Конъстантина от земли, и цѣлуетъ его во уста и восаждаетъ сопрестолна себѣ, и молитъ преосвященнаго митрополита сотворити молебное пѣніе въ соборной церкви ко Господу Богу и пречистѣй его Богоматери, со всемъ освященнымъ соборомъ и помазати благовѣрнаго князя Конъстантина въ самодержавство славному граду Мурому, вдаетъ ему благословеніе: образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и протчія иныя иконы, и святыя сосуды, и книги, и все церковное строеніе, и боляръ и воеводъ и воинъ доволно, и стѣнобитное оружіе на пріятіе града Мурома. Благословляетъ и посылаетъ митрополитъ с нимъ от своего собора епископа, і архимарита, і игумена, и протопопа, и попы, и діяконы, и протчія причетники на просвѣщеніе града Мурома. И тако с великою честію получивъ прощеніе и отпущеніе от отца своего Свѣтослава, и благословеніе от преосвященнаго митрополита, и подъемлетъ с собою княгиню свою Ирину и два сына своя, благовѣрныхъ князей Михаила и Феодора, и бояръ, и воеводъ, и войско все, и вся люди отдѣлены з женами ихъ, и з дѣтми, и и со всѣмъ ихъ имѣніемъ, и с великою радостію касается путному шествію, во всемъ надѣяся на Господа Бога, и прося от него помощи свыше і одоленія, глаголя сице: не предаждь, владыко, царю человѣколюбче, беззаконнымъ людемъ вѣрнаго своего раба; но даждь, Господи, крѣпость, и побѣду, і одолѣніе разорити и прогнати безбожное ихъ шатаніе. І посла пред собою первороднаго своего агньца незлобиваго і кроткаго, и послушиваго, и любимаго отцемъ и матерію, сына своего, благовѣрнаго князя Михаила с немногими людми еже увѣщати невѣрныя въ покореніе отцу своему князю Константину: обѣщаваетъ имъ дары, и честь, и вотчины, и достояніе, і оброки легкія, и протчая словеса мирная глаголетъ имъ, хотя ихъ привлещи къ себѣ миромъ без кровопролитія. Но бозбожніи людіе совѣщашася лестію, и призваша благовѣрнаго князя Михаила во градъ Муромъ, мирнаго ради совѣта, і убиша его во градѣ, и тѣло его вонъ извергоша из града звѣремъ, и псомъ, и птицамъ на растерзаніе; но Господь Богъ сохрани тѣло вѣрнаго раба своего, новаго страстотерпца, и ничтоже прикоснуся тѣлеси его, но свѣтяшеся надъ нимъ свѣтъ аки солнце, и веліе благоуханіе испущаше из себе, и слышаша невѣрніи надъ тѣломъ святаго анггельское пѣніе безпрестани поюще. І пріиде на нихъ страхъ і ужасъ неисповѣдимъ, никѣмъ же гонимы и бѣжаша во градъ Муромъ, и затворишася, и готовляху оружіе браньное, и тѣхъ с нимъ пришедшихъ побиша же слугъ его. И вьскорѣ приспѣ благовѣрный князь Константинъ со многимъ воиньствомъ и взяша

Digitized by Google

тѣло сына своего князя Михаила в лѣсе поверженное, и воззопи ко Господу Богу со слезами, горко глаголя великимъ гласомъ: суди, Господи, обидящія мя и возбрани борющія мя, виждь агньца моего незлобиваго и птенца заколеннаго, тебе ради, Господи, и ради крове сея отрока моего устави кровь войска моего, и гражанъ устраши, и предаждь ихъ мнѣ, Господи, в руцѣ мои безъ кровопролитныя брани. Невѣрніи же граждане изыдоша спѣшно противу ему братися, хотяше (ще) его прогнати, и бездѣлна сотворити, и в посмѣхъ и в поношеніе въвести. Итако осія сердце свѣтомъ і охрабри вѣрнаго слугу своего, князя Константина, изганяетъ страхъ из сердца его, и в весело забвеніе въводитъ смерть, и наставляетъ его на брань. Яко на шипчаны цвѣтъ извлекаетъ мечь свой прежде всѣхъ, и тщится к невѣрной рати итти; они же не пускаютъ его. Онъ же глаголетъ к нимъ: азъ яко на пиръ или на вечерю или на бракъ иду питія многоцѣннаго испивати: послабите ми, пустите мя тако прежде всѣхъ васъ; побѣду сотворю или самъ побѣжденъ буду! Невѣрніи же граждане видѣвше храбрость и мужество его, Господу устрашившу ихъ, нападе на нихъ страхъ и трепетъ; и въбѣгше во градъ затворишася, и вскорѣ послаша с повиновеніемъ, и клятвами себѣ утвердиша, оброки и дань даяти ему обѣщавахуся, точію не хотяще креститися. І пріяша его во градъ с великою честію. Онъ же пришедъ во градъ Муромъ со княгинею Ириною, и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ, и со епоскопомъ, и з бояры, и съ воины, и со всѣми людми своими, и сѣде во граде Муроме государствовать, укрѣпився вѣрою Христовою, препоясавъ чресла своя истинною, і оболкъся во броня правды, и воспріимъ щитъ вѣры, и мечь спасенія воспріимъ, еже есть слово Божіе, и воздвиже въ старомъ городцѣ первоначалную церковь превелику Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а по гречески нарицается евангелистъ мапонагія Феотока, и потомъ вторый храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и ту устрой епископа, и потомъ иныя церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, в той церкви погребе тѣло сына своего многострадалнаго агньца, князя Михаила, предтечю Муромскаго къ Богу, и воспѣша память. Невѣрніи же людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему бѣ князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холъмомъ не сыпаху, но равно со землею ни тризнища, ни дымы (¹) ни битвы, ни кожи кроянія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху. І о томъ безумніи ругающеся и смѣющеся, вопрошаху христіанъ: что не по ихъ невѣрныхъ обычаю погребеніе? Они же имъ повѣдаху, яко се уставъ святыхъ апостолъ изложенъ повелѣніемъ Святаго Духа, а еже со свѣщами провожденіе яко отъ темнаго сего житія ко истинному свѣту отходятъ, а на востокъ образомъ положеніе образующе будущее воскресеніе, и протчая тайны Христовы открываху имъ по малу, влекуще ихъ в разумъ истинны. Они же, велми жестоки, нимало не внимаху ученія и къ моленію вѣрныхъ не прокланяхуся. І о семъ святый князь Константинъ въ велицѣй скоби и печали бѣ, и глаголаше в себѣ: что мой животъ, что пребываніе, что злато, и все во тщету вмѣняю, аще не обращу людей сихъ подручныхъ ко Господу Богу и не крещеныхъ, како явлюся лицу его! какій принесу даръ, како хощу рещи: се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ! І о семъ безпрестани размышляше и моляшеся, да обратитъ ихъ Господь на истинную вѣру, и постъ жестокъ воспрія, и во вся нощи слезныя источники въ молитве своей яко струя испущаяше. І глаголаше имъ ласкою и любовію, и дары многими, і оброки легкія обѣща и лготы, дабы ихъ привлещи во крещеніе. А иногда муками и ранами претяше имъ. Они же втайнѣ совѣтъ творяху, еже убити святаго благовѣрнаго князя, или выгнать из града, но совѣтъ ихъ разоряше Господь: егда прихождаху пред лице невѣрніи людіе князя Конъстантина, руцѣ ихъ задерживахуся, и не можаху отвѣщати противнаго словесе. Гос-

(¹) Сверху написано ни, въ варіантѣ Румянц. Муз. № 163: ни дыми.

Digitized by Google

подь бо Богъ соблюдаше вѣрнаго слугу своего невидимою силою. И во единъ убо от дней собрашася невѣрніи от мала и до велика во граде Муромѣ, і единомысленно совѣщаша совѣтъ лукавъ и безбожными своими клятвами заклящася, еже по бесерменьски шерть глаголема, еже убити святаго князя или выгнать из града. І во единъ убо от дней пріидоша вси невѣрніи Муромстіи народи ко двору благовѣрнаго князя Константина со оружіемъ и дреколми, и сташа вси у вратъ его, хотяще его убити или выгнати из града. Видѣвше же вѣрніи людіе, вельми убояшася и затвердишася во храмѣхъ своихъ, готовляху оружія браньная к боренію сопротивныхъ. Благовѣрный же князь Константинъ никако же убояся, и оградися крестнымъ знаменіемъ, і укрѣпляся силою крестною и помощію пресвятыя Богородицы, и ста на молитву съ сыномъ со княземъ Феодоромъ, и с княгинею Ириною, и со епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з боляры, и съ воины, и со всѣми христіаны православными, и возъдѣвъ свои праведныя руцѣ на небо, и падъ на землю пред образомъ владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчнымъ ея младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, со слезами моляшеся сице глаголюще; Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ вѣрныхъ рабъ своихъ! Боже, сотворивый небо и землю, сѣдяй на херувимѣхъ и призирая на новую тварь, призри, Господи, с небѣсе днесь, и виждь, Господи, скорбь сердецъ нашихъ, і изнеможеніе плоти нашея, и дряхлость лицъ нашихъ, призри, Господи, днесь, и помозн намъ рабомъ своимъ, и покори под нозѣ наши вся враги наша, видимая и невидимая, и прожени ихъ, Господи, силою своею, и увѣдятъ славу твою, и прославятъ с нами имя твое пресвятое! И потомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ падъ предъ образомъ Пречистыя Богородицы, глаголя: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, вышьши всѣхъ ангелъ і архаггелъ, и всея твари честнѣйшія і избави насъ, рабъ своихъ, от нашествія сихъ иноплеменныхъ, і избави насъ, госпоже, своими богопріятными молитвами отъ нашедшаго сего зла! Умоли, госпоже, Сына своего и Бога нашего о насъ, нищихъ, скорбящихъ и плачющихся, на тя надѣющихся, да не погибнемъ раби твои, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ видимыхъ и невидимымъ, и совѣты ихъ разори и сокруши; ты бо едина радость и всему міру покровъ и заступленіе; тѣмъ же вопіемъ ти, припадая: пріими молебное пѣніе наше от недостойныхъ нашихъ и скверныхъ устенъ, от мерзскаго сердца, от ума помраченнаго, от нечистаго языка, от скверныя мысли; паче же научи насъ, что намъ подобаетъ творити и глаголати, и вопіемъ ти сице: не презри насъ, всегосподованная царице, ибо никто же притекая къ тебѣ и призывая посрамленъ бывъ, и вси противніи дуси страхомъ одержими трепещутъ и боятся имени твоего святаго, вѣдущи тя Божію матерь, и кто, на тя надежду возложивъ, погибе, точію отметающиеся и непоклоняющіяся образу твоему написанному, мы же, поклоняющеся пречистому твоему образу, благоговѣйно почитаемъ; не имамы бо инаго Бога, развѣ Сына твоего и Бога нашего, и тебе по Господе госпожю царицу, исповѣдуемъ истиннаго Бога нашего Матерь, и любезно вси чтемъ, и молимтися: милостива намъ сотвори Сына своего и Бога нашего, паче же покажи на насъ обычное свое милосердіе; можеши бо, елико хощеши, умолити о насъ Сына своего, Христа Бога нашего, да помиловани будемъ, и да не погибнемъ за множество злыхъ нашихъ согрѣшеній, яко удалихся (хомся) от него за безчисленная беззаконія наша; сего ради прибѣгаемъ къ тебѣ, теплой помощнице и скорой заступнице: не имамы бо иного упованія развѣ тебе, и нѣсть намъ иного высочайша на небеси и на земли, яко же ты по Господе Бозе, и на твой пречистый образъ взирающе, яко истинную самую Тебе зримъ, и вѣрою сердечною и любовію еже от души поклоняемся пречистому твоему образу, с превѣчнымъ ти младенценъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и молебная наша пѣнія и молитвы приносимъ ти, ужасающеся и трепещуще за недостоиньство наше, и вопіемъ ти: помилуй насъ, мати Божія,

Digitized by Google

покажи на насъ, убогихъ, древнія милости твоя всесильнымъ ти воеводствомъ, яко же спасла еси царствующій градъ от скиѳскаго кагана, лукаваго вепря, предстателя бѣсомъ, тако и нынѣ побѣди вся видимыя и невидимыя враги наша, и со слезами зовемъ ти: предстани в помощь нашу, да не погибнемъ до конца, изми насъ из руки злыхъ бусурманъ агарянскаго языка; возстави насъ, падшихъ, и неприступны и страшны покажи врагомъ нашимъ, да увѣдятъ, яко тобою содержими есми и спасаеми! Спаси, владычице, спаси души наши, яко же твой градъ на тя уповающіи спасла еси во славу и заступленіе вѣрнымъ, на посрамленіе злымъ бусурманомъ, і яко да твоимъ предстательствомъ и мы тмочисленное воинъство бусурманъ агарянскаго языка побѣдимъ, да от нынѣшнихъ бѣдъ тобою избавльшеся, благодарно вопіемъ ти: радуйся заступница наша теплая и непостыдная и предстателница необоримая! О велія Божія милость и неизреченны и неизслѣдованны судбы его, и кто исповѣсть на насъ милость его, молитвами пресвятыя Богородицы! І абіе бысть гласъ с небеси глаголя: Константине, вѣрный мой рабе! в малѣ бысть ми вѣренъ, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа своего! Услышана бысть молитва твоя; дерзай; не бойся: азъ есмь с тобою!

Благовѣрный же князь Конъстантинъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми людми, слышавъ Божію помощъ, и споможеніе пресвятыя Богородицы, падаша на землю пред образомъ Божія Матери от радости сердечныя, со слезами многими. І пріятъ образъ Богородицынъ и пойде единъ уединенъ к безчисленному народу Муромскому невѣрному благовѣрный князь Конъстантинъ, имый на рукахъ икону Божія Матере с превѣчнымъ ея младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Видѣвше же невѣрніи людіе икону пресвятыя Богородицы аки солнце сіяющее и лице святаго Конъстантина аки ангельское, убоявшеся велми и падше ницы, быша яко мертви. Святый же князь Конъстантинъ возгласи имъ веліимъ гласомъ, глаголя: Отцы и братія моя драгая! востаните; не бойтеся, о братія мои; повѣдите ми: чесо ради сѣмо пріидосте ко мнѣ? Они же, яко древніи Валаамъ, и не по своему хотѣнію едва возмогоша отвѣщати, и вси яко единѣми усты рѣша еди ногласно: О милостивый господине нашъ, благовѣрный княже Конъстантине! Пріидохомъ молити тя, яко да повелиши насъ крестити во имя Отца и Сына и Святаго Духа въ Троицы славимаго Бога, и пріяти вѣру христіаньскую, вѣру православную, сіяющую паче солничныхъ лучь, вѣру, преданную от святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ і от седми вселеньскихъ соборовъ утверженную, Святый же князь Константинъ, слышавъ от многочисленнаго народа невѣрныхъ людей града Мурома, возрадовася радостію великою зѣло и пойде со своею благовѣрною княгинею Ириною и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ в первоначальную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, и повелѣ звонити в тяжкая колокола, и вшедъ въ церковь, ста на востокъ лицемъ, поклонився пред образомъ господнимъ до земли, и возьдѣвъ руцѣ свои на небо, и рече: Господи Іисусе Христе Сыне Божій! славлю имя твое святое, яко призрѣлъ еси на насъ грѣшныхъ, і избавилъ еси насъ отъ страсти ельиньскія, и не предалъ еси насъ в руки врагъ нашихъ! Посемъ святый веліимъ гласомъ благодарствуя Бога и многи слезы от радости излія, яко и помостъ ему омочити слезами; тако же и вси, иже с нимъ, похвалиша Господа Бога и Пречистую его Богоматерь, и подяша самодержца от земли, под руце держаще, яко от зелнаго пощенія велми ему изнемогшу, і очи ему от слезныхъ источникъ опухли бѣ; и многи дни преже сего ни ядый, ни пия, такоже и вси людіе, иже с нимъ, плачущеся со слезами, и нѣсть такова человѣка не плачющася, но вси с молитвою, и плачемъ, и воздыханіемъ немолчьнымъ руцѣ свои на небо воздѣюще, моляхуся Пресвятѣй-Богородицѣ: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, ты, госпоже, избавила еси насъ от нахожденія иноплеменныхъ; избави от огня и меча и напрасныя смерти, от нынѣшнія одержащія ны скорби и печали, нашедшія на насъ, і от настоя-

Digitized by Google

щаго гнѣва, и бѣды, и нужды, і от всѣхъ искушеній избави, Богородице, своими богопріятными молитвами, и заступи, госпоже, къ Сыну своему и Богу нашему, и въ предидущія лѣта да не погибнемъ, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и злыхъ человѣкъ. І умилосердися, госпоже, на насъ, нищихъ і убогихъ, на тя надѣющихся; изми от сопротивныхъ и во время скорби нашея помози намъ; буди теплая предстателница и помощница; да яко от нынѣшнихъ бѣдъ избавльшеся, благодарно вопіемъ тебѣ: радуйся, заступница наша непостыдная, радуйся о обрадованная, Господь с тобою! И по совершеніи молебнаго пѣнія рече благовѣрный князь Константъинъ ко освященному собору: отцы святіи, что рече Господь во евангеліи, никто же можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его! И похвали Господа Бога предо всѣми, яко же рече писаніе. Первое начиная всякое дѣло благопрослави Господа Бога усты своими и потомъ да твориши начало дѣлу; душа бо освящается вѣрою, а тѣло освящается исповѣданіемъ и похваленіемъ Господнимъ. И посемъ заповѣда всѣмъ людемъ поститися от мяса, и млека, и питія, і от женъ своихъ воздержатися, и потомъ пріяти святое крещеніе. По совершеніи же пощенія, повелѣ всѣмъ людемъ итьти на реку, глаголемую Оку. И тако вси людіе с великою радостію идяху на рѣку з женами и з дѣтми, и всякъ возрастъ града Мурома мужескій полъ и женьскій бродяху в рецѣ, овіи до пояса, а иніи до персей, друзіи же до вый, презвитери же, по брегу стояще, молитвы глаголаху. А жены и дѣвицы крестиша на особомъ мѣсте, а младенцы на рукахъ матерьми держими И тако крестиша вся люди града Мурома во имя Отца и Сына и Святаго Духа радующеся и славяще Бога. Сему же бывшу возгремѣ громъ с небеси страшно яко поколебатися всему граду Мурому. І явишася лучи огненныя страшны, над ними пришестіе Параклитово осѣни ихъ, епископъ же и священницы мазаху гризмою чело, очи, усты, ноздри, уши, и надѣша вѣнцы красныя на главы ихъ, обязаша на нихъ же кресты шиты и бѣлы ризы, и нагавицы и сапоги даша всѣмъ, и свѣщи горящія в руцѣ, и повелѣша имъ итти в первоначалную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, вамъ же князь з боляры после вниде въ церковь, и видѣ народы в церкви стояще бѣло образующася, иніи же около церкви стояще, множества ради не вмѣстишася. И взыде на высоко мѣсто, иже на то устроено, повелѣ всѣмъ молчати. Бывшу же молчанію, помолися святый князь к Богу сице глаголя: Боже, сотворивый небо и землю! призри на новокрещенныя сія люди града Мурома, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тя, истиннаго Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, и утверди ихъ въ правой вѣре, и мнѣ, Господи, помози на противныя враги, надѣюся на твою державу, покорю козни вражія. І обращься к народу, рече веліимъ гласомъ осклабленнымъ лицемъ: Се израиль новый, языкъ святъ, очищенъ водою и Святымъ Духомъ; се полкъ ангельскій свѣтится; красуйся и веселися, избраньное стадо Христово, сынове царствія Божія! Блажени есте днесь порождени истиннымъ свѣтомъ Пресвятыя Троицы! днесь взясте нетлѣнную одежду, молю вы, братіе, именемъ Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистою его Богоматерію Пресвятою Богородицею, мужайтеся и крѣпитеся в вѣре нашей, и да ни коими сквернами не осквернитe чистоты вашея. І устрои в дому своемъ три трапезы на всякъ день: первую епископу и священникомъ и чернориздемъ, вторую нищимъ і убогимъ и страннымъ, неимущимъ покоя, третію себѣ и бояромъ и велможамъ своимъ. Подобяся святый князь Константинъ царю Давиду и пророку Іезекіилю, иже изъбраша Божій законъ паче всего. Видя же благовѣрный князь вѣру людей своихъ, яко вси единодушно приступиша ко истинному въ Троицы славимому Богу и сотвори в той день пиръ великъ, яко всѣмъ людемъ от мала и до велика быти у него, доволно учреди я по три дни ядми и питіемъ, паче же духовнымъ поученіемъ, и многи дары дая: первымъ и сановнымъ села и вотчины, инымъ куны, инымъ свиты і обувенія,

Digitized by Google

инымъ златницы и сребренницы, и грамоты лготныя, комуждо по чину и по достоинству противъ родства і отчества. И заповѣда имъ ставити церкви во градѣ і въ селехъ, и моностыри мужескія и женскія, и тако с радостію отпусти ихъ; и мнози дѣти своя в наученіе грамоте; мнозіи же и іноческій чинъ пріяша, и бѣ радость велика на небеси и на земли не о единомъ грѣшницѣ кающемся, но о безчисленныхъ душахъ града Мурома, яже просвѣти державный князь Конъстантинъ святымъ крещеніемъ. Посемъ у благовѣрнаго князя Конъстантина преставися благовѣрная его княгиня Ирина, и погребена бысть въ первоначалной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Посемъ убо вси людіе града Мурома во единъ день прославиша Христа и вси единодушно возвеселишася, почесть велику и покореніе творяху державному князю Конъстантину и сыну его князю Ѳеодору, свободителя благодарно нарицающе; яко избавльше ихъ от идолскія льсти и наставльша ихъ на пажить духовную. И тако вѣра благодатная во всю область державы его разпростреся и бозбожное езеро изсше, евангальскій же источникъ наводнися, и всю землю прикры, и до насъ пролияся. И тако ножиле благовѣрный князь Константинъ и сынъ его князь Феодоръ во градѣ Муромѣ во благоденъствіи, благовѣрно, і благочестно, и богоугодно ко Господу отиде (доста), и вселистася в вѣчныя обители, и воспріяста вѣнцы пресвѣтлыя от Господа Бога со всѣми святыми его. І услышавше гражане честное преставленіе святаго князя Конъстантина и сына его князя Феодора, стекошася всенародное множество града Мурома. И плакахуся по нихъ архіепископъ со архимаритомъ и со всѣмъ освященьнымъ соборомъ, князи и боляре, мужи и жены, юноши и дѣвы, старіи и сироти, вдовицы, и нищіи і убозіи, мужескій полъ и женскій, и все множество безчисленное, боляре аки отца, людіе яко заступника, сироты и вдовицы яко помощника и кормителя, и вси вкупѣ, плачющеся, провожающе со свѣщами и с кандилы, псалмы и пѣсни духовныя поюще, і вси со слезами, и нѣсть такова человѣка не плачющася, но вси с молитвою и воздыханіемъ немолъчнымъ погребоша ихъ честно въ старомъ городцѣ в первоначалной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. И погребоша ихъ въ лѣто 6740 году мѣсяца марта во 12 день, на память преподобнаго отца нашего Феофана исповѣдника.

Тѣмъ же преставша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ и сквернаго Моамефа пророкомъ называть, рѣкамъ і езеромъ требы класти, дуплинамъ древянымъ вѣтви і убрусцомъ обвѣшивати, и имъ покланатися, все преставша. И кладезямъ и потокомъ поклоняющейся очныя ради немощи умывающіися и сребренники в ня поверзающіи, все преставша. Гдѣ коня закалающіи и по мертвыхъ ременная плетенія древолазная с нимъ (и) в землю погребающіи, и битвы и кроенія и лицъ натресканія творящіи! Гдѣ свирѣпія и бѣсованія и горшая согрѣшенія восклицающихъ? Вси посрамишася и ницъ лежатъ, и быша мертвы!

Сказаніе о обнесленіи града Мурома.

По преставленіи же святаго благовѣрнаго князя Константина съ чады, многимъ лѣтомъ минувшимъ и по запустѣніи града Мурома от невѣрныхъ людей, и послѣ благовѣрнаго князя Петра и благовѣрныя княгини Февроніи тако же, многимъ лѣтомъ мимошедшимъ, пріиде из Кіева въ Муромъ градъ благовѣрный князь Георгій Ярославичь и постави себѣ дворъ в Муроме; такожде и боляре его и вси купцы Муромстіи; и первоначалную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы обновилъ, такожде и вторый храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба обновилъ, і епископа по прежнему у ихъ церкви устроилъ, именемъ Василія, мужа праведна и благочестива. Искони же ненавидяй діяволъ человѣческихъ добродѣтелей, иже древніи губитель душамъ христіяньскимъ, нача на святаго епископа Василія споны творити, яко да прилична его блудному дѣлу сотворитъ, и вообразуя себе діяволъ въ дѣвицу,

Digitized by Google

и объявляя всенародному множеству града Мурома из храмины во оконце святительское, будто держитъ у себе святитель Василій на ложи дѣвицу, иногда же из храмины хождаше от епископа. Видѣвше же сіе народъ града Мурома, такоже и велможи и боляре. Во единъ же убо день собравшеся вси и пріидоша ко святителю Василію въ вечернюю годину, и видѣша вси людіе дѣвицу бѣжащу по степенемъ ко святителю в келію, имуще сапоги в рукахъ своихъ; видѣвъ же народъ сіе излиха вопиюще: о епископе! не достоитъ тебѣ дѣвицу имѣти во храминѣ своей на ложи своемъ у себе! Святый же Василій епископъ рече: отцы и братія! неповиненъ есмь дѣлу блудному сему, еже вы речете ми! Слышавъ же се народъ от епископа наипаче же излиха вопіюще: о епископе! лжю твориши: видѣхомъ бо вси дѣвицу, бѣжащу к тебѣ. Видѣвъ же святый Василій мятежъ и кличь в людехъ велій; иніи же излиха вопіяху: за сіе дѣло убіемъ его! Святый же епископъ Василій, слышавъ от нихъ, уклонися на моленіе к народу: отцы и братіе, дадите ми мало время до утрія до третіяго часа дни. Слышавъ же се народъ, разыдошася по домохъ своихъ; и по отшествіи народа святый Василій епископъ со слезами всю нощь моляшеся Богу, и всенощное пѣніе сотворивъ въ храмѣ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и отпѣвъ литоргію, пойде молитися в первоначалную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и нача молитися пред образомъ Пресвятыя Богородицы, иже пріиде из Кіева з благовѣрнымъ княземъ Констонтиномъ; и по отпѣтіи молебнаго пѣнія, святый Василій, пріемъ икону Пресвятыя Богородицы с превѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, на ню же возложи надежду святый Василій епископъ о своемъ спасеніи, и пойде из церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы і из епископіи своея до рѣки, нарицаемыя Оки; провождающе же его велможи града Мурома и весь народъ, хотяще ему судно дати ко плаванію. Святый же стоя со образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снемъ с себя мантію, и простре ю на воду, и вступи на ню, нося образъ Пресвятыя Богородицы. І абіе святый Василій несенъ бысть духомъ бурнымъ и со образомъ Богородичнымъ противу быстринъ рѣчныхъ струй, отнюду же она рѣка течетъ. Видѣвше же сіе чюдо муромстіи граждане вопіяху вси от стара и до мала, со слезами глаголюще сице: О святый владыко Василій! прости насъ грѣшныхъ рабъ своихъ: согрѣшихомъ пред тобою! О владыко святый Василій! кому насъ оставляеши сирыхъ! О отче святый владыко Василій! не забуди насъ рабъ своихъ! І абіе святый Василіе епископъ взятся от очію муромскаго народа по мгновеніи ока вьверхъ по Окѣ рекѣ. Бысто же чюдо сіе в третій часъ дне, и того же дни въ девятый часъ принесенъ бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху князи рязаньстіи. И великій князь Рязаньскій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и пріятъ святаго праведнаго епископа Василія, радующеся со всѣми православными христіяны. И тако пребысть Муромская епископія в Резани. Нарицаетъ же ся и до днесь Борисоглѣбская, одержанія ради града Мурома святому князю Глѣбу. По семъ же Муромъ от рязаньскихъ епископовъ благословляется, сами же к тому епископи в Муромъ не возвращахуся и нарицахуся прежде Рязаньстіи и Муромстіи, а егда бѣяху посѣщенія ради епископи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуся прежде епископи Муромстіи и потомъ Рязаньстіи. Чюдотворная же та икона пресвятыя Богородицы, иже епископа Василія принесе из Мурома на Рязань боготворною своею силою, и донынѣ в Резани есть. Той бо святый Василій епископъ вѣру і упованіе возложи на образъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Удивити хотя милостію своею пречистая Богородица, і явити хотя без порока своего вѣрнаго раба от губителя врага душъ христіянскихъ; во едину убо шесть часовъ святый Василій епископъ принесенъ бысть вьверхъ по рѣкѣ по Окѣ множае двусотъ поприщъ! О пресвятая дѣво владычице Богородице мати Божія! кій языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кая мысль по достоянію по-

Digitized by Google

хвалити возможетъ твоя благодѣянія: како молящися с нами Отцу и Сыну и Святому Духу о нашихъ согрѣшеніяхъ! Се бо слышахъ не самаго зрака твоего, но от образа твоего написаннаго ужасаетъ ми умъ і удивляетъ помыслъ. Хотѣхъ бо распространити и не вѣмъ, како написати, понеже оттуду много лѣтъ преидоша, і азъ о семъ недобрѣ свѣмъ, и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ. Імѣя въ помощь исправляющую Владычицу нашу всѣхъ Богоматерь, еже до стоитъ всему христіяньству безпрестанно ей молитися, да избавитъ насъ от навѣтъ вражіихъ своими матерними, еже къ Богу, молитвами.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Разсматривая критически происхожденіе и складъ повѣсти о Константинѣ, преосвященный Макарій (Истор. Рус. ц. 11. 19) находитъ, что житіе, въ которомъ она заключается, составлено въ XVI вѣкѣ, по открытіи мощей благовѣрнаго князя Константина; самъ же этотъ Константинъ долженъ быть называемый въ лѣтописяхъ княжескимъ именемъ Ярославъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго, внукъ Ярослава великаго, Время прибытія его въ Муромъ слѣдуетъ отнести ранѣе 1088 г. когда по лѣтописнымъ извѣстіямъ онъ уже находили въ Муромѣ. Не смотря на позднее составленіе житія, что видно и по слогу, самая ткань повѣсти принадлежитъ болѣе отдаленной древности; повѣсть эту слѣдуетъ разсматривать, какъ благочестивое преданіе, сохранявшееся у мѣстныхъ жителей о величайшемъ событіи ихъ исторіи. Извѣстіе о почитаніи Могаммеда въ Муромѣ не противорѣчитъ вѣроятности и показываетъ, что до распространенія христіанства заходило туда могамеданство, какъ кажется, отъ Волжскихъ Болгаръ. Подробности о языческомъ богопочитаніи также имѣютъ историческую достовѣрность, тѣмъ болѣе, что народы чудскаго племени, населявшіе восточную Россію, послѣ распространенія христіанства, долѣе Словянъ сохраняли языческіе обычаи. Этому способствовало различіе языка, ставившее преграду ревности славяно-русскихъ проповѣдниковъ. Народы эти утрачивали язычество вмѣстѣ съ своею старою народностію. Епископъ Василій, о которомъ сказаніе составляетъ какъ бы дополненіе повѣсти о водвореніи Христіанства, жилъ въ концѣ XIII вѣка.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПОБѢДѢ НОВГОРОДЦЕВЪ НАДЪ СУЗДАЛЬЦАМИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПОБѢДѢ НОВГОРОДЦЕВЪ НАДЪ СУЗДАЛЬЦАМИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1343.)

Воспоминаніе быкшаго знаменія и чюдеса от иконы Пресвятыя Владычицы нашеа Богородицы и Приснодѣвы Маріи еже в Великомъ Новѣградѣ. Благослови отче.

Въ великомъ Новгородѣ лѣто ѕхоѯ в тоже время Новограда людіе жятие имаху самовластно по своей волѣ, никимъже обладаеми властвующе областію своею, якоже имъ лѣпо есть, и князя имѣюще от инѣхъ странъ призваннаго в отмщеніе сопротивнымъ. Бысть же у нихъ в тоже время князь Романъ сынъ Мстиславль внукъ Изгславль. По семъ Двиняне отметнувшеся от Велика Новаграда, не восхотѣша дани давати Новгородцемъ, но предавшеся князю Андрею суздальскому; новгородцы же, совѣщавшеся на Двину данника своего дани собирати, яко же бѣ имъ обычай и с нимъ послаша онъ пяти конецъ по сту мужу. Слышавъ же прореченый князь Андрей, ожесточися на Новгородцевъ, и посла на нихъ тысяцу ратныхъ ратникъ избранныхъ; и соступишася на Бѣлѣ Озерѣ, и начаша битися, и много сѣчи сотворше, и от полка Андреева паде много ратныхъ, а инія уязьвени быша, и бѣжаша; Новгарода же паде яко петнадесять мужей. И посемъ князь Андрей на ярость болма подвижеся, и паки собра силу велику от различныхъ странъ, хотяше итти на Великій Новгородъ, и Божіимъ попущеннемъ внезапу болѣзни на него настигоша; онъ же ни мало преста от таковаго начинанія, и посла сына своего Романа со всею силою своею суздальскою и иныхъ князь Мстиславль и всѣхъ князей седьмидесятъ и два со многими силами. Пріидоша на Великой Новгородъ на свою .... (¹) погибель. Человѣци же Новаграда, слышавше силу велику, грядущу на нихъ, бяху в скорби велицѣй и недоумѣніи, ни откуду помощи надѣятися, токмо на Бога и Пречистую Богородицу возложьше надежду, и забрала около города сотворше. Суздальцы же пришедше со всею силою своею и паки стояху подъ градомъ три дни; в третію же нощь иже тогда святѣйшему архіепископу Іоану стоящу и молящуся Христу Богу нашему со слезами пред честнымъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа о избавленіи от нашедшаго на градъ и слыша глаголъ глаголющъ: иди в церковь Господа нашего Іисуса Христа, иже на Ильинѣ улицѣ, и возми тамо образъ Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала града противу супостатъ, и абіе узриши спасеніе граду. Чюдный же той архіепископъ Іоанъ, яко слыша гласъ неизреченный, радости исполнися и умомъ дивяся, и пребысть без сна всю нощь; и паки утру бывшу, созва соборъ, и повѣда имъ бывшій гласъ к нему: народъ же слышавше и прославиша Бога, и со гласомъ яко нѣкую силу воспріимше дерзаше; посемъ свати-

(¹) Здѣсь одно слово не разобрано.

Digitized by Google

тель посла по протодіакона с клиросомъ принести честную икону на соборъ. Протодіаконъ же пришедъ в церковь, поклонися чюдотворному образу пресвятыя Богородицы, и хотя взяти, и абіе не подвижеся с мѣста своего. Онъ же шедъ, повѣда святителю; святитель же иде со тщаніемъ соборомъ, и пришедъ в церковь, падъ на колѣни свои пред образомъ Владычицы Богородицы, моляшеся со слезами, глаголя: О премилостивая Госпоже, Дѣво Богородице! Ты еси упованіе, и надежа, и заступница граду нашему! И прочая молебная благовѣрно святѣй Богородицѣ. И абіе видимъ честную ону икону о себѣ подвигшуся; народъ же видѣвще сіе неизреченное чюдо и взываху: господи помилуй! Святитель же Іоанъ, вземъ честную икону любезно и съ прочимъ народомъ облобызавъ ю, и даде съ (ю?) двѣма діяконома; самъ же с народомъ послѣдоваша молебная совѣщающи, и посемъ вознесоша честную икону противу ратныхъ на забрала града; и бысть яко часъ шестый, се начаша больми ратовати, и испустивше стрѣлы яко дождь на градъ, и абіе честная она икона обратися лицемъ, а не токмо образомъ, но и милосердіемъ. Увидѣвъ же святитель слезы от иконы яко нѣкіи едесскій источникъ, и пріятъ я (на) ѳелонь свой. И разгнѣвася Господь на сопротивныхъ; и в той часъ покры ихъ тма; и начаша другъ друга сѣщи и на смерть предавати. Гражане же, видѣвше таковую побѣду на сопротивыхъ, и вышедше из града, овыхъ избиша, а иныхъ живыхъ емьше, богатствомъ (же) и плѣномъ довольно исполнишася, помощію святыя Богородицы. Богу нашему слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПУТЕШЕСТВІИ ІОАННА НОВГОРОДСКАГО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПУТЕШЕСТВІИ ІОАННА НОВГОРОДСКАГО,

(Рукопись Румянц. Муз. № 134 рук. XVI в.)

Слово о великомъ Іоанне архиепископе Великаго Новаграда, како былъ во единой нощи из Новаграда во Иерусалимъ градъ и паки возвратися въ Великій Новъградъ тоѣже нощи. Великій.

Понеже оубо нѣсть се достойно молчанію предати, еже Богъ сотвори святителемъ своимъ Иоанномъ, иногда же бываетъ со искушеніемъ надъ святымъ попоущеніемъ Божіемъ, да болма прославятся и просвятятся, яко злато искоушенно. Прославляющаго мя, рече, прославлю: дивенъ бо есть Богъ во святыхъ своихъ; Богъ прославляя святыя своя; и паки рече Христосъ: се власть дахъ намъ над духы нечастыми. Во единъ оубо от дни и святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя совершающе, имѣяше же святый сосоудъ с водою стоящъ, святый из него же оумывашеся; и слышавъ въ сосоудѣ ономъ никотораго боробрюща в водѣ, и приде скоро святый, оуразоумѣвъ бѣсовское мечтаніе, и сотвори молитвоу, и оградѣ сосоудъ, лоукавому запрети бѣсоу; хотяще возстрашити святаго, но приразися твердомоу адамантоу, твердаго жъ адаманта не поколеба и самъ вселоукавый сотреся; и не на долгъ часъ, и не могий часа терпѣти бѣсъ, нача вопѣти: о лютѣ ноужде сея! се бо палимъ есмь огнемъ: немогоу терпѣти; скоро испоусти, святче Божій! Святый же рече: кто еси и како сѣмо приде? Діаволъ же рече: азъ есмь бѣсъ лукавый; и придохъ смутити тя; мняхъ бо яко человѣкъ оустрашишися, и от молитвы оупразднишися; ты же мя злѣ заключи в сосоуде семъ; се бо яко огнемъ палимъ есмь зѣло: горе мнѣ окаянъномоу! како прелстихся, како внидохъ сѣмо: недооумѣюся! нынѣ же поусти мя, рабе Божій, и отселѣ не имамъ пріити сѣмо! Надолзѣ вопиющоу неприязненноу, святый рече: се за дерзость твою повелѣваю ти: сеи нощи донеси мя из великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, и постави мя оу церкви, идѣже гробъ Господень; изъ Еросалима сее же нощи в келіи моей, в ню же дерзноулъ еси внити; и азъ тя поущу. Бѣсъ же всячески обѣщася сотворити волю святаго; токмо, рече, испоусти мя, рабе Божій, се волоти (?) стражоу. Святый же запретивъ бѣсоу, испоусти, рекъ: да боудеши яко конь оуготовленъ, предстояй предъ келиею моею, и да имамъ внити на тя, и совершити желаніе свое. Бѣсъ же изыде яко тма из сосуда, и ста яко конь пред кельею святаго, яко же требѣ святомоу. Святый же изыде из келью своея и вооружи себе крестомъ и благословеніемъ, и всѣде нань, и обрѣтеся тое же нощи во Іеросалимѣ градѣ близъ церкви святаго, идѣже гробъ святаго и животворящаго древа. Бѣсоу же запрети, да не отидетъ от того мѣста. Бѣсъ же стоя никако могій двигноутися с мѣста, дондеже святый приде к церкви святаго воскресенія, и ставъ пред дверьми церьковными, и преклонивъ колѣни, помолися, и отверзошася двери церковныя сами о себѣ, и свѣ-

Digitized by Google

щи и паникадила въ церкви оу гроба Господня возгѣжьщася Святый же благодарьствие Бога, и пролия слезы, и поклонися гробоу Господню и облобыза, и тако же и животворящемоу древоу, и всѣмъ святымъ мѣстомъ, образомъ, иже соуть в церкви. Святый же изыде из церкви, совершивъ желаніе свое; и паки двери церковны о собѣ затворишася. И обрѣше святый бѣса стояща на томъ мѣстѣ, идѣже повелѣ емоу, яко коня оуготована, и всѣде нань святый, и обрѣтеся тое жъ нощи в Великомъ Новѣградѣ в келіи своей, и отходя бѣсъ из келіи святаго, и рече: о Иванне! ты мя потроудивъ единой нощи донести себе из Великаго Новаграда во Иерусалимъ градъ, се бо тое же нощи в Великій Новъградъ изъ Еросалима града; се бо запрещеніемъ твоимъ яко оузами нераздрешеньно держимъ быхъ и бѣдыни сия претерпѣхъ; ты же не повѣси никомоу же збывышаяся о мнѣ; аще ли повѣси, азъ яже на тя имамъ искоушеніе навести: имаши бо яко блоудникъ осоуженъ быти, и много пороуганъ, и на плотъ положенъ нарѣцаемей рѣки Волховѣ. Сия же блоудящоу лоукавомоу, святый же сотвори крестное знаменіе, изчезе бѣсъ. Никогда же бы святомоу, яко же имѣяше и обычай, оупражняющоуся въ духовной бесѣдѣ со честными игоумены и со искоуснѣйшими иереи и з богобоязнивыми моужи, оученіе свое простирающоу, еже на пользоу, людомъ же послоушающимъ в сладость оученія святаго, не лѣнивъ бо бяше еже поучати люди, тогда же о иномъ нѣкоторомъ сказоуя, еже збыться из немъ. Азъ, рече, свѣмъ таковаго человѣка бывша во единой нощи из Великаго Новаграда во Иерусалимѣ градѣ, и поклонився гробоу Господню, и паки тое же нощи возвратившася в Великій Новъградъ. Игоуменомъ же и всѣмъ людемъ оудивльшимся о семъ; и оттого времени попоущеніемъ Божиимъ нача бѣсъ искоушеніе на святаго наводити. Народи же оубо града того многажды видяхоу яко женоу блоудницоу текоущи из кельи святаго; народи же соблажняхоуся отселе и много же начальницы града того, приходяще в келию святаго, благословенія ради, видятъ монисто дѣвичье лежаще, и сандалия женьская, и рубища, и о семъ оскорбляхоуся, недооумѣяхоуся что рещи. Вся сия бѣсъ мечтоуя показовашеся имъ, да востаноуть на святаго, и возглаголятъ неправедная, издженоутъ. Народи же с начальники своими совѣтовавше рекоша къ себѣ: неправедное же таковомоу святителю быти на апостольскомъ престолѣ блоудникоу соущоу: идемъ и издженемъ! И о таковыхъ людехъ Давидъ рече: нѣмы да возглаголютъ оустны лстивыя, глаголющая на праведнаго беззаконіе гордынею и оуничиженіемъ; понеже онѣ мечтанію бѣсовскомоу вѣры имъше, имуще же яко и жидовъскоую сонъмицоу. На предлежащее же возвратимся. Пришедши народъ къ келии святаго, бѣсъ же потече народомъ зрящимъ во образѣ отроковицы, яко из келии святаго. Народи же восклицаша да изымоуть еи. И не можахоу гнавше во дольно (¹). Святый же слышавъ молвоу народа оу келіи своей и изыде к нимъ и рече: что есть, чада? Они же наглашався яже видиша, святого же глаголомъ не внимахоу, и осоудиша его яко блоудника, имше его ноудима, пороугашася емоу, и недооумѣяхоуся, чтобы сотворили емоу, и оумыслиша тако: посадимъ его на плотъ на рѣцы на Волховъ, и да выпловетъ из града нашего внизъ по рецы. И выведоша святаго и цѣломудреннаго і великаго святителя Божия Иванна на великій мостъ, еже есть на рецѣ на Волъховѣ, и низвысивше святаго, на плотъ посадиша. И збысть лоукаваго діавола мечтаніе. Діаволъ же нача радоватися, но Божия благодать преможе, и святаго вѣра к Богоу молитва. Егда же посаженъ бысть святитель Божій Иванъ на плотъ, на рецы на Волховѣ, и поплове плотъ въ верхъ рѣки, никимъ же пореваемъ, на немъ же святый сѣдяше противоу великия быстрины, еже есть оу великаго мостоу, ко святого Георгию монастырю. Святый же молящеся о нихъ, глаголя: Господи! не постави имъ грѣха сего; не видятъ бо что творятъ! Діаволъ же видивъ, посрамися, возрыдася. Народѣ же, видѣвше таковое чюдо, разтерзахоу ризы своя и возвращахоуся рекоуще: согрѣшихомъ; неправедное со-

(¹) Въ текстѣ *долино*, на поляхъ приписано *ев дальноу*.

дѣяхомъ о отцы семъ; пастыря осоудихомъ; се бо видѣмъ яко от бѣсовьского мечтанія се сотворися намъ! И скоро шедше в великоую церковъ Премудрости Божию; и велѣша священномоу собороу: иереомъ и діакономъ, со кресты пойти в верхъ по брегоу рѣки Волъхова къ святаго Георгия монастырю, и молити святаго, дабы возвратился на престолъ. Священный же соборъ скоро со тщаніемъ взяша честныя кресты и иконоу Пресвятѣй Владычицѣ нашеи Богородицы, яко же лѣпо бѣ, и пойдоша по брегоу въ верхъ рѣки Волъхова, во слѣдъ святаго, молящеся, дабы возвратился на престолъ свой; тако же и народи они, иже преже ковъ на святаго воздвѣгше, текоуще по брегоу рѣки Волъхова къ святаго Георгия монастырю, оумиленъ гласъ испущахоу, глаголюще: возвратися, честный отче, великій святителю Иванъне, на престолъ свой, и не остави чадъ своихъ сирыхъ, и не помяни, еже согрѣшихомъ к тебѣ! Предвариша святаго и носящихъ іереевъ честныя кресты близъ святаго Георгия от монастыря яко полъ поприща, и сташа, преклоняюще главы своя до земля, молящe святаго, слезы проливающе, тако же глаголюще, якожъ рѣхомъ: возвратися, честный отче, пастырю нашъ, на престолъ свой; грѣхъ бо нашъ пред нами есть всегда; пред тобою согрѣшихомъ, діавола лоукаваго мечтаніемъ прелстихомся; тако сотворити дерзноухомъ; яко оубо безотвѣтні прощенія просимъ; но о боголюбче, и благословенія твоего сподоби насъ! И на многа глаголахоу, молящe святаго; не скоро бо пловяше святый на плотѣ ономъ противу великіе быстрины, но яко нѣкоторою божественноую силою носимъ благоговѣйно и честно, не бо предваряше носящихъ честныя кресты по брегоу, но равно святый пловяше с носящими иереи и діаконы честныя кресты; и егда священный соборъ с честными кресты пріидоша к мѣстоу, идѣже они народи стояще бяхоу, и начаша вкоупѣ больма молити со слезами святаго, дабы возвратился на престолъ свой. Святый же послоуша моленія ихъ; яко по воздоухоу носимъ, ко брегоу приплове, и воставъ с плота, сниде на брегъ святый. Народи же, видѣвше, радовахоуся, яко оумолиша святаго возвратитися, и плакахоуся, еже согрѣшиша ко святомоу, прощенія просяще. Беззлобивая же она душа прощенія сподобляетъ ихъ. Мнози же от нихъ на нозѣ падающе, слезами обливахоу нозѣ его! дроузии же ризами знаменахоуся святаго, и с проста рещи, дроугъ дроуга оутѣсняхоу, хотяще поне видѣти святаго. Святый же благословяше ихъ; и тако пойде со кресты чюдоносивыи архиерей Божий Иванъ во святаго Георгия монастырь, и со священнымъ соборомъ молебная совершающе пѣнія и множества народа вослѣдоующимъ и глаголющимъ: Господи помилуй! Архимандритоу же и инокомъ монастыря того не вѣдоущимъ, яко архиерей Божій Иоанъ грядетъ в монастырь. В то же время въ святаго Георгия монастыри бѣ нѣкій человѣкъ яко оуродъ ся творя, прозорлива же дара имѣя от Бога благодать; сей скоро притече къ архимандритоу монастыря того толъкій въ двери келия его, и глаголя: изыди противоу великаго святителя Божия Иоанна, архиепископа великаго Новаграда и Пскова; сей грядетъ к намъ в монастырь. Архимандритъ же оусумнѣвся, и посла скоро видѣти бывъшаго. Посланьнія же шедше и оувидѣша от народа, тоу соущаго, вся бывшая яко о святѣмъ, и скоро возвратившеся и возвѣстиша архимандритоу. Архимандритъ же повелѣ в тяжькая звонити. И сшедшимся инокомъ великия тоя лавры, и вземъше честныя кресты, и изыдоша из монастыря противоу великаго святителя Божия Иоанъна. Святый же видѣвъ, когождо ихъ благословяше, и пріиде в монастырь, и вшедъ в церковь святаго великомученника и страстотерпца Христова и славнаго чюдотворца и побѣдоносца Георгия, со архимандритомъ манастыря того, и всѣмъ священнымъ соборомъ, и со иноческимъ чиномъ, и со множествомъ народа, молебъная совершивъ, и тако с великою честию возвращается на престолъ свой въ Великій Новъградъ. Сия же самъ о себѣ исповѣда священномоу собороу и прочимъ людемъ: како хотяше его бѣсъ пострашити, и како былъ во Иерусалимѣ градѣ во единои нощи из Великаго Новаграда, и вся, яже събысъться ему, порядоу сказа, яко же преди речеся; и оучаше

Digitized by Google

ихъ святый, глаголя: чада! со испытаніемъ всяко дѣло творите; да не прельщени будете діаволомъ; да некогда с добродѣтелію и злобу приплетеноу обрящете, и соудоу Божию повинъни боудете: страшно бо есть внасти в роуцѣ Бога жива! И о семъ мало да премолчимъ. Князь же и начальницы града того, совѣтовавше со множествомъ народа, поставиша крестъ каменъ на томъ мѣстѣ на брегоу, идѣже пріплове святый, иже и до нынѣ стоитъ во свидѣтельство преславномоу чюдеси святаго, в наквзаніе соньмицы Великаго Новаграда, да паки тако не дерзаютъ скоро без испытанія святителя осоужати и изженоути. О святыхъ бо своихъ Христосъ рече: блаженни изгнани правды ради; яко тѣхъ есть царство небесное! А иже святыя изгоняти без правды кий отвѣтъ имоуть?

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПОСТРОЕНІИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖНИЦЫ

ВЪ НОВѢГРАДѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

О ПОСТРОЕНІИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

(Рукоп. Библ. Румянц. Муз. № 39.)

Повѣсть древнихъ лѣтъ, яже содѣяшась въ Великомъ Новѣградѣ. О посадники Добрынѣ.

Въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ Рускихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ седмидесяти городовъ посла своего, биша челомъ архіепископу Новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ и всему Великому Новугороду, глаголюще: милые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себѣ, посреди Великаго Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю. И новгородци отмолвиша имъ рекуще: милостію Божіею и его пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашеи великихъ князей Рускихъ, въ Великомъ Новѣгородѣ, стоятъ всѣ церкви православные нашіа вѣры христіанскіа, ино кое причастье свѣту ко тьмѣ, такожъ и вашеи божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именемъ, и нѣмци слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: всѣ послушаютъ злата. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повелѣ нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: толко нашей божницѣ храму святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ. И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новогородскіе, пачаша бити челомъ господину своему, отцу архіепископу имя рекъ и всему Великому Новуграду, рекуще: пожалуйте поволите нѣмцомъ поставити ропату по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбятъ; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ у ихъ не быти. Тажъ и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начатъ говорити: толко не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городамъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велми будетъ нужно; и архіепископъ и новгородци послуша(ша) посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволиша нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоитъ церковь древяна святаго Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь святаго Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцомъ; Предтеча жъ Господень не терпя вражія навѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради; въ нощи убо той услыша по-

Digitized by Google

номарь тоя церкви предтечевы гласъ глаголющь ему: заутра на третьемъ часу дневномъ иди на великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити добрынина посадничья чюда. И пономарь заутра возвѣсти новгородцемъ якоже слыша, и абіе стекошась множество народа на великій мостъ видѣти, что хощетъ быти. И како жъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими, и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженей, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ переимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, не получи и погребенія, яже есь обычай православнымъ. Сіи ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго Николы, отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго,

---

О той же ропатѣ.

И яко же съвръшиша нѣмцы ропату свою, и наяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіяномъ и на соблазнъ; и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа не доложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ смыло дождемъ, якоже не явитись ни знаменію. Писанія сія же до здѣ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда э'а составилась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдовательно гораздо позже дѣйствительнаго построенія варяжской божницы (римско-католической церкви для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 39.)

Той же чудный мужъ Сергіе повѣда о Благовѣщенской церкви монастыря Благовѣщенскаго, яже създаша два брата по плоти, потомъ же оба бывша архіепископа Великому Новугороду, именемъ Григорій и Иванъ. Сія убо бѣста братія себѣ по плоти, бѣста же благородну и благочестиву и богату родителю чада, имѣша жъ оба жены собою любовь, яко истинная братія плотію и духомъ, яко же видѣста родителя своя преставльшась, имѣніа же много имъ много оставльша, имѣста вѣру велию къ Пречистой Богоматери и владычицѣ нашей Богородицѣ приснодѣвѣ Маріи, помыслиста създать монастырь во имя Пречистые честнаго ся Благовѣщенія, и якожъ поставиша церковь в началѣ древянну, и монастырь соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша, и келія и трапезу тожъ. Не по мнози времени совѣщастася поставити церковъ; яко начаша созидаши, и доспѣша до раменъ, не доста сребра на свръшеніе; они же начаша тужити, невѣдуще что сотворить, и отъ многия печали и срама помолишася Пречистой Богоматери, глаголюще: ты убо, Владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ Сыну твоему и Богу нашему, и къ Тебѣ, яко со всѣмъ усердіемъ и вѣрою на дѣло сіе пречестнаго твоего храма подвигохомся, и намъ на съвршеніе храма твоего пречестнаго сего, посли намъ помощь свою, Владычице, и не посрами насъ, рабъ своихъ; яко начахомъ здати и не можемъ съвръшити безъ твоея помощи, недоставшу сребру, яже къ совръшенію. Сѣтующима же има о сребрѣ, вкупѣ жъ и молящимася милостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, является имъ Пречистая Царица Богомати во снѣ, глаголя имъ: что убо въ толику печаль и сѣтованіе вдастась о созданіи церькви моея, любимая мною раба Божія? Не презрю моленія вашего, и вѣры, и любве; вскорѣ убо пошлю вамъ, яже къ совръшенію, яко и на ину потребу преизбудетъ, токмо потщитесь къ дѣлу и не оскудѣиша вѣрою. Тожъ видѣніе оба брата видѣста и слышаста; воставша отъ сна, радостна и надеждею укрѣплястася; въ той же день, по отпѣтіи убо пѣнья утренняго, изыдоста оба брата предъ врата монастырская, по обычью напредъ всѣхъ; къ Божію же устроенію и его Пречистыя Богоматере, видятъ оба брата не въ мечтаніи, но явѣ, конь велми дивенъ, предстоящь предъ враты монастырскими, обузданъ позлащенною уздою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, яздящаго жъ на немъ не бѣ; стояше жъ кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она къ себѣ. Она жъ дивящеся велми, зряще красоты и величества коня онаго; и абіе страхомъ и радостью обьята быста,

Digitized by Google

приступиста къ коню; и видятъ два чемоданца не мала, по обѣ странѣ сѣдла висяща, полна суща, и дивистася коня онаго стоянію и кротости, и помыслиста отъ Бога послану ему сущу, тажъ смѣя и не смѣя, помянувше Пречистые имя, взяста мѣшца она съ сѣдла оба; конь же не обрѣтеся, и начаша радующеся разрѣшати мѣшца; и обрѣтоша въ единыхъ злато, а въ другихъ сребро, полна суща оба; милостію же Божіею и Пречистые Богоматере совръшиста церковь, и украсиста всякою лѣпотою, иконами, и подписми, и книгами, тажъ и селъ довольно куписта, и предаста монастырю; прочее жъ даша игумену и братіи, тажъ и сами взяста на ся иноческій образъ, и пожиста въ томъ монастыри въ постѣ и молитвахъ и въ прочихъ добродѣтелехъ просіяста, и Богу угодиста. И Богъ ихъ прослави, добрыхъ ради дѣлъ ихъ: взята быста единъ по единому по времени на архіепископскій столъ Великаго Новагорода и Пскова, и добрѣ упасше порученное имъ стадо, и положена быста оба въ соборной церкви святыя Софіа. А у Благовѣщенья церкви положенъ бысть архіепископъ Ѳеоктистъ; бѣ бо изъ того монастыря взятъ на престолъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Построеніе Благовѣщенскаго монастыря по новгородской лѣтописи (П. С. Лѣт. III 15) случилось въ 1170 г. при архіепископѣ Иліи, въ монашествѣ Іоаннѣ, томъ самомъ, при которомъ въ 1169 г. (П. С. Лѣт. III 15) Новгородцы одержали побѣду надъ Суздальцами, описанную въ одномъ изъ предыдущихъ памятниковъ, и къ которому относится повѣсть о чудесномъ путешествіи въ Іерусалимъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНІИ РИМЛЯНИНѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНІИ РИМЛЯНИНѢ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 154.)

Сказаніе о житіи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія римлянина і ѡ прихожденіи ѿ града Рима к великіи Новгород.

Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Антоніи родися во градѣ велицемъ Римѣ, иже от западныя части и от италийския земля, от латынска языка, от християну родителю, и навыче вѣре християнстей, ея же держаста родителя его в тайнѣ, крыющеся в домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры християнъския и преложися в латыни, конечно отпаде, от папы Формоса даже и до днесь; и ина многа о отпаденіи Римъскомъ повѣда ми и о богомерской ереси ихъ, но оубо о семъ да премолчимъ. Отецъ же его и мати преподобнаго Антонія въ добрѣ исповѣданіи отъидоша къ Богу. Преподобный же навыче грамоте, изучи вся писанія греческа языка, и прилѣжно начатъ чести книги ветхаго и новаго завѣта, и преданіе святыхъ отецъ седьми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру християнскую, и вожделѣ восприяти иноческій образъ, и помолися Богу, и раздая имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочая от имѣнія своего вложи в сосудъ в дельву, рекше в бочку, и закопавъ и всякою крѣпостию оутвердивъ, скры и предасть морю; самъ же понде от града в дальныя пустыни взыскати мниховъ, живущихъ и тружающихся Бога ради, крыяся от еретикъ в пещерахъ и в разсилинахъ земныхъ, и Божіимъ промысломъ въскорѣ изообрѣте мнихи въ пустыни живущихъ, в нихъ же бѣ единъ имѣяше презвитерскіи чинъ. Преподобный же Антоніи много моляшеся имъ со слезами, дабы его причкли къ своему Богомъ избранному стаду. Они же много его вопрошаху с прещеніемъ о християнъствѣ и о ереси римъстей, боящеся искушенія от еретикъ; онъ же имъ христіяна себе вповѣдавъ; они же ему рекоша: чадо Андрѣе! понеже юнъ еси, не можеши терпѣти посътническаго жития и трудовъ черническихъ. Понеже ему бывшу в то время 18 лѣтъ; и ина многа емоу прещаху. Онъ же неослабно кланяяся имъ и моляся о воспріятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое: постригоша его во иноческій образъ. И пребысть же преподобный с ними въ пустыни той двадесять лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощъ. Бысть же, рече, вдалие насъ яко тридесять поприщъ въ пустыни возграждена от ту живущихъ мниховъ церкви мала во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Обыча иже бяше всѣмъ мнихомъ ис пустыни сходящимся къ неліцеи соботѣ; презвитеры же і дияконы литоргисавъ божественную службу и всѣхъ причастивъ божественныхъ тайнъ, весь же день той и нощъ поюще, и молящеся. Во оутріи же на самый день свѣтлаго Христова тридневнаго его Въскресенія на Святоую Пасху, пѣвъ заоутренюю и святую божественную литоргию;

Digitized by Google

такоже причащався святыхъ и пречистыхъ божественыхъ и животворящихъ христовѣхъ тайнъ, и отхождаше кожьдо во свою пустыню. Ненавидяй же добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на християны. Послаша князи града того и папа по пустынямъ и начаша имати мнихи, предаяху на мученіе. Преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго христова стада от страха того разшедшимся по пустыни, и не возвѣдаше другъ друга, и начатъ же преподобны Антоніи жити при мори не въ проходныхъ мѣстехъ, толико на камени нощи и дни беспрестани стоя, и моляся Богу, и никако же покрова ни хижа не имѣяше, точию мало пища въкушая от недѣля и до недѣля, еже принесе ис поустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобный Антоній годищное время и мѣсяца два, и толико трудися къ Богу, моляся в постѣ и во блѣніи и въ молитвахъ, елико ангеломъ подобенъ бысть. Но понеже оубо тайну царьскую подобаетъ хранити, похвально безбѣдно есть и вельми полезно хранящимъ ю, да нѣкимъ же невѣдома будетъ, да не инако будетъ царьское повелѣніе; дѣла же Божия и чюдеса преславная, творима святыми его, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко с высокимъ преповѣданіемъ и ізвещаніемъ сия проповѣдати и ничто же от нихъ скрыти или забвенію предати, во общую пользу и спасеніе всѣмъ христоименитымъ людемъ. Бысть в лѣто 6614 мѣсяца сентября въ пятый день на память святаго пророка Захарія отца предтечева, восташа вѣтри велицѣ злѣ и море восколебася, яко же николи же быша, тако и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же преподобный Антоній пребывше стоя, и безпрестанныя молитвы возсылааше Богоу; абие внезапу едина волна напрягшися и подъятъ камень, на немъ же преподобный стояше, и несе его на камени яко бы на карабли легцѣ, никако же ничимъ ни повреди ни оустраши; преподобный же стоя и безпрестани моляся Богу. Возлюби оубо Бога всею душею своею; сладость бо и просвѣщеніе и радость присно есть любящимъ его, и яко же възлюбі и присно, тако же в немъ живетъ Богъ; ревнитель есть пречистый святый; и живетъ въ души боящагося его, и творитъ волю возлюбившаго его. Преподобный же имѣя образъ его въ сердцѣ своемъ присно икону Божию преславьну не шаромъ на досцѣ образованъну или на иномъ чесомъ, но тоу, глаголю, икону Божию бываемую добрыми дѣлы, постомъ, въздержаніемъ, исправленіи добрыми, бдѣніемъ и молитвами, списуя себѣ сокровеньно въ сердцы выну шаромъ иконнымъ образомъ небеснаго Владыкы, и зряще оумныма очима из облака Пречистую Богородицу держащи пречистыма своима рукама превѣчнаго младенца Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. И не свѣмъ, рече, когда день когда ли нощъ, но свѣтомъ неприкосновеннымъ обьятъ бысть. Камени же текущоу по водамъ, ни кормилца имущи, ни кормчия, ни разумъ человѣчь можетъ изрещи: ниже скорьбъ, ни страхъ, ни туга ни иная которая печаль, ни алчба, ни жажда не пріиде къ преподобномоу, но токмо пребысть моляся Богу во оумѣ своемъ и веселяся душею; и от римския страны по теплому морю, из него же и в рѣку Неву, из Невы в Нево езеро, и із Нева же езера в верхъ по рѣцѣ Волхову противо быстринъ неизреченныхъ, да иже и до мѣста сего камень не приста нѣгдѣже. И приста камень, на немъ же преподобный стоя и моляшеся, при брегѣ великия рѣкы, нарицаемей Волхова, на мѣстѣ семъ, въ третью стражу нощи, в сельцы, еже именуемо Волховско, и во время заутренняго пѣнія начаша во градѣ звонити къ заоутреннему пѣнію. И оуслыша преподобный звонъ великій по граду и стояше во страсѣ мнозѣ и в недоумѣніи, и от страха же начатъ быти в размышленіи и во оужасѣ велицемъ, и чаяше яко ко граду к Риму принесенъ бысть на камени. Нощи же мимошедъши, дневному оуже свѣту наставшу, солнцу же восиявшу, стекошася ко преподобному людие, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго, дивящеся; и пріидоша к нему, и начаша его вопрошати о имени и отчествѣ, и от коея страны прійде? Преподобному же нимало руску языку оумѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше имъ отдати; но токмо имъ поклоненіе творя-

Digitized by Google

ше, Самъ же с камени не смѣяше поступити. И пребысть ту три дни и три нощи на камени стоя и моляся Богоу; в четвертый же день преподобный, помолився Богу на многъ часъ о оувиденіи града и о людехъ, и дабы ему Богъ такова... бы повѣдалъ о градѣ семъ и людехъ. И сниде преподобный с камени, и поиде въ градъ в великій Новъградъ, и обрѣте человѣка греческия земли, гость будѣющий купецъкій чинъ имуща, иже оумѣяше римъскимъ и греческимъ и рускимъ языкомъ, и оузривъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же ему повѣдаше имя свое, християна себе нарече, и грѣшна инока и недостойна ангельскаго образа. Купецъ же онъ, падъ к ногама святаго, прошаше благословенія от него. Преподобныи же благословеніе ему дарова и о Христѣ цѣлованіе. Воспросивъшоу же его преподобному о градѣ семъ, и о людехъ, и о вѣрѣ, и о святыхъ Божіихъ церквахъ, готъфинъ же преподобному повѣдаше вся по ряду, глаголя: градъ сій есть Великій Новъградъ; людие же в немъ православну християнскоую вѣру имуще; соборная церкви святая Софѣя Премудрость Божия; святитель же во граде семъ епископъ Никита; владѣющю же градомъ симъ благочестивому великому князю Мстиславоу Володимеровичю Манамаху, внуку Всеволодову. Преподобный же слыша от гречанина сего повѣсти сия, возрадовася душею, и всесильному Богу велие благодареніе воздааше во оумѣ своемъ. Воспроси же преподобный гречанина готъфина еще глаголя: мнѣ повѣждь, друже, коликое растояніе от града Рима до града сего, и в колико время преходятъ людие путь сей? Онъ же ему повѣда и рече: далная страна есть и нуженъ путь есть по морю и по суху; едва преходятъ гость будѣюще и в полъгодищное время, аще кому Богъ поспѣшитъ. Преподобному же размышляюще и дивящеся в себѣ о величіи Божии: како в два дни и в двѣ нощи толику долготу пути прейде, и едва от слезъ оудержася в то время, и поклонися ему до земля; миръ и прощеніе ему даровавъ. И вниде преподобный во градъ помолитися святѣй Софѣи Премудрости Божіи и великаго святителя Никиту видѣти. И видѣвъ церковное благолѣпие, и чинъ, и святительскій санъ, вельми возрадовася душею, и помолився и обхождаше всюду, и паки отъиде на мѣсто свое, святителю же Никитѣ в то время никако же явися преподобный, понеже еще не навыкъ словенъску и руску языку и обычаю. И начатъ же преподобный молитися на камени своемъ, стоя день и нощъ, дабы ему Богъ открылъ рускій языкъ. И видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды. И начаша приходити к нему иже ту живуще близъ людие и гражане, молитвъ ради и благословеніа, и Божиимъ промысломъ преподобный вскорѣ от нихъ начатъ разумѣти и глаголати рускимъ языкомъ. Людемъ же вопрошающимъ его о отчествѣ и коея земля рожденіе и воспитаніе, и о пришествіи его, преподобный же никако же имъ повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣже времени дойде слухъ о немъ до святителя Никиты того Великаго Новаграда. Святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести пред себя; преподобный же въ страхѣ в велицѣ бывъ, еще же и радостию одержимъ бысть, иде ко святителю в велицѣ смиреніи; святитель же въведе его въ келию свою. Сотворивъ молитву, преподобный рече: аминь. И приемлетъ преподобный благословеніе от святителя со страхомъ и любовию, яко от Божия руки. Святитель же Никита провидѣвъ Духомъ Святымъ еже о преподобнемъ, и начатъ вопрошати его о отчествѣ, и о пришествіи его в Великій Новъградъ; откуду и како прійде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати тайны, ради человѣческия славы, но токмо себе грѣшна именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и со заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго, и рече: мнѣ ли, брате, не повѣси тайны своея? а вѣси яко Богъ иматъ открыти нашему смиренію, яже о тебѣ; ты же преслушанія судъ пріймеши от Бога. Преподобный же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ и плакася горько, и моля святителя, да не повѣсть тайны сея никому же, дондеже преподобный в жизни сей. И повѣда о себѣ тайну на единѣ святителю Никитѣ, все по ря-

Digitized by Google

у о отчествіи своемъ, и о воспитаніи, и о прихожденіи своемъ из Рима в Великій Новъградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сия слышавъ от преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко ангела Божия, и воставъ от мѣста своего и отлагаетъ жезлъ пастырьскій, и на многъ часъ ста и моляся, и дивяся бывшему, яко же прославляетъ Богъ рабъ своихъ. По молитвѣ же рече преподобный: аминь. Святитель же Никита падъ предъ преподобнымъ на землю, прося благословенія и молитвы от него; преподобный же падъ предъ святителемъ на землю, моляся и прося благословенія, себе же недостоина и грѣшна именуя. И оба лежаста на земли и плакастася, помачая землю слезами на многъ часъ, другъ оу друга просяще благословенія и молитвы. Святитель же Никита рече къ преподобному: ты велика дара сподобленъ еси от Бога и древнимъ чюдесемъ, оуподоблъся еси Ильи Фезвитянину или апостоломъ, иже на оуспеніе Пречистеи Богородици принесени быша на облацехъ. Тако и градъ нашъ Господь тобою пресети, своимъ оугодникомъ новопросвѣщенныхъ людей благослови и пресети. Преподобный же рече къ святителю; ты еси иерѣй Бога вышнаго! ты помазанникъ Божій; тебѣ довлѣетъ о насъ молитися! Святитель же воставъ от земля и не можаше оутѣшитися от слезъ, вездвизаетъ преподобнаго от земля, давъ ему благословеніе, и о Христе цѣлованіе, и много бесѣдовавъ съ преподобнымъ, и никако же можаше насытитися сладкихъ и медоточныхъ словесъ от преподобнаго, и хотѣ прославити чюдо, но не хотяше преподобнаго моленія презрети. Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно оу него, и пребывалъ с нимъ до исхода души своея. Преподобный же никако восхотѣ сего сотворити, и отвѣщавъ, рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене; довлиетъ бо на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ! Святитель же Божій Никита давъ благословеніе, и отпусти преподобнаго с миромъ на благоизбранное мѣсто. Не по мнозѣ же времени поѣха Никита епископъ ко преподобному Антонію видѣти камень сій и мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на столъпѣ, и никако же схожаше, моляся Богу день и нощъ; яко оузрѣ святителя грядуща к нему, сшедъ с камени, и поиде во срѣтеніе емоу, пріимъ благословеніе и молитву от святителя. Начатъ же святитель дивитяся в себѣ о чюдеси, и обхожаше мѣсто села того сюду и сюду; и рекъ преподобному святитель Никита: изволилъ Богъ и Пречистая Бегородица, и избра мѣсто сие, хощетъ да воздвигнется твоимъ преподобствомъ храмъ Пречистей Богородици честнаго и славнаго ея рождества, и будетъ обитель велия во спасеніе мнихомъ; понеже на предпразднество того праздника на се поставилъ тя Богъ на мѣстѣ семъ. Преподобный же рече: воля Господа да буди! Святитель же хотѣ поставити ему хижицу близъ камени. Преподобный же сего не восхотѣ никако же, но всяку скорбъ терпяше, Бога ради. Святитель же Никита хотя истие оувидети о чюдеси, бояся искушенія, начатъ, разводя наединѣ, селянъ тѣхъ вопрошати о явленіи преподобнаго; онѣ же единодушно рѣша емоу: во истинну, святче Божій, человѣкъ сій Божій по водомъ принесенъ бысть на камени; вся ему по ряду извѣетно и достовѣрно изрекоша о преподобнемъ. Святитель же наипаче возгорися духовною любовию къ преподобному, и дасть благословеніе преподобному, и отъѣха же ко Святей Премудрости Божии Софѣи во дворъ свой.

О зачалѣ Пресвятыя Богородицы Антониева монастыря иже к Великомъ Новѣградѣ.

И святитель Никита посылаетъ по посадниковъ по Иоанна и по Прокофия по ивановыхъ дѣтей посадничихъ, и рече имъ: чада моя, послоушайте мене: есть во отчествіи вашемъ селцо близъ граду, рекомое Волховско. Богъ изволи и Пречистая Богородица воздвигнутися на мѣсте семъ храму Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества и оустроити ея обитель страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возшлется молитва къ Богоу о спасеніи душъ вашихъ и

Digitized by Google

споминовеніе будетъ родителемъ вашимъ. Посадницы же послушаша святителя с любовию и отмѣрша под церковъ и подъ монастырь земли на всѣ страны по пятидесятъ саженъ. И повелѣ епископъ Никита възградити церквицу малу древяноу, и освяти ею и едину келеицу поставити мнихомъ па прибѣжище.

Чюдо преподобнаго и богоноснаго Отца нашего Антониа римлянина о обрѣтеніи сосѣда делкы, сіирѣчь бочки, со имѣніемъ преподобнаго.

По лѣте же единомъ пришествія преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовъцы ловитву дѣюще и чрезъ всю нощъ тружавшеся, не яша ничесоже, и от труда изнемогоша, извлекоша мрежа своя на брегъ и в велице скорби быша. Преподобный же, скончавъ молитву, иде къ ловцемъ и глагола имъ: чадца моя! токмо имамъ гривны слитокъ сребра. Понеже в то время оу новгородъцкихъ людей не бысть денегъ, но лияша слитъки сребряныя, ово гривну, ово полтиноу, ово рубль, и тѣмъ куплю дѣяхоу. И сию гривну слитокъ вдаю вамъ; послушаите нашей худости: вверзите мрежа своя в великую сию рѣку в Волховъ, и аще что имете, то в домъ Пречистая Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: от всю нощъ тружавшися и ничтоже яхомъ, толико изнемогохомъ. Преподобный же с прилежаніемъ моляше ихъ, дабы го послушали. Они же, по повелѣнію преподобнаго, въсергоша мрежа в рѣку в Волховъ и извлекоша на брегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго; едва не проторжеся мрежа, яко николи же тако яша; еще же извлекоша сосудъ древянъ, делву, сіирѣчъ бочкоу оковану всюду обручьми желѣзными. Преподобный же благословяше ловцовъ глаголя: чадца моя! виждьте милость Божию: како Богъ промышляетъ рабы своими; азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу; себѣ же вземлю сосудъ, сіирѣчъ бочку; понеже вручи Богъ на созданіе манастыря. Ненавидяй же добра діяволъ, хотя пакость сотворити преподобному, порази и ожести сердце лукавствомъ ловцовъ тѣхъ; и начаша рыбу давати преподобному, бочкоу же хотяху себѣ взяти, и рекоша ко преподобному: се мы наяхомся оу тебе рыбы ловити, а бочка наша есть. Еще же и жестокими словесы досаждающе и оукаряюще преподобнаго. Преподобный же отвѣщавъ рече: господие мои! азъ с вами пря не имамъ никоея же о семъ, поидемъ во градъ и повѣдаемъ градъцкимъ судиямъ; судия бо есть оучиненъ от Бога еже разсуждати люди Божія. Ловцемъ же оугоденъ совѣтъ преподобнаго, и вложиша бочкоу в лодъѣцу, и вземъше преподобнаго, и вшедъшимъ имъ во градъ, и пришедшимъ предъ судоу, и начаша стязатися съ преподобнымъ. Преподобный же рече: сия ловъцы от всю нощъ тружавшеся, ничто же яша, и от труда изнемогоша; азъ много молихъ ихъ, да быша взяли наемъ оу мене, еже имѣяхъ оу себе гривну слитокъ сребрянъ; онѣ же не хотѣша послушати мене і едва повинуювшися нашей худости, і вземшнаемъ, ввергоша мрежа своя, извлекоша множество рыбъ, еще же и сосудъ, сіирѣчь бочку сию; азъ же имъ отступався рыбы, глаголя: бочку сию вручи ми Богъ на созданіе монастыря Пречистая Владычица наша Богородица и присводѣвы Маріи; они же мнѣ даяше рыбу, а бочку емлюще себѣ. Судия же вопросиша ловъцовъ: рцыте намъ, тако ли, яко же рече старецъ сіи? Они же рекоша: мы наяхомся рыбы ловити; рыбу вдаемъ ему, а бочка наша есть; понеже мы ввергохомъ в воду сию на соблюденіе себѣ. Старецъ же рече: господие мои! вопрошайте ловцовъ сихъ: что они имутъ вложенно еже в бочки сей? Ловцы же недоумѣюще что отвѣчати к тому. Преподобный же рече: сия бочка нашей худости, вдана морстей водѣ в Римѣ сущимъ от нашихъ бо грѣшныхъ рукъ, вложенне же в бочку: сосуди церковніи златы и сребряны и хрустальныи, потиры и блюда, и иная многая от освященныихъ вещехъ церковныихъ, и злато и сребро от имѣнія родителей моихъ, вверженое же в море сокровище сия тоя ради вины, еже бы не осквернилися священныи сосуди от богомерьзскихъ еретикъ, и от присночныхъ бѣсовскихъ жертвъ, подписи же на сосу-

Digitized by Google

дехъ римскимъ языкомъ написаныя. Судия же повелѣ разбити бочку, и обрѣтошася вся по словеси преподобнаго. И даша преподобному бочку. и отпустиша преподобнаго с миромъ, и ктому никто же смѣяше вопросити его. Ловцы же отъидоша посрамлени. Преподобный же Антоній иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда святителю. Святитель же о семъ многу хвалу воздавъ Богу и разсудивъ благорасъсуднымъ своимъ разсужденіемъ. и рече: преподобне Антоніе! на се бо тя Богъ предъпостави по водамъ на камени из Рима спасителя в Великомъ Новѣградѣ, еще же и бочку вверженную в Римѣ вручи тебе, да воздвигнеши церковъ каменну Пречистей Богородицы и оустроиши обитель Преподобный же Антоній полагаетъ сокровище свое во святительстей ризницѣ на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе оу святителя и начатъ строити обитель, и купи землю около монастыря оу посадниковъ градъцкихъ, и со живущими ту иже на той земли с людъми прилучившимися, и до скончанія вѣка, доколѣ Божіимъ строеніемъ миръ вселенныя стоитъ. И при велицей реки Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и межами отмеживъ, писму вдавъ, и в духовную свою грамоту написавъ, и начатъ тружатися безпрестани чрезъ весь день, и труды къ трудомъ прилагая, нощи же без сна пребывая на камени стоя и моляся. И видѣ его богоподобное ангельское житие князь великій Мстиславъ, и святитель Никита, и всѣ старейшины града того и людие, начаша блажити и велию вѣру имѣти, тайны же о пришествіи его не вѣдаше никтоже, развѣ епископъ Никита. И начаша прибиратися братия къ преподобному. Онъ же с любивию приимаше. Мнѣ же священноиноку Андрею Богъ сподобилъ воспринятн ангельскій образъ во обители сей; быхъ въ послушаніи и поученіи преподобнаго.

О создании церкви каменной во которое лѣто по пришествіи преподобнаго. Благослови Отче.

Потомъ начатъ святитель Никита совѣтъ совѣщевати съ преподобнымъ о церкви каменной, дабы заложити церковь каменну; на се бо Богъ сокровище вручи тебѣ. И начатъ преподобный разчитати обрѣтенное в бочки сребро и злато на строеніе храмоу, и рече преподобный: надѣюся на Бога и на Пречистую Богородицу, и на твоя святыя молитвы, токмо ты благословеніе намъ даруй. Святитель же Никита, размѣривъ мѣсто церковное и сотворивъ молитву, и начатъ потшву церковную своима честныма рукама копати: и заложиша церковъ каменну, и соверши Богъ, и подписа чюдно и всякимъ оукрашеніемъ оукрасивъ ея, образы и сосуды церковными златыми и сребряными, и ризами, и книгами божествеными, въ славу Христа Бога нашего и Пречистей его матери, яко же подобаше церкви Божіи; и потомъ обложиша трапезницу каменьну во имя Стрѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и келіи возгради и ограду оустроивъ, и всѣмъ обилиемъ добре оустроивъ, яко же годѣ, имѣнія же преподобный ни от кого же не восприятъ, ни от князь ни от епископа, ни от велможъ градъцкихъ, но токмо благословеніе от чюдотворца Никиты епископа, но все строяше изъ бочки сея, еже из Рима Богъ постави по водамъ в Великомъ Новѣградѣ, и поты и труды своими; и аще кто что принесетъ Бога ради потребная от имѣния своего или пищу, преподобный же тѣмъ братию питая, еще же сиротъ, и вдовицъ оубогыхъ, и нищихъ питая; и потомъ преподобный з братиею и сиротами своими начатъ прилагати труды къ трудомъ. Не по мнозѣ же святитель Христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествие свое от жизни сея, и много наказавъ его, и отъиде къ Богу. Преподобный же в велицей скорби и въ слезахъ бысть о преставленіи святителя Никиты; понеже великъ духовный совѣтъ имѣяше межю собою.

О поставлении преподобнаго Антонія во игумены.

Божию помощию и Пречистые Богородицы и молитвами преподобнаго, начатъ обитель распространятися,

Digitized by Google

и начатъ преподобный и с братиею совѣтъ совѣщевати, дабы избрати игумена себѣ во обитель. Многу же избранію бывшу и не обретоша такова человѣка; начаша братия молити преподобнаго Антонія: отче преподобне Антоніе, молимъ тя, послушай насъ нищихъ, да пріимеши чинъ священнический, еще же совершенный намъ отецъ буди игуменъ, да принесеши жертву Богу честну безкровену о нашемъ согрѣшеніи, да приятна будетъ жертва твоя къ Богоу въ пренебесный жертвенникъ; вѣдѣхомъ бо толики твоя труды и подвиги в мѣстѣ семъ, яко никако же мощи во плоти человѣку толикихъ трудовъ понести, аще не Господь поможетъ. И рече преподобный: добре совѣтъ вашъ, братие, но азъ недостоинъ есмъ толикаго великаго сана, но изберемъ себѣ от братіи мужа добродѣтелна и достоина на толикое дѣло. Братія же со слезами вопияху: отче святый, не преслушай насъ нищихъ, но спаси ны! Преподобный же рече. буди воля Божия; аще что восхощетъ Богъ, то и сотворитъ. Шедше же братия ко архиепископу Нифонту с преподобнымъ Антониемъ; бѣ бо в то время ему святительскій престолъ держащу; и возвѣщаетъ ему о вещи, святитель же Нифонтъ вельми радъ бысть благому совѣту ихъ; бѣ бо любяше преподобнаго за премногую его добродѣтель. И поставляетъ преподобнаго в дияконы, потомъ во священицы, та же и игуменомъ. И поживе же преподобный во игуменствѣ лѣтъ шестнадцать въ добрѣ исправъленіи, и оупасъ стадо Христово; и оувидѣвъ преподобный свое отшествіе къ Богу, призвавъ мя и нарече мене себѣ отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами; и повѣда моему окаянству преподобный свое пришествіе из Рима, и о камени, и о сосудѣ древяномъ, о делви сіврѣчь о бочки, еже исперва писана, и повелѣ ми вся сия по преставленіи своемъ написати и церкви Божии предати, чтущимъ и послущающимъ на ползу души, и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу і в честь Святей и Живоначалней и Нераздѣлимей Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и Пречистей Богородицы. Мнѣ же о семъ в велицемъ оудивленіи бывшу, преподобный же Антоніе призва братию, и рече имъ: братия моя и спостницы! молю оубо васъ: се ныне отхожу жизни сея къ Господу Богу моему Іисусу Христу; да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу; въ преставленіи моемъ да измутъ милостивіи ангели душю мою; да избѣгну сѣтей вражиихъ и от воздушныхъ мытарьствъ вашими святыми молитвами; понеже грѣшенъ есмь; вы же изберите себѣ на игуменство от братіи на мое мѣсто отца и оучителя; и пребудите оу него въ постѣ, и въ молитвѣ, и въ трудехъ, въ пощеніихъ, и во бдѣніихъ, и въ слезахъ, еще и в любвѣ межи собя, и в послушаніи ко игумену и къ отцемъ своимъ духовнымъ и ко старѣйшимъ братиямъ; писано бо есть: блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени плачющеи, яко тѣй оутѣшатся; блажени кротцѣ, яко тѣ насладятъ землю; блажени алчущеи и жаждущеи правды ради, яко тѣ насытятся; блажени милостиви, яко тѣ помиловани будутъ; блажени чистии сердцемъ, яко тѣ Бога оузрятъ; блажени миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся; блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени есте, егда поносятъ вамъ, ижденутъ вы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще, имени моего ради; радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ! И ина многая преподобный наказавъ братіи, поучивъ яже ко спасенію. Братія же видѣвше преподобнаго въ послѣднемъ издыханіи, быша в велицей (цемъ) оумиленіи и в сѣтованіи, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: о добрый нашъ пастырю и оучителю! се нынѣ оуже зримъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка; и нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ словесъ оученія; и кто попечется о нашихъ душахъ грѣшныхъ? Но молимъ тя, оугодниче Спасовъ, аще обрящеши предъ Богомъ милость по отшествіи своемъ от жизни сея, моли о насъ неослабне Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господине, избери намъ игумена от братия нашея, яко же годѣ твоеи святыни; понеже тебѣ вся наша духовная тайна извѣстна. Преподобный же Ан-

Digitized by Google

тоніе избираетъ на игуменство и благословляетъ нашу худость, понеже быхъ ему исперва оученикъ и потомъ отецъ духовный. И пооучивъ мя о паствѣ духовней и како пасти христоименитое стадо, и въпредъ полагаетъ преподобный заповѣдь братіи: аще лучитца избрати игумена, но избирайте от братіи иже кто на мѣсте семъ терпѣтъ; и аще князь нашлетъ игумена или епископъ по насилию, или по мздѣ, и тѣхъ преподобный проклятию предаетъ. Та же и о земли оутвержаетъ и глаголеть: о братия моя, егда сѣдохъ на мѣсте семъ, купилъ есмъ село сие и землю, и на рѣцѣ сей рыбноую ловитву на строеніе монастыря цѣною изъ пречистыя сосуда, сіирѣчь из бочки; и аще кто начнетъ обидити васъ или наступати на сию землю, ино имъ судитъ мати Божия. И давъ братіи прощеніе о Христѣ послѣднее цѣлованіе, и ставъ на молитве, и помолився на многъ часъ, аще оубо и радостно тому бяше еже разрѣшитися от плоти съ Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшна чаша смертьная, и многие по воздухомъ изтезателя имамы, паче же смиреніемъ ведыися, помолися къ Богу, сице глаголя.

Молитва.

Явися, Господи, помози ми и избави мя от руку князя и власти и миродержателя тмы, да не покрыетъ мене темнымъ тѣмъ воздухомъ, ниже дымъ ихъ помрачитъ душу мою. Укрѣпи мя, Господи мой! Господи, да преиду огненыя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду въ нихъ, да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и от темныхъ князь и тартаръ избавленъ да буду; и тако да явлюся предъ тобою чистъ и непороченъ, и восприиму тобою обѣщенная благая святымъ твоимъ!

Оле неизглаголаннаго смиренномудрия! Богопроповѣдника и апостоломъ подобна, како можаху тому прикоснутися темнии князи, его же Господь не къ тому нарече раба, но друга, и обѣща идѣже той тому вселитися, еже зрѣти славу его! Сия вся вѣдый смиренная, паче изволи иже не повреждаютъ, но паче оукрѣпляютъ таковая; сего ради таковы молитвы источи глаголы; и повелѣ священноиноку Андрѣю себѣ кадити и отходная пѣти, и возлегъ отъиде къ Богу въ вѣчный покой, и погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того, со свѣщами, и с кандилы, со псальмы, и пѣньми, и и пѣсньми духовными, в лѣто 6655, мѣсяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Исакия Далматскаго и Фаоуста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви Пречистые Богородицы, юже самъ созда; поживе же лѣтъ съ пришествия своего до игуменства 14 лѣтъ, в игуменствѣ же бысть 16 лѣтъ, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. И по благословенію преподобнаго, архиепископъ Нифонтъ поставляетъ в игумены оученика преподобнаго священноинока Андрѣя. Сіи же Андрѣй повѣда архиепископу Нифонту и княземъ града того и всемъ людемъ, еже слыша от преподобнаго и о чюдесехъ сихъ. Архиепископъ и вси людие почюдившеся и воздаша хвалу Богоу и Пречистые Богородицы и великому чюдотворцу Антонію. И оттоле начатъ зватися Антоніи Римлянинъ. И повелѣ архиепископъ Нифонтъ сие житие преподобнаго изложити, и написати, и церкви Божіи предати на оутверженіе вѣры християнстей и спасеніе душамъ нашимъ, а римляномъ, еже отступиша от православныя греческия вѣры и преложишася въ латыньскую вѣру, на посрамленіе, и на оукоризну, и проклятие, въ славу же и в честь Святей Живоначалней Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

Digitized by Google

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

и

СВ. ВАРЛААМЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

И СВЯТЫЙ ВАРЛААМЪ.

(Импер. Публ. Библ. in 8° № 72.

Нѣкогда убо архіепископу Антонію по обычаю призвавшу преподобнаго Варлама к себѣ о церковномъ исправленіи, чюдотворцу же ко архіепископу идущу, яко бысть на великомъ мосту, прилучися новогородцѣмъ по градскому обычаю осужденнаго человѣка вметати в рѣку Волховъ. Преподобный же Варлаамъ повелѣ слугамъ стати на томъ мѣстѣ, гдѣ вмещутъ человѣка. Сродникомъ же не оуспѣвшимъ молити старца, абіе самъ ста, никимъ же молимъ, и нача народъ благословляти и просить осужденнаго себѣ, да поработаетъ в дому Святаго Спаса на монастырскую потребу братіи; і народъ весь единогласно кликнуша: преподобнаго ради Варлаама, отца нашего, отпустите осужденнаго, и дадие его преподобному чюдотворцу! отселѣ не имать на себѣ и въ томъ дѣлѣ никакова истязанія! Онъ же испроси повиннаго, и посла въ монастырь, и повелѣ ему работать братіи. И сотвори оугодна на всякую службу, таже и во мнишескій образъ оболкъ его, и совокупи братіи, и спасе душу его.

Паки же во ино время по обычаю прилучися преподобному ко архіепископу шествовати по тому же великому мосту, и новгородцемъ иного осужденнаго приведшимъ скинуть в рѣку с великаго моста. Такій же бѣ обычай градской. Сродницы же его со множествомъ народа падоша пред нимъ со многими слезами, плачуще и молящеся преподобному, чтобъ благословилъ народъ, и отпросилъ бы осужденнаго сродникама ихъ от лютыя смерти. Онъ же, ни позрѣся на нихъ, повелѣ слугамъ вборзѣ мимо ѣхати ихъ. Сродницы же рѣша: грѣхъ ради нашихъ преподобный не послуша моленіа нашего; пред малыми деньми никимъ же молимъ, самъ же ставъ нача благословляти народъ, и отпроси осужденнаго оу народа і оу супостатъ, а нынѣ сами многа молимъ, но презрѣ моленіе наше; что се есть, невѣдимъ? И приведоша священноіерея ко осужденному, молиша поновити его, и причастіе дати: и священникъ понови его и причастіе давъ, и отиде от осужденнаго. Приставши же супостаты его, сринуша его с мосту; сродницы же его, вземше мощи его, и погребоша, яко же и прочихъ осужденниковъ.

Въ обитель же пришедшу преподобному, вопросиша же его старцы, бывшыя с нимъ: что убо, господине, отче, яко перваго осужденника, никимъ же молимъ, избави его от горкія смерти прошеніемъ своимъ и великое попеченіе показа о немъ, и во мнишескій образъ повелѣ постриши и к братіи причести его; сего же презрѣлъ еси, народу же и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавленіи его; ты же никакоже послуша моле-

Digitized by Google

ніа ихъ; скажи намъ, Бога ради, отче! Онъ же, отверзъ священныя своя уста, глагола имъ: яко вѣмъ азъ, вы убо внѣшними очима зряще внѣщняя и судите; азъ сердечными очима смотряхъ, яко онъ первый осужениикъ, егоже испросихъ оу народа, человѣкъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ бяше, и осуженъ в правду; и яко осудиша его судія, пріиде раскаяніе въ сердцы его и не бѣ помогающаго ему, и мнозѣмъ супостатомъ сущимъ; и не оу пріиде часъ его. Азъ видѣвъ яко иматъ вѣру спастися, и просихъ его, и устроихъ, якоже Господеви годѣ. Другій же по немъ осуженный человѣкъ без правды осуженъ бѣ понапраству устава, и видѣхъ яко мученическою смертію оумираетъ, и вѣнецъ ему от Христа предлежитъ; не бѣ потребно моленіе мое о немъ Христа; бо иматъ помощника і избавителя; вы же о семъ не соблазняйтеся. Братія поклонишася ему, вземше прощеніе, прославиша Бога, прославляющаго святыя своя, и творящаго дивная и преславная.

Digitized by Google

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА

ѡ снѣгоу и мразѣ въ петровъ постъ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 156.)

Егда бяше в животѣ преподобный Варлаамъ, и приѣде святый Варлаамъ в великій Новъградъ ко архиепископоу Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда преподобному Варлаамоу паки с недѣлю помедливъ приѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлехъ побесѣдовати. Святый же Варлаамъ рече ко архиепископоу: аще Господь повелитъ, господине святый владыко Антоніе, боуду оу твоеи святыни благословитися на перъвой недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на санехъ. Святитель же слышавъ от оустъ святаго Варлаама в сумнѣніи бысть, что хощетъ святый в пятокъ перъвыя недѣлѣ петрова посту приѣхати на санѣхъ. Стыдяше же (ся) вопросити святаго о вещи. Бысть же по пророчествоу святаго Варлаама в петровъ постъ на перъвои недѣлѣ к пятку на нощь паде снѣгъ великъ въ поясъ человѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутріи приѣде святый Варлаамъ в Великій Новъградъ ко архиепископу Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожъ в цвѣтѣ прибило. Святый же Варлаамъ нача оутѣшати святителя душеполезными словесы: не скорьбѣ(ти), но паче благодарити Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую его Матере Богородицу и всѣхъ святыхъ великихъ чюдотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, святый владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ снѣгу и мразу, погыбнути было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ попустити гладъ, и молитвъ ради пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ великихъ чюдотворцовъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обиліи черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевную тучю оупоитъ землю и плоды всякия земныя. Еже и бысть по пророчеству святаго Варлаама. Святитель же архиепископъ Антоній, сия слышавъ глаголы от святаго Варлаама, волми оужасеся о предивномъ Божии милосердии и о неизреченныхъ Божіихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель святый владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгноуть класы ржаные и с коренемъ. Шедъше посланніи на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с коренемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ архиепископъ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей Божіи милости. По пророчеству же святаго Варлаама, на оутре, еже в соуботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и

Digitized by Google

растая снѣгъ, и оупои землю, и оувлажи яко же дождевноую тучю. Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожъ тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами святаго Варлаама чюдотворца. Святитель же видѣвъ збывшееся пророчество святаго Варлаама, того же лѣта оугобзеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Бобородица и всѣхъ святыхъ ради великыхъ чюдотворцовъ, и молитвами святаго Варлаама чюдотворца.

По преставленіи же святаго Варлаама чюдотворца, оустави архиепископъ Антоній Великаго Новограда ѣздити со кресты самому архиепископоу со архимандритомъ, и со игоумены, и со священноиноки, и з дияконы, и клирики, и з дияки пѣвчими и поддияки, и всѣмъ причтомъ церковнымъ, и с тысяцкими, и с посадницы, и з боляры, и з гостьми, и со всенароднымъ множествомъ мужей и женъ, и дѣтей, во вѣкы вѣчныя, в пятокъ первыя недѣли петрова посту, во обитель Святаго Спаса и пѣти молебенъ боголѣпному Преображенію Господа нашего Иисуса Христа и чюдотворцу Варлааму, и служити самомоу архиепископу и со всѣмъ соборомъ софѣйскимъ и съ архимаритомъ и съ честными игумены, и со священноиноки, и священнодияконы, божественая литургія. Сие же торжество оуставися в пятокъ первыя недѣли петрова поста и во вѣки вѣчныя ѣздити архиепископомъ Нооугородцкымъ во обитель Святаго Спаса и чюдотворца Варлаама пѣти молебенъ Спасоу и чюдотворцу Варлаамоу, и служити соборомъ божественная литургія, и множеству безчисленномоу всего Великаго Новаграда, всенародному собороу, мужемъ и женамъ, на той день приходити, и ѣздити в судехъ, молитися Святому Спасоу и чюдотворцу Варлааму; и множество болящихъ всякими недугы и болѣзньми одержимыхъ и с вѣрою приходящихъ, исцѣленіе приемлющи от всякыхъ недугъ и болѣзней от чюдотворцева гроба и от мощей святыхъ чюдотворца Варлаама, и всѣмъ с вѣрою приходящимъ, исцѣленіе приемлющимъ, прославляти Бога и оугодника его преподобнаго Варлаама чюдотворца, и за воспоминаніе зьбывшагося пророчества святаго о снѣгѣ и о мразѣ, еже молитвами святаго Варлаама во ржи и во всякомъ обилии черви изомроша, и еже избави Господь Богъ от глада люди своя, молитвъ ради Пречистыя Богородица и святаго Варлаама чюдотворца. Многожды же бываетъ и в нынѣшняя времена: туча снѣжъная на нивы падетъ и мразъ, и того бываетъ день или два дни, въ цвѣтѣ егда рожъ цвететъ, и молитвами преподобнаго отца нашего Варлаама и ржанаго цвѣтоу мразомъ не познобитъ, а в коренѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша: от снѣга и от мраза озобаютъ и примираютъ; а снѣгъ егда растаетъ от теплоты, и егда начнетъ грѣти теплотою солнечною, то землю тѣмъ снѣгомъ оупоитъ и совлажитъ, яко дождевною тучею; и на которые полосы и на нивахъ гдѣ на кое мѣсто падетъ туча и снѣгъ и мразъ, то Господь Богъ оумножитъ тую землю, и тые нивы и полосы множество ржы и всякаго обилия возрастаетъ, молитвами святаго Варлаама чюдотворца, за вѣру держащимъ крестьянъ ко святому Варлааму; а кого хощетъ Господь Богъ показнити, в то время и на коего христианина на нивы и на полосы снѣгъ и мразъ не падетъ, то на тѣхъ нивахъ и на полосахъ черви и во всякомъ обиліи кореніе подъядятъ, то уже рожъ и всякое обиліе привянетъ, и исхнетъ, и хлѣба на тѣхъ нивахъ не будетъ, за согрѣшеніе тѣхъ крестьянъ. Преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ, святаго ради жития, беззлобие (бива) душа даромъ пророчествия сподобися, по реченному пророкомъ: излию от духа моего на всяку плоть, и дамъ чюдеса на небесѣ горѣ, и на земли знаменія низу и во благодати сугубъ даръ подамъ! Пречестный же божественныи Варлаамъ презрѣ маловременъная и мимо текущая житія сего, обоихъ сподобися; глаголю же, се дамъ, рече, чюдеса на небеси горѣ, и знаменія на земли низу; хощещи ли дати, от обоихъ разрѣшу, о нихъ же и самъ речеши; истинъну быти не ложъно мною глаголемое, многажды бо рече не токмо бо в животѣ, но и по смерти сего преподобнаго Варлаама быша и быва-

Digitized by Google

ютъ, да иже и до сего дни. Есть оубо обычаи в томъ в Великомъ Новѣградѣ: егда попущенію Божию бываетъ бездождие, и абие весь народъ со архиепископомъ града с вѣрою пришедши в монастырь, идѣже лежитъ пречестное его тѣло; нѣсть бо далече, но яко седмъ поприщъ от Великаго Новаграда, яко же преди сказахомъ; всему народу предстоящу, архиепископу же во священней одежди стояше с лики священными, молебная совершающимъ, абие солничныи воздухъ в водоточное естество преложися, и тако дождь доволенъ молитвами святаго исходитъ, яко же дивитися иже ту предъстоящему народу скорому святаго оуслышанію. Егда же ли паки бываетъ оумноженіе дождемъ, и абие такожде народъ со архиепископомъ предъреченънаго Великаго Новаграда обычныя молбы сотворяющимъ, и абие в той часъ молитвами святаго облачное и темное небо съ своими стихиями благодарственно растворетъ и свѣтла бываютъ, и ясно солничныя луча являетъ заря. Народи же благодарная хваления воздавше чюдотворящему Богоу и святымъ его оугодникомъ и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ великими Варлаамомъ чюдотворцемъ, и тако во свояси возвращаются. Оустави же ся в Великомъ Новѣградѣ чинъ церковный в велицей церкви святѣй Софѣи премудрости Божіи: ѣздити архиепископоу со кресты и пѣти молебны и слоужити божественная литургия во обитель Святаго Спаса на Хоутыни со священнымъ множествомъ в пятокъ первыя недѣли петрова посту, и во вѣки вѣчныя, потомъ от святыя Софѣя премудрости Божия священный соборъ великия церкви начнутъ ходити со кресты на Ильину оулицу ко Пречистеи Богородицы к честному и славному ея Оуспенію, во вся пятки молебное пѣніе совершающе, и до Воздвиженія Честнаго Креста, молящеся Господу Богу и Пречистей Богородицы и всѣмъ святымъ великимъ чюдотворцемъ, и святому великому чюдотворцу, преподобному и богоносному отцу нашему Варлааму, о оустроеніи земъскомъ, и о тишинѣ и о мирѣ всего мира, и о благостояніи святымъ Божиимъ церквамъ, и о благовѣрномъ и христолюбивомъ цари и великомъ князи имя рекъ (1), и о его благовѣрной царици, і великой княгынѣ, имя рекъ (2) и о благородномъ царевичи (3), чтобы Господь Богъ даровалъ имъ многолѣтство и здравие и спасеніе, и скипетры царствия оутвердилъ во вѣки вѣкомъ, и даровалъ бы Господь Богъ сродникомъ благочестиваго царя нашего правовѣрнаго благолюбивымъ княземъ, рускою землею пекущимся, за вѣру Христову и за царя православнаго и за вся святыя Божия церкви, и за все православное христіанство, и благочестивымъ боляромъ, христолюбиваго православнаго царя нашего воеводамъ, и всемоу христолюбивому его воинству помощь, и крѣпость, и побѣду, и одолѣніе, даровалъ бы Господь Богъ на вся врагы наша и сопостаты, на вся невѣрныя, на бусорманство, и на латынъство; посемъ великаго дару оу Господа Бога просятъ, чтобы даровалъ Господь Богъ царю нашему православному и благовѣрному и христолюбивому, великому князю имя рекъ всея Росіи и благовѣрной и христолюбивои царицы имя рекъ (4) плодъ чрева, благочестива и христолюбива поборника по благочестнѣй нашей християнстеи вѣрѣ, и сына имъ благородна и крѣпка на врагы, и цѣломудрена, и мудролюбна, и милостива и кротка, християномъ заступника; тако же и во всѣхъ шести соборахъ Великаго Новаграда священницы ходятъ коиждо соборъ ко святымъ церквамъ во вся Воскресенія с народомъ до Воздвиженія Честнаго Креста; паче же великий архиерей и архиепископъ Великаго Новаграда ходитъ в петровъ постъ, и по петровѣ дни, со кресты около града по обѣ страны со священнымъ соборомъ, и со всенароднымъ множествомъ молебное пѣніе совершающимъ, и всѣмъ святымъ великимъ чюдотворцемъ и великому чюдотворцу Варлааму о оустроеніи земъскомъ просяще милости Божия и посѣщенія, и помощи, и оукрѣпленія всему православному християнству, и о сподобленіи еже на вра-

(1) За тѣмъ написано и зачеркнуто: Борисѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи.
(2) Написано и зачеркнуто: Маріи.
(3) Написано и зачеркнуто: Ѳеооорѣ и царевнѣ Ксеніи.
(4) Опять тѣже имена царя и царицы, написаны и зачеркнуты.

Digitized by Google

гы побѣда христолюбивому воинъству благовѣрнаго царя нашего великаго князя имя рекъ всея Росіи самодержца, и о всѣхъ полезныхъ православному христіянству, и о оумноженіи плодовъ земныхъ, избавилъ бы Господь Богъ всѣхъ православныхъ христіянъ от глада и губительства, труса, и потопа, от огня, и меча, и мора, и нашествия иноплеменникъ, и межуоусобныя брани и напрасныя смерти, и от всякаго зла, за молитвъ Пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ, великихъ чюдотворцовъ, и за молитвъ теплаго заступника и скораго помощника преподобнаго Варлаама, чюдотворца. Богу нашему слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Digitized by Google

ВИДѢНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВИДѢНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 154.)

Бысть чюдо преславно и видѣніе оужаса исполнено въ пречестнѣй обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и преподобнаго отца нашего Варлаама. Бывъшю понамарю в церкви Святаго Спаса в полунощи, нѣкия ради потребы церковныя, именемъ Тарасию, видѣтъ на паникадилехъ и во свѣтильникехъ свѣща вся въжегъшеся, и кадила возгорѣвъшася, и от благооуханія благовонънаго ѳимияна и ливана церьковъ исполнену, и зритъ понамарь зрящима очима, не во снѣ, но явѣ, из гроба своего исходяща преподобнаго чюдотворъца Варлаама, и бывша въ церкви Святаго Спаса. И нача преподобный молитися Господу Богу нашему Іисусу Христу и Пречистѣи его Матерѣ Пресвятеи Богородицы и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, яко же онъ на три часы. Понамарь же бысть во ужасѣ велицѣ. И прійде к понамарю Тарасию самъ Варлаамъ чюдотворецъ и глагола ему чюдотворецъ; о брате Тарасие, хощетъ Господь Богъ погубити Великий Новъградъ! Взыди, брате, понамарю Тарасие, на самый верхъ церковный, оузриши пагубу Великому Новуграду, что хощетъ Господь Богъ сотворити ему! Понамарь же Тарасие, по глаголу преподобнаго чюдотворца Варлаама, взыде на церковъный верхъ, и видитъ чюдо страшной грозы исполнено; над самымъ Великимъ Новымъградомъ езеро Ирменъ воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великій Новградъ. Понамарь же Тарасие видѣвъ страшно видѣніе, вельми оужасеся и бѣжа из церкви Святаго Спаса страхомъ велиемъ одержимъ, вниде въ церковь Святаго Спаса. И прійде к нему святый Варлаамъ, и воспроси его: что видѣ надъ градомъ? Понамарь же повѣда святому Варлааму чюдотворцу: езеро Ирьменъ воздвигъшеся надъ Великимъ Новымъградомъ. И рече понамарю святый Варлаамъ: Господь Богъ хощетъ Ирьменемъ езеромъ потопити Великий Новъградъ за умноженіе грѣхъ людьскихъ всенароднаго множества и за беззаконія и неправды ихъ. Посемъ паки начатъ со оумиленіемъ и со слезами молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы на три часы, и посла понамаря Тарасия ити на церковь Святаго Спаса і видѣти что сотворитъ надъ Великимъ Новымъградомъ. По глаголу же чюдотворца Варлаама, взыде второе понамарь Тарасие на церковъ Святаго Спаса в верьхъ: видитъ множество ангелъ стрѣляющихъ огнеными стрѣлами яко дождь силный ис тучи на множество народа людьскаго, на мужи и жены, и на дѣти ихъ, колико бяше мужеи и женъ и дѣтей, пред всякимъ моужемъ и женою или отрочятемъ, и пред дѣвою, и пред всякимъ человѣкомъ стоящя

Digitized by Google

ангела хранителя, держаща книгы, и зряща в нихъ повелѣнія Божия. Акій человѣкъ обрѣташеся написанъ въ живыхъ, того ангелъ хранитель помазоваше кистию из сосуда, приемля мню мѣра небеснаго, и абие той человѣкъ исцѣленіе принимаше, и здравъ бываше от съмертностныя язвы ангелемъ немилостивыхъ язвы. Егда же видяше ангелъ человѣка, ему же написано оумрети въ книгахъ судебъ Божиихъ повелѣніемъ владыки Христа Бога нашего, і абие не помазалъ его миромъ ангелъ хранитель, оунылъ отхождаше от человѣка, бояся преслушати своего владыки повелѣнія. Ангели же хранители предъстоящихъ предъ всякимъ человѣкомъ от зрящихъ в книгы овѣхъ помазахоу из сосуда кистию, а инѣхъ не мажуще, отхождахоу. Онъ же оужасеся страхомъ веліимъ одержимъ, и бѣжа с верху церковнаго Святаго Спаса; и вопроси его святый Варлаамъ чюдотворецъ: каково видѣ видѣніе надъ великимъ Новымъ градомъ? Понамарь же нача повѣдати святому Варлааму еже видѣ множество ангелъ Божихъ безчисленно с небесе стрѣлы огнены испущающихъ на всенародное множество людей. Начатъ же преподобный Варлаамъ молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы, и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, и глагола чюдотворецъ Варлаамъ къ понамарю Тарасию; брате! за молитвъ пречистыа Богородица и всѣхъ святыхъ ради молитвъ, пощадилъ Господь Богъ людей своихъ, еже не погубилъ потопомъ града, но посылаетъ Господь Богъ на люди моръ казнь; но с милостию, рекъше с покаяніемъ. Самъ бо рече Господь во святѣмъ евангеліи: в чемъ тя застану, в томъ тя и сужду! И боудетъ моръ три лѣта. Еже и бысть в тые три лѣта Божие посѣщеніе моръ. И паки помолися святый на многъ часъ, и посла третье понамаря на церковъ что оувидитъ надъ градомъ. По словеси же чюдотворца Варлаама и взыде на церковъ понамарь, видѣ тучю огнену над градомъ; и паки бысть в оужасѣ велицѣ понамарь, сніде с церкви, и въшедъ в церковъ Святаго Спаса видѣтъ понамарь чюдотворца Варлаама молящася Богоу, и вопроси святый Варлаамъ понамаря! что видѣлъ над градомъ? Понамарь же нача повѣдати святому Варлааму еже видѣ надъ Великымъ Новымъ-градомъ тоучю огнену. И чюдотворецъ Варлаамъ рече понамарю: по трехъ лѣтъ посли мороу будетъ пожаръ силенъ в Великомъ Новѣградѣ. Торговая страна вся погоритъ, і множество много людей изгоритъ; понеже, брате понамарю Тарасие, Пречистая Богородица со всѣми святыми оумолила сына своего и Бога нашего Іисуса Христа, и избавила градъ свой от потопа. И помолився преподобный Варлаамъ къ Господу Богу и Пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, вниде в гробъ свой, и свѣщи и канъдила сами о себѣ погасошася.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

(Рукоп. Импер. Публ. Библ. in. 4° Отд. 1. № 262.)

ПОСЛАНІЕ ДИМИТРІЯ ГРЕКА ТОЛМАЧА НОВГОРОДЦАМЪ АРХІЕПИСКОПА ГЕНАДІЯ.

Пречестныя і великия святыя соборныя і апостольскыя церкви Софѣи премудрости Божиі первопрестолнику государю преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Пъскова владыцѣ Генадию слуга твоего святительства Митя много челомъ бьетъ. Твоимъ святительскимъ благословеніемъ і молитвами азъ великого Рима града доидохъ во здравиі, по твоему святительскому приказу о бѣломъ клобукѣ в лѣтописныхъ в римскихъ книгахъ едва можахъ обрѣсти написание о семъ; понеже срама ради таять велми. Се тебѣ повѣмъ како обрѣтохъ писание о семъ. Первие плакахся азъ ко книгохранителю церкви римския іменемъ Іакову і многими даръми одарихъ его. Книгохранитель же онъ, видѣвъ мя любезно припадающа к себѣ, і велію любовь яви ко мнѣ многими брашны и питиі, і по многи дни прихождахъ к нему і в дому его вечеряхъ с нимъ; і нѣкогда пришедшу ми к нему по обычаю вечерати, онъ же с любовию срѣте мя, і емля за руку введе в домъ свой, і в то время вечеряхъ с нимъ, похваляя ему нашу греческую вѣру і о россѣйстей земли, такожде і о вѣрѣ, о благостоянiи, і о чюдотворцехъ, іже в русійстей земли просиявшихъ многими знамениі і чюдесы, і потомъ сказахъ ему повѣсть чюдну зѣло о бѣломъ клобукѣ, еже ты, святитель Великаго Новаграда, на главѣ своей носиши. Книгохранитель же онъ, яко услышавъ от мене сия, воздохнувъ о семъ велми і рече: от древнихъ і достовѣрныхъ мужъ у насъ сицева повѣсть обношашеся о семъ прежде, яко клобукъ сий бѣлый честный, о немъ же глаголеши, сотворенъ бысть въ превелицемъ граде Римѣ царемъ Костянтиномъ і данъ бысть на почесть римскому папѣ Селивестру на главѣ носити, і ради согрѣшениі нашихъ, еже содѣяся в Римѣ, сиі клобукъ посланъ бысть в Костянтинъ градъ къ патріарху; патріархъ же посла его в рускую землю Великаго Новъграда. Азь рѣхъ: естьли о семъ написание здѣ? А древняго нѣсть. Азъ же подробну и с тихостію начахъ вопрошати его: да скажемъ ми подлиньно і о семъ о бѣломъ клобукѣ написание. Книгохранитель же онъ вечеря много со мною великою любовию, і видѣвъ мя тщателне вопрошающа о семъ, и сказа ми повѣсть сицеву: О семъ многу речению из насъ прежде сего во градѣ і взысканию бывшу о семъ, онъ глаголетъ се, інъ же іно, а истинны не вѣдая никто же; понеже зависти ради православныхъ древнихъ началницы града сего о семъ писание истребиша. От того же времени по мнозѣхъ лѣтѣхъ, егда турки обладающе царствующимъ градомъ, нѣцыи благочестивиі мужие Царяграда взяша множество греческихъ книгъ,

Digitized by Google

хотяще соблюсти греческия вѣры от безбожныхъ турокъ, і отплыша моремъ в Римъ. Латинстиі же людие нашедше славниі зѣло и тщателны философскому учению, от многихъ бо лѣтъ восточныхъ учителей желаху видѣти писания і о гречестѣй, царие же не изволиша тако быти, ради отступления ихъ от православия; егда же улучиша время, принесеньныя убо от грекъ книги во свой римскый языкъ преложиша, а греческия книги вси огнемъ сожгоша, о бѣломъ же клобукѣ, о немъ вопрошаеши, такоже написание з греческихъ книгъ в римския книги вновѣ написаньна бѣ, а преже того в римскихъ книгахъ написания не бѣ о бѣломъ клобукѣ, срама ради; і нынѣ се таятъ же велми. Азъ же яко услышавъ от книгохранителя онаго сицевая повѣствующа, і болми разпаляхся желанием, і со многимъ молением припадохъ колѣноме его, дабы ми далъ написание се, і с великимъ заклинанием едва упросихъ, і в тайнѣ написахъ подлиньно; такожъ і осмочастную книгу і миротворный кругъ, і вся сия послалъ есми к тебѣ с московскимъ гостемъ с Фомою с Саревымъ, і буди, государь, спасаяся и здравъствуя о Христѣ, і насъ во святыхъ своихъ молитвахъ не забуди, яко же и прежде.

ОТ ИСТОРИІ РИМСКИЯ ПОВЕЛѢНИЯ И ЧИНА СВЯТИТЕЛЬСКАГО НАПИСАНИЯ ВЪКРАТЦѢ, ЧЮДНО ЗЕЛО.

ОТ ЧАСТИ ЖИТИЯ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА РИМСКАГО, І О СОТВОРЕНИІ СВЯТИТЕЛЬСКАГО БѢЛАГО КЛОБУКА, ОТКУДУ И КАКО НАЧАЛО ПРИЯША АРХИЕПИСКОПИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ЕЖЕ НОСИТИ ЕГО НА ГЛАВАХЪ СВОИХЪ, А НЕ ЯКОЖЕ ПРОЧИІ МИТРОПОЛИТИ; ЗДѢ ЖЕ О СЕМЪ ИЗВѢСТНО СКАЗАНИЕ ИМАТЬ.

По смерти нечестиваго царя Максентия, на християны гоненіе преста, і бысть тишина велия. Человѣки же живуще в Римѣ окрестниі, аще и невѣрием бяху одержими, но веселием и радостию великою веньчавше градъ свой, восприяша же с похвалами на царство великого и славънаго Констянтина, спаса и благодателя нарицающа его. Благоспѣшный же царь Констянътинъ приемъ царство с скипетромъ римъское, і велѣнием его вся по чину бываху царьскіи властелинскии; во християнстей вѣрѣ пребывающим во ослабѣ жити повелѣ; християне же, благодателство сие дивяще, і онъ паче радовахуся і веселящася, творяху подобныя праздники всесилнаго Бога безъпрестани, славяще і царя Констянтина немолчно величаху. Православную же вѣру Господа нашего Іисуса Христа в Римѣ содержащу і укрѣпляющи тогда блаженному Селивестру, епископу християнскому в малѣ дружинѣ, во утѣснении пребывающу, і сие творя втай, а не явѣ, страха ради жидовъскаго і еллинскаго, понеже царь Коньстянтинъ еллинстѣи вѣре прилежаще, тогда оидломъ кланяешися. Въ третие же лѣто царства его блаженный Селивестръ папа римский крести нѣкоего царева мужа, Изумъфера именемъ, і добрѣ устрои его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа. Замбрия же нѣкто бѣ в Римѣ жидовинъ і волхвуя, і всѣми любимъ бѣ, с нимъ же блаженный Селивестръ последи чюдо велие сотвори о семъ убо і(н)де скажемъ. Сеже убо Замъбрия не можаше зрѣти вѣры Христовы, собра вопрошая еллины и жидовиі, приідоша же во царю, і рекоша: Господи великодержавный царю! Града сего епископъ християнськиі Селивестръ поношая ны і укаряя нелѣпыми словесы, і добрѣ проповѣдаетъ распятаго нѣкоего, наша же честныя і великия боги поношая, і безчестныі творити и, и твоего честнаго і великаго Изумфера своими словесы прелсти и сотвори его вѣровати въ распятаго, і намъ о семъ смятение и печаль велию сотвори, такоже і твоему величеству: вещаетъ, хотя и тебе прелстити і в распятаго вѣроваті яко же Изумъфера сотворити. І сего убо злотворца і слышати не можемъ; і молимъ ти, великий царю, повелі убо намъ, да истребимъ его. Царь же сия слышавъ, разгнѣвася зѣло на епископа, Изумъфера (ради) і хотяше его яти і в темницы затворити, а прочая християны разгнати. Селивестръ же яко услышавъ

Digitized by Google

на ся гнѣвъ царевъ, убояся, і бежа, и скрыпся в горѣ нѣкоей и с клирики своими; много же искаху его и не обрѣтоша. Богу же сохраняющу его на полезная, і пребысть крыяся время доволно. Но творецъ всея твари, Господь нашъ Інсусъ Христосъ, не нужею приводя человѣческий родъ ко спасенію, но волею, і комуждо вещьми разумъ даетъ, такоже і здѣ хотя прославити угодника.

Въ 7-е убо лѣто царства своего (царь Константинъ) в лоновую проказу впаде, уязвленъ бысть по всему тѣлу, струпивъ лежаша (ше) едва дыша. Мнози же чаровъницы і волсви приходяще, не точию от римлянъ, но и от персъ приходяще, приведени, искусныи врачевстѣй хитрости, и ничто же успѣша, но и паче на горшее пришедше, мало не прелстиша царя лукавні, рекоша сице: подобаетъ купѣли быти въ Капеталиі римъстей, ісполнитися чистыхъ перворожденныхъ младенецъ кровию мужеска полу, і горячею кровию измытися тебѣ, и животъ получиши; а телеса младенческая дати на жертву богомъ. Царь же въскорѣ всему быти повелѣ, и по всей римъстей области принесоша дѣтей 3,000 мужеска полу. В потребныі же день ідущу царю с волхвы онѣми в Капиталию, въ младеньчестей крови измытися, жерцемъ же готовымъ сущемъ на заколение дѣтей, і бысть стенание і кричание велие безпрестанно. Сия же слышавъ царь, ужасеся, и ста на единомъ мѣсте, і узрѣ множество женъ стоящихъ простовласы, кричаще, і плачющеся, і воздыхающе великими гласы. Вопроси же царь грядущихъ с нимъ: кто сеі есть, і что́ вина плача ихъ? Рѣша же ему, яко убиения ради дѣтей онѣхъ плачютъ матери ихъ. І побѣжденъ бывъ царь жалостию і воздохнувъ из глубины сердца, и начатъ плакати велимъ гласомъ: лучше ми есть самому умрети за спасение дѣтеі, несквер- і еже (неже?) тѣмъ убиеномъ быти! І се рекъ, возвратися в полаты своя, і не точию дѣти матеремъ отдати повелѣ, но і имѣниемъ одаривъ і отпусти; жены же оны вопріяша чада своя во мнозѣ радости.

Тому же убо дневи мимошедшу і нощному безмолвию пришедшу, явистася царю святиі апостоли Петръ і Павелъ, глаголюще: Понеже грѣхомъ не восхотѣлъ еси исполнитися, і пролияти кровь неповинныхъ возгнушася (шался еси), от Христа Бога нашегопос лани есмы дати тебѣ спасения образъ, іже здравие получиши. Послушай убо нашего заповѣдания, и сотвори, еже ти заповѣдаемъ. Іже града сего епископъ Селивестръ, твоего гонения бѣгая, въ пропастехъ каменныхъ крыется в горѣ Сорѣптей, і сего призвавъ честию, повелѣ приіти к себѣ: сей убо имать показати тебѣ купѣль спасения, в неі бо измывся, всю скверну струпъ своихъ очистиши, и здравъ будеши, і живота вѣчнаго сподобишися, живота раді, даннаго с тобою нескверным младенцемъ. І егда от святителя сию благодать приімеши, воздаждь ему воздарение честное, да во всей вселенстѣй церкви православныхъ обновятся твоими волѣньми священнолѣпотою, і да прославится в нихъ імя великого Господа Бога і Спаса нашего Інсуса Христа, і святымъ пѣнемъда украшаются.

По явленні святыхъ апостолъ, от царя Константина взысканию бывшу о епископѣ, і обрѣтоста его, со всякою честию приведоста пред царя. І яко внидетъ епископъ в полату, царь же воста, первие целова епископа, і рече: здрава тя приемши радуемся, честныі отче! Селивестръ же рече: миръ тебѣ с небесе дастъся і побѣда! Царь же сказа ему о видѣнні нѣкоемъ, і рече: два мужа нощию во снѣ явльшимися, Петръ і Павелъ нарицаета имя себѣ, і возвѣстиста ми яже о тебѣ; і се пришелъ еси, сотвори о мнѣ еже имаши от Бога даръ, очисти мя от болѣзни моея сея. Но и еще молю тя, святыі епископе: кто суть боги, Петръ и Павелъ іменуеми? имаши у себе образъ явльшихся мнѣ, и да покажешими ихъ, і сотвори ми сю явлены, і разумно ми будетъ. аще воистинну от Бога посланнымъ имъ быти. Селивестръ же рече: не истинна суть еже тѣхъ боги іменовати: апостоли суть Господа нашего Інсуса Христа, і потомъ всякоя чести достоины. Отецъ Селивестръ божественныхъ апостолъ образы своему дия-

Digitized by Google

кону повелѣ принести. Узрѣвъ же ихъ царь на иконахъ, і позна, пред своими князи і велможами ісповѣдався, і глагола: во истинну сихъ в видѣнні узрѣхъ! Тиі мнѣ глаголаста: посли ко епископу Селивестру; той ти покажетъ купѣль спасения. І паде пред ногами епископу. Блаженный же Селивестръ воздвигъ его, і поучивъ его от божественныхъ писаний, і заповѣда поста приняти седмь дней, і во единомъ вретищи одѣяньну быти, і милостыню творити повелѣ; і благословивъ, сотворн его оглашенна, і отъидетъ. Бысть же в день недѣлный службѣ (у)готовленѣ сущи, Селивестръ же царю рече: вода сия, царю, еже видиши, призываниемъ святыя и животворящия Троица божественую силу приемлющи, якоже телеса извнутъ от всякия скверны очищаетъ, тако і душа от всякаго грѣха і от всякия скверны очищается, і солнца свѣтлѣишиі творится. Вниди убо въ честную і священную сию баню, і очистися от всѣхъ сотворенныхъ ти грѣховъ. Симъ же инѣмъ реченнымъ бывшимъ, і благословивъ святыя воды; помазану же бывшу царю святымъ масломъ, і влѣзшу ему во святую воду, о великаго таинства Божія тогда бывшаго! Внегда ему крещьшуся во імя святыя Троица, внезаапу сияние нѣкако безчисленнаго свѣта с небесе возсия, і гласъ бысть яко мѣди звѣнящи; і изыде от воды добронравныі великий царь Конъстянтинъ весь здравъ, струпа же от тѣла его отпадоша яко чешуя, і чистъ бывъ всюду, рече к Селивестру: о пречестный отче! велика Божія благодѣяния повѣмъ тебѣ: внегда убо в нѣдрахъ купѣлныхъ поставленъ быхъ, рукою ко снувшуюся ми с небесе, своима очима видѣхъ, от гноя же чистъ востахъ, і от всякаго еже от проказа одержания познахъ (себе) очищенна. Блаженный же Селивестръ слышавъ, одеждами бѣлыми одѣя его, і седмоличне от Святаго Духа подастъ помазаниемъ масть, и знамениемъ честнаго креста знамена, рекъ: знаменаетъ тя Богъ вѣры своея печатию, во имя Отца і Сына и святаго Духа! І весь соборъ отвѣща: аминь. Святитель: миръ ти! Благодатию же Божиею царь Конъстянтинъ здравъ бысть (и нареченъ) во святомъ крещении Ѳлавий, радости многия наполнися, велию славу воздая Христу Богу і святителю Селивестру, і не вмѣняше его человѣка суща, но чтяше его яко Бога, і отца его себѣ і папою іменова. Вси же людие, елицы под римъскою державою, возрадовашася зѣло, не точию царева раді исцѣления, но і чадъ своихъ раді, еже собрани бѣша на заклание, здравия ради царева; сихъ всѣхъ живыхъ приемши матери ихъ, і тогда радость велия бысть во всей римстей державѣ. По исцѣлении же своемъ царь Конъстянтинъ, і по велѣнию святыхъ апостолъ, і поучениемъ блаженнаго папы Селивестра, преже всего повелѣ собрати мощи святыхъ мученикъ, умершихъ от нечестивыхъ царей за вѣру Христову, і благочиннѣ гробомъ предати повелѣ; і во изгнании сущихъ приведе, і в темницахъ, і во юзахъ седящихъ свободи, і отъятая имѣния отдати повелѣ; церкви же Божия поновляти успѣхомъ многимъ, еллинския же храмы разоряти і огнемъ сожещи повелѣ, а имѣния ихъ святымъ церквамъ отдати. І со словомъ въскоре дѣла быша: і вся по чину бываху, яко же лѣпо християнскимъ царемъ владѣтелство. Папе же Селивестру царь Констянтинъ многая благодарения воздаде, на церковныя чины, і самому святѣйшему папе на послушание, своихъ царскихъ чиновъ і величеству, і многия чины устрои, і вѣнецъ царьский хотяше положити на главу его. Папа же рече: царю великий! не лѣпо есть намъ твоего царскаго вѣнца носити на главѣ; аще епископъскаго сана сподобленъ быхъ, во инихъ ссмь по обѣщанию, і сего ради молимся всемогущему Богу, да в будущемъ вѣцѣ вѣчная благая приімемъ от него. Царь же любовию побѣждаемъ, оскорбися вѣнца раді. Папа же рече: не скорби, царю! твое есть еже носити златый вѣнецъ і вся красная мира сего, наше же должно есть о твоемъ царствні Бога молити, і смиренная і плачевная носити на тѣле своемъ, і за царскую красоту; такоже должно есть намъ і о всемъ мірѣ молитвы воздаваті Богу, не точию о вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но і о невѣрующихъ: о вѣрующихъ спасения раді, о невѣрующихъ

Digitized by Google

же крещения раді, да и тві спасение улучатъ, еже о Христѣ Іисусѣ, якоже рече блаженный апостолъ Павелъ. Сия же царь слышавъ, умилися і с великимъ моленіемъ зовяше святителя да ястъ у него. Егда же приіде папа въ царьский дворъ, царь же самъ срѣте его, і своими руками поддержа его, такоже і прочему священническому чину, і клирокомъ, і мнихомъ честь велію воздаде. Во время же ядения боголюбивый онъ царь своима рукама поставляя брашна святѣмшему папѣ і прочимъ, і вельми чтяше его, і в радости велицѣй предстоя ему яко Богу; і безпрестани зря на лице і мысляще неослабно, да кацѣмъ образомъ сотворитъ ему одѣяние на главѣ носити вмѣсто царьского вѣнца; і недоумѣяся. Прочая же священники і мнихи такоже доволно питая, і учрежая же ихъ всѣми царьскими брашны, і во всѣмъ угожая имъ предстояния раді церковнаго. По скончаніі же оного преславнаго пированія, святѣйший папа хотяще отити во своя; благочестия любитель, благовѣрный онъ царь повелѣ вновь привести предсѣдания с конми своего царскаго сана і величества, і со многимъ благочиніемъ своими руками поддержа блаженнаго папу, і носаді его на мѣстѣ честно, і поклонився, отпусти его с миромъ; і потомъ вниде в ложницу свою почити. Спящу же ему на одрѣ нощию, і явистася ему святні апостоли Петръ и Павелъ в видѣніі, во славѣ велицей, і рекоша: царю! о здравіі твоемъ радуяся, яко от епископа Селивестра сподобися святаго крещения, і вѣруя же въ Господа нашего Іисуса Христа, распятаго от иудѣй і воскресшаго въ третиі день, і вся яже научи тя святый епископъ; вѣнца же царствия твоего епископъ не взя, і на главѣ своеі не восхотѣ носити, понеже мнихъ: от златаго украшения, еже носити на тѣле своемъ, во обѣщаніі своемъ отрекошася. Ты же аще хощеши Божия святителя честнѣйша імѣти і вышша паче всѣхъ, сотвори ему одѣяние носити лицемъ бѣлѣйшимъ, по подобию святительскаго і мнишескаго чина, сицевымъ образомъ. І показаша ему еже имяху в рукахъ своихъ одѣяние бѣло, достойно бяше святителемъ носити на главѣ. Царь же рече имъ: господие моі! вся повелѣния вами да сотворю; повѣдаите ми, кто еста вы? і в пришествіі бо вашемъ зѣло возрадовася сердце мое і свѣтъ сладокъ осия мя. Они же рекоша: Мы есвѣ апостоли Петръ и Павелъ, іже прежде бѣхомъ у тебе, егда ты несущему Богу вѣрова; нынѣ же істиннаго Бога позна (лъ), наипаче же познанъ еси от Бога; і се второе послание к тебѣ от Спасителя Христа Бога, дати тебѣ разумъ благочестия вѣру Господа нашего Іисуса Христа, понеже послушалъ еси велѣния, і живота вѣчнаго сподобися рукою святѣйшаго епископа. Царь же рече: господие моі! нынѣ разумно вижу і познахъ ваша святая лица, і аще не бы вы предсталі въ явленіі вашемъ, въ малѣ не подвижася нога моя; яко возревновахъ беззаконныя зря; і аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во аде душа моя, і мало не скончаша мене на земли злиі они врази і отступницы, бѣсовьстиі служителие. Апостоли же рѣша: нынѣ вся, яже повелитъ ти епископъ, твори, і сынъ свѣта будеши, і небеснаго града гражданинъ. І сия глаголавше, невидими быша. Царь же от сна воспрянувъ, и скоро притече к папе радостенъ, і повѣда ему вся реченная от апостолъ; папа же благодаривъ Бога о семъ, яко незабвенно дѣло его вѣмъ (?) пред Богомъ. І абие поіде царь во своя, от многия радости любовию побѣждаемъ, і от Святаго Духа вразумляемъ, повелѣ (привести) пред ся въскоре ризношвецъ мудрѣйшихъ, іже искусни суще утвари всякия плателная творити, і вмѣсто царскаго вѣнца повелѣша имъ сотворити клобукъ бѣлъ на главу блаженному папѣ, по повелѣнию святыхъ апостоловъ, по образу еже показа(ста) ему святні блаженнні апостоли; і своею рукою назнаменавъ, імѣя якоже видѣ в рукахъ святыхъ апостолъ. Господу же поспѣшествующу, не по мнозехъ днехъ сотвориша его жиждущіі по повелѣнию цареву, і устроиша его чюдно, і принесоша его ко царю; і абие изыде от него благоухание велие; царь же удивися сотворению сего, такоже і благочинию. В нарочитый же день праздника Божия, зѣло рано еще сущи, папа Селивестръ ідяше ко

Digitized by Google

утренному пѣнию, і абие на путі осия свѣтъ велий от небесе, і гласъ бысть глаголющъ сице: епископе, внимай себѣ: царь Константинъ сотвори одѣяние бѣлое носити тебѣ на главѣ; ты же приемъ, постави его в церкви Божиі, ідѣ(же) служиши, дондеже воставетъ дому владыка, емуже уготовася свѣтилникъ сей. І абие по гласѣ томъ подъяся свѣтъ онъ к небеси, і разступися небо приняти. Папа же, стоя на единомъ мѣсте, і видѣнию дивяся, і свѣтъ осия сердце его; і грядущихъ с нимъ: сиі такоже свѣтъ видѣша і гласъ Божий слышаша; по свѣте же ономъ нощь паки бысть; і вси устрашишася. Селивестръ же дивяся видѣнию і недоумѣяся о глаголе семъ, і вшедъ въ церковь, и все пѣние утреньне стоя, измышляя себѣ, глаголаше: кто разумитъ мя, что́ преславное се видѣние, і что́ хощетъ быти? Во уреченный же часъ дни того, егда творяху божественную службу, папѣ же пришедшу в церковь, благовѣрный же царь Конъстянтинъ облечеся въ царьскую порфиру, і вѣнецъ царьский возложи на главу свою, і со множествомъ синьклита своего, сего святаго клобука принесе в церковь, і со всякою христоподобною честию своими руками положи сего на главу блаженному папѣ, і рече: такову ти достоитъ быти свѣтлу, якоже солнцу посредѣ всѣхъ человѣкъ, о пресвятый отче і учителю! Папа же рукою своею сотвори на царѣ крестное знамение, царь же папа целова в руку, і в клобукъ, і поклонися ему благочинно. Селивестръ же въ клобукѣ ономъ со своего мѣста соступивъ, і мало отшедъ, со многимъ благочинствомъ поклонися в немъ царю, і ста на мѣсте своемъ. В то же время въ церкви бѣ нѣкто царевъ болярин, Симеонъ іменемъ, царю предстоя і держа блюдо златое, ухищренно же бѣ жемчюгомъ і каменнемъ драгимъ, на немъ же царь вѣнецъ главы своея полагаше; папа же испроси у царя блюдо оно, і сня си клобукъ з главы своея, і положи его на немъ, і любезно целовавъ со всѣми святители, і постави въ церкви в нарочите мѣсте, по гласу явльшуся ему во свѣте Господни; і на Господьския праздники точию возлагаше и на главу свою, і честно творяще, і паки поставляше его на томъ же мѣсте; такожде заповѣда і по преставлении своемъ творити. Въ 13 лѣто царства своего благовѣрный царь Константинъ совѣтъ благъ приемъ, і рече: яко ідѣже святительска власть і християнскаго благочестия глава небесным царемъ уставлена бысть, не у достоіно есть тамо власть імѣти земному царю; і написания благочиннѣ предавъ, і благословение от папы вземъ, і великиі Римъ получи (поручи?) ему; самъ же приіде в Византию, і созда градъ великъ і славенъ, і нарече его во имя свое Констянътинъ-градъ, і живяше ту.

По преставлении же святѣйшаго папы Селивестра, вси православниі папы і епископы творяху велию честь святому бѣлому клобуку, якоже заповѣда блаженный Селивестръ; і тако преидоша лѣта многа во благочинии ономъ. Супротивникъ же і человѣческому роду супостатъ врагъ дияволъ сотвори рать велию на святую церковь, воздвиже нѣкоего царя, Карула именемъ, і папу Ѳармуса, і научи ихъ прелстити християнскиі родъ своими ложными словесы і учении; і отступити повелѣша от православныя христовы вѣры, і раздрати соединение благочестия святыя апостольския церкви. І бѣсовъскимъ умышлениемъ тіі скверниі учителие православную христову вѣру і апостольския и святыхъ отецъ предания отвергошася, во аполинариеву ересь превратишася, і опресночная вмѣнишя въ правду; а истинная Христова предания, і святыхъ апостолъ, и отческая поставишася і опресночная (?) во лжу; і святую апостольскую церковь осквернишя неправыми ученіі і служении; і святаго бѣлаго клобука не любяху, і чести ему не творяху, якоже заповѣдано бѣ исперва, но вземже его і положиша на томъ же блюде, въ придѣле нѣкоемъ церковныя стѣны заключиша, і на дверцахъ написаниемъ написавше латыньскою рѣчию сице: здѣ сокровенъ есть бѣлый клабукъ папы Селивестра. Пребысть же тамо Богомъ храним. По мнозѣхъ временехъ воста инъ папа, того же латыньского служения, іже отнюдь не любя Христовы

Digitized by Google

вѣры, і святыхъ апостолъ предания і учения, гордостию превознесеся, і святыхъ иконъ поклонение конечно отвергъ. І нѣкогда вшедшу ему в олтарь, узрѣ на дверцехъ онѣхъ написано о бѣломъ клобукѣ; і прочетъ, восхотѣ видѣти его, і повелѣ отверзъти двери онѣ. Егдаже отверзоша ихъ, ізыде воня благовония многа, неизречения і чюдна зѣло. Папа же взя блюдо с клобукомъ, і дивяся сотворению его, і от бѣса пострѣкаемъ, возненавидѣ его, і положи его паки в томъ же предѣлѣ, і заключи его твердо. Потомъ же во многи нощи і дни папы онъ во снѣ многажды слыша гласъ, еуангельскою рѣчию глаголющь сице: Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя; ни вжигаютъ свѣтильника і поставляютъ его под спудомъ, но на свѣщники возлагаютъ, да свѣтятъ всѣмъ. Папа же дивися гласу тому, і возвѣсти в сонъмищи сущи (мъ) совѣтникомъ его і докторомъ, і мысль положше, яко гласъ сий бываетъ клобука раді оного. І от бѣса пострѣкаеми хотяще его сожещи посредѣ града Рима. Богу же не попустившу сотворити имъ сего, и страхъ нападе на нихъ, і убояшася народа, і на иную мысль преидоша, отослати его в далняя страны заморія своего скверного учения, і тамо его опоругати и истребити, на устрашение оставльшимъ християномъ. І вземше клобукъ онъ святый, вложиша его во вретище безчестно, а златое блюдо себѣ удержаша; і посланники суровы і безчестны отрядившие, і написание даша повелѣнная сотворити имъ, і отпустиша ихъ в корабли з гостьми, пришедшими купля дѣяти.

І пловущимъ имъ по морю, и нѣкто посланникъ Индрикъ іменемъ, суровъ і житиемъ поганъ, упився пиньствомъ, і усты своими глаголаша скверная, і хотяше сѣсти верху святаго клобука; і абие мракъ теменъ нападе нань, і невидимая Божия сила не даде ему сѣсти, отрину его от мѣста того і удари о корабленный мостъ, і паки подья его выше, і удари его о краі корабля. І бысть разслабленъ, немогій двигнутися ни руками и ногама, і лице назадъ его обрати(ся), очи же развращенные имѣя, і кричаше безпрестани: охъ, помилуіте мя! І тако злѣ изчезе. Прочиі же клевретиего, видяще сия, ужасошася і боящеся держати мертва в корабли, да не что́ зло постражутъ от морьскаго волнения. І ввергоша его в море, і погрязе.

С тѣми же бѣ нѣкто посланникъ інъ, іменемъ Іеремѣя, втай держаще вѣру христову, і милостыня много творяще нищимъ, і святый сей клобукъ втай (чтяше). І видѣ клеврета своего пострадавша злѣ, і страхъ объятъ его. І пловущимъ имъ по морю пять дний, і яко в полунощи, всѣхъ сонъ объятъ, і приіде гласъ глаголющъ сице: Іеремѣе! Утвержайся о Господѣ Бозѣ, и почитай святая честнѣ, і храни еже носиши спасенъ будеши от моря. Іеремѣя же услышавъ гласъ, і воспрянувъ от сна, і страхъ объя его, и недоумѣяся о гласѣ семъ. І внезапу тма нападе на нихъ, і громи велицы восташа, и с небесе молниямъ блистания многая явишася, и зажже корабль, и смолу корабленую развари, і вся сущая в немъ люди и рухляди корабленыя пожже і потопи, і корабль разлама, і вся сущая в немъ погибоша; точию Іеремѣя онъ преждереченъ на единои цкѣ сохраненъ бысть. І вретище с клобукомъ взя, і крѣпцѣ держа его, і безпрестани зовя велимъ гласомъ; Благовѣрныі царю Конъстянтине (с) своимъ учителемъ святымъ папою Селивестромъ! святаго ради клобука сего, сотвореннаго вами, избавите мя в часъ сей от належащия сея бѣды! І абие вскорѣ тишина бысть, і свѣтъ возсия; і явишася два мужа свѣтлостию сияющи, от нихже воздухъ освятися, по морю ходяще яко по суху: единъ в воинская одѣянъ, і венецъ царскій наглавѣ его, другій же святительския ризы на себѣ нося. І вземше уже корабля оного, і привязаша за конецъ дъцки, і превлекоша ко брегу нѣкоему, знаему сущу; і клобукъ святый из вретища взяша, і цѣловавши его паки в то же вретище положиша и даша Іеремию, і рекоша: внимай себѣ, Іеремѣе, и блюди со опасениемъ еже носиши, і повѣдай, елика ти сотвори Богъ сего ради. И невидими быша. Іеремѣя жевретище оно с клобукомъ взя, на рамѣ свои носяше, і по трнехъ днехъ (пріиде) в Римъ, і вся бывшая папѣ повѣ-

Digitized by Google

да. Папа же таковая слышахъ (въ) ужасеся страхомъ велиимъ, і нача браду свою терзати і кусати; і повелѣ онъ клобукъ положити на предреченнемъ златомъ блюде, і постави его в церкви, і потомъ не смѣяше ему никоего зла сотворити, а почести ему не воздаше никоея же: омраченъ бо бѣ диявольимъ ухищрениемъ, въ еретическая сведенъ со отступники его. І мысляще всегда: что́ сотворити клобуку оному злая? Человѣколюбецъ же Богъ, вся строя на ползу, і соблюдая святыню свою на пречестную похвалу, въ нѣкую нощь спящу папе оному на ложи своемъ, і приіде к нему ангелъ Господень, страшенъ образомъ, в руцѣ имѣя мечь пламенъ, і пусти ю ізо устъ своихъ гласъ яко громъ; от гласа же сего потрясошася полаты папины, і рече ему: О злый скверный учителю! Не довлѣли (ло) ти осквернити святую Христову вѣру, церковь; і многи душа человѣческия погубисте своими неподобными учении, і отступисте от праваго пути Божия, і поидосте в путь сатанинъ; нынѣ же конечнѣ хощеши противенъ стати Богу своимъ гнилымъ буйствомъ, і святый бѣлыи клобукъ умыслисте послати в нечистыя мѣста, і хотѣсте его опоругати, истребити. Но владыко всея твари соблюдетъ его своимъ смотрениемъ; ты же, скверный, нынѣ с великою честию въскоре помысли сего святаго клобука въ Конъстянтинъ-градъ устроити къ патриарху і сему повелѣ(ша) будетъ устроити яже о немъ; і аще сего не сотвориша, то пожгу домъ твой, і смерть злу наведу на тя, і предамъ тя безвременно вѣчному огню. І сия глаголавъ, невидимъ бысть. Папа же въ скочи от сна, весь трясыися, и страхомъ одержимъ велiимъ бысть, и не смѣя ослушатися повелѣннаго ангеломъ. Во утрий же день созвавъ единомысленыя своя, і повѣда имъ страшное ангельское явъление; і приіде въ церковь, хотя взяти святый клобукъ онъ, і абие узрѣ страшное видѣние: прежде взяти, блюдо оно златое с клобукомъ подняся выше человѣка, і паки ста на мѣстѣ своемъ. Папа же с великимъ страхомъ обоя взя своими руками, і положи ихъ в сосудъ честенъ, і печатавъ своими печатми, і отряди честныи мужи, і написание давъ имъ: і посла ихъ в Конъстянтинъ градъ к патриарху.

В Констянътинѣ же граде бѣ тогда патриархъ Ѳилофиі, украшенъ постомъ і всякою добродѣтелию. І сему нощнемъ видѣніи явися юноша свѣтилъ, і рече: Учителю благиі! Въ древниі лѣта римскиі царь Констянтинъ, по явлению святыхъ апостолъ Петра и Павла і от Бога вразумляемъ, на похвалу святѣи апостольстей церкви, і на почесть блаженному папѣ Селивестру, сотвори клобукъ бѣлъ на главѣ носити; і нечистыі папа латинскиі того святаго клобука нынѣ хотѣ опоругати (и) істребити; і повелѣниемъ страшнаго явления моего, злый онъ папа нынѣ послалъ сего к тебѣ. І егда же приідутъ к тебѣ посланниі с клобукомъ онѣмъ, ты же приіми сего честию, і написание со благословениемъ вдавъ, посли сего святого клобука в рускую землю в великиі Новъградъ; і да будетъ тамо носимъ на главѣ Василия архиепископа, на почесть святѣи і апостольстеі соборнеи церкви Софѣи премудрости Божиі, і на похвалу православнымъ; тамо бо нынѣ воистинну славима есть Христова вѣра; папе же оному, безстудия его ради, сотворитъ Господь отъмщение. Сия глаголавъ, невидимъ бысть.

Патриархъ же воста от сна, страха і радостию наполнився, і всю нощь без сна пребысть, размышляя о видѣниі ономъ. І повелѣ клепати (на) утреню; і яко приспѣ день, созва соборъ церковныі, и повѣда имъ явление оно. І вси воздаша хвалу Богу, і разумѣша, яко святыі ангелъ есть явлейся патриарху, а о сказаниі его не можаху разума приложити. І бысть сѣдящимъ имъ в соборѣ ономъ, і от радости чюдящимъся, і абие приідоша слузѣ патриарховы, и сказаша ему о пришествиі посланныхъ от римского папы. Патриархъ же ею повелѣ въвести к себѣ. Посланники же, вшедше, поклонишася ему, і от папы написание даше ему; патриархъ же написание прочетъ, удивися, і хвалу Богу воздавъ, і возвести о семъ царю Івану тогда сущему: нарицаемому Кандакузину,

Digitized by Google

і со освященными срѣтоша божестьвенное сокровище, і ковчежецъ приемъ с честию, і печати отъятъ, і взя оттуду святыі бѣлыі клобукъ, і целовавъ его любезно, і зря нань дивившася сотворению его, і благоуханию чюдному изходяще (му) от него такоже дивяся. Бѣ же патриархъ в то время боленъ очима і яко очесе главою, і клобукъ онъ святыі положи на главу свою, приложи; і в томъ часѣ глава его і очи здравѣ бысто. І возрадовася зѣло великою радостию, і славу воздая Христу Богу і присноминаемому царю Конъстянтину, сотворшему таковое пречюдное дѣло, і блаженнаго папу Селивестра такоже похваляя. І положи клобукъ онъ святыі на златомъ блюде, егоже посла папа с клобукомъ, і постави его в велицѣі церкви, въ честнѣ мѣсте, доньдеже о немъ со царемъ совѣтъ положитъ.

(По)отпущенні из Рима святаго клобука, злый онъ папа от еретикъ на(у)чаемъ, злѣ ралиливаяся на Христову вѣру, і возбесися, и разскаяся зѣло о отпущенні клобука і сприва (исперва) і лукаво написа к патриарху, возвратити повелѣвая к себѣ клобукъ онъ і златое блюдо. Патриархъ же прочетъ написание, і разумѣ злохитріе і лукавъство папино, і написание посла к нему от святыхъ писаний, нарекъ его сурова, і безбожнаго, і отступника вѣры Христовы, і предотечю антихристова, і прокля его іменемъ Господа нашего Іисуса Христа, і святыми апостолы, і божественными отцы. Сия же написания к папе доідоша. Папа же прочетъ, і увѣдавъ, яко патриархъ клобукъ бѣлыи имать в велице чести і хощетъ его послати в рускую землю в великий Новъградъ; і рыкнувъ болѣзнено, і опустнѣ лицемъ, і в болѣзнь впаде: толико бо онъ поганыи паче не любяше руския земли, вѣры ради Христовы, но и слышати не терпяше; разпалився плоть его, і сѣдоша на колѣне его двѣ болячки на обѣихъ частехъ, і от тѣхъ разыдошася болячки по всему тѣлу его от главы і до ногу, і сирадъ велий изхождаше от него, и черви многи искипѣша іс тѣла его, і хребетъ его сляче въдвое. Мнози же врачеве приходяще, не могоша изцѣлити его; очи же развращеннѣ імѣя, и кричаше безпрестани великимъ гласомъ, і нелѣпая глаголаше, і псомъ і волкомъ вояше, і изходящу из него мотылу, рукама своима хваташе, і во уста своя влагаше і ядяше. І тако творя многи дни, і злѣ стража; і страхъ обя всѣхъ ту сущихъ. Предстоя же нѣкто у одра его, вземъ платно, хотяше утерти уста его; онъ же яко песъ платно хотяще ухватити зубы своими, і вотче собѣ въ горло; і абие отече плоть его, і разсѣдеся весь: бѣ бо дебелъ плотию поганый. І тако злѣ скончаа окаянный животъ свой. Римляне же слышавше таково скончание злаго оного папы, не ідоша на погребение его, не опловаше, прокляша его. Властели же тогда градстіі, срамнаго ради скончания папы оного, погребоша его тай, а імя его в писанні утаиша, і пременишa во іно імя: овні глаголютъ Гервасъ імя ему, і инні же Евгѣний, а истиньны никтоже не повѣсть. Патриархъ же Филофие, видя святаго клобука добротою сияюща, і мыслити нача, хотя удержати его в Константинъграде, і на своей главѣ носити; і о семъ часто преклоняяся къ царю, і хотя писати къ прочимъ патриархомъ и митрополитомъ, еже приіти имъ на соборъ. Бысть же въ день недѣлный, по пѣніі утреннемъ, виде патриархъ въ своя, і по обычномъ правилѣ сѣде почити, і в сонъ тонокъ сведеся. І видѣ в видѣнні сего вшедша к нему дворцами два мужа незнаемы, свѣтлы зѣло: единъ аки воинъ вооруженъ, і венецъ царский на главѣ імѣя, другий же святительския ризы нося на себѣ, честными сѣдинами украшенъ, і рече: патриархъ Филофие! предстани от мышления твоего носити тебѣ на главѣ твоей бѣлый клобукъ: аще бы Господь нашъ Іисусъ Христосъ изволи сему быти, то от начала бы в созданіі града сего сотворено было; но древъле по явлению свѣта Господня сшедшаго с небесе, і Божия гласа бывшаго ко мнѣ, вразумляемъ азъ хотящую латынскую прелесть і от Бога отступление в Римъ быти; і сего ради не восхотѣхъ святаго онего клобука на главѣ своей носити, і прочимъ тако заповѣда. Въ царствующемъ же семъ Кон-

Digitized by Google

стянтинъградѣ, по неколицехъ временахъ, обладати имутъ агаряне за умноженне грѣхъ человѣческихъ, і вся святая осквернятъ і истреблятъ, якоже в созданні града сего явлено бысть о семъ: ветхні бо Римъ отпаде славы і от вѣры Христовы гордостию і своею волею; в новемъ же Риме, еже есть в Коньстянтинѣграде, насилиемъ агарянскимъ такоже християнская вѣра погибнетъ; на третиемъ же Риме, еже есть на руской земли, благодать святаго духа возсия. І да вѣси, Филофе, яко вся християньская пріидутъ в конецъ, і снидутся во едино царство руское, провославия ради. В древняя бо лѣта, изволениемъ земнаго царя Констянътина, отъ царствующаго сего града царьский вѣнецъ данъ бысть рускому царю; бѣлыі же сей клобукъ изволениемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу великаго Новаграда і кольми сні честнѣе оного, понеже архангельского чина есть царьский вѣнецъ есть, і духовнаго суть. Ты же не умедли Святаго Духа сего клобука послати в рускую землю, в великні Новградъ, по первому тебѣ явлению святаго ангела, і моимъ гласомъ вѣруй; да просвѣтятся і похвалятся о семъ провославнні, і да не обладаютъ агаряне внуцы поганні, ни да поругаютъ его, якоже латыньскні папа хотяше сотворити. Яко же бо от Рима благодать, і слава, і честь отъята бысть, такоже і от царствующаго града благодать Святаго Духа отъимется, въ пленение агарянского, і вся святая предана будетъ от Бога велицей рустей земли во времена своя, і царя руского возвеличитъ Господь на многиями (надъ многими) языки, і подо властию ихъ мнози цареі будутъ от иноязычныхъ, под властию ихъ і патриаршеский чинъ от царствующаго сего града такожде данъ будетъ рустей земли во времена своя, і страна наречется свѣтлая Росия, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареннї рускую землю, исполнити провославия величеству, і честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ. І сия глаголавше, хотяху отъити; патриархъ же в велице страсе бывъ, паде пред ногами ихъ, і рече: кто еста вы, господине мои, іже видъ ваю зѣло ужаси мя, і от словесъ ваю устрашися сердце мое, і виде трепетъ в кости моя? Святительская же нося, (й) рече, ли не вѣси? Азъ есмь папа Селивестръ, і повелѣнием Божиімъ пріидохъ к тебѣ повѣдати тебѣ сию тайну Божию великую, яже збудется во времена своя. Таже рукою указуя своею на другаго, пришедшаго с нимъ, рече: А сей благовѣрный царь Констянтинъ римскні, иже (егоже) породихъ во святѣй купѣли, і сотворн (хъ) его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа; і сеі бысть первыи християнский царь, чадо мое о Христѣ, іже сотворн ми бѣлый клобукъ вмѣсто царьскаго вѣньца. І сия глаголавъ, і благословение давъ патриарху; і невидимы быша. Патриархъ же от сна воспрянувъ, і страхъ великъ нападе нань, поминая глаголы явльшихся ему о бѣломъ клобукѣ, і еже о обладанні Конъстянътина-града от поганыхъ агарянъ, і плакася на многъ часъ. Времени приспѣвшу божественной литоргиі, пришедъ в церковь, паде пред образомъ пресвятыя Богородицы, на многъ часъ; і вставъ, святаго бѣлого клобука вземъ с великимъ страхомъ, і целова его любезно, і на главу свою пологаше, і прикладывавъ ко очима и къ сердцу таже прилагая, і любовь к нему приложи боле перваго; і сия творя со многимъ плачемъ. Клирицемъ же сущимъ близ его стоящимъ, і видѣша его неутѣшно плачющася, і не смѣяху вопросити его. Патриархъ же мало от плача предста, і сказа всѣмъ явственно явление папы Селивестра і царя Констянтина, глаголы ихъ. Таковая же словеса от патриарха слышавше, жалостне восплакаша, і рекоша: Воля Господня да будетъ! Патриархъ же хотящую быти бѣду Констянтина града оплакавъ, і повелѣния Божия преступити боясь, і рече, яко ідѣже ся изволитъ Господеви, тамо і устроитъ святыню свою. І совѣтомъ благочестиваго царя Івана, святый клобукъ взя, златое блюдо, і в прежереченный ковчежецъ положи благочинно, і печатавъ своими печатьми, і по повелѣнию святаго ангела і блаженнаго папы Селивестра написание со благословениемъ вдавъ, і клобукъ онъ бѣлый архиепископу Василию на главѣ носити повелѣ, і прочимъ по немъ ар-

Digitized by Google

хиепископомъ великаго Новаграда; такоже і иныя многія честныя дары чюдны зѣло от своихъ церковныхъ чиновъ дарова, благочиния ради святительского, і ризы крестъчаты, на похвалу святыя і апостольския церкви; і сия въ другіі ковчежецъ положи. І вся (вся сія) даде епископу нѣкоему, іменемъ Еумѣнию, і с радостию же і жалостию отпусти ихъ. В то же время в великомъ Новѣграде бѣ архиепископъ Василие, постничествомъ і всѣми добродѣтелми украшенъ. І в нѣкую нощь молящуся ему Богу, і сѣде почити; і мало воздрема, і видѣ ангела Господня, умиленнымъ образомъ і свѣтла лицемъ, предстояща пред нимъ, на главѣ імѣя клобукъ бѣлъ, по образу мнишескаго чина; і перстомъ руки своея указуя на главу свою, і тихимъ гласомъ рече: Василие! клобукъ бѣлый, еже видиши на главѣ своей, от Рима есть. Въ древняя лѣта християнский царь Константинъ сотвори его на почесть римскому папе Селивестру носити на главѣ; і Господь вседержитель не изволи сему быти тамо, прелести раді скверныхъ латынъ. Ты же во утрий день іди внѣ града сего со благоприятельствомъ, і срѣти посланныхъ от патриарха и епископомъ носимый ковчежецъ, в немъ же клобукъ бѣлъ симъ образомъ, на блюде на златѣ; приіми честию; сий бѣлый клобукъ прообразуетъ свѣтлое тридневное воскресение; і нынѣ да будетъ на главѣ твоей носимъ, і на прочихъ тебѣ архиепископѣхъ града сего утвердится на главахъ носити; і сего ради показахъ ти прежде. да вѣрно ти будетъ, і не сумнишися. І сия глаголавъ, невидимъ бысть. Архиепископъ же Василей от сна воспрянувъ, і от страха і радостию дивяся видѣнию. Во утрий же день от предстоящихъ ему посла на распутия увѣдати: істиньна ли есть явльшееся. Посланниі же отъидоша недалече от града, і узрѣша епископа грядуща, незнаема суща; і поклонивъшеся, возвратиша (ся) во градъ ко архиепископу и сказаша ему вся. Архиепископъ же посла проповѣдника во весь градъ на собрание священнаго чина, і людскаго всенароднаго множества, і повелѣ звонити; самъ же облечеся во святительския ризы со всѣми причты. І отшедше ему недалече от церкви святыя Соѳіи; і се приіде преждереченный епископъ от патриарха, нося ковчежецъ за патриаршескими печатьми і (съ) честными дары. І пришедъ ко архиепископу, поклонися благочинно, і посланыя к нему патриарховы грамоты даде, і другъ от друга благословение приемше, і о Христѣ целовавшеся. Василие же архиепископъ патриархова написания і ковчежецъ вземъ честнѣ своими руками, і другий ковчежецъ (съ) патриарховыми честными даровы такоже взя, і поидоша въ церковь святыя Соѳіи премудрости Божиі, поставиша посреди церкви на мѣсте честнѣ, і посланныя патриарховы грамоты повелѣ чести въ слухъ всѣмъ. Сущиі же въ церкви православниі же егда услышаша сицевая написания, воздаша славу Богу і возрадовашася велиею радостию. Архиепископъ же Василие ковчежецъ онъ разпечатавъ і покровъ снявъ, отвори, і абие изыде от него благоухание неизреченное, і свѣтъ пречюденъ в церкви возсия. Архиепископъ же Василие і вси предстоящеі народі видяще сия, удивишася; от патриарха же пришедый епископъ Еумѣние в той часъ сия вся благодѣяния Божия видѣвъ, удивися велми; і вси воздаша хвалу Богу і пѣвше молебная. Архиепископъ же Василие взя ис ковчега бѣлый клобукъ, і узрѣ тацѣмъ же образомъ суща, якоже видѣ на главѣ своей ангела, и целова его любезно. І в тотъ часъ из церковныя главы от Господня образа ізыде велиі гласъ: Святая святымъ! І мало помолчавъ, третицею гласъ приіде: Іспола іти деспота! І яко услышавъ архиепископъ, і вси сущиі гласы сия слышавше, страха и радости наполнишася, і рекоша: Господи помилуй! І повелѣ молчати всѣмъ, сущимъ въ церкви. І сказа имъ ангельское явление, і глаголы о святѣмъ клобукѣ, і вся по ряду, яже рече ему святый ангелъ нощию в видѣниі. І возблагодаривъ Бога въ клобукѣ ономъ, поідетъ от церкви своея, предъидущимъ ему подьякомъ во священныхъ одеждахъ, со свѣщами і с пѣниемъ; і бѣ видѣти благочиньно і честно. Народи же другъ друга оттѣсняху і скачюще, зряще на святительский верхъ і дивляхуся. І сицевою дѣте-

Digitized by Google

лию і благодатию Господа нашего Іисуса Христа, і по благословению святѣйшаго Филоѳея, патриарха Царяграда, утвердися бѣлый клобукъ на главахъ святыхъ архиепископъ Великаго Новаграда. Архиепископъ же радостию велиею исполнися, седмь дней питая священники, і дияконы, і вся церковники всего Великаго Новограда, многими брашны учреждая ихъ; такоже и нищая, і мнихи, і стѣмничники, добре напитавъ, і прочихъ свободити моляшеся; патриарховы же святыя і честныя дары устрои въ соборной церкви въ божественнѣй службѣ, по благословению святительскаго чина. Блюдо же златое, на немже бѣ святый бѣлый клобукъ, такоже на божественную службу въ церкви святыя Софѣі устрои. Посланныхъ же от патриарха со святымъ клобукомъ зѣло чтяше, і даровы многими одаривъ; такоже къ царю і патриарху с великимъ покланяниемъ посла, и отпусти ихъ во свои с великою честию, потомъ же от многихъ градъ і царствъ приходяше людие в великиі Новъградъ, аки на нѣкое чюдо дивное зряще, видяще архиепископа в бѣломъ клобукѣ ходяща, і дивляхуся, і во всѣхъ царствахъ і странахъ о семъ повѣдающе. Сотвори же убо сеі святыі клобукъ благочестивыі первыі християнскиі царь Конъстянтинъ блаженному папе Селивестру в лѣто 5805-е. І сия убо написания о святомъ бѣломъ клобукѣ до здѣ.

Digitized by Google

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ

(По варіанту Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1350.)

Страница 287, строка 36.

Вм. а древняго нѣстъ: — Онъ же рече: ново напиние о семъ здѣ есть, а древняго нѣсть.

Страница 288, строка 21.

Вм. с Саревымъ: — с Силаревымъ.

Страница 289, строка 10.

Вм. в лоновую: — в великую

Тойже страницы, строка 48.

Вм. в горѣ Сорѣптей: — в горѣ Корпѣтѣ.

Страница 290, строка 9.

Послѣ словъ: одѣянну быти: — і внутръ латеранскихъ полатъ пребывати повелѣ

Страница 290, строка 21.

Послѣ словъ: взлѣзшу ему во святую: — купѣль, и абиę царь отрекися всего сатанинскаго студа и дѣлъ еґо, и всѣхъ рукотворныхъ болвановъ, вѣровати же обѣщася во единаго Бога Отца Вседержителя, творца небу и земли. Своею волею пред всѣми людми се іисповѣдавъ, и благословившися в купѣли, і тамо третицею погружениемъ вода очисти. Оле чюдо!

Страница 292, строка 25.

Послѣ словъ: о пречестный отче и учителю! *вм.* папа же *и проч. до словъ* по преставленіи *тойже страницы въ строкѣ 52.* — и всѣмъ, иже по тебѣ святителемъ, всегда творити в подвизѣхъ своихъ и во всемъ по подобію царьства нашего; тѣмже сего ради постриженнаго знамения верховнаго свѣтилника главы, да не мнитъ кто се, яко пострижение худо быти и безчестно; паче земнаго царьства саномъ и славою и силою ея украшение подобаетъ, понеже всего честнѣйши же на земли; такожде достоитъ почитати весь священническиі чинъ, ради чести и славы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, велицеі сеі соборнеі и апостольстеі церкви; сего иже множайше сего нашего царьскаго повелѣния писание своима рукама укрѣпивше, честному тѣлеси началнаго апостоломъ блаженнаго Петра своима рукама в руку его паложихомъ; симъ Божию апостолу обѣщавшуся непорушима нами быти, и сия вся соблюдатися и нашими по на насъ приемники царьскими здѣ, и повелѣниемъ блаженному отцу нашему Селивестру соборному папѣ, і сего ради всѣмъ его приемникомъ святителемъ Господа нашего Іисуса Христа благаравно повѣдавше вѣчно і благополучно сихъ воздаяние предаде, такожде і инѣмъ патриаршескому престолѣ коемуждо предѣлу, честныхъ ради апостолъ и ученикъ Христовыхъ: византискому, егоже во свое имя преименовавъ Андрѣя ради апостола, яко много потрудившихся к благоразумию тѣхъ привести и к церкви воздрузити православныхъ, такожде и Александрѣйскому маркову приемнику, и антиохиоскому, лукину, настолнику іеросалимскому Иякова брата Господня, иже самѣмъ Господѣмъ поставленъ бысть, коемуждо во своемъ предѣлѣ подобно, паче же и велию честь воздаемъ; и наши по насъ приемницы такожде и всѣмъ церквамъ Христовымъ митрополямъ и архиепископіамъ и епископіамъ, иже по нихъ настолникомъ честь сами даемъ, и наши по насъ настолницы велицы, якоже служителемъ Божиімъ и приемникомъ честныхъ апостолъ Христовыхъ. Сице творите и блюдитеся, яко да не в великую і лютую і горкую крамолу тягость впадете и славы Божиа лишени будете, но держитеся предания, якоже приясте; Господа бойтеся и священную его церьковъ и настоятеля велми чтите; такоже и всѣхъ церковныхъ служителеі, предстоящихъ престолу Божию

Digitized by Google

во дни и в нощи; да милость Божию получите в семъ вѣцѣ і в будущемъ, и сынове свѣта будете, и наслѣдницы царьства небеснаго. И много глаголаше от Божия милосердія и смотрения богодухновенная словеса, изрече и написахъ, и впредъ укрѣпивъ быти на многую честь соборнеі и апостольстѣі церкви, и на славу Божию, о нихже нынѣ послѣди скажемъ; нынѣ же малую нѣкую часть явихомъ от словесъ его, паки же на предлежание возвратимся.

Писание же се благочестно предавъ соборнѣі и апостольстѣі церкви, благовѣрныі царь Констянтинъ благословение приемъ от блаженнаго папы Селивестра, и поручи ему Богъ великій Римъ; самъ же приіде в Византию, и созда градъ великъ и славенъ зѣло, иже нарече его во свое имя Констянтинъ градъ, и живяше ту.

Страница 294, строка 28.

Послѣ словъ: вѣчному огню: — не вѣси ли, окаянне, яко святыі сиі бѣлыі клобукъ царьскиі вѣнецъ есть архангельскаго чина, іже сотворенъ бысть по чину святыя Троицы, и преобразуетъ святое Христово воскресение, егоже ты недостоинъ еси і на сѣнь его зрѣти?

Тойже страницы, строка 43.

Вм. Ѳилофиі: — Увеналіи.

Тойже страницы, строка 60.

Послѣ словъ: тако бо нынѣ во истину *вм. со слова:* славима *и проч. до словъ:* і сия глаголавше; — разпространися и утвердися вѣра Христова, и воистинну славима есть во всемъ; изволениемъ вседержителя истиннаго Бога, вмѣсто римския церкви дана бысть благодать Божия, сего клобука послати в рускую землю в великиі Новградъ по первому явлению святаго ангела Божия, и моимъ гласомъ вѣруй, і да просвѣтятся і похвалятся о семъ тамо православниі християне, и не обладаютъ ими в семъ градѣ агарянстиі внуцы, і погани да не опоругаютъ его, якоже латынскій папа хотяше сотворити: якоже бо суть от Рима благодать, и слава, і честь православия отъяся, тако и от царьствующаго сего града благодать Святаго Духа отъимется в плѣнение агарянское, і вся святая предана будутъ от Бога велицѣй земли, и царя рускаго возвыситъ і возвеличитъ Господь над многими языки, и под властию ихъ мнози царие будутъ, и от Рима языцныхъ и патриаршескихъ, и великиі чинъ от царьствующаго града сего такоже данъ будетъ велицеі рустеі земли во времена своя, и страна наречется свѣтлая Росия: Богу убо тако изволшу, и таковымъ благодарениемъ прославити всю рускую землю исполнить православия величество, и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ.

Страница 298, строка 9.

Вм. и протчихъ свободи молящеся: — а прочихъ же, свободи молящеся, ихъ же и свободи.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Упоминаемый здѣсь Геннадій новгородскій архіепископъ есть тотъ самый, который прославился въ русской исторіи энергическимъ преслѣдованіемъ новгородскихъ еретиковъ схаріевой жидовствующей ереси, или лучше сказать броженія умовъ, которое породило тогда множество толковъ, въ понятіяхъ большинства составлявшихъ будто бы что-то единое подъ именемъ жидовствующей ереси. Геннадій былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени: имя его тѣсно соединено съ переводомъ св. писанія, важнѣйшимъ памятникомъ умственнаго труда въ XV вѣкѣ. Когда приближалась осьмая тысяча восточнаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, распространился суевѣрный страхъ о кончинѣ міра, долженствовавшей наступить съ окончаніемъ седьмой тысячи, сообразно предсказаніямъ, записаннымъ въ нашихъ старыхъ сборникахъ, составлявшихъ тогда предметъ чтенія для грамотѣевъ. Послѣ наступленія съ нетерпѣніемъ ожидаемаго всѣми роковаго года, обманутое ожиданіе у многихъ перешло въ невѣріе, и это способствовало еретическому настроенію умовъ. Тогда-то Геннадій посылалъ въ Римъ какого-то Димитрія для составленія разсчета пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему привезти нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія возникавшихъ и волновавшихъ наклонную къ религіознымъ преніямъ мысль о сугубомъ и трегубомъ аллилуйа, а равнымъ образомъ и относительно правильности переводовъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ духовной нашей письменности. Привозъ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ приписывается этому Димитрію. Димитрій этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ быть Димитрій Толмачь, извѣстный посольствомъ въ Римъ при в. князѣ Василіи Ивановичѣ и сообщавшій Павлу Іовію свѣдѣнія о Россіи. Онъ могъ ѣздить и прежде; преосв. Филаретъ въ своей исторіи церкви принимаетъ автора посланія о Бѣломъ Клобукѣ за этого Димитрія. Но онъ могъ быть также и Димитрій Мануиловичъ Траханіотъ, грекъ, прибывшій съ Софіею, уѣзжавшій въ Римъ и снова возвращавшійся въ Россію и наконецъ здѣсь основавшій свое постоянное жительство. Наконецъ онъ могъ быть и Димитрій Ивановичъ Ларевъ или Ралевъ, который прибылъ въ Москву изъ Константинополя въ 1485 году и потомъ нѣсколько разъ ѣздилъ, по порученію московскаго великаго князя, за границу, для пріисканія полезныхъ иностранцевъ (1488, 1490 1493 – 1494, 1499 – 1504). Но это не важно, ибо не нужно имѣть большой проницательности, чтобъ рѣшить, что повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ цѣлію найти историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита. Это стремленіе древней новгородской церкви, связанное нѣкогда съ поддержкою политической и гражданской самостоятельности Великаго Новгорода, болѣе всего проявившееся тогда, когда митрополиты, утвердившіе свой духовный престолъ въ Москвѣ, видимо осѣняли благословеніемъ церкви единодержавныя стремленія московскихъ государей, пережило новгородскую свободу. . . . . .

. . . . . .

. . . Геннадій навлекъ наконецъ на себя нерасположеніе Москвы и оклеветанный во мздоимствѣ, умеръ въ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, откуда нѣкогда вступилъ на каѳедру новгородскихъ святителей. Владыка Василій, о которомъ говорится въ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ, былъ архіепископомъ новгородскимъ

Digitized by Google

съ 1330 г. по 1352 г. Въ третьей новгородской лѣтописи приписывается его времени принесеніе бѣлаго клобука въ Новгородъ. «При семъ архіепископѣ Василіи принесенъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и папы Селивестра въ Великій Новгородъ, иже и до нынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ носятъ.» (П. С. л. III. 225). Это очевидно позднѣйшая вставка, что доказывается и титуломъ митрополита, который новгородскіе владыки стали носить уже въ XVII вѣкѣ. Въ первой новгородской лѣтопити не говорится о бѣломъ клобукѣ, но разсказывается, что Василію архиепископу новгородскому, когда онъ поѣхалъ въ Москву призывать въ Новгородъ великаго князя, далъ ризы кресчатыя не патріархъ, а митрополитъ московскій Ѳеогностъ: «И да ему ризы кресцчаы» П. С. л. III. 83. Но въ новгородской четвертой лѣтописи даръ кресчатыми ризами приписывается не митрополиту Ѳеогносту, а патріарху Филоѳею, о которомъ говорится и въ повѣсти, и притомъ при царѣ Иванѣ Кантакузинѣ, также упоминаемомъ въ той же повѣсти. «Владыко Моѵсей посла послы свои въ Цареградъ, Саву, къ царю Ивану Кантакузену и патриарху Филоѳею, прося отъ нихъ благословенія и исправленія о неподобныхъ вещехъ, приходящихъ отъ митрополита... а посолъ владичень Сава приѣха изъ Царяграда отъ патриарха Филоѳея и отъ царя греческаго Ивана Кантакузена, привезе грамоты съ златою печатью и ризы кресьчаты владыцѣ Моисею всему Новугороду благословеніе (П. С. л. IV. 62). Это было уже въ 1357—1359 г.г. когда Моисей въ другой разъ занималъ владычный столъ. Быть можетъ къ этому времени надлежитъ отнести и дарованіе бѣлаго клобука. Карамзинъ принимаетъ, что бѣлый клобукъ данъ Василію и предполагаетъ, что это сдѣлано было потому, что Василій былъ избранъ изъ бѣлаго духовенства, а на востокѣ патріархи немонашескаго сана носили въ отличіе бѣлые клобуки. (Т. IV. примѣч 360). Противъ этого, однако, можно возразить, что Василій хотя и былъ избранъ изъ бѣлыхъ священниковъ, но прежде своего поставленія принялъ монашество и перемѣнилъ прежнее свое мірское имя Григорія на имя Василія. Какъ бы то ни было, ни Василію ни Моѵсею нельзя было дать бѣлаго клобука по принадлежности къ монашескому званію лица, которому давалось это отличіе; ибо и тотъ и другой были монахами.

На соборѣ 1564 года, когда за митрополитомъ утверждено право носить, для отличія, бѣлый клобукъ, существовало мнѣніе, что въ древности бѣлый клобукъ не былъ исключительною принадлежностію достоинства новгородскихъ владыкъ, что его носили иногда первопрестольники русской церкви, митрополиты и архіепископы другихъ старыхъ епархій. «Отецъ нашъ митрополитъ носитъ черный клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чюдотворцы Петръ, и Алексій, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія ростовскіе чюдотворцы, носили бѣлые клобуки.... а которые митрополиты были послѣ, также и ростовстіи архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черные клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены.... Въ 1563 году одинъ только новгородскій владыка носилъ бѣлый клобукъ, преемственно отъ своихъ предшественниковъ: «а богомолецъ Пиминъ, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, носитъ бѣлый клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ» (Соборная грамотаа бѣломъ клобукѣ. А. И. I. 331 Ист. Госуд. Рос. т. IX прим. 94.) Послѣднія слова очень замѣчательны. Онѣ показываютъ, что повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ то время была еще неизвѣстна. Напротивъ она была хорошо извѣстна на соборѣ 1667 г. Основываясь на посланіи Дмитрія, служащемъ предисловіемъ къ повѣсти, соборъ 1667 г., вопреки собору 1564 года, не признаетъ, чтобы кто нибудь изъ русскихъ іерарховъ, кромѣ новгородскихъ, носилъ бѣлый клобукъ. «Чего ради иконописцы пишутъ святаго Петра, Алексія, Іону, московскихъ чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носиша, и ниже бысть еще въ россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ниже Кипріанъ и Фотій митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во архіерейство, носиша бѣлыя клобуки, зане яко писано есть въ писаніи, еже отъ Димитрія толмача ко Генадію новгородскому епископу о бѣломъ клобукѣ, яко посланъ той бѣлый клобукъ ко Василію епископу новгородскому отъ Филофея патріарха константинопольскаго.... и отъ того времене началъ новгородскій архіепископъ точію единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія архіепископа, а послѣ Генадія пріяша и начаша и московстіи митрополиты и прочіи носити бѣлыя клобуки, яко же видится въ томъ Димитріевомъ писаніи». Но ссылаясь на эти посланія, какъ на историческій авторитетъ, соборъ 1667 года

Digitized by Google

въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній не признаетъ справедливости ни посланія, ни повѣсти: повелѣваемъ еще и писаніе, еже писали есть изъ Рима къ Генадію новгородскому архіепископу отъ Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру иметъ; зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйше возобличатся прочая его блядословія во иномъ писаніи; обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя клобуки, по греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея (Ист. Госуд. Росс. т. IV прим. 360).

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
12	16	имѣніе	мнѣніе
63	3	№ 35	№ 350
74	39	отношеніяхъ онъ	отношеніяхъ къ хозяину онъ
84	18	въ прочихъ	въ прочихъ лѣтахъ.
95	10	отнесится	относится
99	4	ИДАШЄ	ИДАНІЄ
120	7	женъ	жемъ
109	7	терня.	терпя,
114	48	в Вавалонѣ	в Вавилонѣ.
130	3	по содержанія	по содержанію
135	2	о произхожденія	о происхожденіи

Seminar für osteuropäische Geschichte
K. k. Universität Wien

531181

Digitized by Google

KUSHELEVIM - BEZBORODKO

PAMYATNIKI STARINNOY RUSSKOY

LITERATURI"

I

147

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google